

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник научных трудов приурочен к юбилейной дате – 70-летию одного из старейших факультетов Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина – филологического.

Менялись названия, совершенствовалась структура специальностей, но неизменной остается целевая установка деятельности факультета: подготовка учителя с высоким уровнем профессионализма и социальной активности. Созданное в 1944 г. отделение языка и литературы было преобразовано в 1952 г. в факультет языка и литературы, а в 1956 г. – в филологический. За годы деятельности на факультете подготовлено более 7 тысяч квалифицированных специалистов для системы образования Республики Беларусь. Среди выпускников факультета – известные ученые, руководители учреждений образования, мастера педагогического труда.

Факультет обладает высоким научным потенциалом, что позволяет реализовывать широкий спектр образовательных, научно-исследовательских и творческих проектов.

Ученые факультета не только стремятся учитывать традиционные для отечественной науки фундаментальные направления исследований, поддерживать их, но и активно разрабатывают региональные проблемы, связанные с развитием науки, культуры, образования Полесья в современной социокультурной ситуации.

На филологическом факультете уделяется внимание профессиональному росту научных кадров. С этой целью осуществляется подготовка магистрантов по специальностям – языкознание, литературоведение, аспирантов по научным специальностям: русский язык, белорусский язык.

Научно-исследовательская работа осуществляется по нескольким направлениям: выполнение кафедральных тем; выполнение финансируемых тем; участие в реализации международных научных проектов; руководство научно-исследовательской работой студентов, аспирантов, магистрантов; проведение научных мероприятий (конференций, семинаров).

Некоторые результаты научных исследований преподавателей опубликованы в данном сборнике. В первом разделе сборника рассматриваются теоретические и практические аспекты обучения и воспитания в школе и вузе. В работах второго раздела освещаются актуальные проблемы русского и белорусского языкознания. Материалы, посвященные литературоведческой проблематике, включены в третий раздел. В рамках четвертого раздела представлены работы по истории и социально-гуманитарным наукам.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

УДК 37 (476)

В. С. Болбас

РАЗВІЦЦЁ ІДЭЙ МЭТАВЫЗНАЧЭННЯ Ё ЭТЫКА-ПЕДАГАГІЧНАЙ ДУМЦЫ БЕЛАРУСІ Х–ХVІІІ СТСТ.

У артыкуле паказана абгрунтаванне неабходнасці мэтавызначэння як найважнейшай ідэі этыка-педагагічнай думкі Беларусі Х–ХVІІІ стст. Раскрываецца змястоўна-сутнаснае нападўненне маральнага ідэалу ў якасці галоўнай мэты маральнага выхавання.

Пытанне аб мэтах выхавання з'яўляецца адным з самых значных і дынамічных у педагагічнай тэорыі і практыцы. Шэраг навукоўцаў адзначае, патрэбна вылучаць як ідэальныя, так і рэальныя мэты выхаваўчага працэсу [1, 60]. Т. А. Ільіна разглядае тры групы мэт выхавання: генеральную, мэту на пэўным этапе фарміравання асобы і аператыўную [1, 64]. Значнасць пастаноўкі перспектыўных мэт выхавання, якія дазваляюць актывізаваць маральна-стваральную дзейнасць выхаванцаў, падкрэсліваў І. С. Мар'енка [2, 74].

Дастаткова доўгі час у педагагічнай навуцы пад мэтай выхавання разумелася фарміраванне гарманічнай усебакова развітой асобы (А. Д. Алфёраў, Ю. К. Бабанскі, В. Г. Бачарова, Я. В. Бандарэўская, Д. І. Вадзінскі, О. С. Газман, В. М. Коратаў, Б. Т. Ліхачоў, З. А. Мількова, Н. Л. Селіванавы, А. У. Пятроўскі, М. М. Таланчук, І. Ф. Харламаў і інш.). Змяненне сацыяльна-культурнага асяроддзя, дынаміка парадыгм выхавання зрабілі актуальным пытанне аб канкрэтызацыі дадзенага падыходу ў вызначэнні мэт маральна-выхаваўчага працэсу. “Канцэпцыя выхавання дзяцей і вучнёўскай моладзі ў Рэспубліцы Беларусь” у якасці мэты выхавання вылучае адраджэнне самакаштоўнасці асобы ў грамадстве і яе сацыялізацыю [3, 149]. Н. К. Катовіч акцэнтуюе ўвагу на фарміраванні “чалавека-творцы”, “чалавека-дзеяча” [4, 104]. У. Д. Нікандраў слушна адзначае, што выхаванне чалавека ў духу агульначалавечых каштоўнасцей і ёсць правільнае вырашэнне праблемы мэт выхавання [5, 21].

Развіццё ідэі мэтавызначэння ў этыка-педагагічнай думцы Беларусі непасрэдна вызначалася існаваўшай сукупнасцю сацыяльна-духоўных каштоўнасцей грамадства. Грамадскія каштоўнасці выпрацоўваліся пад уплывам шэрагу ўмоў і фактараў, на іх аснове выпрацоўваліся адпаведныя нормы, правілы, прынцыпы адносін, якія ў сваю чаргу пэўна ўплывалі на фарміраванне выхаваўчых мэт.

Ступень адпаведнасці мэт маральнага выхавання рэальна існуючай у грамадстве сістэме каштоўнасцей у многім забяспечвае выніковасць маральна-выхаваўчага працэсу. Мэтавызначэнне маральнага выхавання канцэптуалізуе ідэі этыка-педагагічнай думкі. Тэлеалагізацыя маральных ведаў закладвае асновы распрацоўкі тэорый маральнага выхавання, засцерагае іх ад механістычнасці і фармалізму.

Перспектыўныя мэты выхавання ўвасабляюцца ў маральным ідэале, які змяшчае аксіялагічныя арыентацыі сваёй гістарычнай эпохі. Рэальныя мэты выхавання адлюстроўваюць фарміраванне пэўных адносін да свету, якія канкрэтызуюцца ў адносінах да самога сябе, іншых людзей, грамадства. Гэтая сістэма адносін да быцця ўтрымлівае ўстаноўку на самаразвіццё, самастварэнне, актыўнае і гарманічнае ўваходжанне ў культурна-гістарычны кантэкст соцыуму. Менавіта праз прызму такога падыходу і разглядалася мэта маральнага выхавання ў этыка-педагагічнай думцы Беларусі Х–XVIII стст.

У першабытным грамадстве маральны ідэал з'яўляўся трафарэтным узорам для адпаведных намераў, дзеянняў і ўчынкаў. Ён усёпаглынальна падпарадкоўваўся служэнню людскай супольнасці. Індывідуальнае поўнасцю растваралася ў калектыўным. Існавалі пэўныя адметнасці ва ўяўленні ідэальных маральных якасцей у мужчын і жанчын.

З надыходам хрысціянства адбываюцца істотныя змены як у адносінах да ролі мэтавызначэння ў жыцці асобы і грамадства, так і да яго змястоўнага напаўнення. Найвышэйшай маральнай якасцю абвешчалася любоў. Любоў да Усявышняга, бліжняга і наогул людзей, жывой і нежывой прыроды не абмежоўвалася. І толькі любоў да самога сябе мела жорсткія бар'еры. Адна з яе праяў, гордасць, лічылася найцяжэйшым грахам. У хрысціянстве, па сутнасці, сам сэнс зямнога жыцця зводзіўся да бесперапыннага духоўна-маральнага самаўдасканалення, самабудаўніцтва.

Паступова з расслаеннем у этыка-педагагічнай думцы Беларусі распрацоўваецца маральны ідэал для кожнага саслоўя. Прычым, нягледзячы на пэўныя адрозненні маральных ідэалаў духавенства, шляхты, простых сялян, кожны з іх быў адначасова арыенцірам маральнага – духоўнага ўдасканалення для ўсяго грамадства.

Для ўсяго хрысціянскага свету маральным ідэалам з'яўляецца Ісус Хрыстос, які ўвасабляў у сабе сінкрэтызм празмерна магчымых маральна-духоўных каштоўнасцей, што адлюстроўвалі абсалютныя ісціну, дабро і прыгажосць. Хрысціянская педагогіка прызнавала, што дасягненне такога маральнага ідэалу ў зямным жыцці немагчыма, але ў якасці ўзору дасканаласці, неабходнасці імкнення і пастаяннага руху па набліжэнні да яго ўвогуле ці нават асобных якасцей ён патрэбен чалавеку ў кожны момант жыцця.

З распаўсюджанага на беларускіх землях антычнага разумення тэлеалогіі з амбівалентнай трактоўкай мэты: а) як растлумачальны

прынцып; б) як анталогічная характарыстыка быцця – мэтавызначэнне ў выхаванні ўздымаецца на новы ўзровень.

Так, у этыка-педагагічнай думцы Беларусі эпохі Адраджэння дакладна фармулююцца вывады аб залежнасці сацыяльна-культурнага развіцця грамадства ад правільнага вызначэння мэт маральнага выхавання. Найбольш трапна выразіў гэтыя думкі М. Гусоўскі. На яго думку, нават сам Ісус Хрыстос, якога Бог паслаў на зямлю з місіяй уратавання людзей, “усё ж не здолеў навесці на праведны шлях угаворамі” [6, 173]. Прычынай гэтага М. Гусоўскі лічыў адсутнасць бачнай, канкрэтнай мэты: “Верылі людзі, але чакалі, ці з’явіцца мэта, ці можна будзе прычыны ўбачыць” [6, 173]. Асветнік усведамляў, што імператыўна-павучальныя прадпісанні, якія былі характэрнымі для маральна-выхаваўчых падыходаў сярэднявечча, паступова трацілі сваю эфектыўнасць у новых умовах. Людзі ўсё больш задумваліся над прычынамі, пабуджальнымі матывамі і мэтамі тыхці іншых учынкаў і паводзін.

Францыск Скарына першым на беларускіх землях звярнуўся да забытай у сярэднявеччы антычнай ідэі “калакагатхія”, згодна з якой галоўнай мэтай выхавання з’яўляецца ўсебакова і гарманічна развітая дасканалая асоба. Ф. Скарына сфармуляваў яе наступным чынам: “*Да совершен будеть человек божий и на всяко дело добро уготован, – яко святыи апостол Павел пишет*” [7, 17].

Істотным было тое, што маральная дасканаласць асобы ва ўяўленні айчынных асветнікаў павінна вызначацца актыўнай маральнай дзейнасцю. Яны не падзялялі думкі Сакрата наконт тоеснасці ведаў аб дабрачыннасці і яе наяўнасці ў індывіда. Яшчэ ў старажытны перыяд дабрачыннасць вылучалася ў якасці мэты выхавання [8, 16]. Феадосій Пячэрскі звяртаў увагу на тое, што “*любовь к Богу не в словах совершается, а в действенных делах*” [9, 157]. Больш за тое, асаблівасць маральных рыс і якасцей асобы заключаецца ў тым, што праяўляюцца яны не пад уздзеяннем знешняга ці ўнутранага прымусу (інакш яны б страцілі свой сэнс), а дзякуючы натуральным патрэбам і неабходнасці.

Многія прадстаўнікі Рэфармацыі прытрымліваліся меркаванняў Лютэра і Кальвіна, якія сцвярджалі неабавязковасць добрых спраў. З іх пункту гледжання, Хрыстос сваёй ахвярай выкупіў збавенне людзям і ад іх патрабавалася толькі глыбокая і трывалая вера. У процівагу гэтаму айчынныя прадстаўнікі этыка-педагагічнай думкі заклікалі да рэальных спраў, якія адлюстроўваюць узровень маральнай асобы. Прычым яны падкрэслівалі, што маральныя ўчынкі і паводзіны павінны будавацца толькі на асабістых альтруістычных унутраных памкненнях і ні ў якім разе не выстаўляцца на паказ. З гэтай нагоды слынным беларускі мысліцель XVI ст. Беняш Будны пісаў: “Некаторыя, зрабіўшы чалавеку дабро, кожнаму аб гэтым расказваюць, а часам і выгаворваюць і тым самым зводзяць на нішто свой добры ўчынак” [10, 135].

Як бы падсумоўваючы такія погляды аб гарманічным спалучэнні веры і добрых спраў, Мелецій Сматрыцкі сэнс жыцця кожнага чалавека бачыць у дзейнасці дзеля агульнага добра: “Леч тая вера если ест не мертваю, але живою – з справ и поступков, з необлудной до Бога и до ближнего любви походячих, як дерево з овоцу, познавана бывает” [11]. Мысліцель абгрунтоўваў думку, што як вера павінна падмацоўвацца добрымі ўчынкамі, так і карысныя справы павінны мець добрыя мэты, грунтавацца на духоўных памкненнях. “Без Бога, з давных оных мудрцев мовит некоторыйсь, цнота не ест цнота. Без цноты человек не ест человек, яко бы рекши” [12].

З развіццём на беларускіх землях у XVIII ст. асветніцкага гуманізму адбываецца далейшая “карэкціроўка” мэт маральнага выхавання. Паступовы адыход ад схаластыкі і афіцыйнай тэалогіі, рацыяналістычнае асэнсаванне сутнасці чалавека і асноў грамадскага ўладкавання ўводзілі ў маральна-выхаваўчыя мэты істотны *секулярызацыйны і гуманістычны кампаненты*. Абапіраючыся на жыццесцвярджальныя этычныя ідэі перыяду Старажытнай Русі, развіваючы рэнесансавыя вучэнні мысліцеляў XIV – першай паловы XVII стст., прадстаўнікі эпохі Асветніцтва і папярэдняга ёй перыяду дапаўняюць маральны ідэал шэрагам новых якасцей, некаторым з існаваўшых на другарадных пазіцыях надаюць прыярытэтную ўвагу. Па іх перакананні, годнасць чалавека павінна вызначацца ведамі, а не яго паходжаннем. Прычым, на першае месца вылучаюцца прыродазнаўчыя веды. Яны лічылі, што сама прырода чалавека надзяліла яго “натуральным правам” на свабоду, роўнасць і справядлівасць. Рэктар Віленскай акадэміі І. Страйноўскі пісаў: “Кожны чалавек ад прыроды з’яўляецца гаспадаром асобы сваёй, таму ў адносінах да сваёй асобы ён з’яўляецца ад прыроды свабодным і іншым людзям не падпарадкаваным” [13, 118].

Назіраецца спроба ўзняць маральны ідэал над рэлігійнай і саслоўна-класавай ідэалогіяй. Месца чалавека ў грамадстве вызначае не яго саслоўна-карпаратыўны статус, а сукупнасць асабістых рыс, якасцей і заслуг перад людскай супольнасцю. Маральны ідэал уяўляўся сканцэнтраваннем агульначалавечых фундаментальных каштоўнасцей, дабрачыннасцей. Так, А. Доўгірд перасцерагае, што ў пытаннях выхавання грамадства не павінна зыходзіць з часовых патрэб. Неабходна весці моладзь да мэт вечных, прывіваць агульначалавечыя каштоўнасці, а таксама кіравацца прыроджанымі пачуццямі і імкненнямі [14].

У працах асветнікаў другой паловы XVIII ст. яўна прасочваецца ўплыў рэвалюцыйных і нацыянальна-вызваленчых ідэй. Маральны ідэал у іх трактоўцы нясе на сабе рысы змагара супраць сацыяльнай несправядлівасці. Беларускаім Радзішчавым называюць І. Яленскага, найбольш заўзята пратэставаўшага супраць прыгонніцтва, якое, па перакананні асветніка, з’яўляецца парушэннем натуральнага парадку.

Несправядлівасць узнікла ў выніку ігнаравання законаў чалавечых і боскіх, якія, на думку І. Яленскага, супадаюць [13, 131]. У архівах захоўваецца цікавы рукапіс віцебскага шляхціча С. Зяновіча, дзе ён з рэвалюцыйным запалам занатаваў: “Людзі! Вы адной дарогай з’яўляецеся на свет, аднолькава смерцю прырода завяршае ваша жыццё, вы аднае маці дзеці... адной сям’і родныя браты” [13, 125]. Такім чынам, сцвярджаецца ідэал энергічнага, дзейнага, практычнага, дэмакратычна-арыентаванага чалавека.

Падсумоўваючы вышэйсказанае, можна канстатаваць, што ў якасці арыенціра маральна-духоўнага ўдасканалення вылучаўся маральны ідэал, змястоўна-сутнаснае напаўненне якога мянялася на працягу гісторыі развіцця беларускага грамадства. Але абагульненым ён уяўляў цэласную, цнатлівую, дабрачынна-арыентаваную асобу з актыўнай жыццёвай пазіцыяй і высокім узроўнем маральнай свядомасці і волі, якія прадвызначалі становаўчыя адносіны да маральных каштоўнасцей і ўзорныя паводзіны заўсёды і ва ўсім.

Літаратура

1. Селиванов, В. С. Основы общей педагогики: теория и методика воспитания: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / В.С. Селиванов / под ред. В. А. Сластенина. – 2-е изд., испр. – М.: Изд. центр «Академия», 2002. – 336 с.
2. Марьенко, И. С. Нравственное становление личности школьника /И. С. Марьенко – М.: Педагогика, 1985. – 104 с.
3. Концепция воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь // Нацыянальная сістэма адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь: заканадаўча-правовое забеспячэнне / склад. Е. Л. Петухова. – 2-е выд., дап. – Магілёў: УА МДПУ імя А. А. Куляшова, 2008. – С. 143–170.
4. Катович, Н. К. Личностно-ориентированный подход к деятельности педагога как условие гуманизации учебно-воспитательного процесса / Н. К. Катович // Гуманистическое формирование личности в современных условиях: сб. науч. ст. – Минск: НИО, 1998. – С. 98–107.
5. Никандров, В. Д. Нравственные уроки православия /В.Д. Никандров// Педагогика. – 1997. – № 3. – С.17–24.
6. Парэцкі, Я. І. Паэма Міколы Гусоўскага “Жыццё Іакіфа” / Я.І. Парэцкі // Бел. літаратура і літаратуразнаўства: міжвуз.зб. – Мінск.: Выд-ва БДУ, 1974. – № 2. – С. 156–183.
7. Скарына, Ф. Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / Ф. Скарына / уступ. арт., падрыхт. тэкстаў, камент., слоўнік А. Ф. Коршунава, паказальнікі А. Ф. Коршунава, В. А. Чамярыцкага. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.
8. Лавровский, Н. А. Памятники старинного русского воспитания /Н. А. Лавровский// Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете. Повременное издание 1861 г. – Книга третья. – М., 1861. – 310 с.
9. Печерский, Феодосий. Слово о терпении, и о любви, и о посте / Феодосий Печерский // Златоструй. – С. 156–157.
10. Будный, Б. Собрание нравоучительных, кратких и замысловатых ррчей въ трехъ частяхъ / Б. Будный. – М.: 1788. – 270 с.
11. Смотрицкий, М. Велможной панеи, ей милости паней Анне Ходкевичовне, княгини Корецкой и прочая. Паней нам милостивой, о Господе радоватися /

М. Смотрицкий // Каліст. Евангеліе учителное, албо Казаня на кождую неделю и свята урочистые. – Евь, 1616. – Арк. 1 нн. – 3 нн., 2 нн.

12. Смотрицкий, М. Велможному пану, его милости пану Богдану Богдановичу княжати Соломирицкому, старостичови Кричевскому и олучицкому, дворянинови кроля его милости, пану моему милостивому, о Господе радоватися / М. Смотрицкий // Евангеліе учителное, албо Казаня на кождую неделю и свята урочистыи / Каліст. – Еўе, 1616. – Арк. 1 нн. – 4 нн., 2 адв. Нн. – 2 нн.

13. Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии. Редколлегия: К. П. Буслов [и др.]– Мн.: Наука и техника, 1977. – 280 с.

14. Довгирд, А. О логике, метафизике и моральной философии / А. Довгирд // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: избранные произведения XVI–начала XIX в. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1962. – С. 423–452.

УДК 37(476)

Г. В. Болбас

ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА ПРИРОДОСООБРАЗНОСТИ ВОСПИТАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ БЕЛАРУСИ (XVI–XVII ВВ.)

В статье определены устойчивые направления развития принципа природосообразности воспитания в условиях становления ренессансно-гуманистического сознания, реформационного и контрреформационного движений на белорусских землях в XVI–XVII вв. С позиций системного и целостного подходов выявлена национально-региональная специфика осмысления принципа в отечественной педагогической теории и практике.

Современные тенденции развития отечественного образования обуславливают важность приобщения к мировому педагогическому опыту наряду с актуализацией национальных традиций в сфере воспитания и обучения подрастающих поколений. Такой подход определяется прежде всего необходимостью уравновесить в научных кругах крайние позиции в отношении зарубежного и отечественного педагогического наследия, целесообразностью выявления их культурно-исторических точек соприкосновения при сохранении отличительного и самобытного.

Одним из самых ярких феноменов в истории педагогики выступает принцип природосообразности воспитания, который, на наш взгляд, незаслуженно выступает преимущественно явлением западноевропейской педагогики и связывается с именами ее классиков: Я.А. Коменского, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, А. Дистервега и др. В свою очередь, история развития педагогической теории и практики Беларуси включает в себе значительный и при этом неоправданно не востребованный потенциал по проблемам природосообразного воспитания. Так, малоизвестным остается тот факт, что белорусский просветитель XVII в. С. Полоцкий на двенадцать лет раньше англичанина Дж. Локка обратился к античным идеям «чистой доски» и в своем труде «О воспитании чад» представил

имеющиеся у человека знания не врожденными, а приобретенными от окружающего мира, определяя при этом душу человека «чистой доской»: «Философ умы отрок юных уподобляет скрижали ненаписанной, – подчеркивает мыслитель, – на ней же учитель что-либо хочет написать может» [1, 262]. Например, отечественный мыслитель Я. Доманевский раньше французского просветителя Ж.Ж. Руссо раскрыл проблемы воспитания во взаимоотношениях личности и общества. Многие педагогические понятия, разработанные основателем природосообразной педагогики Я.А. Коменским, опираются на достижения образования и педагогической мысли Речи Посполитой, куда входили белорусские земли и где в течение двадцати восьми лет чешский ученый проживал и работал в школе, изучая и обобщая педагогический опыт, в том числе и белорусских школ.

Необъективный анализ рассматриваемого педагогического явления наряду с доминированием вклада в его развитие зарубежных педагогов обусловил и односторонний подход в осмыслении содержательного наполнения принципа, который преподносится, преимущественно, с позиций антропоцентризма. Идея выделения человека из мира природы ввиду его исключительности, согласование процесса воспитания прежде всего с индивидуальной природой ребенка противоречат идеям отечественных просветителей, которые считали индивидуальность результатом включения в среду, приобщения к общему, универсальному (богу, природе, социуму): идеи универсального блага, общего блага и т.д. Воспитание преследует не только развитие всех имеющихся у ребенка природных потенциалов, но и выступает смыслопорождающим процессом. И именно в понимании приобщения воспитанника к среде рассматриваемый принцип приобретает смыслопорождающий потенциал.

Соотнесение тенденций развития принципа в истории образования и педагогической мысли Беларуси с тенденциями его развития в западноевропейской педагогике способствует системному и целостному осмыслению общего и особенного, европейского и национально-регионального в развитии данного педагогического феномена.

Тенденции и особенности развития принципа природосообразности воспитания в отечественной педагогической мысли и образовании XVI–XVII вв. представляют собой основные направления и специфику разработки исследуемого педагогического явления в условиях становления ренессансно-гуманистического сознания, реформационного и контрреформационного движений на белорусских землях. Гуманизация и рационализация всех сфер жизнедеятельности и, как следствие, утверждение самоценности человека и реального земного мира выступали в качестве важнейших условий, определивших одну из основных тенденций развития принципа: переход в его понимании от сообразности воспитания с законами внешней природы к сообразности с внутренней природой личности. Реализация данной

тенденции на территории Беларуси *происходила в рамках стремления к общему благу*. При этом безусловный приоритет социальнозначимого не отрицал, а, наоборот, определял важность учета в процессе формирования личности ее индивидуальных особенностей. Анализ творческого наследия представителей отечественной педагогической мысли и образовательного опыта свидетельствует о том, что теоретиками и практиками воспитания индивидуальность рассматривалась как результат включения человека в высшую систему мироздания, приобщения к духовному, природному и социальному окружению. Ф. Скорина, например, индивидуальность считал воплощением наивысшей мудрости, которую, в свою очередь, понимал как «...размышление смерти и познание самого себе, и въспоминание на приидушие речи [предвидение грядущих событий]» [2, 29]. Подобные взгляды были присущи и основоположнику природосообразной педагогики Я.А. Коменскому, который определил уровни совершенствования индивида как стадии подготовки к вечности: «познание себя (и вместе с собой – всего); управление собою и стремление к богу» [3, 191]. Однако следует отметить, что Ф. Скорина утверждает иррациональную индивидуальность путём развития сферы подсознания в отличие от Я.А. Коменского, у которого индивидуальность более рациональна. Общим для обоих просветителей является акцент на собственных усилиях человека в процессе самосовершенствования.

Выше обозначенная тенденция обусловила изменение целевых доминант «*всесторонность*», «*целостность*» и «*гармоничность*», которые в начале XVI в. определяли характер отношений формирующейся личности и внешней природы, а в конце XVI–XVII вв. выступали свойствами сугубо человеческой природы. Отличительной особенностью являлось то, что в образовании и педагогической мысли Беларуси данный процесс происходил в тесной связи и посредством отождествления с принципом культуросообразности воспитания.

В качестве тенденции развития принципа природосообразности воспитания в образовании и педагогической мысли Беларуси в XVI–XVII вв. выступала исторически обусловленная трансформация механизмов сообразности воспитания с природой «*слияние*» «*отождествление*» «*диалог*». В контексте культурно-исторического своеобразия белорусских земель подобная трансформация осуществлялась менее интенсивно, так как осмысление и разработка принципа активно происходили в тесной связи с традиционной педагогической культурой, в условиях устойчивых христианских и языческих представлений. Такая особенность проявилась в использовании в процессе воспитания генетических и психологических механизмов взаимодействия воспитанника с природной и социальной средой. Природа, традиции, народное творчество, искусство являлись средствами воздействия на подсознание воспитанника. Значительная роль в формирующем влиянии на человека Н. Гусовским отводилась

национальному искусству и творчеству, которые, воздействуя на бессознательную, духовную, сферу личности, восполняют потребность в связи отдельно взятого человека с народом как единым организмом. В «Песне про зубра» просветитель указывал на магическую силу народного искусства в деле воспитания и удивлялся: «...Чем объяснимы силы, присущие северным травам и слову, песни воздействие мощное?» [4, 139]. По мнению отечественного просветителя М. Литвина подобным эффектом обладает и национальная кухня, поэтому просветитель критикует зажиточную шляхту за то, что она не придерживается обычаев предков и питается «роскошными, привозными кушаньями, пьют разные вина, отчего и разные болезни» [5, 29].

Утверждение ценности интеллекта определило необходимость обращения к разуму человека обычно посредством диалога, метода устного преподавания как природных инструментариев взаимодействия субъектов воспитания, активизации рациональной, эмоционально-волевой сфер личности. Просветители акцентировали внимание на преимуществах и эффективности максимально незаметного для детей воспитательного воздействия со стороны взрослых, результативность приобретения социального опыта связывали с необходимостью более прямого включения в этот процесс самого воспитанника, через непосредственное взаимодействие ребенка с объектами познания. Естественностью природы человека определялась естественность его развития.

Характерное для белорусских земель в рассматриваемый период соперничество школ различных конфессий, их желание расположить к себе как можно более широкие круги населения, создавало благоприятную почву для активного развития принципа природосообразности воспитания в качестве важнейшего условия эффективной организации образовательной среды в учебном заведении. В условиях межконфессиональной конкурентной борьбы использование данного принципа определяло разнообразие способов и приемов привлечения местного населения в образовательные учреждения («благочестивый» облик школ, яркие церковные процессии, театрализованные выставки, публичные представления и диспуты с участием воспитанников, награды и премии и др.). Изучение психологии, опора на законы природы человека и реализация целого ряда психологических приемов во многом обусловили успех и популярность кальвинистских, иезуитских, братских школ.

На протяжении рассматриваемого исторического периода содержательное наполнение принципа природосообразности воспитания значительно обогащалось. Включение формирующейся личности в систему «внешней природы» на данном этапе развития также утверждало *идею оптимизации взаимодействия человека и социума* с целью достижения всеобщей гармонии и блага. Заимствованные из античности гедонистические подходы в стремлении индивида к удовольствию

и счастьем нашли свое отражение в представлениях о человеке как активном и жизнерадостном субъекте. Выражение деятельностной природы человека находило интерпретацию преимущественно через категорию *гражданственности и патриотизма*. Анимистическое понимание природы, традиционно присутствующее в культуре белорусов, во многом обусловило ценностное отношение к окружающей среде и определение в качестве приоритета *формирование у подрастающих поколений природоохранного поведения*. На смену ортодоксальным взглядам о греховности плоти и необходимости ее истязания с целью духовного возвышения индивида постепенно приходит осознание человеческой личности в единстве тела и души, в той целостности, каким его создали Бог и природа. Отсюда, огромный интерес у белорусских мыслителей проявляется к особенностям физической природы человека, а вместе с ней и к вопросам *сохранения и укрепления физического здоровья*, его взаимосвязи с внутренним состоянием индивида. Самосохранение личности лишь в определенных случаях связывалось с ограничением различного рода нагрузок, в остальном же его движущей силой, наоборот, являлась активность индивида, всевозможное использование заложенных природой потенциалов. Н. Гусовский очень точно описывает один из всеобщих законов всех живых систем, которому подчиняется и природа самого человека: «...птицы и звери, которые живут в воде и на суше, гибнут, когда человек очень бережлив к ним. Видел не раз и не два, как уменьшалось рыбы в озерах, где хозяин не давал рыбу ловить рыбакам» [6, 19]. Просветитель считает, что в случае, если человек будет регулярно заставлять работать все свои органы, их функциональное состояние лишь улучшится. Достаточно аргументированно он обосновывает способы улучшения слуха и зрения: «как стараемся мы уловить даже шорох незначительный, звук тогда в наших ушах более выразительно звучит. Предмет, который не близко от нас, когда мы стараемся увидеть, усилие то для глаз – самый целительный бальзам» [6, 22]. Необходимость самосохранения и здоровьесбережения личности, обусловленная стремлением к всеобщему представляла одну из особенностей принципа.

Таким образом, определение тенденций и особенностей развития принципа природосообразности воспитания в истории образования и педагогической мысли Беларуси в XVI–XVII вв. способствует сохранению и развитию национальных воспитательно-образовательных традиций в условиях интеграции в мировое образовательное пространство.

Литература

1. Полоцкий, С. О воспитании чад / С. Полоцкий // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии : избр. произведения XVI – начала XIX вв. / под общ. ред. В.А. Сербента, В.М. Пузикова, П.Д. Пузикова. – Минск : Изд-во АН БССР, 1962. – С. 262–263.

2. Францыск Скарына і яго час: энцыкл. давед. / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1988. – 608 с.
3. Коменский, Я.А. Великая дидактика / Я.А. Коменский // Избр. пед. соч. / под ред. А.А. Красновского. – М., 1955. – С. 164–391.
4. Гусоўскі, М. Песня пра зубра : на лацін., беларус., рус. мовах / М. Гусоўскі ; пер. на бел. мову Я. Семяжона ; пер. на рус. мову Я. Парэцкага, Я. Семяжона. – Мінск : Маст. літ., 1980. – 192 с.
5. Литвин, М. Десять отрывковъ разнообразнаго историческаго содержания (изъ сочиненія) Михалона Литвина «О нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянь» / М. Литвин; пер. С.Д. Шестакова // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. – М. : 1854. – Кн. 2. – Пол. 2. Отд. 5. – С. I–VIII. – С. 1–78.
6. Гусоўскі, М. Песня пра зубра / М. Гусоўскі ; пер. з лац. Ул. Шатона ; прафм. А. Жлуткі. – Мінск : Беларус. гуманіт. адукац. культ. цэнтр, 1994. – 48 с.

УДК 378.1

Емельянова М. В., Исмайлова Л. В.

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА

В статье рассматриваются проблемы реализации дифференцированного подхода в процессе профессиональной подготовки будущего учителя. Дифференцированный подход предполагает организацию учебно-воспитательного процесса в высшей школе с учётом индивидуально-психологических особенностей личности и создание на этой основе типологических групп, дифференциацию содержания образования, методов и форм его изучения. Предлагается характеристика возможных типологических групп студентов и варианты программ работы с ними. Учёт в процессе организации профессионального обучения таких критериев, как обучаемость студентов и их профессиональная направленность позволяет реализовать следующие цели: оптимизация процесса подготовки учителя; формирование творческого, интеллектуального, профессионального потенциала личности; планирование системы профессионального обучения на мотивационной основе.

В условиях современной социокультурной ситуации возрастают требования к подготовке специалистов высшей квалификации. Профессия учителя относится к числу социально значимых, результаты его деятельности по воспитанию и обучению подрастающего поколения проявляются в дальнейшей самореализации учащихся в условиях современного общества.

Специфика функций педагога предполагает органичное сочетание личностных и профессиональных качеств, что отражено в профессиограмме и модели специалиста. Учитывая, что в высшие учебные заведения поступают школьники не всегда с чётко выраженными профессиональными ориентациями, со своими индивидуально-

психологическими особенностями, актуализируется необходимость использования дифференцированного подхода к профессиональной подготовке учителя.

Дифференцированный подход предполагает организацию учебно-воспитательного процесса в высшей школе с учётом индивидуально-психологических особенностей личности и создание на этой основе типологических групп, дифференциацию содержания образования, методов и форм его изучения. Индивидуально-психологические особенности могут быть устойчивыми и изменяемыми. К устойчивым особенностям можно отнести обучаемость личности, качества нервной системы, перцептивной сферы. Обучаемость личности относится к числу наиболее важных критериев дифференциации педагогического процесса. Под обучаемостью мы понимаем совокупность интеллектуальных свойств человека, от которых зависит продуктивность учебной деятельности. Свойствами обучаемости являются:

- а) обобщённость мыслительной деятельности;
- б) осознанность мышления; в) гибкость мыслительной деятельности;
- г) устойчивость мыслительной деятельности;
- д) самостоятельность мыслительной деятельности.

Степень развития и характер сочетания указанных свойств мыслительной деятельности определяют собою индивидуальные различия в процессе обучения и являются её качественными показателями, т. к. каждое из вышеназванных свойств играет существенную роль в определении качества умственной деятельности, направленной на усвоение знаний.

В связи с этим в процессе профессиональной подготовки необходимо обеспечить диагностику обучаемости студентов, структурирование и функциональную наполненность содержания образования, использование личностно-ориентированных технологий обучения, развитие профессионально-педагогического мышления. Уровень развития свойств, характеризующих обучаемость личности, позволяет определить оптимальный путь к достижению поставленной цели. Результаты диагностики и опыт показывают, что условно можно выделить в каждой академической группе следующие подгруппы:

- студенты с высокой обучаемостью (2%);
- студенты со средней обучаемостью (56%);
- студенты с низкой обучаемостью, но желающие учиться (32%)
- студенты, имеющие серьёзные пробелы в обучении и нуждающиеся в индивидуальной помощи преподавателя (10%).

Исходя из особенностей дифференцированных групп студентов, в процессе организации учебной работы необходимо использовать разные виды дидактических заданий. Для студентов с высоким уровнем обучаемости целесообразно предлагать творческие задания, для студентов со средней обучаемостью – задания реконструктивной направленности;

для студентов с низкой обучаемостью – задания репродуктивного характера; студенты, имеющие серьёзные пробелы в знаниях, должны работать в соответствии с индивидуальными заданиями преподавателя.

Варианты возможных программ обучения представлены в следующей таблице:

Варианты программ	Содержание программы	Основные методы и приемы обучения
Программа А (студенты с высокой обучаемостью)	Самостоятельная, творческая деятельность студентов в ситуациях, отличных от обычных	Защита творческих работ и проектов, работа в исследовательских и творческих группах, имитационные и ролевые игры
Программа Б (студенты со средней обучаемостью)	Реконструктивная деятельность студентов в новых условиях с последующим теоретическим и практическим объяснением полученных знаний	Работа с рекомендованной литературой, опорными конспектами, алгоритмами, таблицами и т.д.
Программа В (студенты с низкой обучаемостью, но желающие учиться)	Репродуктивная деятельность студентов, основанная на применении знаний по полученным ранее образцам	Подготовка докладов и рефератов по предложенному плану, решение стереотипных задач и ситуаций.

Так, в процессе организации управляемой самостоятельной работы студентов можно предложить следующие дифференцированные задания к темам «Сущность и структура педагогического мастерства», «Взаимосвязь с театральной и педагогической деятельностью». «Система К.С.Станиславского в работе учителя».

Творческие задания

1. Проанализируйте следующие высказывания:

«Не может быть бесстрастной педагогики! Борьба за человека – это схватка человеческой воли и светлого разума с темными силами бескультурия, моральной распущенности и невежества. Быть педагогом-мастером – значит быть готовым к такой борьбе. Значит быть физически и морально крепким человеком» [1].

«...Первое требование, которое мы предъявляем к учителю, заключается в том, чтобы он был научно образованным профессионалом и истинным учителем раньше, чем математиком, словесником и т.д. Только точные знания, точный расчет могут сделаться истинными орудиями педагога... Ныне педагогика делается настоящим сложным

искусством, возникающим на научной основе. Таким образом, от учителя требуется повышенное знание предмета и техники своего дела» [2].

2. Заполните таблицу, раскрыв профессиограмму учителя:

Квалификационные характеристики			Личностные характеристики		
Общенаучная и специальная подготовка	Психолого-педагогическая и методическая подготовка	Умения и навыки	Интеллектуальная культура	Педагогическая индивидуальность	Личностно-этические качества

3. Развитие творческого воображения

Продумайте и опишите «школу будущего» – какими Вы видите учеников и учителей этой школы? В чем отличия этой школы от современной? Напишите послание ученикам и учителям этой школы.

4. Превратите неинтересный объект в интересный и продемонстрируйте к нему внимание: карандаш, лужа на асфальте, шкаф.

5 Заполните таблицу «Внутреннее самочувствие»

Деятельность актера на сцене		Педагогическая деятельность	
ее элементы	всем этим управляет	ее элементы	всем этим управляет

Реконструктивные задания

1. Составьте программу профессионального самовоспитания, наметив формы работы в соответствии с предложенными разделами:

Самоорганизация	Самонаблюдение	Самопозна-ние	Само-стимулирова-ние	Само-конт-роль
-----------------	----------------	---------------	----------------------	----------------

2. Развитие индивидуальных свойств воображения

Из заданных слов – кабинет, ключ, шляпа, сторож, дождь, лодка, роза, крокодил, тетрадь – составить рассказ, в текст которого включены все эти слова в произвольной последовательности.

3. По мнению психологов, диалог возможен лишь в случае соблюдения следующих правил взаимоотношений:

а) Психологический настрой на актуальное состояние собеседника и собственное актуальное психологическое состояние.

б) Безоценочное восприятие личности партнера, априорное доверие к его намерениям.

в) Восприятие партнера как равного, имеющего право на собственное мнение и собственное решение.

г) Содержанием общения должны являться не прописные истины и догмы, а проблемы и нерешенные вопросы.

д) Персонификация общения – разговор от своего имени, без ссылки на мнения и авторитеты, презентация своих истинных чувств и желаний.

Обсудите эти правила в своей группе. Как они реализуются в школьной практике? Приведите примеры. Дополните названные или предложите систему правил, обеспечивающих продуктивное диалогическое общение.

Репродуктивные задания

1. Понаблюдайте в школе за деятельностью на уроке опытного учителя. Обратите внимание на владение им педагогической техникой.

2. Посетите вместе с кем-либо из коллег урок незнакомого вам (и ему) учителя, желательно в другой школе. Независимо друг от друга охарактеризуйте поведение этого учителя на уроке, пользуясь следующей схемой:

- а) доброжелателен, держится ободряюще, недоброжелателен;
- б) стимулирует инициативу, допускает выражение собственного мнения, свободное поведение учащихся – авторитарен, третирует учащихся, не терпит возражений, собственных мнений, свободной манеры себя держать, одергивает и все время держит учеников под жестким контролем;
- в) заинтересован, активен, «выкладывается» – безразличен, «себе на уме»;
- г) открыт, не боится открыто выражать свои чувства, показывать свои недостатки – думает только о престиже, носит «маску», старается во что бы то ни стало держаться за свою социальную роль;
- д) динамичен и гибок в общении, легко схватывает и разрешает возникающие проблемы, «гасит» возможные конфликты – не видит проблем и не умеет заметить намечающегося конфликта;
- е) вежлив и приветлив с учащимися, уважает их достоинство, индивидуализирует общение с разными учащимися – общается только «сверху вниз», одинаково со всеми, не дифференцируя своего общения;
- ж) может поставить себя на место учащегося, взглянуть на проблему (конфликт) его глазами, создает у говорящего ученика чувство, что его правильно понимают – все видит только «со своей колокольни», невнимателен к говорящему, создает у него ощущение, что его не понимают;
- з) активен, все время находится в общении, держит класс «в тонусе» – пассивен, пускает общение «на самотек».

Оцените эти стороны поведения учителя по пятибалльной системе. Сравните оценки, выставленные вами и вашим коллегой. В случаях расхождения попытайтесь вместе вспомнить, какие отдельные слова, поступки и т. д. привели вас и его к тому или иному мнению.

3. Важное свойство личности учителя – общительность. Познакомьтесь с тем, как А. В. Мудрик, В. А. Кан-Калик определяют общительность. С помощью теста В. Ф. Ряховского определите уровень

свойственной Вам общительности. Познакомьтесь с программой изучения профессионально-педагогической общительности [3, с. 97–105].

К числу изменяемых индивидуально-психологических особенностей личности относятся такие, как интересы, склонности, способности, потребности, ориентации и т. д. Следует учитывать, что интерес к профессии, отношение к ней, потребности и ориентации определяют степень активности студентов в овладении специальными и профессиональными знаниями, умениями и навыками и в конечном итоге влияют на формирование личности специалиста. Профессиональные ориентации студентов условно можно определить, как 1) устойчиво положительные; 2) пассивно положительные; 3) неустойчивые; 4) открыто отрицательные. Работа по корректировке профессиональных ориентаций студентов также должна быть дифференцированной. Так, студентам с устойчиво положительной ориентацией можно предлагать такие задания, как составление и ведение индивидуальных карт личности школьника, организация педагогических десантов «Помощь школе», включение в научно-исследовательскую педагогическую деятельность, разработка тренингов педагогического общения и т. д. Студентам с пассивно положительной ориентацией можно поручать организацию круглых столов, деловых встреч, деловых и имитационных игр педагогической направленности. Студентов с неустойчивой и открыто отрицательной профессиональной ориентацией необходимо чаще включать в изучение педагогического опыта и его анализ, в работу научно-методических педагогических семинаров, в подготовку выставок педагогических и методических работ, а также в организацию диспутов, турниров профессиональной направленности.

При разработке системы заданий представляется важным соблюдение следующих условий:

- направленность заданий на формирование эмоционально-ценностного отношения к процессу подготовки и предстоящей профессиональной деятельности;

- постепенное увеличение сложности заданий и степени самостоятельности студентов при их выполнении;

- вариативность возможности выбора с учетом уровня профессиональной подготовки и индивидуальных особенностей студентов.

Таким образом, учёт в процессе организации профессионального обучения таких критериев, как обучаемость студентов и их профессиональная направленность позволяет реализовывать следующие цели:

- 1) оптимизация процесса подготовки учителя;
- 2) формирование творческого, интеллектуального, профессионального потенциала личности;

3) планирование и осуществление системы профессионального обучения на мотивационной основе.

Литература

1. Азаров, Ю. П. Мастерство воспитателя / Ю.П. Азаров. – М., 1971.
2. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский. – М., 1991.
3. Кан-Калик, В. А., Никандров, Н. Д. Педагогическое творчество / В.А. Кан-Калик, Н. Д. Никандров. – М., 1990.

УДК 373.2.091.313: 001.89

Г. Г. Кит

ПОТЕНЦИАЛ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье раскрыт потенциал исследовательской технологии в обучении младших школьников, проанализированы теоретические основы поисково-исследовательской деятельности учащихся, представлены результаты экспериментального исследования в школах г. Винница (Украина).

Характерной чертой современного образовательного пространства является усиленное внимание к личности, внутренним факторам её саморазвития и самоорганизации. Реализация новых подходов к обучению и воспитанию, которые отвечали бы потребностям развития личности, способствовали бы раскрытию её талантов, нравственно-эмоциональных, умственных и физических способностей, требует поиска нестандартных методов, инновационных технологий, важное место среди которых принадлежит исследовательской технологии. Именно она ориентирует на формирование творческой личности, способной к научным поискам, инновационным превращениям, принятию нестандартных решений, требует наполнения образовательно-воспитательной среды элементами исследования, включения всех участников педагогического процесса в научное творчество. Целесообразность обращения к поисково-исследовательской технологии обучения легко объяснить, исходя из того, что наиболее перспективной является система обучения, укладывающаяся в схему „ученик – технология – учитель”, в контексте которой учитель превращается из авторитарного транслятора готовых идей в педагога-методолога, технолога, активатора (вдохновителя) интеллектуального и творческого потенциала ученика, а ученик становится активным участником, субъектом процесса обучения.

На исследовательские приоритеты в обучении подрастающего поколения указывали выдающиеся философы и педагоги прошлого Я. А. Коменский, Фр. Рабле, М. Монтень, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Й.Г. Песталоцци, А. Дистервег, К. Д. Ушинский, Л.Н. Толстой и др. В XX

столетии внимание к исследовательскому методу и вообще к исследовательской практике учащихся значительно усилилось, подходы к их осмыслению стали более многоплановыми и системными. Особо ценными являются теоретические и практические наработки выдающегося украинского педагога Василия Сухомлинского, который подчеркивал, что проблемы научного исследования собственного труда и глубокого изучения личности ребенка – обязательные элементы как творческой деятельности каждого учителя, так и коллективной творческой деятельности учителей школы, которые должны направлять свои усилия на развитие творческой личности ученика и, в частности, на формирование у него поисково-исследовательских умений. По его мнению, педагогический труд очень близок к научному исследованию, ему свойственны наиболее характерные черты исследовательского поиска, а творческий педагог – это прежде всего педагог-исследователь, который последовательно и неумолимо вводит в мир исследований и своих учеников [1].

Исследовательская деятельность в педагогике освещена также в трудах Ю. К. Бабанского, С. У. Гончаренко, В. И. Загвязинского, В. А. Кан-Калика, А. И. Савенкова, А. Я. Савченко и многих других исследователей.

Полезным представляется опыт зарубежных педагогов-практиков (Нельсона, Байера, Фентона, Джойса, Зухмана, Хувера и др.) по созданию модели учебного процесса как исследования, который получил широкую мировую известность как в школьном так и в вузовском обучении.

Однако, несмотря на разработку отдельных аспектов поисково-исследовательской технологии в некоторых научных теориях, диссертационных исследованиях, монографиях и статьях, целостной дидактической системы, где поисково-исследовательская технология заняла бы центральное место, не создано, тем более внедрения в практику работы общеобразовательных школ исследовательская технология обучения не получила. В то же время необходимость ее применения важна не просто для общеобразовательной школы, а особенно для начальной школы, поскольку именно в младшем школьном возрасте освоение знаний и познавательных умений, в том числе и исследовательских, происходит систематизированно, в тесном единстве, в условиях естественного взаимостимулирования, в гармонии с развитием творческих способностей, на фоне интенсивного формирования психофизических функций личности.

Как известно, большинство детей приходят в школу с интересом и желанием учиться, однако через некоторое время этот интерес угасает. Часто, успешно обучаясь в начальных классах, ребенок начинает отставать в старших. Причины таких явлений психологи усматривают в недостаточном развитии способностей к самостоятельным исследованиям. Чрезмерное увлечение действиями по готовым образцам, характерное для практики обучения младших школьников, довольно

опасно, так как оно ориентирует на механическое запоминание, а не на творческое мышление. Это приводит к задержке развития активной деятельности детей, а также таких качеств их мышления, как глубина, гибкость, критичность, аргументированность и т.д. Школьное обучение ежедневно дает ответы на не поставленные детьми вопросы, что превращает любопытных „почемучек” в серую, безынициативную, равнодушную массу. Исправить эту ситуацию может исследовательский подход в обучении. По словам многих учителей, применение исследовательских методов и приемов в обучении для углубления интереса учащихся к познавательной и творческой деятельности, для формирования у них соответствующих знаний, умений, навыков и научно-исследовательской позиции в восприятии и осмыслении мира отличается высокой эффективностью.

Исследовательское обучение, по мнению А. И. Савенкова, основывается не на передаче готовой информации, а на получении учениками новых знаний и умений при помощи решения теоретических и практических проблем. Суть исследовательского обучения, которое является необходимым элементом учебного процесса в начальной школе, заключается в создании учителем цепи исследовательских ситуаций в различных видах учебной деятельности учащихся и управление их умственно-поисковой деятельностью по формированию новых знаний, представлений и алгоритмов логического мышления путем самостоятельного или коллективного исследования образовательных проблем. Существенным отличием этой технологии является исследовательская деятельность ребенка, которая возникает в конкретной ситуации и заставляет младшего школьника ставить себе проблемные вопросы, формулировать гипотезы и проверять их в процессе умственных и практических операций [2].

Цель применения исследовательской технологии в обучении – приобретение учениками опыта исследовательской работы в познавательной деятельности, развитие их интеллектуальных способностей, исследовательских умений, творческого потенциала и, в конечном итоге, формирование активной, компетентной, творческой личности. Для достижения этой цели необходимо сформировать устойчивый интерес учащихся к познанию мира и исследовательской деятельности, обеспечить высокий уровень их исследовательских умений и навыков, знания исследовательских процедур и методик, понимания роли, ценности исследований в общественном прогрессе. Применение исследовательской технологии поможет решить ряд специальных педагогических заданий: развивать у учащихся интерес к учебным и научным исследованиям, исследовательскую составляющую в их мировоззрении; использовать исследовательские методы в изучении учащимися дисциплин школьной программы, ознакомлении их

с отдельными явлениями, процессами, фактами; обогащать творческие возможности детей путем формирования их исследовательского опыта.

Основой успешной организации поисково-исследовательской деятельности младших школьников могут выступать следующие подходы:

– гуманистический (приоритет общечеловеческих и национальных ценностей, значимость каждого человека, его индивидуальной позиции, точки зрения);

– сравнительный (рассмотрение научных явлений в разных цивилизациях, культурах, социальных общностях, в разных исторических условиях);

– диалогичный (поиск путей взаимопонимания и взаимодействия с теоретическими концепциями и их носителями, которые имеют различные социальные ориентации);

– интегративный (рассмотрение любых научных явлений в их взаимосвязи с жизненным и научным опытом детей);

– личностный (создание каждым исследователем собственной позиции, своего отношения к разным научным и социальным явлениям).

В психолого-педагогической литературе выделяется понятие „учебно-исследовательские умения”, формирование которых есть стратегия исследовательской технологии обучения. Учебно-исследовательские умения включают целый комплекс умений: *операционные* исследовательские умения (умения применять методы научного познания, выдвигать гипотезы, определять цели и задачи исследования, делать выводы из полученных результатов); *организационные* исследовательские умения (умения применять приемы самоорганизации в исследовательской деятельности, планировать научно-исследовательский поиск, проводить самоанализ и самоконтроль, регулировать свои действия в процессе работы); *практические (технические)* исследовательские умения (умения работать с литературой, проводить экспериментальные исследования, наблюдать факты и явления, собирать и обрабатывать данные, внедрять полученные результаты в практическую деятельность); *коммуникативные* исследовательские умения (умения использовать приемы сотрудничества в процессе исследовательской деятельности, принимать участие в обсуждении заданий и распределении обязанностей при проведении коллективного исследования, осуществлять взаимопомощь и контроль, докладывать результаты в ходе анализа в проблемной группе, на научном семинаре, школьной научной конференции).

Важным условием успешного формирования учебно-исследовательских умений есть общая готовность учащихся к поисковой деятельности. Целостная система общей готовности младших школьников к поисковой деятельности, по результатам исследования А.Я. Савченко, включает мотивационную, содержательную, организационно-процессуальную подструктуры, или компоненты [3].

Мотивационный компонент имеет целью пробудить и закрепить у детей положительные эмоции в процессе коллективной учебной деятельности, вызвать интерес, любознательность, желание самостоятельно размышлять и, как результат, устойчивое стремление к поисковой деятельности. Формирование мотивационного компонента должно создавать в обучении особенный эмоциональный микроклимат, который стимулирует интеллектуальные чувства детей: удивление, заинтересованность, увлечение, удовлетворение от осознания преодоления трудностей. У более сильных учеников важно поддерживать чувство неудовлетворения достигнутым, что тоже может быть значительным стимулом интеллектуальной активности.

Содержательный компонент предусматривает организацию учебной деятельности младших школьников в разрезе верхних границ программных требований. Успешное решение учениками проблемных познавательных задач возможно при условии овладения ими твердыми знаниями основ наук, умениями комбинировать их в процессе творческого поиска. Учебный процесс должен быть насыщен развивающими заданиями, проблемными вопросами, исследовательскими проектами.

Организационно-процессуальный компонент направлен на формирование практической готовности учеников к поисково-исследовательской деятельности. В частности, он предусматривает развитие у детей способности к быстрому подбору нужной информации, умения выделять главное, поставить вопросы, увязать известное с неизвестным и т.д. Эти качества формируются только благодаря самостоятельным умственным усилиям, проявляющимся в системной работе мышления, которое объединяет умение сужать поле поиска, выделять скрытые резервы, классифицировать, пользоваться аналогиями, работать с базой данных, выявлять закономерности, выстраивать причинно-следственные связи.

Поисковая деятельность обязательно предусматривает контроль и оценку результатов. *Контрольно-оценочный компонент* также играет стимулирующую роль в поисковой деятельности младших школьников. Своевременная и объективная оценка учителем успехов ребенка в решении проблемных познавательных задач, подбадривающее оценочное суждение значительным образом определяет интеллектуальную активность ученика, стремление достичь результата, почувствовать уверенность в будущем успехе. Созданию необходимого мотивационного настроения младших школьников содействует умелое использование учителем игровых приемов, ситуаций обращения к любимым сказочным героям, местному материалу.

Проведенное нами исследование в общеобразовательных школах г. Винницы показало, что 90,5% учеников III–IV классов испытывают положительные эмоции во время выполнения поисково-исследовательских заданий, что повышает их познавательную активность, чувство уверенности в своих силах, настойчивость, стремление добиться положительного результата. Но не все учителя одинаково трактуют сущность самих дефиниций „исследовательское обучение”, „исследовательская технология”. К сожалению, массовый опрос учителей Винницкой области показал, что почти половина из них поверхностно понимают рассматриваемую технологию, подменяя целостность планирования, организации и внедрения технологических аспектов исследовательской деятельности использованием ее отдельных приемов, операций, что, соответственно, требует специальной подготовки учителей к использованию технологии обучения как исследования.

Заслуживает внимания и позиция учителей по вопросу возраста учащихся, наиболее благоприятного для привлечения детей к исследовательской деятельности, экспериментированию. Больше половины (53,2%) опрошенных учителей отдали предпочтение дошкольному возрасту, четверть (24,8%) – младшему школьному, 19,3% – среднему и 2,7% – старшему школьному возрасту. Однако экспериментальные выводы, практика школьных и дошкольных учреждений, изучение возрастных особенностей детей дает основание утверждать, что именно младший школьный возраст, особенно III–IV классы, являются сенситивным для активного участия в исследовательской практике, развития у детей поисково-исследовательских качеств и умений.

Проектирование исследовательской технологии в плоскость учебных дисциплин дает основание утверждать, что наиболее приоритетными в этом направлении являются естественно-математические (им отдали предпочтение 59,2% опрошенных учителей начальных классов), гуманитарные дисциплины оценены 27,6% респондентов и художественно-эстетические – 13,2%. В целом 92,4% учителей считают, что все предметы начальной школы могут обеспечить формирование исследовательского потенциала учащихся при условии их профессионального построения.

Исходя из этого, важно подчеркнуть, что эффективность исследовательской деятельности учеников, особенно младших школьников, зависит от квалифицированного педагогического руководства. Учителя, ориентируя познавательный процесс на применение исследовательских методов, должны учитывать, что склонность детей к исследовательской деятельности в значительной степени индивидуальна. Об этом свидетельствует своеобразие развития их познавательных

интересов, аналитических способностей, психических процессов, трудолюбия, воли и т.д. Исходя из этого, есть все основания считать исследовательскую технологию личностно ориентированной по характеру, проявляющуюся в оптимальном воздействии исследовательской деятельности учащихся на формирование их личностных качеств. Таким образом, педагогическое руководство должно осуществляться в отношении личной заинтересованности и возможностей ребенка без вмешательства в процесс его собственных исследований, оставив за ним право выбора как поля, так и методов, альтернативных вариантов исследования.

Исследовательская практика предполагает сотрудничество юного исследователя и педагога, построенное на их духовной общности, на признании независимости ребенка, на взаимном уважении и взаимной заинтересованности в обоюдном успехе и результате деятельности. Только при наличии благожелательного партнерства создается благоприятный психологический микроклимат, который положительно влияет на развитие индивидуальности ребенка и его самореализацию.

Поисково-исследовательская деятельность детей младшего школьного возраста при условии компетентного педагогического руководства, созданной развивающей среды объединяет в себе задачи обучения и стимулирования саморазвития личности, что способствует формированию интеллектуальной, нравственной, творческой культуры, опыта социальных отношений и коммуникации, жизненному самоопределению. Решаются первостепенные задачи современного образования: не просто давать знания, а таким образом организовывать учебно-познавательную деятельность, чтобы она готовила детей к преобразованию знаний в инструмент творческого освоения мира.

Перспективу дальнейших исследований усматриваем в разработке вопросов подготовки педагогических кадров для системы начального образования, которые бы владели технологией организации творческой поисково-исследовательской деятельности детей младшего школьного возраста.

Литература

1. Сухомлинський, В. О. Розмова з молодим директором школи / В. О. Сухомлинський // Вибрані твори: в 5-ти т. – К.: Рад. школа, 1977. – Т. 4. – Рад. школа, 1977. – С. 391-626.
2. Савенков, А. И. Методика исследовательского обучения младших школьников / А.И. Савенков. – М.: Дом Федорова, 2010. – 192 с.
3. Савченко, О. Я. Розвиток пізнавальної самостійності молодших школярів / О.Я. Савченко. – К., 1982. – 176 с.

ПРИНЦИПЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА К ОБРАЗОВАНИЮ

Рассматривается проблема становления этнокультурного подхода в философии образования, дается характеристика принципа этнокультурности как конкретно-научного, отмечается его связь с принципами народности и культуросообразности. Формулируется определение этнокультурного подхода к образованию, его значимость для образовательной практики.

На современном этапе развития цивилизации учеными отмечается значимость и важность этнокультурной направленности образования, развития национального, этнокультурного образования [1, 49, 164, 168]. Можно констатировать постоянно растущий интерес и актуальность этнокультурной направленности образования.

Сущность понятия «этнокультурная направленность образования» В. К. Шаповалов усматривает в том, что «оно должно обеспечить ориентацию образовательного процесса, его педагогических основ на развитие и социализацию личности как субъекта этноса и как гражданина многонационального государства, способного к самоопределению в условиях мировой цивилизации» [2, 63].

Этнокультурная направленность образования проявляется в становлении образования в аспекте этнокультурного подхода. Подход – это совокупность принципов, которые определяют стратегию педагогической, теоретической, научно-исследовательской, практической деятельности [3, 69]. Этнокультурный подход к образованию базируется, в частности, на принципе этнокультурности. Рассмотрение сущности принципа этнокультурности связано с двумя метапринципами общенаучного уровня: народности (Я. А. Коменский, М. В. Ломоносов, К. Д. Ушинский и др.) и культуросообразности (А. Дистервег). Однако принцип этнокультурности не просто учитывает их основные положения, но и включает в себя новые положения в соответствии с современными тенденциями в мире и образовании.

В связи с вышесказанным мы трактуем принцип этнокультурности (педагогический) как объективное и нормативное положение, направленное на реализацию задач этнокультурного обучения, воспитания, развития, формирование у подрастающего поколения гражданственности, патриотизма, этнического самосознания, толерантности, способности к поликультурному общению; развитие комплекса этноориентированных психических новообразований и способностей; освоение ценностей традиционной культуры своего народа и других народов, приобретение этнокультурных знаний, умений, навыков, этнокультурного опыта, которые обеспечат становление этнокультурной и поликультурной личности.

В структуре методологического знания выделяются четыре уровня: философский, общенаучный, конкретно-научный и технологический. Принцип этнокультурности в большей степени применим на конкретно-научном и частично на технологическом уровнях; он очень актуален для педагогических исследований, создания образовательных и воспитательных концепций в области этнокультурного образования. Использование принципа этнокультурности в педагогической практике на конкретно-научном уровне:

- поможет разработать педагогическую теорию этнокультурного (в том числе этнохудожественного, этномузыкального) образования, определить основной вектор ее структуры, логику и смысл педагогического исследования в данной области;

- обеспечит уточнение, обогащение понятий и терминов в этнокультурном образовании;

- позволит определить структуру, логику организации, средства этнокультурного образования;

- обеспечит всесторонность получения информации о путях развития этнокультурного образования;

- поможет рассмотреть этнокультурное образование системно, во взаимосвязи элементов и явлений;

- выявит и разрешит противоречия, возникающие при разработке теории этнокультурного образования;

- будет ориентировать педагогические исследования на практику этнокультурного образования, на ее преобразование, обеспечит связь теории и практики этнокультурного образования;

- будет способствовать изучению процессов этнокультурного обучения, воспитания и развития с позиций их обусловленности внешними и внутренними факторами;

- позволит рассмотреть этнокультурное обучение, воспитание и развитие с позиций различных наук: этнопедагогики, этнопсихологии, антропологии и др., ориентировать педагогов на современные образовательные концепции;

- поможет определить цель исследования с учетом современной социокультурной практики, состояния этнокультуры, этнокультурного образования, уровня развития педагогической науки;

- укажет путь достижения научно-исследовательской цели, которую ставят перед собой педагоги, занимающиеся этнокультурным образованием;

- позволит педагогам получать определенным способом этнокультурные знания в постоянно меняющемся поликультурном мире.

Использование принципа этнокультурности в педагогической практике на технологическом уровне будет способствовать обоснованию

технологий этнокультурного образования, программ, педагогических условий, форм и методов.

Кроме принципа этнокультурности важнейшими составляющими этнокультурного подхода к образованию являются:

– принцип диалога культур (М. М. Бахтин, В. С. Библер и др.), который можно трактовать как объективное и нормативное положение, направленное на решение задач этнокультурного образования с опорой на взаимодействие этнических культур, на постоянный обмен между участниками педагогического процесса этнокультурными смыслами, ценностями и становление на этой основе личностных смыслов, ценностных ориентаций, гуманитарного мышления, таких качеств личности, как этнокультурная идентичность, этнокультурная толерантность, способность к этнокультурному общению, взаимодействию, взаимообогащению, к взаимопониманию людей разных национальностей;

– принцип культуротворчества (Е. В. Бондаревская, А. Я. Данилюк, Н. Е. Лаврухин и др.), который мы понимаем как объективное и нормативное положение, направляющее образование на стимулирование творческой активности человека, рождение культурных ценностей, смыслов и на творческое постижение ранее созданных культурных ценностей и смыслов, их инкультурацию в акте свободного творческого процесса;

– принцип толерантности (И. В. Воробьева, Л. П. Ильченко и др.), представляющий собой объективное и нормативное положение, связанное с формированием человека, уважающего различные этнические культуры и народы, обладающего активной нравственной позицией, ориентированной на принятие общечеловеческих ценностей как основы коммуникации, сосуществования с другими людьми, толерантным сознанием, готовностью к диалогу, сотрудничеству между культурами, народами, конфессиями;

– принцип связи образования с этнокультурно-просветительской практикой и этнокультурной средой, который представляет собой объективное и нормативное положение, направленное на обеспечение тесной связи образовательных учреждений, семьи, учреждений, продуцирующих и организующих явления этнокультурного плана как основы для приобщения подрастающего поколения к родной культуре и культуре других народов.

Таким образом, этнокультурный подход к образованию – это подход, опирающийся на принципы этнокультурности, диалога культур, культуротворчества, толерантности, связи образования с этнокультурно-просветительской практикой и этнокультурной средой, основанный на учете ключевых этнокультурных традиций в образовании с целью формирования этнокультурной личности в ходе социализации и инкультурации, обладающей развитым этническим самосознанием, этнокультурной идентичностью, личностной этнической культурой,

толерантностью и базовыми социокультурными идентичностями (гражданской, конфессиональной), способной к восприятию и ретрансляции этнокультуры, к межэтническому и межкультурному общению.

Особое место в этнокультурном подходе к образованию занимает направленность на этнокультурное воспитание. При этом, исследователь должен осознавать всю сложность термина «национальная культура». Современный образовательный процесс склонен оперировать понятиями «интеграция», «глобализация». Но при этом, нельзя пренебрегать национальной культурой, т.к. именно из наилучших достижений всех национальных культур и состоит мировая (общечеловеческая) культура. Национальную культуру стоит рассматривать как стержень духовной культуры всего мира. Также как понятие культура тесно связана с пониманием природы человека, так и понятие национальной культуры теснейшим образом связано с пониманием природы этноса [4, 54].

Анализируя работы по проблеме этнокультурного воспитания, можно отметить, что оно нацелено, с одной стороны, на формирование ценностных ориентаций, культурных потребностей на основе национальной, региональной и мировой культур, культурного плюрализма, толерантности, с другой – на становление личности на основе этнических, культурных ценностей наших предков, осознающей свои истоки, любящей свою землю, родину. Этнокультурная направленность воспитания позволит приостановить процесс увлеченности молодежи низкопробной массовой культурой, положительно скажется на становлении нравственности и духовности учащихся.

Этнокультурный подход к образованию является важным методологическим и теоретическим обоснованием современного образования в целом. Значимость использования этнокультурного подхода в образовании заключается в том, что он:

– будет способствовать формированию гражданского и патриотического сознания, любви к малой и большой Родине, уважения к этносам, проживающим на территории региона, страны, мира, и их культурам, толерантности, что в целом обеспечит становление гражданина страны и мира, представителя своего региона, этноса, приведет к гармонизации межэтнических взаимоотношений;

– позволит сохранить, развить и ретранслировать подрастающему поколению культуру родного народа в контексте мировой культуры, что будет способствовать формированию этнического самосознания, этнокультурной, поликультурной, межкультурной, конфессиональной идентичности, способности к диалогу, к межкультурному общению и сотрудничеству, в целом сохранит культуру народов и этносы, обеспечит их взаимодействие, обмен этнокультурными ценностями;

– обеспечит определенный уровень развития личностной этнической культуры детей и подростков, этнокультурной и поликультурной компетентности, овладения этнокультурно-творческой деятельностью, что позволит каждому ребенку этнически самореализоваться, почувствовать

свою защищенность, принадлежность к определенному этническому сообществу;

– будет способствовать не только становлению этнокультурной личности, но и сохранению, развитию этнической культуры, внесению нового энергического посыла в ее жизнедеятельность. Особенно ценен этнокультурный подход как гарант сохранения этнического своеобразия в художественном творчестве, что делает каждую этническую культуру особенной, отличной от других;

– наряду с поликультурным и межкультурным подходами обеспечит органичное соединение образования страны с мировым, глобальным образованием, высокий стандарт образования в целом, что позволит учащимся социально и культурно адаптироваться в любой поликультурной среде.

Таким образом, очевидны важность и актуальность рассмотрения сущности этнокультурного подхода к образованию, необходимость использования его в образовательной практике.

Литература

1. Этнопедагогика: история и современность: материалы Международ. науч.-практ. конф., Мозырь, 17–18 окт. 2013 / УО МГПУ им. И.П. Шамякина; редкол.: В. С. Болбас [и др.]. – Мозырь, 2013. – 295 с.

2. Шаповалов, В. К. Этнокультурная направленность российского образования / В. К. Шаповалов. – М.: Владос, 2002. – 232 с.

3. Поташник, М. И. Проблемы оптимизации в педагогике / М. И. Поташник // Сов. педагогика. – 1985. – № 2. – С. 5–12.

4. Салеев, В.А. Введение в культурологию: пособие: в 2 ч. / В. А. Салеев. – Мозырь: УО МГПУ, 2004. Ч.1. – 96 с.

УДК 371.78

Т. В. Маслич

САМОПОЗНАНИЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье рассматриваются понятия «личность», «самопознание», «феномен», «Я-концепция». Процесс самопознания раскрывается как важнейший механизм трансформации личности всубъекта жизнедеятельности, способного определять цели своей жизни и находить оптимальные средства их достижения, выработать жизненную позицию и гуманистическое видение мира, продуктивно разрешать противоречия между потребностями и интересами своей личности и требованиями социальной среды.

Проблема самопознания представляет не только личностный интерес человека к самому себе и своим особенностям, но и практический интерес для исследователей многих научных направлений. Задача изучения внутреннего мира человека в аспекте его личностных особенностей, а также адаптация внутреннего мира человека к внешним условиям,

к обществу – актуальна для каждой эпохи. В социально-философской мысли самопознание рассматривается как «высшая цель философского исследования» [4, 444] и как «...первая наука о системе философии...» [11, 177].

Процесс самопознания является очень многогранным, охватывающим весь жизненный путь человека, зависящим от духа времени, требований, выдвигаемых обществом человеку, а также требований человека к самому себе. Вряд ли найдётся человек, который не пытался хотя бы однажды задать себе вопросы о смысле своего существования, об отношении к себе других людей, и, конечно, о том, кем же он является на самом деле. Ответы на эти сложные философские вопросы каждый человек находит индивидуально. В основе самопознания лежат глубинные вопросы сущности человека, ответы на которые он и находит в своём внутреннем мире.

Особенно актуально вопрос о самопознании личности звучит сегодня, во времена сложных экономических преобразований общества, когда самопознание выступает как необходимое условие целостного и гармоничного восприятия человеческого бытия. Познавая себя, человек не просто стремится к пониманию цели личностного бытия, самополаганию себя через осмысление своего предназначения, но и обуславливает своё самосовершенствование.

Самопознание личности невозможно в отрыве от объективной реальности, от социальных отношений в обществе. Поэтому рассмотрение самопознания не представляется возможным без осмысления понятия «личность». Человек – существо биосоциальное. Наделённый сознанием, как биологическое существо, он способен познавать окружающий мир и самого себя и, основываясь на это, разумно действовать. В то же время человек – существо социальное, что позволяет говорить о личности как совокупности системы общественных отношений, выполняющей различные социальные роли.

В различных науках категория «личность» трактуется по-разному. В психологии, например, под личностью понимается человек, достигший определённого уровня развития. «Этот уровень характеризуется тем, что в процессе самопознания человек начинает воспринимать и переживать самого себя как единое целое, отличное от других людей и выражающееся в понятии «Я» [2, 464]. Для социологии личность выступает как «продукт общественных отношений, как субъект общественной жизни, как элемент общности» [10, 66]. Во взглядах большинства современных социальных философов (А. Г. Спиркина, В. С. Барулина, О. А. Митроненкова) под личностью понимается каждый человек в совокупности его общественных характеристик. Другая группа философов (С. Э. Крапивенский, И. А. Гобозов, А. Е. Ерыгин и др.) придерживаются точки зрения, при которой всякая личность является человеком, но не всякий человек –

личность. К тем, кто личностью не является, относятся психически нездоровые люди, которые не несут ответственность за свои действия или те, кто не способен оказывать активных воздействий на конкретные исторические общественные процессы.

Степень проявления индивидуальности у разных людей различна. Поэтому человек становится личностью, когда начинает проявлять свою индивидуальность, обладая представлением о собственном «Я». И. Кант даёт следующее определение личности: «то обстоятельство, что человек может обладать представлением о своём «Я», бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на Земле. Благодаря этому он личность» [5, 357].

Исходя из этого, личность можно рассматривать в совокупности биогенетических задатков, воздействия социальных факторов и психосоциального ядра «Я». Личность – это конкретный человек как носитель разума, сознания и социальной ответственности. Чем креативнее сознание и чем выше самосознание человека, тем полноценнее и ярче проявляет себя личность.

В работах Серикова В. В. обозначены те проявления человека, которые реализуют феномен «быть личностью». В качестве таких функций выделены:

- мотивирующая (принятие и обоснование деятельности);
- опосредующая по отношению к внешним воздействиям и внутренним импульсам поведения);
- коллизийная (видение скрытых противоречий действительности);
- критическая (в отношении предлагаемых извне ценностей и норм);
- рефлексивная, смыслотворческая, ориентирующая (построение личностной картины мира – индивидуального мировоззрения);
- функция обеспечения автономности и устойчивости внутреннего мира;
- творчески преобразующая, самореализующая (стремление к признанию своего «Образа Я» окружающим);
- обеспечение уровня духовности в соответствии с притязаниями (предотвращение редукции жизнедеятельности к утилитарным целям) [8, 42–43].

Эти функции возникают в результате углубленной работы самопознания.

Нельзя не отметить необходимость и важность процесса самопознания в жизни каждого человека, однако, зачастую для человека важно не только выяснить, кто он есть на самом деле, а придти к необходимости задать себе такой вопрос.

Таким образом, процесс самопознания следует рассматривать с точки зрения погружения человека в глубины своего «Я», итог которого позволит ему выявить свои личностные качества, поможет понять

и проанализировать процессы и состояния, наполняющие его жизненный путь, оценить и развить свой внутренний потенциал.

Сознание человека – это внутренний мир его мыслей, чувств, поток переживаний, которые не воспринимаются непосредственно органами чувств и принципиально не способны стать объектами предметно-практической деятельности. Активно направленное воспитание и образование формируют самосознание, благодаря которому и складываются представления о своей индивидуальной неповторимости и месте в этом мире.

Познавая себя, личность открывает те стороны и качества, которые находятся в глубине её души, то, что мы называем «внутренним миром» или «внутренним «Я». Таким образом, возникает вопрос о том, что же представляет собой внутренний мир человека? На наш взгляд, под «внутренним миром человека» следует понимать его духовный мир, познание которого приводит к пониманию собственных ценностей, противоречий, желаний, целей, взаимосвязанных с внешним миром, включающим в себя окружающую его действительность и происходящие в обществе процессы.

Рассматривать процесс самопознания лишь с точки зрения прибавления знаний о самом себе будет неверно. В основе самопознания лежит также изменение собственного бытия личности, его внутренняя трансформация. Иными словами, самопознание можно рассматривать как фундаментальную основу становления и изменения человека в ходе его жизнедеятельности, поскольку «мало *родиться* человеком, нужно *стать* им» [6].

Известное высказывание Протагора о том, что «человек есть мера всех вещей» [3] применимо к процессу самопознания. То, по каким параметрам человек измеряет самого себя, и лежит в его основании. Самопознание представляет собой инструментарий, с помощью которого человек способен открыть свой личностный и творческий потенциал, определить пути самореализации.

Самопознание – это особый вид познания, направленный на осмысление человеком своего внутреннего мира. На основании данного осмысления строится не только осмысление и понимание внутренней составляющей личности, но и формируется основа понимания других людей, законов высшего мира и места человека с его особыми индивидуальными особенностями в этом мире.

Жизнь динамична, она представляет собой цепь быстроизменяющихся событий. В этой ситуации у человека возникает потребность познания самого себя. Происходит это через погружение в глубины своего внутреннего «Я». Однако самопознание превращается в осознанную деятельность только тогда, когда носит целенаправленный характер и определено конкретной целью.

«Современный философский словарь» под редакцией Е.В. Кемерова определяет «Я» как понятие, во-первых, для определения действующего агента, во-вторых, для фиксации центра инициативы или сущности личности, источника её активной деятельности, в-третьих, для фиксации ментальной репрезентации личности, её самосознания, её представлений о себе[1].

Эквивалентом русского «Я» является латинское «Эго» и английское «I». Категория «Я» (Эго) представляет собой сложное философское понятие, которое является многослойным и многоаспектным. Самосознание – это духовная практика погружения личности в глубины своего «Я» с целью прояснения его содержания и выявления происходящих в нем процессов. Раскрытие «механизмов» процесса самопознания личности без осмысления роли «Я» не представляется возможным. В сущности «Я» осуществляется представлением человека о самом себе, выбором жизненного пути, убеждениями, установками, усвоенными нормами и целями, личностными идеалами.

Отличное от других определение Я-концепции предложил К. Роджерс, по мнению которого «Я» – это дифференцированная часть феноменального поля, или поля восприятия человека, которая состоит из осознанного восприятия и ценностей «Я» [7]. Он утверждал, что единственной реальностью, с точки зрения восприятия человека, является субъективная реальность – личный мир его переживаний. Центральное место в этом субъективном мире занимает Я-концепция, – включающая представление о себе, однако отражающая те характеристики, которые человек воспринимает как часть себя.

Первоначальное отношение К. Роджерса к термину «самость» как к «неясному» и бесполезному с научной точки зрения переросло в осознание того, что значение «самости» является важным фактором достижения «реальной сущности», основанной на познании человеком внутреннего «Я». Отношение человека к самому себе с позиции сущностно-образующего фактора и есть его «самость», отражаемая в его сознании в виде «образа Я» и обеспечивающая внутреннюю индивидуальную целостность человека.

Феноменалистический подход к пониманию «Я-концепции», развитый К. Роджерсом, основывается на следующих положениях:

- «Я-концепция» представляет собой организованную, логически последовательную и интегрированную систему восприятия «Я»;
- «Я-концепция» включает в себя не только восприятие индивидом того, какой он есть, то есть некий набор образов «Я», но также и то, каким он должен быть и хотел бы быть. Этот последний компонент «Я» называется «Я-идеальное»;

– «Я-идеальное» отражает те атрибуты, которые человек хотел бы иметь, но пока не имеет; это «Я», которое человек больше всего ценит и к которому стремится;

– «Я-концепция» возникает в результате взаимодействия с окружающей средой, в результате эволюционного взаимодействия с другими;

– «Я-концепция» – это одновременно и представления и внутренняя сущность индивида, которая тяготеет к ценностям;

– «Я-концепция» – это механизм, регулирующий поведение индивида и направляющий его активность;

– вместе с «Я-концепцией» развивается потребность субъекта в позитивном к нему отношении со стороны окружающих, что обозначает положительное отношение к нему как к человеку безусловно ценному, независимо от того, в каком положении он находится, как себя ведёт, как чувствует;

– положительное отношение окружающих превращается в положительное отношение личности к самой себе, в веру в себя, способствует сближению «Я-реального» и «Я-идеального».

«Я-идеальное», согласно теории К. Роджерса, включает в себя те атрибуты, которые человек хотел бы иметь, но пока не имеет. Это Я, которое больше всего ценит и к которому стремится человек.

Структура самости рассматривается психологом как «организованная, подвижная, но последовательная концептуальная модель восприятия характеристик и взаимоотношений «Я», или самого себя, и вместе с тем система ценностей, применяемых к этому понятию [7].

Отношение человека к самому себе с позиции сущностно-образующего фактора и есть его «самость», отражаемая в его сознании в виде «образа Я» и обеспечивающая внутреннюю индивидуальную целостность человека. Поэтому с помощью «образа Я» человек определяет свою жизненную программу и осуществляет реализацию поставленных на её основе целей и задач.

«Я» человека несёт в себе одновременно индивидуальный и социальный характер и проявляется в обществе в процессе совместной деятельности. Поэтому сам по себе индивидуальный организм не может отождествляться с «Я» как результат только биологической эволюции. Только в процессе самопознания, условием возможности которого является его социализация, когда человеческий индивид становится для самого себя объектом внимания, в его сознании возникает понятие «Я». Именно в этот момент человек относится к себе как к объекту, он становится подлинным человеком, личностью, самостью, «собственным Я».

Литература

1. Современный философский словарь / Азаренко, С. А., Андрианов, В. М., Анкин, Д. В., Багаев, К. Ю., Белоковыльский, М. С. / В.Е. Кемеров [общ.ред.], Т.Х. Керимов (сост.и ред.). – 3-еизд., испр. и доп. – М., 1975. – 864 с.
2. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М.: Наука, 1968. – 464 с.
3. Философский энциклопедический словарь / Ильичёв, Л. Ф., Федосеев, П. Н., Ковалёв, С. М., Панов, В. Г. /под ред. Л.Ф. Ильичёва. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
4. Кассирер, Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер // Избранное. Опыты о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – 779 с.
5. Коган, Л.Н. Труд и красота / Л.Н. Коган. – М.: Соцэкгиз, 1963.
6. Маслоу, Абрахам. Мотивация и личность / Абрахам Маслоу.– 3-е изд. – Санкт–Петербург: Питер: Мир книг, 2011. – 351 с.
7. Роджерс, Карл Р. Становление личности / Карл Р. Роджерс.– М.: ЭКСМО-пресс, 2001. – 414 с.
8. Сериков, В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем / В. В. Сериков. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. – 272 с.
9. Тронский, И. М.История античной литературы / И. М.Тронский. – М.: Высшая школа, 1988.
10. Шорохова, Е.В. Социально-психологическое понимание личности / Е. В. Шорохова // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975.
11. Шпет, Г. Очерки развития русской философии / Г. Шпет. – Петроград: Колос, 1922.

УДК378.016:[373.2.015.31:52]

Л. А. Присяжнюк

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ К ФОРМИРОВАНИЮ У ДЕТЕЙ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В статье обосновывается необходимость специальной подготовки будущих воспитателей детских садов к формированию у дошкольников астрономических представлений. Приведены результаты экспериментального исследования, посвящённого изучению уровня сформированности у детей представлений о Космосе, а также самооценки воспитателями собственной профессиональной деятельности в этом контексте. Раскрыты некоторые методические аспекты исследуемой профессиональной подготовки студентов в вузе.

Формирование у детей целостной, реалистической картины мира, основ мировоззрения признана одной из концептуальных основ нового Базового компонента дошкольного образования в Украине, вступившего в силу с сентября 2012 года. В соответствии с этим содержанием документа предусмотрено формирование доступных ребенку дошкольного возраста представлений, эталонов, отражающих признаки, свойства и отношения объектов окружающего мира [1].

В системе представлений ребенка-дошкольника особое место занимают природоведческие представления, составляющие основу содержания образовательной линии “Ребенок в естественной среде”. К ним отнесены и представления о космических объектах (содержательный компонент “Вселенная”). Как показывает практика, это один из самых сложных аспектов содержания естественнонаучного образования ребенка дошкольного возраста, ведь астрономия – наука абстрактная, которая оперирует большими числами и величинами, объектами, которые нельзя увидеть непосредственно. Сложность учебного материала, возрастные особенности его восприятия дошкольниками вызывает необходимость педагогически целесообразного руководства этим процессом путем методически грамотного использования адекватных содержанию форм, методов, средств и приёмов работы с детьми в соответствии с каждым возрастным периодом. В связи с этим становится актуальной проблема специальной подготовки будущего воспитателя ДОО к формированию у детей дошкольного возраста астрономических представлений.

Статья посвящена обоснованию необходимости специальной подготовки будущих воспитателей к формированию у дошкольников астрономических представлений, а также раскрытию некоторых её методических аспектов. В процессе исследования использован комплекс методов, среди которых: теоретический анализ проблемы, педагогический эксперимент, беседа, педагогическое наблюдение, анализ и интерпретация детских творческих работ

В процессе анализа психолого-педагогической и методической литературы была зафиксирована многоаспектность подходов в исследовании обозначенной проблемы. В частности, концептуальные основы подготовки будущего педагога в условиях современного вуза заложены в исследованиях В. Андрущенко, С. Гончаренко, И. Зязюна, В. Кременя, В. Лугового, Ю. Малёванного и др. Теоретико-методические аспекты формирования профессиональной компетентности будущего воспитателя ДОО содержат труды Л. Артёмовой, Н. Лысенко, О. Богинич, Н. Кирсты, О. Кононко, Ю. Косенко, Т. Пониманской и др. В научно-методической литературе в определённой степени представлена также проблема ознакомления детей дошкольного возраста с астрономическими объектами. К примеру, общие основы формирования у дошкольников элементарных природоведческих представлений раскрыты в исследованиях А. Богуш, Н. Гавриш, З. Плохий и др. Идея формирования в сознании ребёнка научной картины мира в процессе ознакомления с природой Космоса исследуется в трудах Е. Зенцовой. Глубокий анализ этой проблемы и разработка её методических аспектов представлены в работах К. Крутий, Е. Каплуновской, Е. Левитана, В. Старченко и др. Проблема художественного познания дошкольниками природной среды разработана Г. Тарасенко.

Таким образом, теоретический анализ показал частичную разработанность избранной для исследования проблемы. Впрочем, если методика ознакомления дошкольников с космическими объектами в той или иной степени представлена в отечественной дошкольной дидактике, то её профессиональный контекст, касающийся подготовки будущего воспитателя к реализации этой методики, разработан довольно слабо.

Отражением недостаточного уровня профессиональной компетентности педагогов в формировании у дошкольников астрономических представлений явились и результаты эксперимента, проведённого в ДОУ “Малютко” г. Липовца Винницкой обл. (Украина). В исследовании приняли участие 28 детей и 8 воспитателей.

Цель эксперимента заключалась в диагностировании уровня природоведческой компетентности детей дошкольного возраста, связанной с умением давать характеристику звёздам, узнавать их на ночном небе, находить основные созвездия (Большая Медведица, Малая Медведица и др.), а также в изучении самооценки воспитателей собственной профессиональной деятельности в этом направлении.

Для реализации поставленной цели мы использовали такие *методы исследования*, как беседа, наблюдение за практической деятельностью дошкольников, анализ и интерпретация детских творческих работ.

Диагностическая работа была организована в несколько этапов:

I этап – проведение беседы, которая предусматривала изучение уровня сформированности представлений детей о звёздах и созвездиях;

II этап – организация творческой деятельности детей с последующим анализом и интерпретацией данных, направленная на выявление умения применять знания на практике – воспроизводить ранее сложившиеся представления;

III этап – опрос воспитателей на предмет самооценки их деятельности по формированию астрономических представлений у дошкольников.

Результаты беседы свидетельствуют, что у детей имеются определенные представления о звездах. Они идентифицировали их с ночным небом, с Луной. Однако, как показали ответы детей, представление об этих астрономических объектах не всегда полные и реалистичные. В частности, на вопрос “*Если бы у вас была возможность прикоснуться к настоящей звезде, то что бы вы почувствовали?*” некоторые дети отвечали, что “*звезда холодная*” (Богдан С.), “*она острая и колючая*” (Карина С.), “*звёздочка немного тепленькая*” (Коля П.). По количеству звёзд на небе дети замечали, что “*их можно посчитать, только очень долго*” (Аня Г.), “*их очень много и невозможно сосчитать*” (Даша М.). Выясняя наличие представлений детей о форме звёзд, мы задали вопрос: “*Что, по вашему мнению, напоминает звезда по форме?*” Отвечая на него, дети отмечали, что звезда похожа на “*снежинку*” (Лиля С.), “*шарик*” (Миша П.), “*мячик*” (Владик С.). Характеризуя размер

звёзд, практически все дети замечали, что они маленькие, однако бывают среди них большие и немного меньше. К примеру, Саша К. высказал такое предположение, что *“среди звёзд есть папы, мамы и их маленькие детки”*.

Подтверждением ответов, высказанных в процессе беседы, стали и творческие работы детей. Ребятам было предложено нарисовать звёздное небо.

В ходе анализа детских работ мы выяснили, что лишь у 34% детей сформированы реалистичные и полные представления о звёздах. На их рисунках звёзды изображены при помощи тёплых красок – жёлтой, красной, оранжевой. Они разные по размеру: среди них есть светила большей и меньшей величины. По форме – приближённые к круглой (в плоском изображении).

В противоположность этим работам большинство детей (66%) не обнаружили достаточно сложившегося представления об этих астрономических объектах. В их работах звёзды холодные (преобладают синий, фиолетовый, голубой цвета), маленькие по размеру, неправильной формы, иногда даже с острыми концами. Их количество на рисунках детей, преимущественно, незначительная.

Лишь в некоторых работах детей (12%) наблюдалось стремление отразить отдельные созвездия, располагая звёзды на листе бумаги в определенном пространственном соотношении. Отвечая на вопрос *“А какое это созвездие?”*, такие дети, в основном, говорили его название.

Таким образом, проведённое исследование позволило констатировать недостаточную сформированность природоведческой компетентности детей, связанной с умением характеризовать звёзды, узнавать их на ночном небе, находить основные созвездия. Главной причиной этого, по нашему мнению, является недостаточная работа воспитателей по формированию данного представления, обусловленная невысоким уровнем профессиональной, в том числе и методической подготовки. Доказательством целесообразности такого вывода послужили результаты самооценки педагогов, в которой они указывали на недостаточный уровень астрономических знаний, владения методами и средствами ознакомления детей с космическими объектами, неудовлетворительную материально-техническую базу организации учебно-воспитательного процесса.

Основываясь на результатах проведённого исследования, выход из данной ситуации мы видим в целенаправленной и планомерной профессиональной подготовке будущих воспитателей, связанной с формированием у них методической готовности к ознакомлению дошкольников с астрономическими представлениями.

Анализ содержания стандартов подготовки специалистов в сфере дошкольного образования, Базового компонента дошкольного образования в Украине, действующих программ обучения и воспитания детей дошкольного возраста (в частности, их естественно-экологического

компонента), основные вехи методики формирования астрономических представлений у дошкольников, а также существующие инновационные тенденции в системе дошкольного образования позволили выделить несколько существенных позиций, которые, по нашему мнению, нужно учитывать в процессе подготовки будущих воспитателей к обозначенной профессиональной деятельности.

1. Исходя из необходимости наличия у педагогов фундаментальных природоведческих знаний, которые бы составили основу их методической компетентности (что, кстати, констатировали сами воспитатели), существует потребность в интеграции двух учебных дисциплин – “Основ природоведения” и “Методики ознакомления с природой”, которая бы позволила изучать их не изолированно друг от друга, а в определённой взаимосвязи, как бы дополняя друг друга. Это будет способствовать формированию целостной фундаментально обоснованной методической компетентности будущих педагогов.

2. Учитывая возрастные особенности восприятия астрономического материала дошкольниками, их ограниченный эмпирический опыт, будущему воспитателю следует ориентироваться на использование в непосредственной профессиональной деятельности преимущественно таких методов, как наблюдение за астрономическими объектами, опыты, дидактические игры, моделирование явлений, связанных с космическими объектами. Процесс познания становится невозможным без использования разножанровых произведений художественной литературы, устного народного творчества. Достаточно эффективным в овладении детьми представлениями о Космосе является метод проектов [2]. Стоит также заметить, что систему знаний только на интеллектуальном уровне сформировать невозможно, поскольку знания тесно связаны с убеждениями и чувствами человека. Следовательно возникает необходимость привлечения детей к художественно-творческой деятельности, к активному восприятию произведений искусства. Именно такой подход к организации формирования астрономических представлений порождает эстетическое отношение к природе, укрепляет знания ребенка об окружающем мире, обогащает мотивацию относительно необходимости его беречь (Г. Тарасенко).

Обозначив приоритеты в использовании методов работы по формированию у дошкольников астрономических представлений, безусловно, в процессе учебных занятий следует уделять достаточно внимания методике их организации и проведения. Причём, исходя из результатов исследований ряда педагогов (А. Вербицкий, Ю. Кулюткин, Г. Сухобская, П. Щербань и др.), очень важно при этом создавать профессионально ориентированные ситуации, которые ставят студента в активную позицию по отношению к будущей профессиональной деятельности. Этому, в частности, способствуют деловые и ролевые игры, решение педагогических задач, моделирующих типичные ситуации,

возникающие в реальной практике профессиональной деятельности воспитателя, диалогизация образовательной среды с использованием интерактивных методов обучения (“Мозговая атака”, “Ассоциативный куст”, “Ажурная пила”, работа в малых группах, решение дискуссионных проблем и др.).

3. Одним из важнейших аспектов подготовки будущих воспитателей к формированию у дошкольников астрономических представлений является наличие у студентов личностно-ценностного отношения к таким знаниям. Поэтому актуальным становится использование таких методов и приемов в работе со студентами, которые бы способствовали заинтересованности ими, вызывали позитивные эмоции, и, следовательно, осуществляли влияние на формирование профессионально-ценностных ориентиров в будущей деятельности. По нашему убеждению, осмысление значимости астрономических знаний для человека, её субъективация, привязка к будущей профессии особенно ярко происходит в процессе вовлечения студента в творческую деятельность. Ведь именно в творческих образах, по мнению исследователей, концентрированно отражаются социальные чувства, эмоции, ценностные установки субъекта относительно предмета деятельности [3, 261].

Исходя из такой позиции, педагогически целесообразными приёмами работы с будущими воспитателями в данном направлении, по нашему мнению, являются написание ими стихотворений, сказок об астрономических объектах и Космосе вообще, сенканов, эссе, загадок, создание рисунков. Приведём пример творческих студенческих работ:

Сказка о Луне и звёздах

Жили-были звёздочки и их сестрица Луна. Они очень любили играть, веселиться и всегда светили, но не ради развлечений, а чтобы помочь тем, кто живёт на Земле.

Все их очень любили. Но жил один волшебник, который хотел причинить всем зло. И вот однажды он решил похитить с неба звёзды и Луну, чтобы наступила темнота, чтобы животные не могли найти своего места, а люди – попасть домой. Тогда приказал злой колдун прислуге сшить большой-пребольшой мешок, чтобы упрятать в него все звёзды. За несколько ночей бедные звёздочки оказались в страшном плену.

– Теперь пришла очередь Луны, – сказал волшебник.

Он вновь собрал своих слуг и приказал, чтобы те поймали Луну и бросили её к звёздам. Однако это оказалось тяжелой работой. Только они захотели схватить её, как Луна спряталась за тучи. Тогда слуги изо всех сил стали дуть, чтобы разогнать облака. Когда тучи исчезли и небо стало совсем чистым, Луну поймали и бросили в мешок к звёздам. Те, увидев сестрицу, опечалились и заплакали.

– Не печальтесь, сестрички мои. Я уже кое-что придумала. Давайте подождём, пока я стану чутьточку старше.

– Ну и что? – спросила молодая звезда.

– Сама увидишь.

И Луна стала уменьшаться, с каждым днём становиться всё тоньше и тоньше. Наконец стала похожа на тоненький серп. Тогда она обернулась острым и блестящим углом и разрежала огромный мешок. Появилась большая дыра, из которой звезды начали выпрыгивать на свободу. Последней вышла Луна. От радости они начали светить так ярко, что с неба было видно всё, что делается на Земле. А там ревел и злился волшебник. Так злился, что лопнул.

Ольга Г., студентка 1 курса

Ярким примером творческого осмысления будущими воспитателями астрономических знаний могут послужить их рисунки (рисунок).

Рисунок – Творческая работа “Космический пейзаж”(Ольга Г.)

Таким образом, такая художественно-творческая деятельность будущих воспитателей способствует перекодировке сложных научных знаний в доступную для восприятия форму, формированию позитивного отношения к ним, создаёт ценностную окраску профессионально-ориентированной деятельности.

Выводы. Исследование показало, что формирование у дошкольников астрономических представлений требует от педагогов соответствующей профессиональной подготовки, которая бы имела твёрдую фундаментальную основу, ориентировала бы студентов на использование в будущей педагогической деятельности методов и приёмов, адекватных детскому восприятию. Особенное внимание следует уделить творчеству как средству обогащения знаний об окружающем мире, формирования ценностного отношения к природе, и, следовательно, профессиональной деятельности, связанной с ней.

Литература

1. Базовий компонент дошкільної освіти (нова редакція) / А. М. Богуш (наук. кер.) та ін. // Дошкільне виховання. – 2012. – № 7. – С. 4–19.
2. Присяжнюк Л. А. Проектуємо. Досліджуємо. Пізнаємо: формування астрономічних уявлень дошкільників засобами колективного проектування // Дошкільне виховання. – 2012. – № 4. – С. –13.
3. Тарасенко Г. С. Взаємозв'язок естетичної та екологічної підготовки вчителя в системі професійної освіти: монографія / Г.С. Тарасенко. – Черкаси: Вертикаль, 2006. – 308 с.

УДК 378.14:159.937

Г. С. Тарасенко

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ПРИРОДЫ БУДУЩИМИ УЧИТЕЛЯМИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИИ

В статье рассмотрены перспективы использования экологического подхода к восприятию природы в свете идей гештальтпсихологии. Предложены конкретные пути экологизации восприятия природы будущими учителями в процессе профессиональной подготовки.

С каждым новым витком развития цивилизации возрастает необходимость улучшения экологического образования учителей как потенциальных реформаторов экологического сознания общества. Абсолютно справедливо в педагогической науке акцентируется важность поиска оптимальных форм познания педагогами природы. Однако при этом недостаточно осознаётся традиционный изъян экологической подготовки учителей в системе профессионального образования. Речь идёт о ярко выраженном доминировании логико-дискурсивного типа познания природы. Конечно, такой способ познания окружающего мира является достаточно плодотворным. Богатство интеллекта не препятствует экологическому восприятию природы, ведь семантическая сторона любого объекта анализируется именно благодаря интеллекту, который структурирует содержание и взвешивает ценность.

В то же время целостное знание о природе не рождается лишь от объективного, словесно-логического типа её восприятия – здесь нужен более гармоничный, оптимально сбалансированный тип, который синтезирует деятельность мысли и чувства. Потому логико-дискурсивный уровень познавательного процесса следует дополнять уровнем интуитивным, который обеспечивает своеобразное познание окружающего мира, раскрывая “потаённый”, “скрытый” от логики смысл природы. Лишь таким способом рождается ощущение глубинной сущности её объектов или явлений. Именно так возникает настоящее знание, которое по своему значению равняется любви (Платон).

Следовательно, преувеличение роли конкретных знаний о природе не является конструктивным. Сегодня нужно учиться расширять способы её познания. В процессе профессиональной подготовки будущий педагог должен понять, что воспринимать природу – это значит постоянно расширять границы её понимания. Причём эффективность этого процесса определяется не только мыслительными процессами. Восприятие природы является одновременно восприятием и окружающего мира, и себя в этом мире. Таким образом этот процесс опирается не только на перцептивные, но и на неперцептивные формы сознания.

В поисках экологического подхода к восприятию природы следует помочь будущим учителям переосмыслить традиционные толкования этого процесса, которые связывают эффективность восприятия в первую очередь с суммой сигналов, которые воздействуют на разные рецепторы человека. На современном уровне понимания проблем экологизации восприятия природы мало учитывать только так называемые проекции сенсорных сообщений на специфический “ориентационный экран”, образованный культурой [3]. По нашему мнению, следует смелее знакомить учителей с идеями представителей гештальтпсихологии, которые, вопреки ортодоксальным теориям, не связывают процесс восприятия лишь с сенсорными ощущениями. Гештальтпсихологи (Д. А. Адамс, Дж. Ф. Браун, Дж. Гибсон, К. Коффка, К. Левин и др.) допускают, что объектам природы присущи конкретные физиогномические качества, которые приобретают экологическое значение. Такие значения как будто приглашают человека вести себя определенным образом, то есть будто “навязывают” конкретное поведение.

В процессе профессиональной подготовки учителя можно эффективно использовать психофизический подход к восприятию природы, предложенный Дж. Гибсоном [1]. С этой целью следует попробовать организовать непосредственный контакт студентов с природой как психосоматический процесс её “живого” созерцания, результатом которого станет не “картинка” – квинтэссенция обработки чувственных впечатлений. Это должно превратиться в извлечение инвариантов из стимульного потока впечатлений. Целью же такого восприятия природы должно стать понимание “валентности”, то есть векторной силы притягивания конкретного объекта посредством познания возможностей, которые он предлагает.

Этот способ восприятия природы является максимально экологическим, поскольку именно так будущий учитель получает возможность познать не посторонний физический, а живой экологический мир с устоявшимся набором возможностей существования. С позиций такого подхода рождается новое понимание основных экологических понятий. Например, экологическую нишу нужно толковать не только как

ареал проживания определённого вида, но и как систему возможностей, которые обеспечивают определённый образ жизни и её сохранности в условиях этого ареала. Как правило, игнорирование системы таких возможностей и является причиной экологических проблем. Если учитель научится адекватно воспринимать набор возможностей существования того или иного объекта, это обеспечит априорное одобрение им всех творений природы, невзирая на субъективное толкование их значимости для личной жизни. Отсюда рождается понимание того, что воспринятые возможности не зависят от потребностей человека, а наоборот – эти потребности должны быть подчинены возможностям природы.

Восприятие возможностей существования определенных объектов совсем не обязывает квалифицировать их или именовать, ведь этот процесс не предусматривает различения абсолютно всех признаков [2]. Однако необходимо воспринимать именно те признаки, которые отличают объект от других. А этот подход вынуждает связать воедино экологические и эстетические аспекты познания мира.

Предлагаем ряд приёмов организации восприятия природы на основе сочетания эмоционально-эстетического и интеллектуально-рассудочного подходов к природе [4]. Эти приёмы апробированы в системе профессиональной подготовки будущих учителей на базе Винницкого государственного педагогического университета имени Михаила Коцюбинского (Украина).

Поиск внешне выраженных и скрытых признаков эстетической выразительности, презентующих возможности существования объектов природы

Во-первых, это предусматривает восприятие наиболее характерных, объективно существующих, визуально определенных эстетических признаков объекта или явления природы с последующей оценкой их экологической целесообразности. Это может быть анализ информативности и витальной (*vita* – жизнь) значимости цветов, запахов, форм и пропорций, ритма, звуков и характера движений в природе. Приведем пример эстетико-экологической оценки кактусов, которая получена в ходе экспериментальной работы:

Кактусы

“Кактус – не роза, которая поражает великолепием эстетичных признаков. Такой себе зелененький “ежик”... Но он заявляет о себе по-другому. Здесь природа устроила “парад” пропорций, “вернисаж” изобразительных форм. Большие и маленькие, удлинённые и шаровидные, ребристые, кругленькие и плоские – все кактусы притягивают глаз экспрессивностью своей конфигурации. Выразительность этих форм является абсолютно целесообразной, ведь помогает кактусам приспособиться к условиям жизни. Здесь форма является и регулятором света и тени, и ограничителем испарения, и гарантом засухоустойчивости.

А чего стоят колючки! Эта надёжная система защиты кое-кого раздражает, поскольку колючки способны ранить кожу. Однако именно так кактус оберегает свою жизнеспособность. Растение будто требует уважительного к себе отношения. В условиях экологического благополучия своеобразную эстетику кактуса увенчивает цветок редкой красоты. Это становится достойной кульминацией проявлений выразительности, ярким свидетельством жизнеспособности растения”.

(Владимир Г., будущий учитель начальных классов)

Во-вторых, такой прием организации восприятия предусматривает концентрацию внимания на внутренне присущих, субъективно воспринятых выразительных моментах существования и жизнедеятельности объектов природы. Это может быть анализ интересных особенностей биологии, гармонии биологических циклов развития, красоты “поведенческих программ”. Вот пример осмысления студентами “скрытой” эстетики возможностей существования некоторых рыб:

Рыбы

“У большинства людей к рыбам сложилось преимущественно потребительское отношение: вкусная да и только. Любуются, как правило, декоративными рыбками. Но это не значит, что обычного речного карася или морскую рыбу стоит оценивать лишь по вкусовым качествам. Самая скромная по своим внешним характеристикам рыба поражает гармоничностью существования в собственной экологической нише. Скрытая красота некоторых биологических процессов определяет своеобразную эстетику поведения некоторых рыб. Разве может не растрогать странный “патриотизм” лосося? Эта рыба любой ценой стремится вернуться в те воды, где родилась. Лишь там она даёт жизнь потомству. Путь к нересту бывает тяжёлым и опасным, но лосось упрямо плывёт в “родные пенаты”, чтобы продлить свой род и сразу умереть. Скептики пожмут плечами: “Инстинкт”. Негодяи перекроют пути к нересту сетками. Экологически воспитанный человек уважительно отнесётся к поведенческим программам, которые предлагает природа своим существам”.

(Елена П., будущий учитель математики)

В пределах такой организации восприятия студентами природы важным является накопление любой эстетической информации о признаках экологически здорового существования природы. Это и сопоставление проявлений эстетической выразительности в ходе сезонных изменений в природе. Это и фиксация выразительности функционирования жизненных процессов в условиях разных биотипов. Сюда надлежит подключить эстетический анализ эндемиков и реликтов как своеобразных аккумуляторов биогеографической и культурно-экологической информации. Не будет лишним и осмысление этимологии образных названий объектов и явлений природы.

Экспериментальная проверка эффективности описанного приема доказала, что эстетическое восприятие является наиболее экологическим, поскольку позволяет будущим учителям быстро и точно оценить тот набор возможностей, который предлагает природа. Конечно, отдельные эстетические впечатления еще не в состоянии обеспечить надлежащий уровень понимания основ экологически благополучного существования объектов природы. Лишь накопление определённого объёма эстетической информации открывает внешне скрытые тенденции. Эстетический подход стимулирует оценочную деятельность, формирует не только “оснащение ума” (А. Моль), но и оснащение души будущего педагога. В результате такого аксиологически направленного восприятия природы студенты учатся открывать в любом её объекте эстетическую значимость, которая имеет экологическую целесообразность.

2. Поиск и оценка позиции дополнительности к природе

Этот приём предусматривает восприятие окружающего на основе оптимального взаимодействия эгорцепции с экстерорцепцией. Речь идёт о формировании у будущих учителей особого взгляда на природу – не со стороны, а изнутри, не только глазами, а сложной психофизической системой “глаз – на – голове – на – теле – с – опорой – на – земле” [2, 292–293]. Экспериментальная проверка эффективности этого приёма засвидетельствовала, что будущие педагоги достаточно быстро овладевают навыками одновременного восприятия себя и природы. Очень полезными в этом ракурсе являются специальные упражнения-рассуждения, которые нацеливают студентов на поиск собственного места среди природы и на определение дополнительности к ней (ориентировочные темы: “Я среди леса”, “Я среди цветов”, “Я среди степи”, “Я среди деревьев”, “Я среди птиц” и тому подобное). Этот прием помогает будущему учителю, во-первых, снять барьер между собой и окружающим миром, во-вторых, увидеть себя в природе как частицу Вселенной. В ходе такого восприятия рождается уверенность в том, что мир живой и неживой природы не является враждебным противопоставлением человеку, а существует в непосредственном единстве с ним.

Результаты выполнения студентами упражнений-рассуждений убедили в том, что объекты такого восприятия не отпугивают, не отталкивают, а, наоборот, притягивают гармоничностью своего естественного бытия, например:

Я среди цветов

“Когда я смотрю в глазёнки цветов, то хочется прижать их к сердцу. Рука не подымается нарушить хотя бы один цветочек. Да и зачем? На листочке удобно уютилась букашка. На лепестке улеглась росинка. На стебель уселся шмель и поглядывает искоса – по-видимому, видит во мне конкурента. Но я ни на что не претендую. Я – один из них. У каждого из нас своё место и своё право”.

(Алексей Б., будущий учитель украинского языка)

Во время таких упражнений будущие учителя не чувствуют себя центром мироздания, а будто вливаются отдельной частицей в могучий жизненный поток природы и не мыслят себя вне этого потока. Такие размышления неминуемо подводят к ощущению дополнительности к природе, что предопределяет подчинение человеческих потребностей возможностям взаимодействия с её объектами.

3. Поиск сходства и аналогий между возможностями собственного существования и существования конкретных объектов природы

Такой приём направляет студентов на поиск и оценку сходства между собой и природой благодаря субъективному уподоблению её объектам. Очень полезно научить будущих педагогов анализировать общие витально значимые ситуации, которые концентрированно информируют о проявлении воли к жизни и является общими для человека и для большинства других субъектов природы. Ощущение единства витальных потребностей (голода, жажды, страха холода, инстинкта продолжения рода) позволяет будущим учителям глубоко проникнуться потребностями выживания в природе. Этот приём позволяет усилить собственную ответственность за сохранение жизни как самой главной ценности в природе [5]. Субъективное уподобление человека объектам окружающего мира, поиск признаков родства между личной жизнью в природе и множеством других жизней, которые она взрастила, положительно влияет на становление личностных экологических позиций. Приведём пример рассуждения студентки-заочницы, которая имеет некоторый опыт работы в школе:

Ласточки

“Как-то мои ученики принесли в класс мёртвую птицу. То была ласточка, гнёздышко которой темнело над нашим окном. У меня задрожали руки от отчаяния. Ведь в гнезде уже были птенцы. Я слышала их тоненький писк и понимала его значение. Голод. Есть ли что-то страшнее его? Безжалостный палач, которого не остановить ни слезами, ни мольбами. Мама рассказывала о том страшном, голодном, чёрном для Украины, тридцать третьем годе. Моя бабушка ушла в тот год из жизни совсем молодой. Но страшнее всего, что не успела она выкормить своих детишек. Тяжело умирали сёстры и братья моей мамы. Я снова прислушиваюсь к писку ласточек. Их мучает голод, и от этой муки моё сердце разрывается. Нужно как-то спасти птенцов”.

(Нина П., учительница начальных классов)

Лишь учитель с развитым экологическим восприятием сможет привить детям истинную любовь к природе, настроить их на действенное сочувствие и помощь. Экспериментальное исследование убедительно доказало, что конструктивность экологических поступков учащихся детерминируется спецификой восприятия природы их педагогами.

В частности подтверждён факт высокой корреляционной зависимости ценностного отношения детей к природе от аксиологической и технологической культуры воспитательного влияния со стороны учителя.

Безотлагательное решение глобальных проблем, в частности экологических, нуждается в углублении технолого-педагогической подготовки будущих учителей к целостной реализации заданий эстетичного, морального и экологического воспитания с переходом приобретённых навыков восприятия и оценки природы в операционный состав педагогической деятельности.

Литература

1. Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.
2. Кучерюк, Д.Ю. Эстетическое восприятие предметной среды / Д.Ю. Кучерюк. – К.: Научная мысль, 1973. – 143 с.
3. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – М.: Прогресс, 1973. – 406 с.
4. Тарасенко, Г.С. Екологічна естетика в системі професійної підготовки вчителя : методологічний аспект / Г.С. Тарасенко. – Вінниця : РВВ ВАГ "Віноблдрукарня", 1997. – 224 с.
5. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1973. – 343 с.

УДК 316.023

Н. В. Трегуб

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕДАГОГА И РОДИТЕЛЯ.

В предлагаемой статье автор рассматривает проблему взаимодействия начальной школы и родителей в современной Беларуси. Проблема анализируется через несоответствие ценностно-нормативного базиса данных институтов социализации. Автор предлагает способы реализации проблемы, обращая основное внимание на деятельность педагога, так как он обладает для этого специальными знаниями и навыками.

После распада СССР белорусское общество отказалось от командно-административного пути социалистического развития. Началась реформа всех без исключения сфер функционирования государства и социума. В основе преобразований находились демократические принципы. По мнению политиков-реформаторов, данные принципы должны были стать основой взаимодействий индивидов во всех сферах жизнедеятельности общества. Одновременно, хотя и медленно, в Беларуси начала осуществляться противоречивая и сложная трансформация индустриального общества к постиндустриальному. Меняется общество – меняются основания взаимоотношений между членами этого общества, но институт начального

образования настолько традиционен и консервативен, что до сих пор парадигмы индустриального общества определяют стиль и программу обучения. Поэтому одной из характерных черт современной белорусской начальной школы является проблема взаимодействия двух основных институтов социализации ребенка на дотрудовой стадии – школы и семьи.

Важнейшей ступенью в становлении ребенка как личности является начальная школа. Цель начальной школы традиционна для института образования – обучение и воспитание ребёнка. Но при этом школа не единственный, а порой и не главный социальный институт, участвующий в процессе социализации личности.

Значимым социальным институтом, формирующим личностные характеристики индивида выступает семья. Семья обладает уникальной посреднической ролью в силу своей социокультурной природы как феномена, пограничного, по сути своей, находящегося на пересечении структур при любом конструировании социума и на границе макро- и микроанализа. Семья обладает возможностями, позволяющими осуществлять переход, сведение социетальных процессов к результатам социального поведения микросреды и выводить из эмпирически исследуемых фактов тренды глобально характера. Она в силу особых родственных чувств, посредством глубокого эмоционального воздействия, непосредственным образом влияет на формирование личностных характеристик индивида [1, 9]. Семья выступает уникальным социокультурным образованием – мостом между ценностным миром индивида и ценностным устройством конкретного общества.

Семья передает эстафету воспитания школе, но одновременно продолжает оказывать сильное воспитательное влияние, что вполне объяснимо. Тем самым, вне зависимости от социально-экономического состояния отдельной белорусской семьи, уровня образованности родителей процесс личностного формирования ребенка обретает двух самостоятельных (зачастую с разными способами осознания и конструирования социальной реальности) и влиятельных субъектов социального и культурного воздействия и воспитания – первичный субъект – «семья», вторичный, но столь же сильный – «школа». При этом, с одной стороны, на данном этапе семья как бы отдает первенство в воспитании своих детей начальной школе, но, с другой стороны, окончательно ребенок не утрачивает «социальный колпак» родителей.

Противопоставлять эти институты нельзя, так, например, социология исходит из того, что основы воспитанности человека, его трудолюбие, которое необходимо в школе, как и многие другие качества, закладываются еще в раннем детстве на дошкольном этапе жизни. Как известно, дошкольные детские учреждения, которые также должны заниматься воспитанием и обучением ребенка, охватывают не всех, а вот

общеобразовательная школа нацелена на подготовку к жизни всего без исключения подрастающего поколения.

На современном этапе школа и семья играют основную роль в формировании мировоззрения социальных и нравственно-моральных норм учащихся. Проблема взаимодействия педагогов и родителей в процессе образования ребенка, казалось бы, является сферой педагогики, но диалог «педагог – ребенок – родители» невозможно представить вне таких факторов как:

- 1) социальная микросреда;
- 2) менталитет микрорегиона;
- 3) социальный статус и ценности родителей;
- 4) социальная позиция и ценности педагога.

Все выше перечисленные факторы непосредственно входят в исследовательскую парадигму социологии.

Проблема культурно-ценностного взаимодействия школы и родителей во многом обусловлена несовпадением ценностных ориентиров родителей и педагогического коллектива, хотя он состоит из тех же самых родителей. Чем это вызвано? Во-первых, школа не может заменить семью, какой бы эта школа ни была. Родители имеют возможность постоянно воздействовать на своего ребенка, причем в разных жизненных коллизиях, а это формирует глубину приоритетного влияния на индивида. Во-вторых, именно родители с первых дней жизни ребенка определенным образом реагируют на его поведение: одобряют, поощряют или наказывают его за нарушение каких-то правил. Тем самым у ребенка складываются знания о том, что хорошо и что плохо, т.е. определенные первоначальные социальные нормы поведения. И здесь, ключевым, по мнению автора, является то, насколько родительская оценка действий своего ребенка, вся методика воспитания его соприкасается с социальными и культурными требованиями и предпочтениями белорусского общества. В-третьих, большинство родителей влияют на воспитание и развитие ребенка, исходя из многих факторов: собственного жизненного опыта, своих ценностных предпочтений и жизненных ориентиров и «вызовов» времени, а белорусская школа исходит из нормативных документов Министерства образования.

Важнейшее условие существования и функционирования общества – это трансляция культуры, передача её от одного поколения другому. Каждое следующее поколение приносит с собой что-то новое, так как меняется сама социальная среда существования. Вторжение в жизнь этого нового порождает известный конфликт «отцов и детей», а нередко и «педагогов – детей». И здесь вполне очевидно, что воспитание ребёнка – это балансирование между желанием воспроизвести точную копию себя, то есть прошлого поколения, и стремления обеспечить своим детям другое – лучшее – будущее. В данном случае задачей и родителей, и

преподавателей является использование правильного соотношения между преемственностью и новаторством, традициями и новыми идеями и ценностями. Однако этот процесс затрудняется непаритетным взаимоотношением учителей и родителей. Школа – социальный институт, в котором функционируют люди со специальной педагогической и психологической подготовкой, в то время как большинство родителей не имеют начальной педагогической и психологической подготовки, их искусство воспитания строится на базе любви и собственных воспоминаний о детстве, и каких-то неопределенных педагогических представлений. К сожалению, многие родители занимают потребительскую позицию к школе: мы вам дали ребенка, теперь вы должны за ним следить и его учить [2, 164]

Существует множество подходов, по-разному трактующих распределение социальных ролей и обязанностей в вопросе взаимодействия родителей и педагогов. Было бы разумным отвести более активную позицию в вопросах взаимодействия педагогу, так как это не только одна из его профессиональных обязанностей, но и возможность указать родителям на те моменты развития ребенка, которые могут не проявляться в семейном кругу.

Правильным является работа педагога с родителями по двум как минимум направлениям.

Первое направление – изучение социальных, культурных, ментальных особенностей конкретной семьи, воспитания ребенка в ее условиях и установления контактов с семьей.

Второе направление – повышение педагогической компетентности родителей.

К сожалению, первому направлению в настоящее время не уделяется должного внимания. Педагог должен знать специфику семейного воспитания, определенные стили воспитания и их влияние на личность ребенка. Это позволит ему согласовывать свои воспитательные и обучающие воздействия с действиями родителей. Но на современном этапе данная задача является предельно сложной. Современная белорусская семья – относительно закрытое ментальное сообщество. И здесь менталитет играет особую роль. Будучи производным от религии, истории, культуры, философии и образования, а также от реальных условий жизни социума, менталитет представляет в наиболее общем виде мотивы и установки деятельности, вполне конкретные поступки людей, которые сознательно или бессознательно, но именно на основе сложившейся в данном социуме ментальности воспринимают действительность и проявляют к ней соответствующее отношение [3, 56].

Для преодоления предложенного выше затруднения предлагаются различные научные методы. По мнению автора, первым и одним из наиболее действенных методов является выявление ценностного мира

интересующей нас семьи и построения взаимодействия на основе доверительного диалога. Воспитание и развитие индивида ни в коем разе не должно превращаться в монолог под лозунгом «Ты должен и обязан».

Для этого педагог создает положительный образ ребенка и транслирует его родителям, т.е. в общении педагог обращает внимание на положительные качества личности ребенка. Это способствует появлению установки в общении с родителями на взаимопонимание, доброжелательные отношения. К сожалению, чаще общение строится по принципу «Ваш ребенок плохо ведет себя. Он сделал это и это. Примите меры, объясните и так далее», и сами родители видят только отрицательное в ребенке, т. е. педагог и родитель акцентирует негативные качества ребенка, что усиливает тревожные ожидания в отношении поведения ребенка в детском саду, школе (как со стороны родителя, так и со стороны педагога). Эту ситуацию российские ученые А.М. Виноградова и В. А. Петровский определили как этап «перестановки акцентов» [4, 108].

Главная цель педагога – установление на основе положительного образа ребенка первых доверительных отношений. При этом, используя приобретенные знания по детской психологии и педагогике, помогает родителям восполнить какие-то возможные пробелы. Как правило, именно в этот момент педагог постепенно начинает знакомиться с проблемами семьи в воспитании ребенка и формирует тем самым установку к сотрудничеству. Постепенно сами родители начинают обращаться к педагогу с вопросами типа «А что это значит?». Сообщают о поведении, привычках ребенка дома, причем и положительных, и отрицательных. Здесь главное – умение педагога дать возможность родителям проявить свою активность, готовность к сотрудничеству. Ни в коем случае в этом диалоге позиция педагога не должна сводиться к лидерскому поучению, назиданию. Важно вызвать у родителя желание, потребность выяснить причины того или иного поведения ребенка (побудить к исследованию, наблюдениям), потребность в поощрении ребенка. Если это произошло, то развивается совместная деятельность педагога и родителей, направленная на совместное исследование, наблюдение развития личности ребенка.

В этой работе педагог никогда не должен забывать, что ждет родитель от общения с ним. Оказывается, что большинство родительских ожиданий в обобщенной форме можно выразить как уверенность в хорошем отношении воспитателя к своему ребенку. Этим изначально обуславливается доверие к учителю, его опыту, знаниям. Родители порой интуитивно чувствуют отношение педагога к ребенку: доброту, холодность, строгость и т.д. Поэтому педагогу следует укрепить это изначально доверие как основу для дальнейшего сотрудничества в вопросах воспитания.

Стоит признать, что предложенная программа трудно выполнима при существующем в Республике Беларусь подходе к начальной школе. Было

бы верным уменьшение нормативного количества детей в начальных классах с целью более тесного контакта преподавателя с ребенком. Во первых, необходима достойная оплата труда педагога. Во-вторых материальное обеспечение образовательного процесса должно соответствовать условиям современного жизненного пространства.

Таким образом, в основе взаимодействия школы и родителей лежит ценностно-нормативный комплекс, по сути, определяющий культурно-духовный контекст развития и воспитания ребенка. При этом и позиция государства в лице педагога, и позиция родителей направлена на усвоение детьми тех ценностей, которые необходимы белорусской культуре на определенном историческом этапе. Многообразие культур порождает многообразие ценностных ориентаций и вариантов социализации. Методы и процессы социализации напрямую зависят от ключевого вопроса, что мы хотим от личности. Наличие общего ответа на этот вопрос, продиктованного и обусловленного многими социокультурными факторами, является объединительным началом в социальном взаимодействии рассматриваемых нами социальных институтов.

Литература

1. Божович, Л.И. Проблемы формирования личности / Л.И. Божович / под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Институт практической психологии, 1997. – 352 с.
2. Левко, А.И. Проблема ценности в системе образования. / А.И. Левко, Л.В. Ахмерова / – Минск: НИО, 2000. – 311 с.
3. Салеев, В.А. Введение в культурологию: пособие: в 2 ч. / В.А. Салеев. – Мозырь: УО МГПУ, 2004. – 96 с.
4. Петровский, В.А. Учимся общаться с ребенком: руководство для воспитателя детского сада / В.А. Петровский, А.М. Виноградова, Л.М. Кларина. – М.: Просвещение, 1993. – 599 с.

УДК 378.147:37.037.1(043.3)

Т. Н. Чечко

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ-ФИЛОЛОГОВ

В статье приведены основные факторы формирования ключевых академических компетенций будущих учителей-филологов на этапе ранней профессионализации. Охарактеризованы основные нормативные документы, регламентирующие образовательный процесс в вузе, научные труды ведущих исследователей в области компетентностной подготовки специалиста. Обоснована актуальность формирования ключевых академических компетенций будущих учителей-филологов на этапе ранней профессионализации.

Современные государственные стандарты Республики Беларусь определяют в качестве общей цели высшего образования подготовку специалиста, владеющего академическими, социально-личностными и профессиональными компетенциями. В связи с этим приведение теории и практики профессионального образования в целевое, содержательное и технологическое соответствие с новыми образовательными стандартами является в наши дни одной из актуальных педагогических проблем. Чтобы переориентировать учебный процесс в вузе на формирование компетенций как интегративно-целостных личностных новообразований, необходимо, в первую очередь, на соответствующей, т. е. интегративно-целостной основе перестроить традиционные (базовые) курсы обучения, разработать адекватную систему спецсеминаров, спецкурсов и др.

Реализация компетентного подхода как образовательного феномена обусловлена несколькими социокультурными факторами – динамическое развитие экономики, науки и образования; новый уровень конкурентной борьбы между высшими учебными заведениями разных государств (между вузами внутри одного государства); смещение господствующих позиций узкопрофильной организации труда с присущими ей дроблением профессиональных функций, преобладанием специалистов, способных выполнять жестко фиксированные виды деятельности [1], [2, 29], [3], [6, 8–19]; расширение границ ранее автономных профессий; возрастание потребности в специалистах широкого профиля и, соответственно, в организации вузовской подготовки подобных специалистов [4, 30] и др.

Данные обстоятельства потребовали обновления целей-результатов, содержания и технологий образования, путей и условий развития у студентов компетенций, способствующих усилению роли самостоятельной работы по разрешению задач и ситуаций, имитирующих социально-профессиональные проблемы, развитие личностного, социального, интеллектуального потенциала будущего работника, его профессионально важных качеств, позволяющих в дальнейшем в соответствии с возрастающими требованиями работодателей оценить и освоить новое содержание профессиональной деятельности.

Однако анализ ситуации, сложившейся за последние годы в области отечественного образования, приводит специалистов к выводу, что «решению ... задач кадрового обеспечения инновационного развития страны» [5] традиционная система вузовской подготовки в полной мере не способствует. Прежде всего, из-за таких ее недостатков, как:

– «культивирование предметно-дисциплинарной модели подготовки специалиста (без должных междисциплинарных связей и синтеза знаний)»;

– «обеспечение в основном трансляционного способа передачи знаний (студент не учится, его учат)»;

– слабая взаимосвязь «с реальным сектором экономики применительно к инновационному развитию в условиях рыночных отношений» [5, 2];

– неконкретность, а нередко и недостаточная точность квалификационных требований к будущему специалисту и др. [119, 21].

Белорусские (А. В. Макаров, О. Л. Жук, С. Н. Сиренко, Л. В. Хведченя и др.) и российские (И. А. Зимняя, К. В. Кузьмина, Л. А. Петровская, А. К. Маркова, Л. М. Митина, Л. П. Алексеева, Н. С. Шаблыгина, Г. И. Сивкова и др.) ученые считают, что реализация компетентного подхода в высшем образовании станет, с одной стороны, ответом системы образования на социокультурные изменения, с другой – действенным механизмом устранения перечисленных недостатков, и позволит:

– модернизировать традиционную дисциплинарную (знаниево-предметную) модель высшего образования [2, 30];

– перенести акцент с овладения набором определенных ЗУНов на более целостные, интегрированные, востребованные жизненной практикой результаты обучения в виде таких личностных и социально-значимых качеств выпускника, как умение делать, применять знания (а не просто их воспроизводить), заниматься самообразованием и др. [6, 15, 18], [7, 55].

Подготовка студентов, таким образом, переориентируется с решения задач узкопрофессиональных на задачи, имеющие обобщенный (межпредметный) профессиональный характер [2, 30, 37], то есть на формирование у будущих педагогов именно академических компетенций, способствующих не просто усвоению знаний, но и стремлению к личностному развитию, приобретению навыков, необходимых для жизни в демократическом обществе.

Компетентный подход к обучению студентов и школьников в образовательном постсоветском пространстве не является новым – достаточно указать на труды С. Т. Шацкого, Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова, В. В. Вербицкого, А. С. Зубра, И. Я. Лернера, М. Н. Скаткина, А. П. Сманцера, В. В. Краевского, И. С. Якиманской, Г. П. Щедровицкого, Ю. В. Громько и их последователей [38, 98]. Белорусские исследователи, отмечая, что ориентация на компетентный подход является «мировой тенденцией кардинального обновления высшего образования» [8, 165–172], в то же время считают необходимым сохранить преемственность в этом процессе. В частности, всемерно использовать опыт, накопленный в педагогической науке и практике в плане установления тесных и прочных связей между специально-предметным, общекультурным и психолого-педагогическим блоками в содержании и формах профессиональной подготовки школьного учителя.

В настоящее время компетентный подход рассматривается учеными в двух направлениях: общие вопросы (концептуальное обоснование рассматриваемого подхода, выявление его образовательных и

внеобразовательных предпосылок, обобщение международного опыта, определение понятийного состава и др.) и конкретно-прикладные (разработка конкретных компетентностных моделей подготовки специалистов в зависимости от ее профиля, специфики изучаемых предметов и др.).

Если говорить о профессиональной подготовке будущих учителей-филологов, то нельзя не отметить, что модернизация деятельности соответствующих кафедр в данном направлении проводилась и ранее. Опыт переориентации профессиональной подготовки с предметной специализации на специальность учителя литературы накоплен С. М. Одинцовой и В. И. Хазаном в России, А. И. Капской в Украине, В. И. Анисимовым в Беларуси [9].

Введение в Беларуси и других странах СНГ стандартов третьего поколения обусловило появление следующих теоретико-прикладных проблем:

- теоретические и экспериментальные исследования в области реализации компетентностного подхода, в том числе, в процессе подготовки будущих учителей-филологов, представлены не в полной мере;
- научно-методический аппарат, система принципов и закономерностей и др. компетентностной филологической подготовки с учетом предметного профиля (языкового или литературного) и этапов обучения в научно-методической литературе не разработаны.

В связи с перечисленными проблемами процесс овладения студентами академическими компетенциями, в том числе в рамках литературоведческой подготовки, проходит стихийно, бесконтрольно – студенты-филологи не умеют устанавливать логическую связь между изучаемыми литературными явлениями, соотносить информацию из различных источников и объединять ее, актуализировать художественный или научный текст, высказывать свою точку зрения, критически оценивать позицию автора и др.

Вместе с тем, сегодня существует настоятельная необходимость в повышении академических компетенций обучающихся – развитию у них умений учиться, логически мыслить, ясно излагать свои мысли, актуализировать художественно-эстетические ценности, устанавливать преемственные связи между художественными явлениями и др. В последнее время внимание к данной проблеме значительно усилилось. «Чтобы человеку быть на высоте, чтобы достойно отвечать вызову времени, ему необходимо постоянно и успешно учиться... Очевидно, что эффективен не тот, кто просто много знает, а тот, кто владеет инструментами приобретения, организации и применения знаний из различных источников информации...» [10, 90].

Уже более 10 лет Международная ассоциация по оценке образовательных достижений (IEA, International Association for the Evaluation of Educational Achievement

nts) регулярно проводит комплексные исследования PISA, направленные на выявление у студентов и пятнадцатилетних школьников не просто теоретических предметных знаний, а умений их использовать в конкретных жизненных ситуациях. В более чем пятидесяти странах мира осуществляется специальный проект (имеющий непосредственное отношение к деятельности учителей-филологов) «Исследование качества чтения и понимания текста» (PIRLS – Progress in International Reading Literacy Study).

На наш взгляд, для того, чтобы будущий учитель-филолог, закончив педагогический вуз, обладал важнейшими предметно-специализированными умениями и навыками мышления и речи (в области обработки информации, ее анализа, интегрирования, оценивания и др.), соответствующие интеллектуально-речевые умения и способности у него необходимо целенаправленно формировать в начале процесса обучения. В связи с этим ученые различных научных областей особенно часто выделяют начальный этап обучения (первый и второй курсы), то есть этап ранней профессионализации. Рассматриваемый этап обучения отличается собственной качественной характеристикой, в которую входят содержание, длительность, структура и др. Именно на данном этапе большинство студентов испытывают нехватку новых способов учебной деятельности, соответствующих требованиям высшей школы. Старые, проверенные школьной практикой умения учиться оказываются недостаточными, чтобы в условиях вуза добиваться необходимого образовательного эффекта, хотя данные умения на этапе ранней профессионализации составляют сердцевину академических компетенций и являются основой формирования всех других групп компетенций (в том числе, социально-личностных и профессиональных).

На основании вышеизложенного отметим, что недостаточное количество теоретических и прикладных исследований в области компетентностной филологической подготовки будущих учителей и отсутствие разработанной системы принципов и закономерностей процесса формирования ключевых академических компетенций на этапе ранней профессионализации затрудняют процесс овладения студентами ключевыми академическими компетенциями. Данное обстоятельство обуславливает необходимость разработки не только концептуальных оснований, специализированных принципов, но и эффективных способов и диагностико-обучающих средств формирования и мониторинга ключевых академических компетенций будущих учителей-филологов на этапе ранней профессионализации.

Литература

1. Буйко, Т. Н. Обеспечение качества образования в высшей школе: организационно-управленческий аспект / Т. Н. Буйко, В. А. Капранова. – Минск : Нац. ин-т образования, 2000. – 62 с.

2. Ефремова, Н. Ф. Независимое оценивание учебных достижений как инструмент формирования компетенций обучающихся / Н. Ф. Ефремова, Е. Ф. Корсунова // Педагогика. – 2009. – № 7. – С. 57–62.

3. Цыркун, И. И. Система инновационной подготовки специалистов гуманитарной сферы / И. И. Цыркун. – Минск : Тэхналогія, 2000. – 326 с.

4. Жук, А. И. Качество в системе приоритетов государственной образовательной политики в Республике Беларусь / А. И. Жук // Управление качеством образования: теория и практика : сб. ст. // А. Г. Архипенко [и др.] ; под ред.: А. И. Жука, Н. Н. Кошель. – 2-е изд. – Минск, 2009. – С. 15–31.

5. Проект реформы высшего образования в РБ : Государственная программа развития высшего образования на 2011–2015 гг. : утв. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 01.07.2011 г., № 893.

6. Макаров, А. В. Проектирование стандартов высшего образования нового поколения: компетентностный подход / А. В. Макаров // Научно-методические инновации в высшей школе : сб. ст. / Респ. ин-т высш. шк.; под общ. ред. А. В. Макарова. – Минск, 2008. – С. 11–28.

7. Научно-методические инновации в высшей школе : сб. ст. / Респ. ин-т высш. шк. ; под общ. ред. А. В. Макарова. – Минск : РИВШ, 2008. – 186 с.

8. Панов, С. В. Типовая учебная программа нового поколения по истории Беларуси: традиции и новации / С. В. Панов // Научно-методические инновации в высшей школе : [сб. ст.] / Респ. ин-т высш. шк. ; под общ. ред. А. В. Макарова. – Минск, 2008. – С. 165–172.

9. Анисимов, В. И. Интегративные основы моделирования содержания литературного образования в педагогическом вузе / В. И. Анисимов. – Минск : Нац. ин-т образования, 1999. – 240 с.

10. Воровщиков, С. Г. Школа должна учить мыслить, проектировать, исследовать: управленческий аспект / С. Г. Воровщиков, М. М. Новожилова. – 3-е изд. – М. : Высш. шк., 2007. – 352 с.

УДК 27-662.3

М. М. Щербин

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ БЕЛОРУСОВ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Статья посвящена рассмотрению этнокультурных особенностей белорусов, исторически обусловленных рядом социокультурных детерминант развития этноса в пространстве и времени. Определены исторические характеристики данных особенностей, их эволюционный характер и определяющая роль в системе мировосприятия народа. Автор обращает внимание на возможность интерпретации и использования отмеченных этнокультурных особенностей в решении современных проблем патриотического воспитания.

Современная система образования призвана решать ряд воспитательных задач, имеющих перспективную направленность, ориентирующих на развитие и укрепление общества и государства. Среди таких задач одно из ведущих мест принадлежит патриотическому воспитанию, имеющему целью воспитание достойных граждан и патриотов своего Отечества.

Наряду с перспективностью значимым принципом организации патриотического воспитания и важным условием повышения его эффективности является преемственность. Ведь интеграция традиций и инноваций, опора на закреплённые исторически ценности и следование социокультурным парадигмам времени – залог поступательного и прогрессивного развития не только образовательной системы, но и в целом общества и государства.

Система образования в Республике Беларусь наряду с общечеловеческими и гуманистическими ценностями в качестве значимых основ воспитания выделяет также культурные и духовные традиции белорусского народа, имеющие значительный потенциал в воспитании настоящих патриотов и защитников Отечества. Это, в свою очередь, позволит использовать воспитательные возможности национальной истории и культуры, традиций и обычаев белорусов, существенно обогатить воспитательные методы и формы работы. Такая актуализация этнокультурных особенностей в современных условиях глобализации – стратегический шаг на пути к «сильной и процветающей Беларуси» [1, 8].

Особенности совместной жизнедеятельности, природно-климатические условия, характер основных занятий – оказали значительное влияние на ментальные характеристики белорусского этноса, отличительные бытовые черты, выработали нормы и правила совместного проживания людей, что, безусловно, находило отражение в воспитательном процессе молодых поколений. Закреплённость тех или иных качеств, их востребованность в обществе имела конкретно- историческое проявление. Однако в процесс этнической истории выкристаллизовывается и складывается система т. н. "вечных" ценностей, неподвластных времени, согласно которой формируются основные качества и отношение человека к себе, людям и обществу. Среди таких качеств у белорусов можно выделить и патриотизм, как чувство национально-ориентирующее и имеющее ряд этно-исторических признаков-особенностей.

Одно из первых мест в системе ценностей белоруса всегда занимали гармоничные отношения с окружающей средой. Умиление природой, ностальгия по родным местам и пейзажам, чувственное отношение к нематериальным объектам (дому, родному порогу, двору и т.д.) – сформировали отличительную особенность белорусского патриотизма – личность. Тесная связь с природой, носившая жизненно-важную

потребность в первобытные времена, продолжалась в мировосприятии белорусов и впредь. Это было связано с большой зависимостью человека от природных явлений, в основном земледельческим характером деятельности, что содействовало налаживанию «равных» отношений со всем вокруг, когда человек воспринимался частью общего круговорота природы [2, 34]. Поэтому чувственная привязанность к родным местам, любование красотой и великолепием того, что рядом, создание природносоответствующего культурного ландшафта – проявление патриотических качеств человека и в наше время. «В своем краю, как в раю» считали в народе [3, 45].

Продолжением отмеченной особенности можно назвать сакральность в отношении к природе. Подтверждением этому являются существовавшие долгое время рядом с христианством элементы древних верований. Так, например фетишизм, тотемизм, основанные на обожествлении предметов (камней, деревьев и т. д.), животных или растений, долгое время были известны на белорусских землях. Чудодейственная сила таких фетишей или тотемов, поддерживалась многими преданиями и сказками. Лечение болезней и сглаза, помощь в трудных делах и даже силу придавали валуны-богатыри, могучие деревья-великаны или тотемные животные [4, 66]. Символические жертвы и подарки сегодня забыты, но древний принцип «не навреди» по отношению ко всему вокруг и сегодня имеет большой смысл и даже глобальное значение. А стремление к сохранению и приумножению природных, национальных богатств, бережливость к природе, земле и всему живому, их рациональное использование в современных условиях – и есть настоящий патриотизм.

Следующую особенность белорусского патриотизма, известную с давних времен, обусловила жизнедеятельность в сильной крестьянской общине. Многие совместные работы, общий характер ведения хозяйства, принцип деревенской взаимопомощи в любых жизненных ситуациях привели к закреплению коллективизма как ценности, направленной на гармонизацию интересов личности, коллектива и общества в целом. «Дружно – не грузно, а врозь – хоть брось», – подтверждала народная поговорка [3, 33].

Такой крестьянский коллективизм предусматривал не только поддержку каждого конкретного члена общины, но и был значительным консолидирующим фактором, основанным на общности. Общность форм жизнедеятельности, места проживания, интересов, обычаев и т. д. привела к необходимости поддержки такого единства как основы жизни еще с древних времен.

Патриотическая сущность коллективизма была связана с защитой всего «своего» как части общего. И даже сословная разобщенность периода феодализма не привела к общественному расколу. Поскольку для

человека средневековья соответствие определенному месту согласно общественной иерархии, закреплённость обязанностей и занятий были значительно выше личной значимости.

Кроме того, коллективизм основывался на идее «всеобщего блага», получившей особое распространение с принятием христианства. Нравственное совершенствование человека понималось как основание общего счастья и пользы для общества, не мыслилось индивидуально [5, 126]. «Одна головня и в печи не горит, а две и в поле не гаснут» справедливо отмечала народная мудрость [3, 87].

Человеческое единство обладает огромной силой, а если оно объединено общей целью – ему нет препятствий. Вот почему высшие подвиги патриотических чувств всегда связаны с исключительными обстоятельствами – защитой страны, изгнанием неприятеля, созданием, восстановлением и т. д., – когда, только благодаря посильному вкладу каждого, возможно достичь желаемого. Принадлежность к определенному кругу, сообществу или нации – это важный консолидирующий общественный фактор, признак развитого национального самосознания, стержнем которого является патриотизм.

Мощным толчком развития патриотических чувств стало распространение христианства. Рядом с другими общечеловеческими качествами служение своей земной Отчизне признавалась одной из важнейших добродетелей и чертой нравственности личности. Активная общественная деятельность, военная служба, защита государственных интересов признавались церковью служением обществу, стране, Богу.

Самоотверженная деятельность Христа ради общего блага нашла отклик на восточнославянских землях и была очень популярна, как реализация главного христианского постулата – любви к ближнему. История содержала много примеров повторения такого христианского подвига: судьба святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, просветительский подвиг Евфросиньи Полоцкой и Кирилла Туровского, воинский подвиг Довмонта Псковского, Владимира Полоцкого, Александра Невского и др.

Христианский фундамент патриотизма – одна из особенностей восточнославянского мировосприятия, направленного на реализацию социальной справедливости и равенства всех людей перед Богом независимо от их общественного положения [5, 132]. Героизм и самопожертвование соседствовали с человеколюбием, милосердием, заботой о других и не содержали ненависти или чувства превосходства над другими людьми, что составило отличительную ментальную черту белорусов. А это в свою очередь способствовало формированию толерантности, пониманию необходимости мирного сосуществования

людей, построения отношений на принципах диалога и сотрудничества, что не менее актуально и сегодня.

В этой связи закономерной является нравственная основа патриотизма, когда национальная привязанность опирается не только на долг, но и на систему высших ценностей. Патриотизм как моральная качество личности определяет основы регулирования действий человека относительно других людей, народов, стран. Умение поставить на первое место не личные или национальные интересы и цели, а ориентироваться на всеобщее благо – черта не только христианской, но и патриотически-ориентированной личности. Сочувствие несчастьям других, гостеприимство, уважение других взглядов и мыслей – то, что определяло белорусов как в военные лихолетья, так и в мирное время.

Поскольку истинный патриотизм основан на шатком балансе между «личным-общим», «своим-чужим», «мужеством-милосердием», «решительностью-человечностью». Осознание ответственности, уважения к прошлому, гордость за современность и волнение за будущее – то, что должно определять жизненную позицию истинного человека и гражданина.

Важное влияние на развитие патриотических чувств имели особенности становления государственно-правовой системы на белорусских землях. Кроме значительной интеграционной функции, формирование этнической территории под властью единого государя способствовало появлению административного аппарата, соответствующих государственных и правовых институтов.

Такое государственное строительство не носило исключительно принудительного характера и основывалось на принципе «старыны не рухаць», что определило предрасположенность людей. Поэтому постепенно единение «сверху» перерастало в объединение в рамках одного государства, где в качестве идеологической основы использовалась христианская вера и традиция [6, 92]. Внешняя угроза ускорила процесс консолидации общества, а развитие правовой системы закрепило новые формы жизнедеятельности и взаимоотношений между людьми.

В результате локальный патриотизм периода феодальной раздробленности перерастал в государственный, гражданский патриотизм. Именно для него характерны высокая степень гражданской ответственности и активности, значительный уровень развития национального самосознания, что, безусловно, востребовано и в современном обществе. Поэтому в качестве особенности патриотизма можно назвать то обстоятельство, что патриотическое единение белорусов складывалось и протекало в формах государства и права. Когда именно властные структуры выступали в качестве основы и гаранта стабильности общества и, в свою очередь, требовали от своих граждан активных

действий в ответ: участия в судьбе страны, отстаивание ее интересов, защиты границ – всего того, что можно назвать патриотизмом.

Таким образом, этнокультурные особенности народа, что выработывались веками, прошли испытание временем, отражают его ценности и идеалы, должны стать отправной точкой при разработке современных программ и концепций патриотического воспитания. Поскольку учет этнокультурных исторических традиций поможет сохранить преемственность, уточнить цели и задачи, обогатить методы и средства, что позволит повысить результативность воспитания патриотизма на современном этапе. Тем более, что исторически оправданными всегда являются те нововведения, которые имеют глубокие корни и этническое соответствие, особенно в воспитании.

Литература

1. Буткевич, В. В. Гражданское воспитание детей и учащейся молодёжи: пособие для рук. учреждений образования, педагогов, классных руководителей и студентов / В. В. Буткевич. – Минск: НИО, 2007. – 280 с.
2. Шамякина, Т. І. Міфалогія Беларусі (нарысы) / Т.І. Шамякіна. – Мінск: Маст. літ., 2000. – 400 с.
3. Лепешаў, І. А. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна: ГрДУ, 2011. – 695 с.
4. Титов, В. С. Этнографическое наследие. Беларусь. Традиционно-бытовая культура: Учебно-метод. пособие. – Минск, 1997. – 182 с.
5. Забияко, А. П. История древнерусской культуры / А.П. Забияко. – М.: Интерпракс, 1995. – 304 с.
6. Старостенко, В. В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII вв.) / В. В. Старостенко. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2001. – 200 с.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'367

П. Е. Ахраменко

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОСТАВЕ РАЗНЫХ ТИПОВ БЕССОЮЗНЫХ ПОСТРОЕНИЙ

В статье рассматривается функционирование безличных предложений как составной части бессоюзных синтаксических построений

Ю. Д. Апресян пишет: «Владеть языком – значит: а) уметь выражать заданный смысл разными (в идеале – всеми возможными в данном языке) способами (способность к перефразированию); б) уметь извлекать из сказанного на данном языке смысл, в частности – различать внешне сходные, но разные по смыслу высказывания (различение омонимии) и находить общий смысл у внешне различных высказываний (владение синонимией); в) уметь отличать правильные в языковом отношении предложения от неправильных» [1, 28].

Следует отметить, что как и любые синтаксические единицы, так и безличные единицы, в частности, имеют особенности своего употребления.

Еще Е. М. Галкина-Федорук и В. В. Бабайцева обратили внимание на то, что «безличные предложения относятся к самой пестрой и разнообразной группе среди односоставных предложений» как по структуре, так и по семантике [2, 12].

В грамматической литературе общим свойством безличных предложений считается то, что в них «нет и не может быть подлежащего», хотя субъект действия, производитель действия может и называться [2].

Следует отметить, что безличность создается тем, что безличным предложением предполагается возможность изобразить действие в отрыве от деятеля, а признак – в отрыве от носителя признака, как состояние, как общую оценку предмета речи (мысли).

Семантической основой безличных предложений является отсутствие активного деятеля (или носителя признака). Например: *Я работаю* и *Мне сегодня хорошо работается*. В безличном предложении *Мне сегодня хорошо работается* есть указание на действующее лицо (мне), однако форма глагола-сказуемого не допускает именительного падежа, и действие представляется как протекающее независимо от деятеля [2].

Глагольные безличные предложения активно употребляются как составная часть бессоюзных построений.

Е. Н. Ширяев отмечает: «Бессоюзное сложное предложение является ведущим типом сложного предложения в разговорной речи, а в кодифицированном литературном языке оно (за исключением некоторых разновидностей) занимает периферийное положение» [3, 220].

Безличный глагольный компонент со значением явлений природы регулярно функционирует в бессоюзном предложении с перечислительными отношениями. Порядок следования частей в таких построениях определяется семантическим наполнением предикативных единиц. Сказуемые предикативных частей соотносятся в форме совершенного вида прошедшего времени: *Стало светать, петухи запели* (Трифонов).

В бессоюзном предложении с отношениями одновременности происходящих событий безличный глагольный компонент со значением явлений природы употребляется для временной конкретизации того, о чем говорится в соседней предикативной части: *Начало смеркаться, камин гаснул; молодой человек продолжал свое чтение* (Пушкин).

Безличный глагольный компонент со значением окружающей среды способен функционировать в бессоюзном предложении с отношениями последовательности совершающихся действий. На очередность совершающихся действий указывают обстоятельственные слова с временным значением или видо-временное оформление сказуемых предикативных частей: *Уже потемнело, скоро ночь* (Чехов). Временное значение может быть обозначено более точно числительным с указанием времени: *Пение и крики были слышны минут двадцать, потом затихло* (Трифонов).

Безличный глагольный компонент со значением состояния среды в составе бессоюзного предложения с отношениями одновременности употребляется в качестве как первой, так и второй порядковой предикативной части. Сказуемые предикативных частей соотносятся в форме несовершенного вида прошедшего времени: *С крыши капало, курился сложенный в кучи навоз* (Шолохов); *С крыши текло, стук капель не давал уснуть* (Паустовский).

Широко используются в составе бессоюзных предложений безличные предикативные единицы со значением состояния человека. Объект, называющий того, кто испытывает состояние, в форме винительного или родительного падежа в таких безличных компонентах употребляется факультативно: *Сердце жило у Аксины, к ней тянуло по-прежнему тяжело и властно* (Шолохов); *До полудня гонял с зеленых курчавых полос настырных грачей, самого тянуло пойти в шалаши, смотреть в родные братнины глаза, слушать еще и еще рассказ о пережитых страданиях и радостях* (Шолохов).

Безличный глагольный компонент может иметь в своем составе локальный обстоятельственный конкретизатор, указывающий на место: *Во рту сохнет, голос сипнет, голова кружится...* (Чехов); *В глазах потемнело, сердце сжалось в комок и никак не разжимается* (Шолохов).

В бессоюзных предложениях с перечислительными отношениями безличный глагольный компонент со значением состояния человека функционирует регулярно в качестве первой порядковой предикативной части: *Забилось в груди, силы возвращались* (Трифонов); *Сосало под ложечкой, к горлу подступала колючая тошнота* (Шолохов).

В бессоюзных предложениях с пояснительными отношениями безличный глагольный компонент со значением состояния человека активнее употребляется во второй порядковой позиции: *Машинист угрюмо молчал, ему нездоровилось* (Шолохов); *Мать не может говорить, дыхание у нее спирает* (Паустовский).

Безличные предложения со значением состояния человека в бессоюзных построениях сами могут выступать в качестве составных предикативных частей: *В ушах звенело тонко и неумолчно, ломило виски* (Шолохов).

Безличное предложение, обозначающее недостоверное восприятие действительности, активно функционирует в бессоюзном построении с пояснительными отношениями и употребляется, как правило, в первой порядковой позиции: *Ей казалось: простить нельзя* (Трифонов), *Мне кажется, что-то еще будет сказано, что-то произойдет* (Трифонов).

Безличные предложения со значением недостоверного восприятия действительности могут функционировать во второй предикативной части бессоюзного построения с объяснительными отношениями. Как отмечает Е. Н. Ширяев, «основной сферой употребления бессоюзных сложных предложений с объяснительными отношениями служит авторское повествование в художественной речи» [3, 212]. В таких конструкциях безличный глагольный компонент представляет, объясняет то, о чем говорилось в первой предикативной части, как нечто иллюзорное: *Глаза честные, теплые, искренние – так показалось ей* (Чехов); *Жизнь есть сплошной аффект... так мне кажется...* (Чехов).

Безличный глагольный компонент, обозначающий самостоятельно возникающие процессы, не обусловленные волей деятеля, употребляется только как составная предикативная часть бессоюзных предложений с подчинительными отношениями: *Оказывается, мальчики выбили камнем в музее окно* (Паустовский); *Через минуту опять визг и смех: пришлось ехать под громадным нависшим камнем* (Чехов).

В бессоюзных предложениях с отношениями условия безличный глагольный компонент со значением самостоятельно возникающих процессов регулярно соседствует с предикативной частью, в которой сказуемое имеет форму императива: *Не будь пьяных, ей и ее отцу пришлось бы голодать чаще, много чаще* (Чехов); *А не явись Сашенька, парню и девке, чего доброго, пришлось бы попробовать и крапивы...* (Чехов).

Безличный глагольный компонент со значением предрасположенности к действию, состоянию функционирует в составе бессоюзных предложений открытой и закрытой структуры: *Во сне она, наверное, видит свои особенные, светлые, детские сны; ей легко живется, легко дышится* (Шолохов), *Ей хотелось помочь сыну, она не знала как* (Трифонов).

В бессоюзных предложениях открытой структуры сказуемое безличного компонента строится по схеме: форма глагола *хотеться* + инфинитив: *Сразу захотелось спать, в теле гудело изнеможенье* (Паустовский); *Страшно утомлен, пить хочется... голова кружится!* (Чехов).

Предложения с несколькими однотипными глагольными сказуемыми, выражающими значение предрасположенности к действию в современной лингвистике рассматриваются или как сложные построения, где сказуемые являются ядром отдельной предикативной единицы [4, 150; 5, 657, 660, 663], или как простые предложения с однородными членами (В.В.Бабайцева, Н.С.Валгина и др.). А.М.Пешковский предложения с однородными членами называл «слитными» и говорил о том, что они могут приближаться то к простому, то к сложному типу в зависимости от конкретной реализации [6, 441–454].

Относительно безличных предложений с несколькими сказуемыми следует отметить, что простым нужно считать предложение, в котором форма сказуемых однотипна, а семантический субъект, агенс, именуется лишь один раз. На этом для разграничения простых и сложных предложений предлагают основываться в своих работах Н.С. Валгина и Е.Б.Артеменко [7, 225–228; 8, 59].

В составе бессоюзных предложений закрытой структуры безличный глагольный компонент со значением предрасположенности к действиям или состояниям употребляется как в первой, так и во второй предикативной части. Функционирует он в бессоюзных построениях с отношениями пояснения: *У меня есть одна слабость: мне хочется возможно большее число людей приохотить к писательству* (Паустовский); *Ей хотелось увидеть Лаптева: быть может, теперь он покажется ей лучше; быть может, она ошибалась до сих пор...* (Чехов).

Безличный глагольный компонент со значением действия, произведенного неизвестной силой, употребляется в бессоюзных предложениях со сказуемым в форме глагола совершенного или несовершенного вида прошедшего времени. Этот компонент актуален в составе бессоюзных предложений открытой структуры, когда в авторских рассуждениях отмечается непреодолимость, стихийность какого-то действия, а субъект не именуется. Место безличного глагольного компонента в таких конструкциях определяется задачами коммуникации: *Ветер обрывал пуговицы пальто, по ногам несло брызги* (Паустовский);

Контузило меня под Касторной, потом зачало припадками бить (Шолохов)

В аналогичных конструкциях употребляется и безличный глагольный компонент со значением чувственного восприятия и действия, произведенного неизвестной силой посредством какого-либо орудия, обозначенного формой творительного падежа: *В лицо лезут тонкие мокрые корни, пахнет горьким табаком* (Паустовский); *Сонлив и мирен был тусклый октябрьский день; благостным покоем, тишиной веяло от забрызганного скупым солнцем пейзажа* (Шолохов).

Для темпоральной или локальной конкретизации в бессоюзном предложении с отношениями одновременности совершающихся действий употребляется обстоятельственный детерминант. *С неделю тянул южный ветер, теплело, отходила земля, ярко доцветала в степи поздняя мишустая зеленка* (Шолохов); *Над равниной висело реденькое, русское небо, дул теплый ветерок, пахло дымом соломы* (Паустовский). Безличный глагольный компонент, функционирующий в первой предикативной части, включает такой детерминант в свой состав: *В ночь под пасху небо затянуло черногрудыми тучами, накрапывал дождь* (Шолохов).

Безличные предложения со значением действия, произведенного стихийной силой, сами могут выступать в качестве составных предикативных частей бессоюзного предложения открытой структуры: *Уже манило пьяным ростепельным запахом весны, в садах пахло вишенником* (Шолохов).

Если в подобных конструкциях семантический субъект в форме творительного падежа называется лишь один раз, то место постановки такого семантического субъекта и интонационное оформление является критерием разграничения простого предложения с однородными сказуемыми от бессоюзного сложного предложения. В случае, когда семантический субъект употребляется только перед первым порядковым сказуемым, предложение в структурном плане следует признать простым с однородными сказуемыми: *Белой мутью понесло, закурило, запырило поля*. Если семантический субъект, употребляется не перед первым порядковым сказуемым, то все предложение в целом делится на две предикативные части, т.е. будет представлять бессоюзное построение: *Понесло, закурило, белой мутью запырило станицу* (Шолохов). Первая предикативная часть (до семантического субъекта) имеет значение чистого проявления стихийной силы, а вторая, включающая в свой состав семантический субъект, выражает значение действия стихийной силы посредством какого-либо орудия.

Литература

1. Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. – 560 с.

2. Бабайцева, В.В. Односоставные предложения в современном русском языке / В.В.Бабайцева. – М.: Просвещение, 1968. – 165 с.
3. Ширяев, Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1986. – 223 с.
4. Мухин, А.М. Структура предложений и их модели / А.М. Мухин.– М.: Наука, 1968.–229с.
5. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970.– 767с.
6. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский.– М.: Учпедгиз, 1956. – 512с.
7. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. – М.: Высш. шк., 1991. – 432 с.
8. Артеменко, Е.Б. К вопросу об односоставных предложениях в структуре сложного / Е.Б. Артеменко // Изв. Воронеж.пед. ин-та. – 1962.– Т. 42.– С. 52–61.

УДК 811.161.3:821.161.3

Н. А. Барысенка

НАЗВЫ ПРАДСТАЎНІКОЎ РАСІЙСКОЙ АРМІІ XVII–XIX СТСТ. У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЧНАЙ ПРОЗЕ

У артыкуле на канкрэтным фактычным матэрыяле прааналізаваны этымалагічныя, семантычныя, словаўтваральныя і функцыянальныя асаблівасці найменняў прадстаўнікоў расійскай арміі XVII – XIX стст. у сучаснай беларускай гістарычнай прозе.

Мастацкія творы на гістарычную тэматыку з’яўляюцца тым найкаштоўнейшым матэрыялам, што дапамагае сучаснаму чытачу дакрануцца да гісторыі свайго народа, усвядоміўшы “хто” і “што” мы ў сусвеце. Для рэалізацыі праўдзівага апавядання аўтары старанна вывучаюць пэўны гістарычны перыяд, прадставіўшы затым ўсе магчымыя яго артэфакты: канкрэтыя гістарычныя звесткі, дзеючыя асобы, прадметы, каб максімальна наблізіць чытача да апісваемых падзей. І тут жа немагчыма абйсціся без стварэння моўнага каларыту эпохі.

Творы сучасных пісьменнікаў-гісторыкаў дастаткова поўна насычаны ўстарэлай лексікай розных тэматычных разрадаў. Апісанне ваенных падзей, якія былі даволі частымі ў розныя гістарычныя эпохі, дае магчымасць выкарыстоўваць вялікую колькасць устарэлай ваеннай тэрміналогіі, што таксама прадстаўлена разнастайнымі семантычнымі групамі: намінацыі старажытнай зброі, амуніцыі, назвы асоб, звязаных з

вайсковай справай; словы, што характарызуюць структуру воінскіх фарміраванняў і вайсковую іерархію; паняцці стратэгіі і тактыкі.

Намінацыйны разрад назваў асоб, звязаных з вайсковай справай, уключае ўстарэлыя словы, што характарызуюць склад войска ў цэлым і даюць ўяўленне аб вайсковай іерархіі армій розных краін у розных гістарычных перыяды.

У артыкуле прааналізуем найменні, якія даюць уяўленне аб складзе расійскай арміі XVII–XIX стст.

Ардынарац (< рус. *ординарец*, ад франц. *ordonnance* < *ordonner* ‘загадваць’ – [1, 3, 150] ‘афіцэр для даручэнняў пры камандуючым’ [2, 1, 264]: *Выклікаў з калідора ардынараца* [3, 17]. У сучаснай беларускай літаратурнай мове аналізуемая лексема не змяніла семантыкі і пашырана са значэннем ‘ваеннаслужачы пры камандзіры або штабе для выканання розных даручэнняў’ [4, 1, 132].

Сінонімам да слова *ардынарац* з’яўляецца намінацыя *фельд’егер* (< ням. *Feldjäger* – [4, 2, 551]) ‘ваенны або ўрадавы кур’ер для дастаўкі вельмі важных, сакрэтных папер, дакументаў’ [2, 5, 2, 122]: *Прыехаў жандарскі афіцэр, фельд’егер з эстафетаю* [3, 4]; *Другі тыдзень сядзіць сталічны фельд’егер* [5, 209].

Грэнадзёр (< франц. *grenadier*, ад *grenade* ‘граната’ – [4, 1, 407]) ‘салдат адборных пяхотных і кавалерыйскіх часцей у арміях еўрапейскіх дзяржаў з XVIII ст.’ [4, 1, 407]: *Шэсцьсот старых грэнадзёраў, чатыры сотні карсіканскіх стралкоў – усё яго сённяшняе войска* [5, 95]; *Паслалі навагодняе вітанне вартаўніку – палацаваму грэнадзёру* [6, 225]. Першапачаткова гэты гістарызм меў значэнне ‘гранатамётчык у еўрапейскіх арміях XVII–XVIII стст.’ [4, 1, 407].

Аналізуемае слова выконвае не толькі намінацыйную функцыю, але і актыўна ўключаецца ў мастацкае апісанне ў складзе параўнальнага звароту: *Як грэнадзёры ў страі, стаялі на баках дарогі кашлатыя елкі* [6, 21].

Ездавы (езны) (<ездзіць, ад прасл. **jězditi* – [7, 2, 184]) ‘салдат, які правіў коннай запрэжкай’ [2, 2, 241]: *Заскакалі езня* [8, с. 20]. Старабеларускія прыметнікі *ездный*, *езный* ‘конны, коннік, кавалерыст’ у значэнні назоўнікаў вядомы помнікам пісьменнасці з XVI ст. [10, 9, 184].

У некаторых арміях, у тым ліку і расійскай, з XVII да сярэдзіны XIX ст. салдат асобых стралковых палкоў называўся *егер* (< ням. *Jäger* ‘стралок, паляўнічы, хто займаецца паляўнічым промыслам’, ад н.-ням. *Jäger*, ад *jagen* ‘паляваць, гнаць’ – [9, 1, 5, 245])[2, 2, 240]: *На досвітку шукаць кватэры штабу ў горад паскакалі два эскадроны егераў і мамелюкаў* [5, 126].

У сучаснай беларускай мове слова *егер* агульнаўжывальнае са значэннем ‘паляўнічы-прафесіянал, які вядзе нагляд за дзікімі жывёламі,

арганізуе паляванне, абучае паляўнічых сабак; работнік лясной аховы ў запаведніках’ [2, 2, 240].

У дарэвалюцыйнай царскай Расіі салдат-навабранец, асоба з падатковага насельніцтва (сялян, мяшчан), прызваная на ваенную службу, называўся *рэкрут* (< польск. *rékrut*, ад ням. *Rekrut*, з франц. *rekrue* ‘навабранец’, *recruter* ‘набіраць войска’ – [1, 3, 465]) [2, 4, 756]: *А цяперака Петрачка майго на дваццаць гадоў у рэкруты павялі* [5, с. 223]; *Хто бізуноў атрымаў, каго ў рэкруты ўзялі* [6, 22]; *Там кучка рэкрутаў-навабранцаў варушліва завіхалася вакол яе* [3, 155].

Улан (< польск. *ulan*, ад тур. *ohlan* ‘хлопец, слуга’ – [4, 2, 524]) у арміі царскай Расіі XIX – пачатку XX ст. – ‘салдат або афіцэр лёгкай кавалерыі’ [2, 5, 2, 10]: *Полк уланаў ён загадае прылічыць да імператарскай гвардыі* [5, 115].

Ад асновы слова *ўлан* пры дапамозе суфікса *-ск-* утвораны прыметнік *уланскі* ‘які складаецца з уланаў’: *У бліжэйшы час зможа даць Вялікай арміі пяць пяхотных палкоў і чатыры – уланскія* [5, 115].

У арміях Польшчы з XVIII да пачатку XX ст. салдаты лёгкай кавалерыі таксама называліся *уланамі*: *Пад Мірам казакі з ар’ергарда Платава разбілі дзевяць уланскіх палкоў польскай кавалерыі* [5, 115].

Юнкер (< ням. *Junker* ‘малады дваранін’ – [4, 2, 732]) ‘у царскай Расіі – выхаванец ваеннага вучылішча, якое рыхтавала афіцэраў’ [2, 5, 2, 485]: *Чалавека, які кінуў бомбу, ужо трымалі паліцэйскія і казакі, да іх беглі праабражэнцы з юнкерамі* [5, 263]. *Юнкерам* называўся і памешчык у былой Прусіі [4, 2, 732].

Капрал (< польск. *kapral*, ням. *Kapral*, ад франц. *caporal* ‘малодшы камандзір, брыгадзір’ – [1, 2, 187]) ‘асоба, якая мела воінскае званне малодшага камандзіра ў арміях некаторых краін і ў рускай арміі з XVII да першай паловы XIX ст.’ [2, 2, 632]: *Загінула трое жаўнераў і капрал* [5, 114]. У рускай мове слова ўпершыню сустракаецца ў XVII ст. [1, 2, 187]. З XVII ст. зафіксаваны лексемы *каплярь*, *капрель* ‘капрал’ у старажытнай беларускай пісьменнасці [10, 14, 271]. Званне *капрала* захавалася ў арміях некаторых краін да цяперашняга часу [4, 1, 609].

Карнет (< галандск. *kornet* ‘сцяганосец’, ад франц. *cornette* ‘сцяганосец, афіцэр-кавалерыст, які нясе сцяг’ – [9, 1, 2, 320]) ‘асоба, якая мела першы афіцэрскі чын ў кавалерыі і пагранічным войску дарэвалюцыйнай рускай арміі, роўны падпаручніку пяхоты’ [2, 2, 644]. *У шэсць гадоў царскі нябож узведзены ў чын карнета* [6, 26]. Старабеларускай пісьменнасці назоўнік *корнетъ* з XVII ст. быў вядомы ў значэнні ‘карнет, духавы медны музычны інструмент’ [10, 16, 13]. Назва *карнет* вядома і сучаснай лексічнай сістэме ў якасці музычнага тэрміна [4, 1, 619].

Паручнік (< рус. *поручник* ‘старэйшы ваенны чын, лейтэнант’, ад польск. *porucznik* ‘тс’ – [1, 3, 336]) ‘асоба, якая мела афіцэрскае званне, што

ішло за званнем падпаручніка' [2, 4, 62]: *Адчыніліся ў нашай каморы дзверы, і той паручнік з крывым носам з парога раве* [5, 187]; *Паручнік адказваў насцярожана* [3, 39]. У старажытнай беларускай пісьменнасці назоўнік *поручникъ* 'паручнік' вядомы з пачатку XVIII ст. [11, 62].

Лексема *ротмістр* (< стп. *rotmistrz*, ад спн. *Rotemeister* 'прадвядзіцель' – [11, 62]) мела два значэнні: 1) афіцэрскі чын у кавалерыі, які адпавядае чыну капітана ў пяхоце ў польскай і дарэвалюцыйнай рускай арміях; 2) камандзір роты ў войсках Вялікага княства Літоўскага ў XV–XVII стст. [4, 2, 296]. Старабеларускае *ротмістръ* 'камандзір роты' ўжывалася ў помніках з XVI ст. [11, 62]. У творах беларускай гістарычнай прозы сустракаецца слова *ротмістр* толькі з першым значэннем: *Мабыць, узрадзілі яе [трывогу] натоўны пехацінцаў, якіх ротмістры пачалі ганяць на полі* [6, 433]; *Прыслалі ў Ігумен жандарскага ротмістра Антона Калягіна* [3, 16].

Унтэр-афіцэр (< ням. *Unteroffizier* – [4, 2, 528]) 'асоба, якая мела званне малодшага камандзіра ў царскай і некаторых замежных арміях' [2, 5, 2, 27]: *Трое салдат на чале з вусачом-унтэрам патопчуца трохі ды наплятуца адзін за адным да цяпла* [3, 3]; *Не адставаў ад яго унтэр, відаць, адчуваў ён у зацятым маўчанні крошынскага навабранца нешта такое, што трэба было абавязкова забіць, затаптаць* [12, 192]. У пададзеных прыкладах ужыта размоўная кароткая форма аналізуемай лексемы – *унтэр*.

Унтэр-афіцэр артылерыі ў арміях царскай Расіі называўся *феерверкер* (< ням. *Feuerwerker* – [4, 2, 550]): *Да нашага палкоўніка Мухіна заявіліся феерверкер і двое радавых* [5, 235].

А унтэр-афіцэр у казацкім войску царскай арміі называўся *ўраднік* (< *урад* 'упарадкаванне, распарадак' + *-нік-* – [1, 4, 169]) [2, 5, 2, 44]: *Я, Артамонава Ганна Лявонаўна, дачка ўрадніка Уральскага казацкага палка* [6, 235].

Штаб-афіцэр (< ням. *Stabssoffizier* – [4, 2, 660–661]). Так у арміі царскай Расіі называлася асоба, якая мела старшы афіцэрскі чын (палкоўнік, падпалкоўнік, маёр) [4, 2, 660–661]: *Жандарскі штабс-афіцэр, падпалкоўнік Васільеў; Я дазволіў сабе зняважліва падумаць пра майго штаб-афіцэра корпуса жандараў* [3, 80, 237].

Афіцэрскі чын у пяхоце, артылерыі і інжынерных войсках, рангам вышэйшы за паручніка і ніжэйшы за капітана, у царскай Расіі меў *штабс-капітан* (< ням. *Stabskapitan* – [4, 2, 661]) [2, 5, 2, 394]: *Штабс-капітана пасадзілі ў Аляксееўскі равелін Петрапаўлаўскай крэпасці* [6, 91].

Як бачым, прааналізаваныя найменні даюць яскравае ўяўленне як аб агульным складзе, так і аб вайсковай іерархіі расійскай арміі XVII – XIX стст. Разнастайныя паводле этымалогіі, семантыкі і словаўтваральных здольнасцей, умела ўведзеныя ў мастацкае апісанне, яны з'яўляюцца сродкам гістарычнай стылізацыі.

Літаратура

1. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 576 с.; 1986. – Т. 2. – 672 с.; 1987. – Т. 3. – 832 с.; 1987. – Т. 4. – 864 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск: БелСЭ, 1977 – 1984. – 5 т.
3. Віж, М. Лабірынт / М. Віж. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 333 с.
4. Булыка, А. М. Слоўнік іншамоўных слоў: у 2т. / А. М. Булыка. – Мінск: БелЭн, 1999. – Т. 1.– 736 с.; Т. 2. – 736 с.
5. Арлоў, У. Міласць князя Гераніма: аповесці, апавяданні / У. Арлоў. – Мінск: Юнацтва, 1993. – 272 с.
6. Ліпскі, У. С. Невядомы: Аповесць пра Ігната Грынявіцкага / У. С Ліпскі. – Мінск: Маст. літ., 1990 – 295 с.
7. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978–1993. – 8 т.
8. Шамякін, І.П. Вялікая княгіня: Раман / І.П. Шамякін // Маладосць. – 1996. – № 1. – С. 91–144; № 2. – С. 75–115.
9. Этимологический словарь русского языка / Ред. Н.М. Шанский. – М.: Изд-во Московского университета, 1963. Т. 1, вып. 1. – 196 с.; 1965. – Т. 1, вып. 2. – 270 с.; 1968. – Т. 1, вып. 3. – 284 с.; 1972. – Т.1, вып. 4. – 216 с.; 1973. Т. 1, вып. 5. – 304 с.; 1975. – Т. 2, вып. 6. – 124 с.; 1980. – Т.2, вып. 7.– 146 с.; 1982. – Т. 2, вып. 8. – 470 с.
10. Гістарычны слоўнік беларускай мовы: у 18 вып. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – Вып. 9. – 296 с.; 1996. – Вып. 14. – 301 с.; 1997. – Вып. 16. – 359 с.
11. Булыка, А. М. Лексічныя запазычаны ў беларускай мове XIV–XVIII стст. / А. М. Булыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 250 с.
12. Іпатава, В. Прадыслава: Аповесці і апавяданні / В.М. Іпатава. – Мінск: Беларусь, 1997. – 272 с.

УДК 821.161.1

Л. Н. Боженко, В. И. Горбачук

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГЕРОИЧЕСКОГО В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ВИЙ»

Статья посвящена сложному и многоаспектному понятию «героическое», которое, по нашему мнению, присутствует в повести Н. В. Гоголя «Вий», хотя данная точка зрения не является общепринятой. Для её доказательства исследовались место повести в цикле «Миргород» и языковые единицы текста, что позволило прийти к заключению: смерть главного героя – это не наказание за страх и грехи, а победа над вселенским злом и нравственное очищение на пути к себе – герою (И. Монахова).

История разных наук знает немало явлений, которые, заинтересовав мыслителей еще в глубокой древности, не нашли исчерпывающего объяснения и в наши дни. К ним относится и феномен героического. Героическое – сложная и широкая категория, которая имеет не только

эстетический смысл, но и нравственный характер. Поэтому вопрос о героическом как эстетической категории неотделим от вопроса о героизме – варианте человеческого поведения и отношения к миру. Таким образом, героическое имеет нравственно-эстетическую основу.

Однако проблема героизма как поведения, которое отличается от нормативного и проявляется в различных позитивных действиях и событиях, по-прежнему актуальна и в современной жизни, и в художественной литературе. Наше внимание привлекла статья Ирины Монаховой «Небесный полководец и земные воители», написанная к 160-летию со дня смерти Н. В. Гоголя и посвященная повести «Вий», одному из самых загадочных, как утверждает автор, произведений гениального писателя [1, 4]. В ней совершенно по-новому оценивается главный герой – Хома Брут, принципиально иначе прочитывается эта повесть и определяется её место в цикле повестей «Миргород». Ход рассуждения автора и приведённые им аргументы побудили нас обратиться к тексту повести, чтобы окончательно согласиться или не согласиться с её оценкой.

Как правило, героизм в нашем представлении – категория, отражающая стойкость, патриотизм, желание подвига. Но героическое может проявляться не только в ратных и трудовых подвигах, но и в победах над своими слабостями, что мы увидели в образе философа Хома Брута из повести «Вий». Доказательством этого может быть уже тот факт, что Гоголь расположил повесть «Вий» за повестью «Тарас Бульба» неслучайно.

А. И. Монахова определила эту повесть как «Тарас Бульба» в миниатюре и убедительно доказала это. Тема у них одна, пишет автор, – героическое в человеке. И сюжет, по существу, схож – путь человека к себе – истинному, к себе – герою. Но масштаб разный. Читая о героях «Тараса Бульбы», мы можем подумать: «Как они далеки от нас!» А читая о Хоме Бруте, мы видим, что этот персонаж – один из нас, он, в сущности, такой же, как мы [1, 4]. Попробуем это доказать.

Начнём с имени главного героя – Хома Брут. Имя Хома большинство исследователей объясняют одинаково: это просторечный вариант имени Фома, который был одним из учеников Христа и отличился тем, что высказал пожелание собственноручно прикоснуться к ранам Христа, чтобы убедиться в том, что Он воскрес. Потом, как и многие другие ученики Христа, апостол Фома стал святым мучеником – был казнен за проповедь христианства. Подобно своему небесному покровителю, Хома Брут, слушатель Киевской духовной семинарии, тоже попал в ситуацию особую, выделившую его из круга однокашников [2, 269]. Однако Ярослав Туров однозначно соотносит это имя с сущностью героя, не верующего в Бога: «Как и евангельский персонаж, философ Хома не верует в Спасителя, поэтому он, как и его предтеча, вполне заслуженно может быть назван Хомой (Фомой) неверующим» [3].

По поводу фамилии толкования единичны. Так, в своем исследовании «Символические образы повести Н. В. Гоголя «Вий» Ярослав Туров пишет: «Фамилию для своего героя Гоголь также подобрал вполне намеренно: Брут в Древнем Риме – глава заговора против Юлия Цезаря. По преданию, одним из первых он нанёс ему удар кинжалом. «И ты, Брут!» – изумился его предательству Цезарь. С тех пор имя Брут стало ассоциироваться с предательством. Есть ли что-нибудь общее у римского сенатора и гоголевского героя? Только то, что он (и в целом русский народ) совершил предательство по отношению к христианской вере, к Спасителю» [3]. Можно ли с этим согласиться? Отчасти. Да, в Хоме нет веры, хотя он учится в духовной семинарии, и этим он не отличается от своих дружков-семинаристов. Но Хома, в отличие от них, философ. Может, поэтому в имени героя сочетается низкое (Хома, а не Фома) и высокое (Брут).

Хома – уникальный по-своему тип среди гоголевских героев. Уникальный своей обыкновенностью. Даже происхождение его неизвестно: он сирота, не знающий и не помнящий своих родителей.

Обыкновенен этот человек во всем – в своих достоинствах и недостатках, слабостях, склонностях, прегрешениях. Гоголь пишет о нём не как о выделяющемся чем-то из толпы герое, а как об одном из многих – как о части однородной массы, то есть бурсаков. Обыкновенность Хома помогает читателям воспринимать всё, что с ним происходит, очень живо и непосредственно, как бы соотносить, идентифицировать себя с ним.

Стоически вынес Хома испытания, выпавшие на его долю. Не обольстился полётом над землей, позволившим видеть землю в необычном, сказочном, заманчивом виде. Не побоялся восстать против нечистой силы. Хотя о страхе как о причине смерти Хома в повести говорит Горобець, который мог знать о произошедшем только понаслышке, а не автор. Автор же пишет о последнем поступке Хома так: «*Не вытерпел он и глянул*». «*Не вытерпел*» и «*испугался*» – это не одно и то же.

В последний момент Хома по существу сделал самый важный в своей жизни выбор – осознанно или интуитивно: послушаться заботливого внутреннего голоса, которым, наверное, говорило чувство самосохранения, спрятаться от врагов и спасти себя или принять вызов и сразиться с нечистью, рискуя жизнью. Но Хома «*не вытерпел*». «*Не вытерпел*» спрятаться от своего злейшего врага и решил принять бой. Мог ли он в краткое мгновение прийти к этому решению осознанно? Вряд ли – не было времени для обдумывания. Скорее всего, утверждает И. Монахова, это было невольное, интуитивное решение – по велению самой природы этого человека – философа Хома, который говорил о себе: «*Да и что я за козак, когда бы устрашился*».

Обыкновенный парень Хома, имеющий, бесспорно, свои недостатки и слабости, в самый страшный момент как бы переродился. В нём вдруг «проснулся» на мгновение «православный рыцарь» наподобие Тараса Бульбы и его товарищей. Хома в конце концов воспринял нечистую силу в своей судьбе не как природное стихийное бедствие, от которого нужно спрятаться, чтобы выжить, а как врагов, с которыми нужно сражаться, несмотря на неравные силы.

Таким образом, Хома Брут в этом отношении очень близкий Гоголю герой, выразивший своей трагической судьбой заветные идеи самого Гоголя: в последний момент он вспомнил всем своим существом о чём-то самом важном, что важнее многих сиюминутных обстоятельств, и это вдруг придало смысл всей его жизни.

Твёрдость веры, доверие к Богу – это было для самого Гоголя, наверное, основой его жизни и его мировоззрения. Всю жизнь (судя по его произведениям и письмам) очень дорога ему была мысль о том, что вера в Бога даёт и твёрдость в жизненных испытаниях.

Однако глубина веры в Бога состоит не в том, чтобы бежать от обстоятельств, им данных, а в том, чтобы увидеть в них глубокий смысл и употребить их к лучшему, с точки зрения исполнения своего долга перед Богом и людьми, и в этих обстоятельствах сделать правильный (с этой же точки зрения) выбор. Получается, что Хома, смутившись и испугавшись, сначала сделал выбор неправильный, дав возможность уцепиться за свое малодушие нечистой силе и увести его по опасной дороге. Но в конце повести, когда у него снова появился выбор, но уже другой и совсем в других обстоятельствах – спрятаться от тёмных сил или вступить с ними в борьбу, он все-таки сделал правильный выбор.

Поскольку Хома был философ, ему свойственны были глубокие внутренние переживания образного характера, которые меняют его натуру. В тексте есть доказательства изменяющегося мира Хома. Вспомним его полёт. Он был обольщён величием природы. Не это ли обольщение красотой волшебного мира и самой панночки-ведьмы (как его части) мешало другим её жертвам противостоять ей, а значит, противостоять и вообще нечистой силе и её влиянию на человека? Ведь у Хома было много предшественников. И никто из них с ведьмой не только не сражался, но и возразить не посмел.

В сложном сочетании ощущений летящего Хома, наверное, главным было восхищение и обольщение красотой как всего волшебного мира, так и потом – панночки. Впечатления Хома от открывшейся ему небывалой красоты менялись от *«бесовски-сладкого чувства»* во время полета до робости после превращения старухи в красавицу (*«Затрепетал, как древесный лист, Хома: жалость и какое-то странное волнение и робость, неведомые ему самому, овладели им; он пустился бежать во весь дух»*) и смеси восхищения и ужаса от созерцания идеальной красоты

умершей панночки, лежащей в гробу: «Он подошел ко гробу, с робостью посмотрел в лицо умершей и не мог не зажмурить, несколько вздрогнувши, своих глаз:

Такая страшная, сверкающая красота!» [4, 173].

Именно мистическому страху Гоголь придавал важное значение в познании. Испытанный философом страх, религиозный и эстетический «пиитический ужас», раскрывает глубину и красоту мира. Страх способствует проникновению в суть тайн бытия и инобытия. Страх помогает Хоме постичь мир на протяжении всего его трагического и дерзновенного жизненного пути. Страхом объясняет павший на Хому выбор ведьмы Е. С. Ефремова в своей статье «Страх и дерзновение Хома Брута» [5].

Что же такое Вий, подлинно великий, «колоссальный» Вий? В чем проявляется он? Вспомним Кьеркегора, сказавшего: «Ничто страха... является комплексом предчувствий, к которым индивидуум подходит все ближе и ближе». Цит по: [4, 43]. Повесть Гоголя вся пронизана этими предчувствиями – предчувствиями Вия. Намёками он прошёл по всей повести, по всей судьбе Хома. Вий – тайна рока, ежечасно проявляющая себя в обыденном, Вий – «похоронная песнь», прозвучавшая в час веселья напоминанием о смерти, и «слабое стенание, похожее на волчий вой», время от времени доносящееся неведомо откуда и вызывающее у Хома безотчетную тревогу, Вий – «безотчетные чувства» и «темные предчувствия», которые вызваны всем страшным, прекрасным, уродливым, великим, что встречает Хома в жизни: щемящей красотой покойной панночки, уродством демонов и чудовищ, ищущих Хому в церкви. И красавица, и позеленевший труп предвещают нечто более страшное и великое – они предвещают Вия.

Страх – начало мысли, философии, религии. Хоме Бруту как философу, считает Е. С. Ефремова, дано испытать страх.

Бесстрашный казак и страшящийся философ борются в Хоме Бруте, и именно страшящемуся, по мысли Гоголя, доступно высшее, именно страшящийся способен проникнуть в тайну бытия и слиться с ней в религиозном и эстетическом порыве. Страх превращает обывателя и атеиста (обратим внимание, пишет Е. С. Ефремова, на символическое значение имени героя – Фома неверующий) в поэта, восхищённого красотой мира, в мистика, наслаждающегося общением с иными мирами, и в философа, познающего суть бытия, чистое бытие, Ничто [5, 47]. Гоголь открыл, что стремится к страшному не бесстрашный, а научившийся страшиться, то есть философ. Лишь научившемуся страшиться открываются страшные тайны инобытия, лишь научившийся страшиться способен познать всё мучительно неразгаданное, всё таинственное и великое, что предвещает Вия.

Философ Хома Брут видит и всё устрашающее уродство, и всю ослепительную красоту Хаоса. Зная, сколь несоразмерны человеческие

возможности с его величием и безмерностью, он так же, как философ, стремится к страшному; так красота покойницы-ведьмы поражает его «паническим ужасом» и одновременно притягивает: «...он не утерпел, уходя, взглянуть на неё и потом, ощутивши тот же трепет, взглянул еще раз» [4, 167]. (Подчёркнуто нами. – Л.Б., В.Г.)

Вий столь притягателен, что жажда его созерцания преодолевает страх смерти, философ «не вытерпел» не взглянуть на него. Но одновременно этот взгляд в глаза Вию – утверждение собственной силы, восстание гордого человека. Вию дано уничтожить Хому. Хоме Бруту дано пойти навстречу уничтожению, принять вызов всесильного врага, взглянуть ему в глаза. Знаменательно, что гибнет философ Хома не от взгляда Вия, а от собственного взгляда на него. Смертельный взгляд в глаза Вию – это взгляд философа, сознающего всё величие смерти и запредельного мира, но дерзающего принять его вызов, помериться силами. Именно этот взгляд в глаза Вия – высшая точка повествования.

Если в контексте обыденности определение Хома Брута как философа звучит иронично, почти пародийно (ср. строки из повести: «философия с черными усами», «философия, почесывая бока...», «профессор отделявал деревянными лопатками по рукам философию»), то здесь, в церкви, ночью, на арене, где высшая и страшная сила сталкивается с дерзостью проникновения в неё человека, он – философ в самом высоком смысле. «И философ остался один... «Приведите Вия! ступайте за Виём!» – раздались слова мертвеца. И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучащие по церкви... «Подымите мне веки: не вижу!» – сказал подземным голосом Вий, – и всё сонмище кинулось подымать ему веки. «Не гляди!» – шепнул какой-то внутренний голос философу. *Не вытерпел он и глянул*». В этой трагической и страшной сцене философ подлинно велик. Влечение к тайне оказалось сильнее страха смерти.

Ключевое предложение «*Не вытерпел он и глянул*» с первым глаголом «не вытерпел» говорит о том, что стремление взглянуть на Вия у Хома было вполне подготовленным. По крайней мере, в заключительной части текста, где описывается приход Вия, об этом, на наш взгляд, говорят следующие слова. Несмотря на страх, одолевший Хому, он не лишился рассудка, и слышал, и видел, и даже чувствовал, что вокруг него происходило:

У Хома вышел из головы последний остаток хмеля. Он только крестился да читал как попало молитвы. И в то же время слышал, как нечистая сила металась вокруг него, чуть не зацепляя его концами крыл и отвратительных хвостов. Не имел духу разглядеть он их; видел только, как во всю стену стояло какое-то огромное чудовище в своих перепутанных волосах, как в лесу; сквозь сеть волос глядели страшно два глаза, подняв немного вверх брови. <...>

*И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшие по церкви; **взглянув** **искоса**, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека. <...> **С ужасом заметил** Хома, что лицо было на нем железное. Его привели под руки и **прямо поставили к тому месту, где стоял Хома**[4, 182–183].*

В приведённом отрывке ключевыми являются глаголы зрительного восприятия, которые соотносятся между собой следующим образом: **разглядеть**, т.е. увидеть целиком, в деталях окружившую его нечисть Хома не имел духу, т.е. не осмелился, но **видел только** какое-то огромное чудовище... Услышав шаги движущегося Вия, он не лишился чувств (а мог бы!) и не замер от ужаса, закрыв глаза, а **взглянул искоса** (т. е. посмотрел не прямо, а боковым зрением) и **заметил**, потому что взгляд был хоть и одномоментный, о чём свидетельствует суффикс **-ну-**, но вполне осознанный. И когда Вий оказался **перед** Хомой, его «*терпению пришел конец, и он глянул*».

Другими словами, мы считаем, что к своему последнему роковому шагу Хома шёл не интуитивно, невольно, как утверждает И. Монахова, а сознательно, движимый любопытством философа открыть для себя самую главную тайну, не думая о цене.

Итак, наше обращение к повести Н. В. Гоголя «Вий» было обусловлено стремлением увидеть героическое там, где его, по общепринятым понятиям, быть не может. Отсюда и новая оценка самого обычного греховного бурсака Хомы Брута как истинного философа, который дерзнул глянуть в лицо вселенскому злу ценой своей жизни. Причём сделал он это, по нашему мнению, которое в данном случае не совпадает с мнением Ирины Монаховой, *сознательно, подготовившись* к этому последнему и решительному шагу, что подтверждено словами «не вытерпел», употреблёнными писателем в заключительной картине.

Этот взгляд в глаза Вию – утверждение собственной силы, восстание гордого одинокого человека. Смертельный взгляд в глаза Вию – это взгляд философа, сознающего всё величие смерти и запредельного мира, но дерзающего принять его вызов, помериться силами. Это подвиг познания сути мира, его самой страшной тёмной стороны.

Таким образом, в этой самой удивительной повести главное – не фантастическое, а героическое.

Литература

1. Монахова, И. Небесный полководец и земные воители / И. Монахова // «Литературная газета». – 2012. – № 8. – С. 4.
2. Монахова, И. Страхи и ужасы. О повести Н. Гоголя «Вий» / И. Монахова // Вопросы литературы. – 2009. – № 3. – С. 269–304.
3. Туров, Ярослав. Символические образы повести Н. В. Гоголя «Вий» / Я. Туров // – proza.ru /2011/05/04/23. – Дата доступа – 6.03.2013.
4. Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Н. В. Гоголь. – Минск: Народная асвета, 1980. – 351 с.
5. Ефимова, Е. С. Страх и дерзновение Хомы Брута / Е. С. Ефимова // Русский язык в школе. – 1994. – № 1. – С. 40–47.

ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Основными требованиями, предъявляемыми к языку научно-технической литературы, являются краткость изложения и точность формулировок. Для нее характерны насыщенность специальными терминами и сокращениями, традиционность в употреблении лексики, предпочтение некоторых синтаксических оборотов другим и т. п. Термин может быть создан на базе слов родного языка или заимствован. Рост употребления научно-технической литературы требует подготовки специалистов, способных точно переводить эти тексты в письменной и устной форме.

В последнее время отмечается рост перевода «нехудожественных» текстов, значительную часть которых составляет научно-техническая литература. Особенностью такой литературы являются точность и краткость выражения мысли, логическая последовательность и полнота изложения. Это достигается в первую очередь использованием в ней терминов. Термины являются значительной составной частью абстрактной лексики, используемой в реализации стиливых черт научного текста.

Большое количество в тексте специальных терминов, особенно вновь появившихся (неологизмов), которые еще не зарегистрированы в словарях, создает в практике технического перевода с иностранного языка значительные трудности. Нередко техническому переводчику приходится самому создавать эквивалентные русские технические термины для выражения новых понятий. Эта насыщенность языка научно-технической литературы новыми словами объясняется тем, что технические термины по своей природе являются наиболее текучим, подвижным слоем словарного состава языка. В современном мире в результате роста научно-технических знаний свыше 90% новых слов, появляющихся в языках, составляют именно специальные слова – термины.

Разные авторы по-разному интерпретируют понятие «термин». М. М. Глушко констатирует, что «термин – это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы» [1, 79]. А.А. Реформатский определяет термины как «однозначные слова, лишенные экспрессивности» [2, 204]. С. В. Гринёв характеризует термин «как номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание) специального языка, принимаемую для точного наименования специальных понятий» [3, 22]. Мы придерживаемся точки зрения Л. С. Бархударова, который определял термин как «слово или сочетание слов, означающее понятие, употребляемое в специальной области знания или деятельности»

[4, 6]. Словом «термин» (от латинского *terminus* – граница, предел) в римской мифологии назывался бог-хранитель межевых знаков, который очень почитался среди крестьян. Необходимо обратить внимание на то, что это слово может оказаться «ложным другом переводчика», так как немецкое *der Termin* имеет значение «срок» (встречи, сдачи готовой продукции, назначенного времени посещения врача; слушания юридического дела). Единица специальной научной лексики обозначается: в немецком языке словом *das Terminus*, либо собирательно *die Terminologie*, в английском – *terminology* соответственно.

Термины служат специализирующими, ограничительными обозначениями, характерными для определенной сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. В отличие от слов общей лексики, которые зачастую многозначны и несут эмоциональную окраску, термины в пределах сферы применения однозначны и лишены экспрессии. Они делятся на **общенаучные**, которые используются в различных областях знаний и принадлежат научному стилю речи в целом, и **специальные**, которые закреплены за определенными научными дисциплинами, отраслями производства и техники. Термины существуют в рамках определённой терминологии, то есть входят в конкретную лексическую систему языка.

Следует иметь в виду, что отличительной чертой познания на современном этапе является исследование пограничных областей, использование сходных методов исследования для различных отраслей знаний. Результатом такого интегрирования стало применение в целом ряде наук одних и тех же терминов, которые, имея вследствие этого совершенно разное значение, являются омонимами по отношению друг к другу. Так, например, в английском языке *battery* – электрическая батарея, гальванический элемент (электротехнический термин), *battery* – артиллерийская батарея (военный термин), *battery* – нанесение побоев, избиение (юридический термин), *rectifier* – выпрямитель тока (электротехнический термин), бурав для запальных шнуров (горный термин), ректификатор, очиститель (химический термин). Одни и те же термины, используются в математике, социологии, лингвистике и других науках *die Funktion* (нем.), *function* (англ.) – функция, *die Form* (нем.), *form* (англ.) – вид, форма, матрица, модель. Есть термины однозначные, выражающие только одно понятие в какой-либо отрасли науки, техники, искусства. Наряду с этим существуют термины, которые, полностью совпадая между собой по внешней форме, называют разные предметы в различных отраслях науки и техники. Термины могут иметь различные значения в одной и той же отрасли знания и таким образом быть полисемантическими. Так, лингвистический термин *die Etymologie* (нем.), *etymology* (англ.) – этимология означает раздел языкознания, изучающий происхождение слова, и само происхождение слова или словосочетания.

Общепотребительное слово *der Schuh* (нем.), *shoe* (англ.) – ботинок, туфля имеет ряд технических значений – кулисный камень, ползун,

концевая муфта кабеля (электротехнический термин), режущий башмак опускной крепи (горный термин), грохот (сельско-хозяйственный). Слово *der Arm* (нем.), *arm* (англ.) – рука употребляется в специальном значении «рычаг, кронштейн, стрела (крана), спина (колеса), косая распорка, рукав» (морской термин). Слово *das Handling* (нем.), *handling* (англ.), основное значение которого «манипулирование, обращение с чем-либо», в технике может означать «погрузочно-разгрузочные операции (железнодорожный транспорт), управление или регулирование механизма, углеподача (теплотехника), золоудаление (котельные установки), передача материала из цеха в цех» (организация производства).

Употребление специальной научной терминологии зависит от области науки; значение этих терминов можно найти в специальных словарях.

Технические термины отличаются от остальных слов своей повышенной смысловой точностью. Так, слово *gehen* (нем.) и *go* (англ.) (идти) обозначает самые разные действия, и сфера его употребления не имеет четких границ.

Технические же термины *fräsen* (нем.) и *notch* (англ.) имеют точное значение – фрезеровать. Он обозначает способ обработки материалов резанием, при котором режущий инструмент имеет вращательное движение, а обрабатываемый материал – поступательное (иногда материал остается неподвижным, а вращающийся инструмент перемещается также поступательно). Точность технического термина закрепляется благодаря тому, что технические термины, как правило, зафиксированы в специальных словарях, где они имеют особые определения. Специальные термины присущи только какой-либо одной отрасли научных и технических знаний, например: *der Transformator* (нем.), *transformer* (англ.) – трансформатор, *die Impedanz* (нем.), *impedance* (англ.) – импеданс (электротехнический термин); *diesel locomotive* – тепловоз, *interlocker* (англ.) – централизованный аппарат (железнодорожный термин). В таких случаях значение слова и значение термина совпадают, так как данное слово служит только для выражения одного специального понятия, т.е. является термином, и значение слова равно значению термина.

Многие термины в своем происхождении восходят к латинским либо греческим корням и основам. В настоящее время можно также говорить и о широком использовании англоязычных терминов во многих научных областях, в том числе и в области техники. Таким образом, терминология является составной частью интернациональной лексики как в немецком, так и в русском языках: *universal* (нем.), *universal* (англ.) – универсальный, *das Axiom* (нем.), *axiom* (англ.) – аксиома, *der Impuls* (нем.), *impulse* (англ.) – импульс, *latent* (нем.), *latent* (англ.) – латентный, скрытый, *das Metall* (нем.), *metal* (англ.) – металл. С развитием науки и изменением научных представлений о тех или иных объектах исследования изменяется и значение (содержание) соответствующих терминов.

По **словообразовательной** форме термины и в английском, и в немецком языках могут быть однокомпонентными и многокомпонентными. Однокомпонентные в свою очередь делятся на **корневые** или простые: *flau* (нем.) – вялый (о фотографическом изображении), *das Gel* – гель, *das Kreuz* – знак плюс, крест, крестец; *fuel* (англ.) – топливо, *circuit* – цепь; *feeder* – фидер; **производные**, образованные от однокорневых слов при помощи аффиксов: *derFräser* (нем.) – фреза, фрезеровщик, *derEmpfang* – прием, *dieBemessung* – выбор размеров, измерения, обмер, расчёт параметров, *ventilation* (англ.) – система вентиляции, *heater* – обогреватель, *cylinder* – цилиндр; и, что особенно характерно для обоих языков, **сложные**, имеющие в своем составе не менее двух корней: *das Dampfrohr* (нем.) – паровая трубка, *diePrüfzeit* – время проверки, длительность испытания, *flywheel* (англ.) – маховик; *clock-work* – часовой механизм, *crankshaft* – коленчатый вал.

Многословные (многокомпонентные или составные) термины могут представлять собой: словосочетания, в которых смысловая связь между компонентами выражена путем примыкания, например, *load governor* – регулятор мощности, *brake landing* – посадка с торможением; словосочетания, компоненты которых оформлены грамматически (с помощью предлога или наличия окончаний), например, *rate of exchange* – валютный курс, *braking with rocket* – торможение при помощи ракетного двигателя.

В смысловом отношении термины-словосочетания являются цельными лексическими единицами.

Технические термины чаще всего бывают существительными и прилагательными: *dieGrundform* (нем.) – основной вид, *electricity* (англ.) – электричество, *mechanisch* (нем.) – машинный, механический, *thermal* (англ.) – термический и др..

К терминам относятся также и **символы**, закрепленность которых за определенными понятиями абсолютно условна и интернациональна: *t* – *tempus* (лат.) – время, *t°* – *temperatura* (лат.) – температура, *v* – *velocitas* (лат.) – скорость.

В технической литературе часто используются термины-сокращения (аббревиатуры), предназначенные для облегчения процессов письма и чтения. Они служат более быстрой и сконцентрированной коммуникации, а также экономии места: *BMSR-Technik* – *dieBetriebsmeß-, Steuerungs- und Regelungstechnik* (нем.) – техника измерения, управления и автоматического регулирования. Рост числа сокращений объясняется тем, что сложные слова и словосочетания громоздки и неудобны, и, естественно, появляется стремление передать их кратко, например: *laser* – *light amplification stimulated emission of radiation* (англ.) – лазерквантовый генератор и усилитель оптического диапазона или усиление света индуцированным

испусканием излучения. Термины-сокращения строятся по определенным правилам; назовем некоторые из них:

1) сокращения по первым буквам слов, образующих терминологическое словосочетание (инициальный тип сокращения) (акронимы): *TTD* – *die Technische Thermodynamik* (нем.) – техническая термодинамика, *GDR* – *Gas-Druckregelanlage* (нем.) – устройство регулирования давления газа, *LKW* – *Lastkraftwagen* (нем.) – грузовой автомобиль; *E. (east)* (англ.) – восток; *e.m.f. (electromotive force)* (англ.) – электродвижущая сила, *s/n* или *s. to n. (signal to noise)* (англ.) – отношение сигнала к шуму.

Часто сокращается часть словосочетания, например: *fractional HP (horse-power) motor* (англ.) – микродвигатель. В ряде случаев буквенному сокращению подвергается только первый элемент, который произносится как алфавитное название данной буквы: *N-bomb (Nitrogen bomb)* (англ.) – нейтронная бомба.

2) сокращения по начальным слогам слов, образующих терминологическое словосочетание: *MOPF* – *die Modellpflege (Daimler)* (нем.) – уход за моделью (автомобиля), *Trafo* – *der Transformator* (нем.) – трансформатор, *MoFüst* – *Mobile Führungsunterstützung* (нем.) – мобильная поддержка управлением; *maxcap (maximum capacity)* (англ.) – максимальная мощность; *radsta (radio station)* (англ.) – радиостанция.

Сокращения, состоящие из букв или слогов: *Sigma – shielded inert gas metal arc welding* (англ.) – дуговая сварка металлическим электродом в среде инертного газа.

В технической литературе, и особенно в американской, такие сокращения могут образовываться путем сокращения начального слога первого компонента и конечного слога второго, например: *chemurgy (chemistry metallurgy)* (англ.) – отрасль химии, относящаяся к области производства сырья.

3) усечение части слова (контрактуры): усечение, при котором остается начальная часть слова, например, в немецком языке: *Alu* – *das Aluminium* (нем.) – алюминий, *elektr.* – *elektrisch* (нем.) – электрический, *gen.* – *generell* (нем.) – всеобщий, универсальный, *vor.* – *voraussichtlich* (нем.) – вероятно, по-видимому; в английском: *sub (submarine)* (англ.) – подводная лодка; *lub (lubrication)* (англ.) – смазка; усечение, при котором остается конечная часть слова: *chute (parachute)* (англ.) – парашют; усечение, при котором отпадает средняя часть слова: *Ry (railway)* (англ.) – железная дорога; усечение, при котором остается два слога: *ammo (ammunition)* (англ.) – боеприпасы; усечение прилагательного в сложном слове: *technicolour (technical colour)* (англ.) – цветная кинематография.

В научно-технических текстах могут встретиться так называемые условные сокращения, которые предварительно поясняются в тексте либо даются в виде списка в конце работы.

Довольно распространено употребление в научно-технических текстах известных в научном обиходе латинизмов, а также сокращений из латинского и национального языков, причем часть последних употребительна и в других стилях речи: *z.B.* – *zum Beispiel* (нем.) – например, *o.a.* – *obenangeführt* (нем.) – выше приведенный, *d.h.* – *das heißt* (нем.) – т. е., *v.s.* – *videsupra* (лат.) – смотрите выше, *u.i.* – *utinfra* (лат.) – как сказано выше. [7, 332–334], *i. t.* (англ.) – *idest* – то есть, *N.B.* – *notabene* (лат.) – нотабене, обрати внимание, *P.S.* – *postscript* (лат.) – постскриптум, приписка, *etc.* – *et cetera* (лат.) – и прочее, *e.g.* – *exempli gratia* (лат.) – например, *vs.* – *versus* (лат.) – против, в сравнении с.

Сокращения могут передаваться с точкой и без нее: *Ing.* – *der Ingenieur* (нем.) – инженер, *Nr.* – *die Nummer* (нем.) – номер, *Mio.* – *die Million(en)* (нем.) – миллион(ы), *ZE* – *die Zentraleinheit* (нем.) – центральный процессор (ЦП). Те сокращения, которые произносятся в полном варианте, принципиально сокращаются с точками: *i.w.S.* – *imweiterenSinne* (нем.) – в широком смысле, *Abb.* – *die Abbildung* (нем.) – изображение, рисунок, иллюстрация, *vergl.* или *vgl.* – *vergleiche!* (нем.) – сравни!

Исключение составляет распространенное сокращение *usw.* (нем.), которое в процессе развития языка победило правильное *u.s.w.*, по принципу латинского варианта *etc.* для *et cetera*, что означает «и так далее».

В отличие от английского языка интернациональные сокращения (международные единицы измерения, стороны света, валюты и т.д.) и аббревиатуры используются в немецком языке без точки или других знаков препинания *m* – *das Meter* (нем.) – метр, *A* – *das Ampere* (нем.) – ампер, *NSW* – *der Nebelscheinwerfer* (нем.) – противотуманная фара [8, 40–41].

Таким образом, сокращения производят архивирующее действие, превращая слова в символы (*Symbol = Zusammengehäuftes = Komprimiertes*). Каждое подобное сжатие данных основывается на математическом процессе (алгоритме) и может быть применено для других сокращений. Актуальные правила и рекомендации к правописанию отражены в инновациях немецкой реформы правописания (*Rechtschreibreform von 1996*) и промышленном стандарте (*DIN 5008*). В настоящее время можно говорить также о тенденции использования национальных сокращений.

Исходя из того, что основными требованиями, предъявляемыми к языку научно-технической литературы, являются краткость изложения и точность формулировок, для нее характерны насыщенность специальными терминами и сокращениями, традиционность в

употреблении лексики, предпочтение некоторых синтаксических оборотов другим и т. п. Термин может быть создан на базе слов родного языка или заимствован как из нейтрального терминологического банка (международные греко-латинские термины), так и из другого языка, он должен отражать признаки данного понятия и вводить модель семантического треугольника: знак – понятие – объект.

Анализ методов образования английских немецких научно-технических терминов позволяет сделать вывод о том, что основными способами их образования являются синтаксический, семантический и морфологический, а также заимствования из других языков и отраслевых терминологий.

Исследование научно-технической терминологии имеет большое значение не только в теоретическом, но и в практическом плане. Это обусловлено острой нехваткой учебных пособий и словарей для специалистов, характер работы которых связан с применением технической терминологии. Существует насущная необходимость подготовки специалистов, способных точно переводить научно-технические тексты в письменной и устной форме. Без специальных учебников и словарей такая задача трудно выполнима.

Литература

1. Глушко, М.М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования / М.М. Глушко. – М. : Высшая школа, 1974. – 33 с.
2. Реформатский, А.А. Что такое термин и терминология? // Вопросы терминологии / А.А. Реформатский. – М. : Высшая школа, 1961. – С. 49–51.
3. Гринев, С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – М.: Московский лицей, 1993. – 39 с.
4. Бархударов, Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
5. Пронина, Р.Ф. Перевод английской научно-технической литературы / Р.Ф. Пронина. – М. : Высшая школа., 1986. – 174 с.
6. Баринов, С. М. Большой англо-русский политехнический словарь / С.М. Баринов. – М. : Руссо, 2003. – 720 с.
7. Гильченко, Н.Л. Практикум по переводу научных и публицистических текстов с немецкого языка на русский / Н.Л. Гильченко. – СПб. : КАРО, 2008. – 352 с.
8. Россохина, Г.Н. Новые правила правописания немецкого языка. Справочное пособие / Г.Н. Россохина, У.С. Ульянова. – Москва: ЧеРо, 1998. – 112 с.
9. Сергеев, В.Н. Современный немецко-русский политехнический словарь / В.Н. Сергеев, В.В. Бутник, И.В. Фаградянц. – М.: Вече, 2006. – 624 с.

ПАРЦЭЛЯВАНЫЯ КАНСТРУКЦЫІ У МОВЕ ТВОРАЎ І. НАВУМЕНКІ

Артыкул прысвечаны аналізу парцэляваных канструкцый на матэрыяле мастацкіх твораў І. Навуменкі. На аснове фактычнага матэрыялу апісваюцца структурныя і граматычныя асаблівасці парцэлятаў. Вызначаны месца, значэнне парцэляцыі ў мове твораў пісьменніка.

У мове сучаснай беларускай мастацкай прозы шырока выкарыстоўваюцца парцэляваныя канструкцыі, сутнасць якіх заключаецца ў такім члянэнні сказа, «пры якім змест выказвання рэалізуецца не ў адной, а ў дзвюх і больш інтанацыйна-сэнсавых канструкцыях, размешчаных адна за другой з працяглымі паўзамі» [2, 97].

Парцэляваная канструкцыя складаецца з дзвюх частак: базавай часткі і парцэлята. Базавая частка заўсёды выступае як самастойны сказ, а парцэлят знаходзіцца ў поўнай залежнасці ад яе як у сэнсавых адносінах, так і паводле сінтаксічнай функцыі і носіць характар дадатковага паведамлення, якое ўдакладняе, паясняе або развівае асноўнае выказванне. Можна пагадзіцца з тым, што «парцэлят з'яўляецца структурна ці семантычна залежным членам папярэдняга простага сказа або адчлененай часткай складанага і здольны функцыянаваць у маўленні толькі ў спалучэнні з базавай часткай» [4,9].

У мастацкіх творах І. Навуменкі выкарыстоўваюцца розныя віды парцэляваных структур. Парцэляванымі з'яўляюцца як простыя сказы: *Па грыбах нехта ўправіўся пахадзіць. Учора ці пазаўчора* [5, т. II, 79], так і складаныя: *Тыя, што на вайне ўцалелі, будучага жыцця не ўяўлялі без горада, інстытута, загадкава-ружовых даляў, якія пасля гэтага адкрываліся. Бо яшчэ да вайны іх так выхавалі* [6, 16–17]. Як сцвярджае Н. Д. Бандарэнка, «асноўную граматычную і сэнсавую нагрузку ў парцэляванай канструкцыі выконвае базавая частка, якая абавязкова з'яўляецца закрытай адзіночнай структурай, у той час як парцэлят цалкам залежыць ад яе і адрозніваецца структурнай адкрытасцю: можа вычляняцца столькі элементаў, колькі неабходна для перадачы таго ці іншага аб'ёму інфармацыі» [3,72].

Пры базавай частцы можа ўжывацца адзін або некалькі парцэлятаў: *Дзіўна: Андрушкевіч не крыўдзіцца. Адчувае: дысертацыю напіша. Ідэй, фактаў мае аж залішне. Пакуль што не ўмее іх як трэба звязаць, падаваць, афармляць* [6, 98].

Некалькі парцэлятаў, якія адносяцца да базавай часткі, могуць быць аднатыпнымі або разнатыпнымі. Аднатыпнымі з'яўляюцца парцэляты, якія маюць аднолькавую граматычную форму і выконваюць аднолькавую

сінтаксічную функцыю: *Цётка і жыве. Мае знаёмства з базарам, прадае садавіну, ягады. Кватарантаў таксама не крыўдзіць* [6, 114].

Разнаатыпнымі называюцца парцэляты, якія адносяцца да базавай часткі, але маюць розную граматычную форму і выконваюць розныя сінтаксічныя функцыі: *Ён [Андрушкевіч] не паедзе – паляціць у Мінск. Знойдзе таксі і ў аэрапорт! Зараз жа* [6, 184].

Разнавіднасцю парцэляцыі з некалькімі парцэлятамі з'яўляецца паслядоўная парцэляцыя. Сутнасць яе заключаецца ў тым, што першы парцэлят адносіцца да базавай часткі, а другі – да першага парцэлята: *– На пенсіі я [Васіль]. Хоць яшчэ працую. Не ў шахце – наверху* [6, 212].

З пункту гледжання структуры ўсе парцэляваныя канструкцыі падзяляюцца на дзве групы: 1) парцэляваныя канструкцыі, якія пабудаваны на аснове членаў сказа; 2) парцэляваныя канструкцыі, пабудаваныя на аснове даданых частак.

Самымі распаўсюджанымі ў мастацкіх творах І. Навуменкі з'яўляюцца парцэляваныя канструкцыі, пабудаваныя на аснове членаў сказа. Сярод іх можна вылучыць наступныя структурныя тыпы:

1. Канструкцыі з парцэлятам-дзеянікам: Толькі на вуліцы не еш. А то калі ўбачаць, то набягуць. Казік, Юрка [5, т. II, 483]. Парцэлят тут выконвае ролю дзейніка, аднароднага з дзейнікам асноўнага выказвання.

Л. І. Бурак у кнізе «Далучэнне ў сучаснай беларускай мове» адзначае, што аднароднымі лічацца парцэляваныя дзейнікі, якія ў структуры складанага інтанацыйнага цэлага звязаны з адным і тым жа выказнікам. З'яўляючыся кампанентам стрыжнявага сказа, гэты выказнік размяшчаецца перад непарцэляваным дзейнікам і дапасоўваецца да яго форм. Парцэляваныя дзейнікі, якія ўтвараюць «звышфразны» аднародны рад з непарцэляваным дзейнікам, на характар дапасавання не ўплываюць. Усе дзейнікі ў падобным радзе выражаюцца ў асноўным назоўнікамі, якія ўдакладняюцца часам прыметнікамі або лічэбнікамі. Абазначаючы прадмет і з'явы аб'ектыўнай рэчаіснасці, парцэляваныя дзейнікі кантактна прымыкаюць да непарцэляванага дзейніка – ён размяшчаецца ў канцы стрыжнявага сказа – і часцей за ўсё прымацоўваюцца да яго пры дапамозе злучніка і: – Толькі на той чыгунцы розныя робяць. І лянiвыя, і дбайныя [5, т. I, 454]; Самае страшнае – голад. І яшчэ холад [5, т. II, 458].

У выніку атрымліваецца закрыты рад аднародных дзейнікаў, які мае двухчленную або шматчленную будову [1, 188].

2. Канструкцыі з парцэлятам-выказнікам: – Пагаворым, – Мітусь весялее. – Пайду на пошту. Пазваню дадому [5, т. I, 152]; Вася ўжо ў трэці клас ходзіць. Але ўсё адно любіць гуляць у «цуркі», «ялавага», «кругавога», гнаць тоўстым дротам жалезнае колца і слухаць, як яно звiніць, бегчы [7, 147]. Часта пісьменнік звяртаецца да паўтарэння ў парцэляванай частцы таго ж выказніка, які быў ужыты ў базавай частцы:

Назаўтра Петруся білі. Білі шалепаламі [5, т. I, 86]; – Далёкія зорачкі!.. Вазьміце нас да сябе... Хутчэй вазьміце... [5, т. III, 325].

Парцэляцыя паўторных выказнікаў, нягледзячы на сваю шырокую распаўсюджанасць, стварае толькі малую частку ад колькасці парцэляцыі аднародных выказнікаў. Часцей парцэляцыі падпарадкоўваюцца лексічна розныя выказнікі: Вазілі на поле лічанымі вазамі, а ў зводках пісалі пра сотні тон. Самі сябе ашуквалі. Торф, бадай, зусім не капалі. Прывозілі для прыліку па некалькі вазоў на гектар. Везлі сыры, прама з балота, цвёрдыя чорныя цагліны і цяпер валяюцца па полі [5, т. II, 323].

Ступень граматычнай злітнасці парцэляваных выказнікавых канструкцый з базавай часткай можа быць рознай. У большасці творах І. Навуменкі іх граматычная агульнасць вызначаецца адным дзейнікам, які знаходзіцца ў базавай частцы і абумоўлівае формы дапасавання парцэляванага выказніка, размешчанага ў другой фразе. Ён [Мікалай Аляксеевіч] хапіўся рукою за вушак і доўга стаяў, не адважваючыся сысці з ганка. Потым асцярожна саступіў на зямлю і паволі прайшоўся па двары [5, т. II, 334]; Але з такімі, як Міця, не лічыліся. З іх пасмейваліся [5, т. III, 177].

З’ява парцэляцыі адкрывае шырокія магчымасці для аб’яднання ў адной структуры марфалагічна розных выказнікаў. Як вядома, марфалагічна разнаформенныя аднародныя выказнікі сустракаюцца і ў межах адной фразы, але там такія спалучэнні нярэдка абмяжоўваюцца семантычнымі фактарамі. Парцэляцыя, аднак, дазваляе свабодна спалучаць разнаформенныя аднародныя члены.

У мове твораў І. Навуменкі сустракаюцца выказванні, у якіх выказнік базавай часткі і парцэлята маюць розныя формы часу. Такія выказванні асабліва наглядна дэманструюць канструктыўную ролю з’явы парцэляцыі ў выніку тэарэтычна магчымых сінтаксічных структур.

Выказванні гэтага тыпу будуюцца ў асноўным па схемах: *прошлы час – цяперашні час, прошлы час – будучы час*: – *А я [Клара] разышлася. Жыву з сынам* [5, т. I, 255]; – *Як што – Вербічы ж спалілі. Дабяруцца і да нас* [5, т. III, 357].

Аналіз парцэляваных выказнікавых канструкцый у мове твораў І. Навуменкі дазваляе зрабіць вывад, што ў поўнай адпаведнасці з часавымі значэннямі дзеяслоўных форм парцэлят у такіх выказваннях выражае дзеянне, якое адбываецца пасля дзеяння, названага ў базавай частцы.

Схема *закончанае трыванне – закончанае трыванне* часцей за ўсё выкарыстоўваецца для выражэння паслядоўнасці дзеяння або рада паслядоўных этапаў аднаго дзеяння: – *...Знайдзі прараба – франтавіка ці партызана. Пагавары з ім...* [5, т. III, 509]; *Прынёс праз дзень тры картачкі. І дужа здзівіў фотакартачкамі Васю* [7, 144].

На фоне схемы *закончанае трыванне – закончанае трыванне* ў мове твораў І. Навуменкі ўжываецца схема *закончанае трыванне – незакончанае*

трываннеса значэннем паслядоўнасці дзеянняў: – *Перадахні, дзядзька. Хадзі да нас* [5, т. I, 416]; *Але сукенкі з парчы яна [Рыта] не пашыла. Усё адкладвала* [5, т. II, 480].

Заўважаецца і другая распаўсюджаная схема парцэляцыі – *чаргаванне ў фразях незакончанага і закончанага трыванняў*: – *Круціць хвастом твая Віця. Знайшла другога, лепшага* [5, т. III, 365]; – *Ляжы. Раніцай пойдзеш. Хіба ў інтэрнаце лепш?* [5, т. III, 497].

І. Навуменка выкарыстоўвае сінтаксічныя структуры з аднароднымі парцэляванымі выказнікамі, якія могуць уключаць у свой склад спалучальныя злучнікі або не змяшчаць іх:

1) парцэляваныя структуры з бяззлучнікавым спалучэннем аднародных выказнікаў: – *Каханне – звычайная біялогія. Сексуальныя эмоцыі. Цяга да размнажэння* [5, т. III, 19];

2) парцэляваныя сінтаксічныя структуры са злучнікавым спалучэннем аднародных выказнікаў: *Якое б ні было на дварэ надвор'е, які б ні быў настрой, кожную вольную хвіліну ён [Каханойскі] праводзіць у майстэрні. Або едзе ў лес* [6, 252]; *Пайковага цукру ім хапала на дзве першыя кружкі, астатнія – аж да дзесятай – яны пілі так, шчодро разбаўляючы кіпятком духмяным травяным настоем. І маўчалі* [5, т. I, 277–278].

У прааналізаваных выказваннях злучнік *і*, акрамя сваіх звычайных функцый, выконвае і некалькі іншых задачы: у малараспаўсюджаных выказваннях ён згладжвае рэзкасцьмоўнага разрыву; у вельмі распаўсюджаных выказваннях, дзе аднародныя выказнікі падзелены большай колькасцю слоў, злучнік падтрымлівае расцягнутыя граматычныя сувязі паміж аднароднымі выказнікамі.

3. Канструкцыі з парцэлятам-дапаўненнем.

Сярод парцэляваных канструкцый у мове твораў І. Навуменкі значную колькасць складаюць структуры з парцэлятам-дапаўненнем, якое можа быць як прамым, так і ўскосным, неразвітым і развітым.

Найбольшай прадуктыўнасцю вызначаюцца канструкцыі з парцэлятам – прыдзеяслоўным ускосным дапаўненнем развітай структуры: *Вася не любіць біцца. Ні са сваімі братамі, ні з чужымі хлопцамі* [7, 72]; – *Славяне, нават вашы палешукі сутыкаліся з антычным светам. Са старажытнай Грэцыяй, Рымам* [6, 89].

Канструкцыі з парцэлятам – прыдзеяслоўным прамым дапаўненнем у творах ужываюцца не часта. Яны выражаюцца назоўнікамі ў форме вінавальнага склону без прыназоўніка: *Тады, у юнацтве, каханне абяцала ўсё. Радасці, здзяйсненні, перамогі* [6, 40].

Выкарыстанне парцэляваных канструкцый у дыялогах, маналогам, аўтарскай мове дапамагае пісьменніку акцэнтаваць увагу на асобных дэталях, надаць мове большую выразнасць, экспрэсіўнасць.

4. Канструкцыі з парцэлятам-азначэннем.

Паводле сваёй функцыі парцэляты-азначэнні набліжаны да інверсійных канструкцый: *Помсцячы мужу, развівае шалёную энергію, бегае, звоніць і нарэшце атрымлівае кватэру ў сваім інстытуце. Двухпакаёвую* [6, 124].

Парцэляваныя дапасаваныя азначэнні выражаюцца займеннікамі, лічэбнікамі: *Нас нават у газеце крытыкавалі. У вашай...* [5, т. II, 456]; *З бібліятэкі Андрушкевіч вяртаецца ў інтэрнат са знаёмымі аспіранткамі. То з адной, то з другой* [6, 101].

У мове твораў пісьменніка багатымі экспрэсіўнымі магчымасцямі валодаюць парцэляваныя недапасаваныя азначэнні. Экспрэсіўную яркасць набываюць азначэнні-парцэляты, выражаныя назоўнікамі ва ўскосных склонах: *За чыгункай – таксама лес. Сасоннікі, беразнякі, дубовыя гаі* [5, т. I, 142 – 143]; *Назаўтра я напісаў заметку ў газету. Пра знішчальную рачулку і ўвогуле пра нядабайныя адносіны да прыроды* [5, т. II, 91].

5. Канструкцыі з парцэлятам-прыдаткам.

Аўтар выкарыстоўвае іх для таго, каб падкрэсліць важнасць зместу парцэляванага прыдатка, выдзеліць прымету, перададзеную ім, надаць экспрэсіўную яркасць выказванню:

– *Вядома які. Калінін. Усесаюзны стараста* [5, т. I, 287]; – *Чуў, – наведамляе Клебановіч. – Цярэшчанка загрымеў. Міністр асветы* [6, 160]; – *Я Піліпенка Ілья. Хвораст на-вулічнаму* [6, 232]; – *Тут рукапіс кнігі. Ваенны журналіст напісаў. Падпалкоўнік* [6, 41].

6. Канструкцыі з парцэлятам-акалічнасцю.

Выбар форм марфалагічнай перадачы парцэляваных акалічнасцяў у творах не вызначаецца вялікай разнастайнасцю. З магчымых варыянтаў пісьменнік выбірае прыслоўі, формы ўскосных склонаў назоўнікаў з прыназоўнікамі і без іх. Апошнія ўжываюцца больш шырока, паколькі валодаюць магчымасцямі канкрэтызацыі акалічнаснага значэння: *Вася не любіць біцца. Ні на вуліцы, ні тут у школе* [7, 88].

Як і акалічнасць у простым сказе, парцэляваная акалічнасць можа выражаць розныя прыметы дзеяння, названага базавай часткай:

1) месца: – *Давай аб'яву. У газету* [6, 303]; *Калі няма дзе начаваць, то вольны ложка ёсць. У маім пакоі* [5, т. I, 317];

2) час: *Апошняе ён [Павел] не вельмі любіў. Асабліва ў жніўную пару* [6, 224]; *Пазнавата нешта ён дадому вярнуўся. У сорак шостым годзе* [5, т. II, 509];

3) прычыну: *Так, ледзь не ўсіх, хто стаіць на плошчы, Андрушкевіч ведае. Вядома, на былых справах* [6, 33]; *Знядобрым настроем едзе Павел у горад. З-за сына* [33, с. 219];

4) мэту: *Усе рвуцца ў горад. Ад зямлі, травы, зялёных дрэў і кустоў на каменныя праспекты* [6, 219];

5) спосаб дзеяння: *Што-небудзь спытаю, яна адкажа. Ветліва, уважліва* [5, т. I, 168];

б) меру і ступень: – *Схадзі да Клімянка, пазыч запалак. Паўкарабка* [5, т. I, 449]; *Шлях у лесе разыходзіцца з чыгункай. Але не болей як на паўвярсты* [5, т. I, 454].

7. Канструкцыі з парцэлятам-удакладненнем канкрэтызуюць змест таго або іншага члена сказа ў базавай частцы: *Толькі на той чыгунцы розныя робяць. І лянівыя, і дбайныя* [5, т. I, 453]; *Усё даставаць трэба. Лапці, касу, мянташку* [5, т. II, 537].

8. Канструкцыі з парцэлятам-параўнальным зваротам: *Роўнае поле, і ўсё. Як талерка* [6, 202].

У мове твораў пісьменніка парцэляванымі з'яўляюцца як неразвітыя параўнальныя звароты: *Вандруюць на цёмных правулках, крадучыся, абдымаюцца. Нібы школьнікі* [6, 163], так і развітыя: *Тым часам, бясконца высвятляюць між сабой адносіны. Нібы ім на васемнаццаць гадоў* [6, 176].

Вялікую цікавасць уяўляюць канструкцыі, у якіх пісьменнік выносіць парцэляваную частку ў асобны абзац. У такім выпадку парцэлят набывае асаблівую сінтаксічную самастойнасць, асабліва моцнае логіка-семантычнае выдзяленне:

Ён [дзед] наогул не любіць гаварыць. Можэ, толькі з Васем.

Затое бабушка Аўгіння не змаўкае ад ранку да вечара. Бясконца пляце розныя гісторыі, часам вельмі смешныя [7, 96].

У выніку парцэляцыі складаназалежных сказаў галоўная частка функцыянуе як просты сказ, а парцэляваная даданая частка набывае інтанацыю і семантычнае нападненне самастойнага выказвання. Адноўляючы даданую частку складаназалежнага сказа ад галоўнай, пісьменнік падкрэслівае тое дадатковае паведамленне, якое ўтрымліваецца ў даданай частцы, указвае на яго сэнсавую важнасць:

У трэцім класе ёсць руская мова і літаратура. Таму трэцякласнікі маюць таксама рускую хрэстаматыю і граматыку [7, 145].

Пры гэтым парцэляванай даданай частцы ўласціва фармальнае і сэнсавая арганізацыя простага сказа. Але ў адрозненне ад простага сказа як камунікатыўнай адзінкі яна не мае галоўнай уласцівасці – сэнсавай (і інтанацыйнай) завершанасці асобнага паведамлення. Гэтай уласцівасцю валодае складаны сказ у цэлым. У любым складаным сказе яго часткі ўтвараюць камунікатыўнае цэлае. Таму нягледзячы на тое, што парцэляваная частка афармляецца як самастойны сказ, яна з'яўляецца семантычна недастатковай і захоўвае сэнсавую залежнасць ад галоўнай.

Парцэляваныя складаназалежныя сказы, ужытыя І. Навуменкам, характарызуюцца разнастайнасцю акалічнасных адносін паміж галоўнай і даданай часткамі. Часцей сустракаюцца канструкцыі:

1) парцэлят – даданая частка мэты, якая далучаецца да базавай часткі пры дапамозе злучніка *каб*: *Мігайя го спецыяльна расстраляў. Каб замесці сляды і паказаць немцам, што ён ім адданы* [6, 264]; *Чыжэўскі*

начальства не любіць, таму і дарогі не хоча рамантаваць. **Каб меней да яго ездзілі** [5, т. I, 498];

2) парцэлят – даданая частка часу, якая далучаецца да базавай часткі пры дапамозе злучніка **пакуль**: *Буду добра цэліцца. Пакуль мяне не заб’юць* [5, т. II, 495];

3) парцэлят – даданая частка прычыны, якая далучаецца да базавай часткі пры дапамозе злучніка **бо**: *Вася марыць пра тую часіну, калі разам з Лізай пойдзе ў школу. Бо ёй, як і яму, на сем гадоў* [7, 12];

4) парцэлят – даданая частка ўмовы, якая звязваецца з базавай часткай пры дапамозе злучніка **каб**: – *Ай, кінь ты, маладзіца. Палічымся. Каб толькі жывы былі* [5, т. III, 175];

5) парцэлят – даданая частка ўступкі, якая далучаецца да базавай часткі пры дапамозе злучніка **хоць**: *У хляве ў такія хвіліны трывожыцца жывёла: іржэ конь, нема раве карова. Хоць ваўкі да вуліцы Савецкай, на якой жыве Вася з Адамам, ніколі не дасягаюць* [7, 11].

Для ўзмацнення паведамлення, якое шляхам параўнання паясняе і ўдакладняе тое, пра што гаворыцца ў базавай частцы, аўтар ужывае парцэляты – даданыя параўнальныя часткі: *У дзверы, да якіх прысунуты Міцеў ложак, ціха, але настойліва стукаюць. Нібы мыш у закутку варочае кавалак сухара* [5, т. III, 304]; *Ніхто з Кавенек не паехаў у Германію. Нібыта ўсе захварэлі* [5, т. III, 340].

Большасць парцэляваных складаназалежных сказаў, якія сустракаюцца ў творах І. Навуменкі, вызначаецца агульнасцю некаторых рыс. Па-першае, парцэлююцца складаназалежныя сказы расчлянёнай будовы, галоўная частка якіх мае завершаную структуру і закончаны сэнс. Па-другое, парцэлюецца толькі тая частка, якая знаходзіцца ў постпазіцыі да галоўнай. Пры гэтым яна набывае значэнне дадатковага паведамлення, удакладнення.

Аналіз парцэляваных канструкцый у мове твораў дазваляе зрабіць вывад, што парцэляцыя ўжываецца І. Навуменкам як арыгінальны сінтаксічны прыём, які дапамагае значна пашырыць структуру сказа, паглыбіць яго агульную семантыку за кошт развіцця, удакладнення асобных членаў базавай часткі. Прыём парцэляцыі дае магчымасць утварыць вялікія разгорнутыя выказванні, якія ўдакладняюцца рознымі даданымі сказамі, устаўнымі канструкцыямі. Дзякуючы парцэляцыі аўтар пазбягае празмернага ўскладнення структуры, павялічвае пры гэтым яе сэнсавы, інфармацыйны аб’ём. Пісьменнік нездарма шырока выкарыстоўвае гэтыя сінтаксічныя канструкцыі, бо яны з’яўляюцца яркімі мастацка-выяўленчымі сродкамі, з іх дапамогай перадаецца багацце сэнсавых і эмацыянальна-экспрэсіўных значэнняў.

Літаратура

1. Бурак, Л. І. Далучэнне ў сучаснай беларускай мове / Л. І. Бурак. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1975. – 256 с.
2. Рагаўцоў, В. І. Сінтаксіс беларускай і рускай моў: дыскусійныя пытанні / В. І. Рагаўцоў. – Мінск: Універсітэцкае, 2001. – С. 152.
3. Бандарэнка, Н. Д. Парцэляваная канструкцыя ў аспекце агульных праблем тэорыі сінтаксісу / Н. Д. Бандарэнка // Беларуская лінгвістыка. – Мінск : Бел. навука, 2004. – Вып. 54. – С. 72–80.
4. Сербина, Т. Г. Парцелляція как особое синтаксическое явление в языке современных газет: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Г. Сербина. – Воронеж, 1988. – 16 с.
5. Навуменка, І. Збор твораў у шасці тамах / І. Навуменка. – Мінск: Маст. літ., 1981 – 1985. – Т. 1 – 5.
6. Навуменка, І. Асеннія мелодыі: раман, апавяданні / І. Навуменка. – Мінск: Маст. літ., 1987. – 318 с.
7. Навуменка, І. Дзяцінства. Падлетак. Юнацтва: аповесці / І. Навуменка. – Мінск: Юнацтва, 1997. – 528 с.

УДК 811.161.3'373 (476.7)

Л. В. Жураўская, А. В. Вярзун

СТРУКТУРНА-СЕМАНТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ АЙКОНІМАЎ І МІКРАТАПОНІМАЎ ВЁСКІ ХАТЫНІЧЫ ГАНЦАВІЦКАГА РАЁНА БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ

У артыкуле праводзіцца структурна-семантычны аналіз айконімаў і мікратапонімаў вёскі Хатынічы Ганцавіцкага раёна Брэсцкай вобласці, выяўляюцца асновы словаўтварэння, спосабы і сродкі ўтварэння тапанімічных назваў гэтага рэгіёна, прыводзяцца мясцовыя паданні адносна паходжання асобных найменняў.

За апошні час у беларускім мовазнаўстве выдзелілася такая галіна навукі, як анамастыка (ад грэчаскага слова *onomastike* – майстэрства даваць імёны), якая вывучае моўныя і функцыянальныя асаблівасці ўласных імёнаў. У анамастыцы сучасныя лінгвісты вылучылі **антрапаніміку**, якая вывучае імёны, прозвішчы, мянушкі людзей, і **тапаніміку**, што вывучае назвы геаграфічных аб'ектаў: вёсак, гарадоў, мястэчак, хутароў, пасёлкаў, засценкаў, дарог, балот, урочышчаў. “Сярод тапанімічных назваў вылучаюць **айконімы** – назвы населеных пунктаў – гарадоў, вёсак, хутароў, раз'ездаў, засценкаў, а таксама **урбанонімы** – назвы ўнутрыгарадскіх аб'ектаў – плошчаў, вуліц, праспектаў, паркаў, музеяў; **мікратапонімы** – назвы дробных аб'ектаў, узлескаў, гаёў” [1, 4].

Асаблівай увагі патрабуе тлумачэнне тапанімічных і мікратапанімічных назваў, як адзначае В. В. Шур, паколькі для правільнага аналізу паходжання назвы патрэбны звесткі розных навук: геаграфіі, гісторыі, гісторыі мовы, веданне суседніх моў [1, 5].

Пытанні айканіміі і мікратапаніміі ў беларускім мовазнаўстве даследаваліся такія вучонымі, як М. Бірыла [2], [3], В. Лемцюгова [4], В. Жучкевіч [5], Л. Лыч [6], Г. Мезенка [7], В. В. Шур [8], [9], [10], Я. Рапановіч [11], Г. Іванова [12] і інш.

Колькасць “анамастычных назваў не паддаецца ўліку. Толькі на Беларусі больш за трыццаць тысяч афіцыйных назваў населеных пунктаў, апрача гэтага, шмат неафіцыйных” [8, 3], таму сабраць і апісаць тапанімічны матэрыял кожнага куточка нашай краіны – задача і абавязак навукоўцаў, асабліва лінгвістаў.

У артыкуле прааналізаваны семантычныя і словаўтваральныя асаблівасці некаторых айконімаў Хатыніцкага сельсавета Ганцавіцкага раёна і мікратапонімы вёскі Хатынічы, паданні пра ўзнікненне некаторых мікратапонімаў.

Як айконімы Ганцавіцкага раёна Брэсцкай вобласці лагічна падлягаюць нашаму аналізу, апрача назвы вёскі *Хатынічы*, назвы вёсак і хутароў, якія зліліся з вёскай *Хатынічы*, зніклі, а таксама назва *Ганцавічы*, назвы вёсак суседніх з Хатыніцкім сельскім Саветам – *Гудзінскага*, *Люсінскага*, *Малькавіцкага* сельскіх Саветаў. Айконімы паходзяць ад прозвішчаў, ад апелятываў – назваў вытворчых аб’ектаў, назваў угоддзяў, іх формы, месцазнаходжання, адметных уласцівасцей жыхароў.

Значная колькасць айконімаў Ганцавіцкага раёна паходзіць ад прозвішчаў. Так, айконім *Ганцавічы* (вар. *Ганцэвічы*) паходзіць ад прозвішча *Ганцавіч* [5, 67], назва гарадскога пасёлка, раённага цэнтра. Такія ж паводле паходжання з’яўляюцца і айконімы, назвы вёсак *Агарэвічы* – ад прозвішча *Агарэвіч* [5, 264], *Дзяніскавічы* – ад імя ўласнага *Дзяніс* [5, 96], *Крышылавічы* – ад прозвішча *Крышылаў* [5, с. 85], утвораны суфіксальным спосабам – пры дапамозе суфікса -іч; бязафіксным спосабам утвораны айконімы *Макава* – ад прозвішчаў *Макаў* [5, 220], *Кукава* – ад прозвішча *Кукаў* [5, с. 188], *Люсіна* – ад прозвішча *Люсін* [5, 217].

Айконім *Будча* ўтвораны ад апелятыўнай асновы *буда* – устарэлы тэрмін, абазначае невялікі будынак, часовае жыллё. З XIV–XVIII ст.ст. – лясное збудаванне, дзе жылі буднікі, людзі, што выраблялі поташ, дзёгаць, смалу, вугаль [5, 39]. Назва *в. Гута* – ад назвы прадпрыемстваў металургічнай ці шкляной вытворчасці (ням. *Hutte*) [5, 90].

У аснове назвы вёскі *Востраў* – тэрмін *востраў* з шырокім значэннем: *востраў* на рацэ ці возеры, ралля сярод лесу, сухі *востраў* пасярод балота [5, 277]. Айконім *Заруб’е* адапелятыўнага ўтварэння: *заруб* – адзнака мяжы землеўладання ў лесе, прасека [5, 135]. Айконім *Лактышы* – назва мянушка: *лактыш* або *лахтыш* – пляткар, балбатун [5, 195].

Айканімія Ганцавіцкага раёна, у прыватнасці Хатыніцкага сельскага Савета, зменшылася колькасна ў выніку таго, што былыя невялікія вёскі зліліся з вёскай Хатынічы: вёска *Богаўка* злілася з *Хатынічамі* ў 1970 годзе, вёска *Ходава* злілася з вёскай *Хатынічы* ў 1960 годзе ў выніку іх забудовы.

Найменне *Богаўка* ўтворана ад прозвішча *Богаў* пры дапамозе суфікса -к- [5, 30], *Ходава* – ад прозвішча *Ходаў* бязсуфіксным спосабам [5, 392].

Адбылося ссяленне хутароў *Дзеравата*, *Каза*, *Мотуз* у склад вёскі *Хатынічы*. Этымалогію айконіма *Дзеравата* можна растлумачыць геаграфічным мясцовым тэрмінам *дзірва* – парослае травой, дзёрнам, поле, цаліна [5, 97].

Айконім *Каза* – паходзіць ад назвы жывёлы ці прозвішча, утворанага ад гэтага ж апелятыва. Найменне хутара *Мотуз* – вузкая палоска зямлі, як і тонкі кавалак тканіны, магчыма, ад прозвішча *Мотуз*.

Такім чынам, цяпер у складзе *Хатыніцкага сельскага Савета* тры вёскі: *Хатынічы*, *Раздзялавічы*, *Яловая*. Назвы *Хатынічы* – назва-тэрмін, вытворная ад слова *хата* [5, 390]. На нашу думку, назва ўзнікла на аснове прозвішча *Хатыніч*. Спосаб утварэння бязсуфіксны. Вёска *Хатынічы* – цэнтр *Хатыніцкага сельскага Савета*, знаходзіцца на аўтадарозе *Ганцавічы – Лагішын*, за 17 км на паўднёвы захад ад раённага цэнтра. У вёсцы 1018 гаспадарак, 2632 жыхары [13, 239].

У аснове назвы *Яловая* – слова *яліна* або *яловы* (бязплодны) [5, 418]. Спосаб утварэння ў I выпадку суфіксальны (-ов-), у II – бязсуфіксны.

Айконім *Раздзялавічы* – назва, што захавала старыя зямельныя адносіны: раздзел зямельны (у тым ліку мяжа), маёмасны і інш. [5, 317].

Мікратапонімы вёскі *Хатынічы* – гэта назвы ўгоддзяў, урочышчаў, дарог, балацін, назвы асобных частак населенага пункта: *Горкі*, *Ляды*, *Масенскае*, *Пясчанае*, *Худынь*, *Лагаватае*, *Асовае*, *Звіленне*, *Залатая ніўка*, *Папова агароджа*, *Татарчын брод*, *Шведава гара*, *Красны груд*, *Гаёўка*, *Высельнікі*, *Падамлінне*, *За млінком*.

Як паказвае пададзены матэрыял, усе мікратапонімы можна раскласіфікаваць на наступныя семантычныя групы: назвы, што абазначаюць тып ландшафту – *Горкі*, *Ляды*, *Красны груд*, *Лугаватае*; тып глебы – *Пясчанае*, *Худынь*; месца знаходжання – *Падамлінне*, *За млінком*; падзею, у тым ліку гістарычную, – *Шведава гара*, *Высельнікі*, *Звіленне*, *Залатая ніўка*; прыналежнасць – *Папова агароджа*, *Татарчын брод*, *Масенскае*, *Просін востраў*, *Трафімава ніўка*.

Этымалогію асобных назваў дапамагаюць зразумець мясцовыя паданні, запісаныя намі ад мясцовых жыхароў. Так, найменне *Высельнікі* абазначае месца хутара, дзе жыў стары дзед, якога выселілі з вёскі.

Мікратапонім *Татарчын брод* узнік на аснове мянушкі адзінокай жанчыны *Татарка*, якая не любіла людзей. Адноўчы яна ішла лесам цераз брод, дзе яе напаткаў дрэнны чалавек, які забіў жанчыну і закапаў там пад дрэвам. Пасля гэтага здарэння брод пачалі называць *Татарчын*. Прозвішчы, мянушкі, звязаныя з каранем татары, з’явіліся ў беларусаў у XVIII ст. [1, 44].

Мікратапонім *Папова агароджа* – назва поля, якое належала папу.

Абодва найменні паводле паходжання – прыналежныя прыметнікі, першы ўтвораны пры дапамозе суфікса -ын, другі – пры дапамозе суфікса -ов-а.

Адносна мікратапоніма *Шведава гара* існуе таксама мясцовае паданне, быццам у час вайны са шведамі за вёскай у лесе быў раскінуты лагер варожага войска на горцы, якую з таго часу называюць Шведавай гарой. Паводле паходжання – прыналежны прыметнік, утвораны ад апелятыва *швед* пры дапамозе суфікса -ав-.

Што да мікратапоніма *Звіленне*, то адносна гэтай назвы таксама існуе мясцовае паданне, быццам у гэтым урочышчы звіўся рой пчол, які знайшоў мясцовы жыхар, ён і назваў гэтае ўрочышча Звіленнем. Абстрактны назоўнік аддзяяслоўнага паходжання, утвораны пры дапамозе суфікса -енн-е ад дзяяслова *звіцца*. Магчыма, што гэта трансфармацыя слова цвіль(свіль – зарослае возера, балота) [5, 336].

Мікратапонім *Красны груд*, паводле мясцовага падання, урочышча, якое знаходзіцца за пяць кіламетраў ад вёскі. У мінулым – цяжка даступны з-за непраходнай багны груд, дзе раней была прыгожая дуброва, адсюль назва *Красны* – “прыгожы”. Старажылы расказваюць пра скарб, які быў закапаны ў дуброве багатым вяскоўцам ці панам у часы іншаземных нашэсцяў ці паўстанняў сялян (запісана ад Уладзіміра Бабуліка).

Пра паходжанне мікратапоніма *Просін востраў* існуе паданне, быццам на ўзгорачку недалёка ад вёскі Хатынічы быў невялікі хутарок. Дзяўчаты выходзілі замуж, забіралі з сабой бацькоў. Толькі Прося засталася ў дзеўках, не было куды ёй перасяляцца. Потым Прося стала збіраць зёлкі, дапамагаць людзям, і людзі пацягнуліся да яе. І сёння вяскоўцы ходзяць на *Просін востраў* збіраць лекавыя травы. З марфалагічнага пункту гледжання гэта таксама прыналежны прыметнік, утвораны ад імя ўласнага *Прося* пры дапамозе суфікса -ін-: *Просін* ← *Прося*.

Ад імя ўласнага Трафім пры дапамозе суфікса -ав-а ўтвораны мікратапонім *Трафімава ніўка*. Ніўка – невялікі кавалак зямлі, распрацаваны ў лесе працавітым селянінам Трафімам.

Залатая ніўка – урочышча названа так таму, што некалі даўным-даўно багаты скупы вясковец з Хатыніч закапаў там свой скарб, каб нікому не дастаўся. Шмат хто шукаў той скарб, але ніхто не знайшоў, а ніўку і цяпер называюць Залатая.

Мікратапонімы *Худынь*, *Пясчанае* абазначаюць мясціны паводле тыпу глебы, характару ландшафту – *Ляды*, *Лугаватае*, *Асавое*.

Назва *Худынь* патрабуе тлумачэння. На наш погляд, худы – “дрэнны”, няўдобіца, з кустоўем, няроўнае поле *Ляды* – назва-тэрмін: ляды – участак на месцы высечанага лесу, падрыхтаваны пад пасеў збожжа, проса [5, 217].

Мікратапонім *Лугаватае* ўтвораны ад географічнага назвы-тэрміна лугаватка – прадаўгаваты, вузкі сухадольны луг [5, 210].

Паходжанне мікратапоніма *Асовае* можна растлумачыць праз географічны мясцовы тэрмін “асова” – дрэва (можа, асіна), у дупле якога вядуцца пчолы і восы, значыць *Асовае* – мясціна, поле, дзе рос асінавы лес [5, 276].

Мікратапонім *Масенскае* паходзіць, відаць, ад прозвішча *Масенскі*, абазначае назву поля, якое належала Масенскаму.

Пра паходжанне мікратапоніма *Гаёўка* таксама існуе мясцовае паданне, паводле якога назва поля ўтворана ад прозвішча *Гаёў* пры дапамозе суфікса -к-а. Але больш верагодна, што ў аснове назвы тэрмін гай – невялікі лісцёвы лес [5, 66].

Праведзены аналіз айконімаў Ганцавіцкага раёна і мікратапонімаў в. Хатынічы паказвае, што:

1. Айконімы Ганцавіцкага раёна Брэсцкай вобласці з’яўляюцца назвамі гарадоў (Ганцавічы), вёсак (16).

2. Утвораны айконімы ад прозвішчаў людзей, якім належалі землі, дзе былі забудаваны населеныя пункты, пры дапамозе суфіксаў -іч-, -к-, -ав-, -ін; ад апелятыўных асноў, якія называюць аб’екты вытворчасці, назвы ўгоддзяў, іх месцазнаходжанне, адметныя ўласцівасці жыхароў.

3. Мікратапонімы вёскі Хатынічы абазначаюць назвы ўгоддзяў, урочышчаў, балацін, характарызуюць тып ландшафту, тып глебы, яе ўрадлівасць, месца знаходжання, гістарычную падзею, а таксама выпадкі з жыцця людзей вёскі. Утвораны ад імёнаў уласных пры дапамозе суфіксаў -ав-, -ен-, ад апелятыўных асноў. Для разумення семантыкі мікратапонімаў значныя звесткі даюць мясцовыя паданні.

4. У цэлым тапонімы Хатыніцкага сельскага Савета і мікратапонімы в.Хатынічы – ключ да пазнання гісторыі рэгіёна, вёскі, умоў жыцця жыхароў, а таксама асаблівасцей словаўтварэння гэтага лексічнага пласта беларускай мовы.

Літаратура

1. Шур, В. В. Беларускія ўласныя імёны: Беларуская антрапаніміка і тапаніміка: дапам. для наст. / В. В. Шур. – Мінск: Маст. літ., 1998. – 239 с.

2. Бірыла, М. В. Для практыкі, навукі і гісторыі / М. В. Бірыла, В. П. Лемцюгова // *Польмя*. – 1987. – № 4. – С. 214–216.

3. Бірыла, М. В. Беларускія антрапанімічныя назвы і іх адносіны да антрапанімічных назваў іншых славянскіх народаў / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1963. – 118 с.

4. Лемцюгова, В. П. Тапонімы распавядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск: Лит. и иск., 2008. – 416 с.

5. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 448 с.

6. Лыч, Л. Тапанімія і этнас: Міжэтнічныя працэсы ў лютэрку тапаніміі / Л. Лыч // *Родн. слова*. – 1991. – № 1. – С. 13–16.

7. Мезенка, Г. М. Беларуская анамастыка: навуч. дапам. для студ. ун-таў / Г. М. Мезенка. – Мінск: Выш. школа, 1997. – 119 с.
8. Шур, В. В. 3 гісторыі ўласных імён / В.В. Шур; пад рэд. П.У. Сцяпко. – Мінск: Выш. школа, 1993. – 156 с.
9. Шур, В. В. Анамастычная лексіка ў беларускай мастацкай літаратуры / В.В. Шур. – Мінск: УП “Тэхнапрэнт”, 2002. – 226 с.
10. Шур, В. В. Тапанімічныя назвы ў творах Я. Коласа / В. В. Шур // Беларуская мова і літ. – 2002. – № 2. – С. 109–121; № 3. – С. 104–112.
11. Рапановіч, Я. Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобл. / Я. Н. Рапановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 176 с.
12. Иванова, А. А. Микротопонимия Мозырского Полесья как культурно-языковой феномен / А. А. Иванова // Веснік Мазыр. дзярж. пед. інст-та імя Н. К. Крупскай. – 2000. – № 3. – С. 87–93.
13. Гароды і вёскі Беларусі: энцыклапедыя. – Т. 3., кн. 1. Брэсцкая вобласць / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2006. – 528 с.; іл.

УДК 808.26–313.1(043.3)

М. У. Канцавая

АЙКОНІМЫ Ў “ПАЛЕСКАЙ ХРОНІЦЫ” ІВАНА МЕЛЕЖА

У артыкуле разгледжаны айконімы з раманаў “Палескай хронікі” І. Мележа, якія кваліфікуюцца як выразныя тэкстаўтваральныя кампаненты, што адлюстроўваюць рэгіянальны і нацыянальны каларыт радзімы пісьменніка

Анамастычная лексіка раманаў “Палескай хронікі” І. Мележа асабліва адметная. Яна з’яўляецца пацвярджэннем яго глыбіннай далучанасці да народнага жыцця. Тапанімічныя адзінкі адлюстроўваюць у мастацкіх творах рэгіянальны і нацыянальны каларыт радзімы пісьменніка – Усходняга Палесся. Яны ў творах пісьменніка з’яўляюцца выразным паказчыкам нацыянальных традыцый, якія прадаўжаў і ўзбагачаў мастак слова. Праз такія адзінкі прасочваюцца адносіны І. Мележа да сваёй малой радзімы, сцвярджаецца аўтарская ідэя твора, выяўляецца моўная культура: яны (онімы) ствараюць агульны мастацкі фон твора, перадаюць нацыянальны каларыт.

Намі выяўлены на старонках раманаў І. Мележа 81 айконім. Сярод іх 24 астыонімы – уласныя імёны гарадоў (*Бабруйск, Гомель, Магілёў, Мазыр, Мінск, Полацк, Тураў* і інш.) і 57 камонімаў – уласных імёнаў пасяленняў сельскага тыпу (*Алешнікі, Бярозаўка, Курані, Ламачы, Хвоенка, Хвойнае* і інш.). Пры дапамозе такіх онімаў аўтар натуральна паказаў прастору і час, якія адлюстраваны ў творы, а таксама прыгажосць роднага краю, перадаў любоў да яго. Аналіз айконімаў сведчыць, што яны ў пераважнай большасці (79 адзінак) *рэальныя*: беларускія – *Глінішчы, Загалле, Ламачы, Мазыр, Мінск, Рэчыца, Хвойнае* і інш.; *за межня* – *Варшава, Кіеў, Краніштат, Кыштым, Ленінград, Лондан, Масква,*

Пецярбург, Растоў, Харкаў, Чалябінскі інш. Выяўлены і поўнасьцю змененыяўтарам назвы рэальных айконімаў: *Алешнікі* (у сапраўднасьці – Алексічы), *Курані* (у сапраўднасьці – Каранёўка).

Сярод айконімаў з раманаў “Палескай хронікі” ёсьць назвы былога Юравіцкага раёна (цяперашнія Калінкавіцкі і Хойніцкі раёны), тых мясцін, дзе нарадзіўся і рос пісьменнік: *Глінішчы, Ламачы, Мазыр, Юравічы* і г. д. Айконімы роднага для яго Палесся перадаюць аўтабіяграфізм, які засведчаны ў мясцовых назвах, а таксама ў апісаннях рэльефу, расліннага і жывёльнага свету. Так, апелятывы *алешнік, хвойнік, бярознік*, якія ляжаць у аснове айконімаў *Алешнікі, Хойнікі, Бярозаўка*, адлюстроўваюць асаблівасці расліннага свету канкрэтных мясцін, ствараючы ў чытача праўдападобнае ўяўленне пра балотны і лясны ландшафт, мясцовасці, што апісаны ў “Палескай хроніцы”. *Абышоў падмерзлым узболаткам і Алешнікі, зрэзаў вялікі круг. Снег ужо начыста выбельваў сьнежку і дарогу, на якую выбраўся за ўзболаткам, – хмызнякі на баках цямнелі незвычайна рэзка* [1, 125].

Паводле семантыкі ўтваральных асноў можна вылучыць тры лексіка-семантычныя групы такіх адзінак:

1) айконімы *апелятыўнага* паходжання: *Глінішчы, Курані, Хойнікі* і інш. Так, назва *Хойнікі* матывуецца апелятывам *хвойнік*: *Апейка вёз абоз з сёл, якія былі бліжэй да Хвойнікаў* [2, 178];

2) айконімы *антрапанімічнага* паходжання: *Барбарова, Багуславец, Калінкавічы, Міхалі* і інш. Напрыклад, у аснове назвы *Багуславец* ляжыць імя *Багуслаў*: – *Багато бедных дзяцей ходзіць з Багуслаўца, з Глінішчаў* [1, 147];

3) айконімы *гідранімічнага* паходжання: *Нароўля, Рэчыца, Полацк*. Напрыклад, назва горада *Рэчыца* паходзіць ад назвы аднайменнай ракі: – *Рабочыя з Рэчыцы прыслалі...* [1, 198].

Лексіка-семантычныя групы айконімаў “Палескай хронікі”, якія абазначаюць асаблівасці рэльефу, клімату, прыродных комплексы, арэалы таго ці іншага расліннага або жывёльнага свету, даволі разнастайныя. Гэта:

а) айконімы, суадносныя з назвамі флары – з канкрэтнымі назвамі дрэў, лясных масіваў: *Алешнікі, Бярозаўка, Хвоенка, Хвойнае, Хвойнікі* (мясцовы варыянт ад назвы Хойнікі). *Абышоў падмерзлым узболаткам і Алешнікі, зрэзаў вялікі круг* [1, 125]. *Хтосьці паскардзіўся, што ў Бярозаўцы, калі адводзілі зямлю пад калгас, няправільна абрэзалі зямлю...* [2, с. 266]. – *Чараўніка ?! – здзівілася Ганна. – Якога? Што ў Хвоенцы?* [1, 77]. *Ніколі за ўсё жыццё не быў далей Хвойнага, толькі раз дапаў аж да Мазыра...* [1, 137];

б) айконімы, утваральныя асновы якіх указваюць на асаблівасці рэльефу: адлюстроўваюць найбольш характэрныя яго асаблівасці. Гэта назвы: нізкіх, забалочаных, адкрытых месцаў, вадаёмаў, назвы, што ўказваюць на характар глебы: *Мокуць* (мокрае месца), *Юравічы* (ад юр

‘высокая голая мясціна’ [4, с. 76], **Прудок** (‘невялікі пруд’), вёска **Глінішчы** (ад гліна). *Неўзабаве, каля Глінішчаў, сышоў са шляху, узяўся проста на Курані [1, 27]. А так от – “мокуць” і “мокуць”, мокрае, гіблае месца...* [1, 27]. *Ён быў у брызентавым плашчы, з пугаю, з чаго Башлыкоў вывеў, што Кофман прыехаў з Прудка [5, 111]. Толькі пасля гэтага галасавання дайшла да яго вестка, што Апейка ў хаце, і ён запрасіў госця з Юравіч к сталу [1, 149];*

в) айконімы, утваральныя асновы якіх указваюць на размяшчэнне аб’ектаў у прасторы: **Загалле** (вёска за галам – прасторай, пакрытай купінамі і густой травяністай расліннасцю [3, 27]), **Церамоскае** (цераз мост), *Пад раницу бацька запрог каня, паехаў на доктара ў Загалле [1, 367]. – А хіба б у нас паганую сенажаць можна было б за Церамоскім зрабіць? [1, 139].*

Айконімы, утваральныя асновы якіх адлюстроўваюць матэрыяльную культуру рэгіёна, звязаны з жыццём і дзейнасцю чалавека. Лексічны склад адзначанага тыпу матывацыі сярод адапелятыўных утварэнняў айконімаў разнастайны, а таму ўтварае падгрупы:

а) айконімы, утваральныя асновы якіх адлюстроўваюць гаспадарчыя збудаванні, створаныя чалавекам ці прыстасаваныя для яго патрэб: **Буда** (буда – прадпрыемства ў XV – сярэдзіне XIX ст., на якім у спецыяльных печах буднікі выпальвалі драўляны вугаль, выраблялі паташ, гналі смалу, дзёгаць, а таксама і лясны пасёлак, у якім жылі буднікі [6, 76]; **Загародкі** (матывуецца лексемай *загародзіць, гародзіць*), **Курані** (курэнь – лёгкае збудаванне для сезоннага жылля або адпачынку пастухоў, рыбаловаў, паляўнічых [6, 108]; – *Мы тут сялян арганізоўваем, а ў вас усе – дзеляцца. Цераспалосіца сапраўдная. І спрэчкі, як дзе-небудзь у Будзе, у суседзяў [2, 217]. Ледзь калёсы дакаціліся да таго берага, дзе разам з колішнім панскім садам прыступалі к шляху два рады калісьці панскіх, а цяпер – камунараўскіх таполяў, павярнуў каня на нешырокую, голую дарогу ў Загародкі [2, 118]. З кожнай хвілінай Курані ўсё больш поўніліся людскімі галасамі, людскімі рухам [1, 17];*

б) айконімы, матываваныя назвамі тыпаў паселішчаў: **Слабада** (слабада – пасяленне ў феадальнай Расіі, якое карысталася часовым вызваленнем ад выплаты падаткаў і іншых павіннасцяў [7, 350]), **Слабодка** (‘невялікая слабада’), – *Адкуль сам? – запытаўся з цемры голас, калі дзверы зачыніліся. – З Куранёў... – А-а... А я са Слабады... [1, 106]. Башлыкоў паглядзеў яго [пісьмо]: рэдакцыя пісала, што са Слабодкі паступіла скарга – прыцясняюць сельгора Корбіта [5, 102];*

в) айконімы, матываваныя назвамі сацыяльнага становішча людзей: **Княжыца** (ад князь). – *Мы этот спектакль вазілі паказваць у Глінішчы і Княжыцу [1, 200].*

Да айконімаў *антрапанімічнага* паходжання (ад імёнаў, прозвішчаў, мянушак) адносяцца: **Багуславец** (Багуслаў), **Барбарова** (Барбара),

Калінкавічы (Каленка, Калінка [6, 183], **Клімавічы** (Клім), **Мікашэвічы** (Мікаш ад Міхаіл або Мікалай), **Міхайлаўка** (Міхаіл), **Міхалева**, **Міхалі**, **Міхалкі** (Міхал). – Багато бедных дзяцей ходзіць з Багуслаўца, з Глінішчаў [1, 147]. Ён быў наш, праз дзве хаты жыў, Іван, канешне, зваўся. А дзеўка з-за ракі, з Барбарова [5, 53]. Апейка таксама пазнаў: вадавіцкія камунары; едуць – здагадаўся – у Калінкавічы, на станцыю, здаваць [2, 188]. Апейка запытаў, з якога яны раёна. Аказалася, з Клімавіцкага (Клімавічы), слава пра які, і праўда, грывела па ўсёй рэспубліцы! [2, 339]. Агні, што чырванелі па ўсім балоце, нагадвалі Апейку табары часоў вайны; як калісьці пад Рэчыцаю або пад Мікашэвічамі... [2, 72]. Мог бы аодаць усю тую [зямлю], што пад Міхалевам [2, 323]. Ад мокуцьскай дарогі да міхалеўскай – дарогі на Міхалі – самыя бедныя палі: пясок і пясок [2, 383]. – У Хвойнікі едем. З Міхалак. У гасцях булі, дак от позна выбраліся [5, 233].

Да адгідранімічных утварэнняў адносяцца: **Нароўля** (р. Рова), **Рэчыца** (р. Рэчыца), **Полацк** (р. Палата) і інш. – У Нароўлі ў воласці! За сакратара! [1, 78]. – Рабочыя з Рэчыцы прыслалі... [1, 198].

Такім чынам, у “Палескай хроніцы” І. Мележам адлюстраваны назвы самых разнастайных, канкрэтных мясцін, паселішчаў роднага для пісьменніка Палесся (**Глінішчы**, **Хойнікі**, **Прудок**, **Юравічы**, **Нароўля** і іншыя), назвы іншых гарадоў і вёсак Беларусі (**Мінск**, **Бабруйск**, **Віцебск** і інш.), а таксама айконімы суседніх краін Польшчы, Расіі і Украіны (**Масква**, **Ленінград**, **Кіеў**, **Чарнігаў**, **Варшава** і інш.). Такія тапанімічныя адзінкі дапамагаюць пісьменніку паказаць межы прасторы, якая адлюстравана ў творы.

Літаратура

1. Мележ, І. Збор твораў. У 10 т. / І. Мележ / рэдкал. Ю. С. Пшыркоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 5. Людзі на балоце: раман з “Палескай хронікі”. – Мінск: Маст. літ., 1981. – 415 с.
2. Мележ, І. Збор твораў. У 10 т. / І. Мележ / рэдкал. М. І. Мушынскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 6. Подых навальніцы: раман з “Палескай хронікі”. – Мінск: Маст. літ., 1982. – 573 с.
3. Багамольнікава, Н. А. Тапанімія Гомельшчыны: структурна-семантычная характарыстыка: манаграфія / Н. А. Багамольнікава; навук. рэд. А. А. Станкевіч; М-ва адукацыі РБ, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Францыска Скарыны, 2008. – 242 с.
4. Памяць: Гіст.-дакум. Хроніка Калінкавіцкага р-на / Рэд.-укл. В. Р. Феранц; Маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск: Ураджай, 1999. – 798 с.
5. Мележ, І. Збор твораў. У 10 т. / І. Мележ / рэдкал. А. М. Адамовіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 7. Завеі, снежань: раман з “Палескай хронікі”. – Мінск: Маст. літ., 1983. – 558 с.
6. Лемцюгова, В. П. Тапонімы распавядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск: Літаратура і Искусство, 2008. – 416 с.
7. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии: словарь / В. А. Жучкевич. – Минск: Издательство БГУ, 1974. – 448 с.

РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Статья посвящена процессам развития семантики качественных адъективных лексем на одном из этапов развития русского языка национального периода. В статье рассматриваются семантические приращения качественных прилагательных нескольких лексико-семантических групп, таких как тактильная и вкусовая. Многие из лексико-семантических вариантов лексем, появившиеся в XVIII веке, закрепились в лексической системе современного русского языка.

Сочетания с прилагательными вкуса в древнерусском языке были в значительной степени фразеологизированы, напоминая фольклорные обороты типа горе горькое. Таковы сочетания сладкая чаша, то есть нечто приятное, что предстоит испытать (испить), сладкий плод учения и т. д. Метафоры же со сложными ассоциативными связями, по нашим наблюдениям, возникают именно в языке XVII века.

Таким образом, в языке XVII века наметилось стремление преодолеть церковнославянские языковые традиции. В результате этого у прилагательных вкусовой ЛСГ выявились новые тенденции семантического развития: увеличился круг существительных-денотатов, с которыми могли сочетаться прилагательные вкуса, расширились ассоциативные связи. Все это повлекло за собой возможность создания новых словосочетаний с метафорическими значениями прилагательных вкусовой ЛСГ и, соответственно, усложнение смысловой структуры этих прилагательных. В еще большей степени семантические структуры прилагательных вкуса претерпели изменения в языке XVIII века, когда происходило усиление категории качества. «Быстрое и всестороннее развитие категории качества в литературном языке XVII–XVIII веков было вызвано стремительным процессом национализации русского языка и сближением с западноевропейскими языками...» [5, с. 153].

Семантическая структура прилагательного сладкий в конце XVIII века, по данным Словаря церковнославянского и русского языка 1847 г., содержит следующие значения:

1. Приятный на вкус, не имеющий горечи, кислоты и остроты.
2. Приятный, услаждающий чувства. Кроме того, словарь дает еще два терминологических сочетания, где у прилагательного сладкий выявляются связанные значения: сладкая трава – особый вид лекарственного растения и сладкая земля – 'окись металла глициния. Отметим, что в Словаре церковнославянского языка И. Л. Алексева (1773–1776 гг.) значения «пресный» и «вкусный» еще рассматриваются как актуальные, в то время как Словарь Академии Российской их уже не фиксирует. Это может

означать, что на протяжении XVII–XVIII вв. эти смыслы прилагательного сладкий окончательно устарели, то есть семантическая структура прилагательного сладкий упростилась. Сложные же прилагательные типа сладкоречивый, восходящие к церковнославянской языковой традиции, принадлежали именно языку XVIII века, а затем устарели. Появление подобных прилагательных А. Н. Веселовский связывал с более высокой степенью развития поэтического, языка: «Позднему времени отвечают сложные эпитеты, сокращенные из определений и сравнений» [1, с. 73].

Несмотря на то, что словари XVIII века не фиксируют многих значений, анализ словоупотреблений писателей этого периода позволяет утверждать, что в языке происходило постоянное усложнение семантических структур прилагательных вкусовой ЛСГ, рост числа переносных значений. Этот процесс происходил в сложных условиях, поэтому шел очень неравномерно. Если в языке XVII века смысловому развитию прилагательных вкуса мешали семантические клише церковнославянского языка, то в XVIII веке этому развитию оказывали препятствия ограничения классицизма.

Общепринятыми в языке XVIII века были так называемые поэтические формулы (термин А. Н. Веселовского). «Поэтический язык состоит из формул, которые в течение известного времени вызывали известные группы образных ассоциаций. И мы приучаемся соединять со словом вообще ряд известных представлений об объекте. Поэтические формулы – это нервные узлы, прикосновение к которым будит в нас ряды определенных образов, в одном более, в другом менее» [1, с. 376]. По-видимому, писатели XVIII века сознательно стремились к обязательности, трафаретности восприятия создаваемых ими образов, для чего и применялись поэтические формулы. Способы словесной выразительности с помощью такого рода речевых штампов были заимствованы из западноевропейских языков, главным образом, из французского. Как показывают наблюдения, на протяжении первых десятилетий XVIII века поэтические формулы становятся главенствующими в языке и полностью вытесняют тяжеловесные конструкции конца XVII – начала XVIII веков, достаточно сопоставить стиль М. В. Ломоносова и стиль Н. М. Карамзина. Семантика словосочетаний с прилагательными вкусовой ЛСГ в языке этого периода как раз и представляет собой развертывание таких поэтических формул. Необходимо подчеркнуть, что в этот период такой способ словесной выразительности не только не осуждался, но, наоборот, приветствовался. Поэтические штампы имели немало преимуществ, так как в сознании читателя легко актуализировались ассоциации, связанные с данными готовыми словосочетаниями и закрепленные в них. Для семантики слов, однако, этот способ словесной выразительности был скорее негативным. Постоянное употребление поэтических формул способствовало закреплению уже известных

значений, но не стимулировало появление семантических инноваций. Употребление же сочетаний, которые бы не соответствовали общепринятому канону, не приветствовалось. Например, в текстах XVIII века очень часто использовалось сочетание сладкий сон с практически десемантизированным адъективным компонентом. Экспрессия в этом случае достигалась за счет включения механизма привычных ассоциаций. «Для поэтики XVIII века принципиальная повторяемость не менее важна, чем то или иное строение поэтического тропа... Чистый классицизм не отвергал метафорическое изменение значений, он только подчинил его жестким нормам»[8, с. 31]. Это замечание очень точно характеризует двойственность, неустойчивость семантической системы языка XVIII века. Наблюдения показывают, что адъективные лексемы группы вкуса в этот период крайне редко сочетались с существительными, которые обозначали различные физические и душевные качества человека. Очевидно, запрет на подобную сочетаемость распространялся на любые метафорические употребления с самыми различными типами адъективных слов, не только прилагательных группы вкуса. В подтверждение этого можно сослаться на мнение В. А. Жуковского: «Дремать в золотых мечтах никак нельзя. Золотые мечты хороши, когда говоришь просто о мечтах и хочешь дать им отвлеченный образ, но как скоро говоришь о мечтах в отношении того, кто их имеет, то золотые вовсе не годятся». Данный отрывок из письма Жуковского Вяземскому датируется 1803 годом, так что, как видно, ограничения на сочетаемость многих значений прилагательных продолжали действовать далее в начале XIX века.

Прилагательные вкуса использовались многими писателями XVIII века, но особый интерес для анализа представляют словоупотребления Н.М. Карамзина, так как в них зафиксированы в известном смысле результаты семантической эволюции прилагательных вкусовой ЛСГ к исходу XVIII века. В его стихотворных и прозаических текстах число употреблений лексемы сладкий является наибольшим из всех других текстов XVIII века и равно 46. По формуле американского лингвиста Г. Ципфа можно определить примерное число значений, имевших место в семантической структуре этого прилагательного к исходу XVIII века. Из формулы следует, что число значений слова стремится к корню квадратному из числа всех употреблений. Несложные подсчеты показывают, что у прилагательного сладкий в конце XVIII века было около 7 значений. Отметим еще раз, что Словарь 1847 г. отмечает только 2 значения. Таким образом, многие значения, которые реально присутствовали в языковом сознании носителей языка конца XVIII века, словарем не были зафиксированы, а значит, и не считались нормативными.

Попытаемся выявить эти новые для языка XVIII века смыслы.

1. Значение «льстивый»: «Государь мой, – отвечал офицер со сладкой улыбкой, но видно было, что он досадует на меня». (Карамзин. Письма русского путешественника. М., 1980, с.63).

На основе семы «воздействующий на органы чувств» у прилагательного сладкий развивается значение «приятный на вкус». Та же сема, но при участии пейоративной оцепочности, формирует переносное значение «приторный». Прилагательные вкуса, как известно, относятся к прилагательным с градуируемой семантикой. При некоторой норме признака у прилагательного обнаруживается только положительная оценочность: сладкий – хороший! Когда же эта норма оказывается превышенной (слишком сладкий – неприятный), то актуализируется отрицательная оценочность: сладкий – плохой. Переосмысление значения прилагательного приводит к появлению значений «льстивый, лицемерный».

2. Значение «умильный, нежный»: Вышедши из театра, обтер я последнюю сладкую слезу. (Карамзин. Письма русского путешественника, с. 96). Данное значение также не было свойственно русскому языку до конца XVIII века. Семантика этого словосочетания представляет собой сумму смыслов лексем, входящих в словосочетание. Вопреки формальным критериям, основную смысловую нагрузку несет не субстантивный, а адъективный компонент словосочетания. Главная причина появления значения «умильный, нежный» заключается в повышении внимания писателей-сентименталистов к особым средствам выразительности, так называемому «языку сердца».

3. Значение «талантливый». В языке XVIII века отмечаются многочисленные сочетания, где у прилагательного сладкий на первый план выходит культурный компонент значения: сладкие певички. (Карамзин. Письма... с. 16), сладкий Анакреон (Сумароков. Хрестоматия XVIII века, ч. I, с. 67), сладчайший песнопевец (Державин, Хрестоматия XVIII века, ч. I, с. 202). В языке XVIII века эта модель семантического развития прилагательных вкусовой ЛСГ была очень продуктивной. Появление такого значения прилагательного сладкий связано с диффузией созначений вызывающий приятные ощущения и значения, связанного с культурными реалиями. Ассоциативная связь возникает при объединении вкусового прилагательного и существительного, выражающего результаты творческих усилий деятелей культуры: стихи, песни, книги и т.д.

4. У Ломоносова встретилось сочетание сладкий век: о сладкий век, о жизнь драгая... (Ломоносов. Ода... 1742 г. Хрестоматия OT века, с. 108).

Семантическое развитие прилагательного сладкий происходило в данном случае по аналогии. ЛСВ прилагательного в сочетании сладкий век напоминает другие эпитеты к существительному век. В языке XVIII века подобные сочетания были очень распространены. Подтверждение этому можно найти, например, в стихотворении Карамзина, где слову век

дается сразу несколько эпитетов: Овидий воспевал начало всех вещей, Златой блаженный век, серебряный и медный, Железный, наконец, несчастный, страшный век.

5. У Державина встретилось фразеологически связанное значение в сочетании сладкий дым: Мила нам добра весть о нашей стороне, Отечества и дым нам сладок и приятен (Державин. Арфа, 1798 г. Избранное, с. 162). В результате частого цитирования сочетание сладкий дым в значении «нечто приятное» фразеологизировалось еще в начале XIX века. Например, оно использовалось А. С. Грибоедовым в комедии «Горе от ума» без указания на источник, то есть, очевидно, предполагалось, что авторство данного сочетания читателю известно.

В дальнейшем же это сочетание приобрело статус идиомы и обычно воспроизводится в готовом виде.

6. В языке XVIII века появилось сочетание сладкий язык (о русском языке): Язык наш чист и сладок, и пышен, и богат Сумароков. Эпистола о русском языке. Русские писатели о языке. М., 1955, с. 47). Русский язык, как известно, характеризуется мягкостью, приятным выговором». Третьяковский называл русский язык «языком сладкия любви». Ломоносов отмечал в русском языке «нежность италийского языка».

При создании данного значения прилагательного сладкий применяется синестезия значений: приятный на слух – приятный на вкус. В результате интерсенсорного переноса происходит диффузия значений Лексемы сладкий и возникает новое значение.

Для языка XVIII века характерна слабая распространенность других, кроме лексемы сладкий, прилагательных вкусовой. Так, у Державина 31 раз встречаются разные ЛСВ прилагательного сладкий и только 2 ЛСВ прилагательного горький. Иные же лексемы вкуса (кислый, пресный и др.) практически встречаются только в номинативных значениях.

На такую экспансию прилагательного сладкий влияли как языковые, так и экстралингвистические факторы. Среди образных средств литературы XVIII века неизбежно должно было появиться прилагательное, которое бы являлось доминантой «сладостного» языка того времени.

Для языка XVIII века была характерна еще одна модель семантического развития прилагательных вкусовой ЛСГ: создание так называемых оксиморонов: сладкая боль, сладкая слеза. Такие сочетания, не входящие в семантическую систему языка, тем не менее показывали, до каких пределов возможно изменение смысла прилагательных. Распространение оксюморонных сочетаний связано, во-первых, с влиянием западноевропейских языков, особенно французского, во-вторых, с попытками обновления стилистических ресурсов языка, преодоления трафаретных моделей.

Таким образом, смысловое развитие прилагательных вкусовой ЛСГ в языке XVIII века характеризовалось следующими особенностями.

Семантика прилагательных группы вкуса развивалась в русле общего процесса усиления категории качества в русском языке XVIII века. В наибольшей степени подверглась изменениям смысловая структура прилагательного сладкий, которое было в этот период «доминантной» лексемой вкусовой ЛСГ.

Развитие семантики прилагательных группы вкуса происходило на фоне усиления абстрактности частей речи, что проявлялось в расширении сочетаемости прилагательных вкусовой ЛСГ с абстрактными существительными. Для языка XVIII века было характерно появление новых моделей семантического развития прилагательных вкусовой ЛСГ, что было связано с преодолением канонов классицизма в области словоупотребления, а также с влиянием других языков.

Литература

1. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М., 1989.
2. Виноградов, В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М., 1977.
3. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка ХУП–ХІХ вв. / В. В. Виноградов. – М., 1982.
4. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. – М., 1988.
5. Процессы формирования лексики русского литературного языка / от Кантемира до Карамзина. – М., 1966.
6. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики на материале русского языка / Д.Н. Шмелев. – М., 1969.
7. Шрамм, А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных / А.Н. Шрамм. – Л., 1978

УДК 81'42

С. Б. Кураш

ОТ «ТЕКСТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО» К «ТЕКСТУ ГЛОБАЛЬНОМУ»

(по материалам международных научных конференций
по проблемам текста, проведённых кафедрой русского языка
с 2001 по 2013 гг.)

В статье рассмотрены некоторые аспекты динамики исследовательского интереса к тексту в лингвистике и смежно-лингвистических изысканиях. На примере проводимой с 2001 года научной конференции «Текст. Язык. Человек» показан один из магистральных векторов развития современной филологической науки – утверждения на ведущих позициях антропоцентрического и междисциплинарного подходов. Помимо филологов и педагогов проблемами текста всё чаще интересуются ученые, работающие в области других наук, – исторических, социологических, медицинских, технических и других. Этот факт коррелирует с активизацией глобальной метафоры «мир как текст» в современном языковом сознании.

Актуализация в последней четверти XX – начале XXI века функционально-прагматического подхода к изучению языка, выразившаяся в таких дескрипторах современной лингвистики, как антропоцентризм и междисциплинарность, повлекла за собой смещение исследовательского акцента с таких традиционных единиц, как слово, словосочетание, предложение, на более протяжённые отрезки речи, главенствующее положение среди которых занял текст.

Коллектив кафедры русского языка Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина на протяжении достаточно длительного времени определяет в качестве основной задачи научно-учебной работы всестороннее развитие личности каждого обучаемого через усвоение языка как средства коммуникации, что немислимо без обращения к тексту как центральному объекту исследования.

Логическим продолжением этой работы стала организация регулярной научной конференции по проблемам текста.

Первая конференция – «Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин» (то же название имели и две последующие конференции) – состоялась в апреле 2001 года и привлекла внимание 150 специалистов из Белоруссии, России и Украины. На конференции рассматривались главным образом вопросы структурно-семантической организации текстов, их типологизации, методов и приёмов филологического анализа художественных произведений и функции отдельных языковых единиц в структуре текстов.

В ходе работы второй конференции, которая прошла в марте 2003 года, наметилась тенденция тематического обновления содержания, а также географического и количественного расширения круга докладчиков, а одним из участников конференции – известным белорусским учёным профессором М. И. Конюшкевич – был констатирован тот факт, что «организация конференций по теории и практике изучения текста уже заявили о начале формирования в этом вузе [Мозырском госпедуниверситете. – С. К.] новой научной текстологической школы» [1].

Третья конференция не только подтвердила, но и значительно усилила обозначенную тенденцию: к странам-участницам присоединились Азербайджан, Польша и США, в программу проведения конференции вошли круглые столы и мастер-классы известных учёных по актуальным проблемам текстологических исследований и методики преподавания языков и литератур; в тематическом отношении конференция стала приобретать речеведческий, антропоцентрический и прагматический уклон.

С учётом обозначенных тенденций с 2007 года, когда конференция состоялась в четвёртый раз, её название логично претерпело изменение,

став более лаконичным, но в то же время позволяя расширить проблемное поле текстоведческих исследований: «Текст. Язык. Человек».

Проблемное поле конференции сосредоточивается на следующих направлениях:

- исследование текста в структурно-смысловом и коммуникативном аспектах;
- проблемы типологизации текстов и исследования отдельных текстотипов и речевых жанров;
- контрастивное исследование текстов и проблемы перевода;
- текст как фактор интеграции различных наук и дисциплин;
- диалогика текста и интертекстуальность;
- проблемы влиятельной речевой коммуникации: лингвистический, педагогический, психологический аспекты;
- речевая личность в современном обществе. Коммуникативная лингвистика и риторика: язык, текст, дискурс, человек;
- развитие креативной языковой (речевой) личности как средства и фактора коммуникативного взаимодействия;
- учебный текст и проблемы современного учебника. Программное и учебно-методическое обеспечение филологических дисциплин в школе и вузе;
- филологический анализ художественного текста в вузе и школе;
- проблемы вузовского преподавания русского языка и речеведческих дисциплин;
- текстоведческая тематика в истории русской филологии.

Пятая (2009), шестая (2011) и седьмая (2013) конференции «Текст. Язык. Человек» зафиксировали большой интерес научной общественности к поднятым вопросам и проблемам, что выразилось в количестве участников, доходившем до 300 человек, представлявших 13 государств мира [4; 6].

Эти конференции отразили один из магистральных векторов развития современной филологической науки – утверждение в ней на ведущих позициях функционально-прагматического подхода к изучению языка, выразившегося в таких дескрипторах современной лингвистики, как антропоцентризм и междисциплинарность. Примечательно, что помимо филологов (лингвистов, литературоведов, журналистов) и педагогов, в этих конференциях участвовали с докладами и публикациями учёные, работающие в области психологических, исторических, философских, социологических и даже медицинских и технических наук. И во всех случаях в центре внимания был Его Величество Текст.

Текст, таким образом (и это можно утверждать смело!), всё чаще уходит от филологов к нефилологам, открывая себя как некая глобальная метафора сущего в целом и его отдельных разноплановых феноменов в частности.

Базовая концептуальная метафора «Мир как Текст» стала исходным пунктом современного постмодернистского мышления и породила такие частные подпарадигмы концептуальных метафорических формул, как «мир – космическая библиотека» (Лейч), «мир – словарь» (Эко) и пр. Эта метафорически структурированная позиция, идеологически претендующая на новую методологию гуманитарного мышления, за несколько последних десятилетий вылилась в целую парадигму частных метафорических построений типа «X как Текст» в рамках текстоцентрического восприятия мира человеком [см. подробнее: 3; 5].

Восприятие Мира в целом и его отдельных феноменов в частности как Текста (в этом плане метафора Книги, равно как и парадигматически близкие метафоры Словаря, Тетради, Альбома и т.п., может быть рассмотрена как одна из основных репрезентаций метафоры Текста) реализует архетипический принцип изоморфизма во взглядах на основополагающие феномены бытия. Подобный изоморфический подход уходит своими корнями в античную философскую мысль. В частности, у Платона и ряда других выдающихся мыслителей прошлого находим представление о мире как о мире идей, о многоуровневой реальности, уровни которой находятся в отношении глобального взаимодействия, взаимодублирования, взаимодополнения, взаимообусловленности, заданных их гомогенностью и структурным изоморфизмом.

В числе осмысляемых в данном отношении феноменов первостепенную роль играет Слово в своём онтологическом понимании, сводящее к себе как к некоему центру всё механизмы языка (по Ф. де Соссюру) и – более того – бытия. Современной науке известны уже не единичные прецеденты поиска (и нахождения!) структурного изоморфизма слова с такими феноменами идеального и материального бытия, как мозг, генетический код, человек, Вселенная [2, 199–266]. В этом смысле текст правомерно рассматривать как производные того самого Слова / Языка, а следовательно, логично будет принять в качестве исходного, аксиоматического, положения тезис о потенциально присущих им универсальных изоморфических свойствах. В одних случаях осмысление подобного изоморфизма – плод работы гуманитарной, философской мысли, а в других мы имеем дело с переходом от метафоры-гипотезы к доказательной естественно-научной теории (ср., например, открытие единства фрактальной структуры ДНК и человеческой речи, сделавшее метафору «Человек как Текст» фактически реальным открытием в области генетики и микробиологии; ср. термин *генетический алфавит*).

Таким образом, можно констатировать тот факт, что глобальная базовая метафора «Мир как Текст» в современных дискурсивных практиках вышла далеко за рамки постмодернистского интеллектуального философско-публицистического и литературно-художественного дискурса

и стала – в различных своих вариациях – одной из доминантных для русской языковой картины мира в целом, постепенно расширяя зону своего распространения за счёт включения в неё новых понятий и сфер человеческой деятельности, окончательно закрепив за собой статус одной из тех метафор, «которыми мы живём», по знаменитому выражению выдающегося метафоролога Дж. Лакоффа. В этом плане изучение Текста по сути только начинается...

Литература

1. Конюшкевич, М. И. О тексте и о лингвистике текста // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: материалы II Международной научной конференции, 26–27 марта 2003 г., Мозырь: в 2 ч. / отв. ред. С. Б. Кураш, О. И. Ревуцкий, В. Ф. Русецкий. – Мозырь: УО «МГПУ», 2003. – Ч. 1. – С. 10.
2. Гируцкий, А. А. Общее языкознание: учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., стер. – Минск : ТетраСистемс, 2003. – 304 с.
3. Кураш, С.Б. Текстцентризм современного гуманитарного сознания и его экспликация в речевой практике носителей русского языка (по данным интернет-источников) / С.Б. Кураш // Текст. Язык. Человек: сб. науч. трудов: в 2 ч. / редколл.: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. Мозырь: УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2013. – Ч. 1. – С. 62–65.
4. Кураш, С.Б. К 1150-летию создания славянской письменности: Неделя русского слова и VII международная научная конференция «Текст. Язык. Человек» в Мозырском государственном педагогическом университете имени И.П. Шамякина / С.Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. – 2013. – № 2 (39). – С. 138–141.
5. Кураш, С.Б. Базовая метафора текста и её производные в современных речевых практиках / С.Б. Кураш // Язык – текст – дискурс: картина мира в свете разных подходов: сб. науч. ст.; под ред. Н.А. Илюхиной. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. – С. 103–109.
6. Кураш, С.Б. Неделя русского слова в Мозырском государственном педагогическом университете имени И.П. Шамякина (к 1150-летию создания славянской письменности) // Русистика в Беларуси: Вестник БООПРЯЛ. – 2013. – № 4. – С. 52–55.

УДК 811.161.3:821.161.3.2

Л. М. Мазуркевіч

СТРУКТУРНА-СЕМАНТЫЧНЫЯ ТЫПЫ ЗВАРОТКАЎ І СПАСАБЫ ІХ ВЫРАЖЭННЯ Ў МОВЕ ПАЭТЫЧНЫХ ТВОРАЎ Н. ГІЛЕВІЧА

Артыкул прысвечаны аналізу граматычных адметнасцей і структурна-семантычных тыпаў звароткаў, засведчаных у мове вершаваных тэкстаў Н. Гілевіча. Падкрэсліваецца, што зваротак – неад’емны структурны кампанент сінтаксічных канструкцый, асноўны сродак эмацыянальна-ацэначнай характарыстыкі адрасата.

Адметную ролю ў структурнай арганізацыі тэкстаў адыгрывае своеасаблівы зварот да таго, каму адрасавана змешчанае ў іх паведамленне. Традыцыйна зваротак выконвае ў маўленні некалькі функцый, асноўнымі з якіх з’яўляюцца наступныя: намінацыйная, камунікатывная, эмацыянальна-ацэначная. Гэта абумоўлена тым, што зваротак не толькі абазначае асобу ці прадмет, да якіх непасрэдна звернута выказванне, але і характарызуе іх, змяшчае ацэнку, прыцягвае ўвагу да зместу выказвання і г. д.

Варта адзначыць, што і ў айчынным, і ў рускім мовазнаўстве пазнаёму вызначаецца сінтаксічны статус зваротка, што праяўляецца ў існаванні некалькіх падыходаў да вывучэння яго граматычнай прыроды [1]. Нягледзячы на гэта, безумоўным з’яўляецца той факт, што зваротаку сказе выконвае важную канструктыўную, а не службовую ролю. Накіраванасць (зварот) змешчанага ў сказе паведамлення да канкрэтнай асобы ці прадмета або з’явы з’яўляецца асноўнай, найбольш істотнай адзнакай зваротка як члена сказа, прызначанага для ўскладнення яго структуры [2, 29].

Прызнанне за звароткам не толькі сэнсавай, але і сінтаксічнай сувязі раскрывае сутнасць і спецыфіку гэтай канструкцыі. Безумоўна, зваротак істотна адрозніваецца ад галоўных і даданных членаў сказа не толькі характарам сінтаксічнай сувязі, але і семантычнымі, структурнымі асаблівасцямі. Адметна, што сінтаксічная сувязь, якой уводзіцца зваротак у сказ, з’яўляецца суадноснай або інтрадуктыўнай. Гэта сувязь існуе на ўзроўні сказа, а не на ўзроўні словазлучэння, як дапасаванне, кіраванне ці прымыканне: яна больш свабодная, аслабленая, часцей за ўсё неабавязковая. І гэта заканамерна, бо яна рэалізуецца паводле сэнсу і граматычнай суадноснасці зваротка з іншымі членамі ў сказе [2, 29].

Актыўнае выкарыстанне зваротка стала адметнай адзнакай сінтаксісу паэтычных твораў беларускага мастака слова Н. Гілевіча. Адрасатам паведамлення ў мове вершаваных твораў яго часцей за ўсё выступае асоба чалавека, радзей – жывая істота, неадушаўлены прадмет або з’ява, прычым зварот да неадушаўленых прадметаў, абстрактных паняццяў і геаграфічных назваў адбываецца пры персаніфікацыі іх: *Тваю трагедыю, Лагойшчына, / Што будзе помніца да скону, / Ён не пакіне неадпомічанай / І не даруе анікому!* [3, 71]; *Што я наважыў одумам свайм – / Я паўтару табе як клятву нанач. / А покуль што стаю ў цішы хваін / І слухаю тваё дыханне, Нарач*[3, 58]; *Столькі зведаўшы гора, нягод, / Столькі слёз, і крыві, і агню – / Беларусь, ты на тысячы год Заслужыла сабе цішыню* [3, 96]; *Вось гэтак, дзеткі, і ў жыцці: / Пакуль мы церпім, людзі, – / Як ні круці і ні вярці – / Смярдзюк смуродзіць будзе* [4, 8]; *Браток, – пусціў слязу калега, – / Дзеля малых прашу дзяцей, / Каб ты замест мяне паехаў: / Ты ж халасцяк! Табе прасцей!* [4, 92]; *І так штодзень, і так штодзень: / “Жывей, жывей, мой Кузя!..” / Кузьма*

асунуўся, схудзеў, / Сцялося сэрца ў вузел [4, 78]; Сядайце, – кажэ мне, – ў карэце, / І папрашу, грамадзянін: / Як будзем ехаць – не дурэйце: / Я – мнагадзетны сем’янін [4, 84].

У большасці выпадкаў у ролі звароткаў шырока выкарыстоўваюцца назоўнікі, якія абазначаюць асоб паводле роднасці і сваяцкіх адносін, роду заняткаў, займаемай пасады, сацыяльнай прыналежнасці, узросту і імені, якой-небудзь знешняй ці ўнутранай прыкметы, уласцівасці характару і г. д.

У вылучаных сінтаксічных канструкцыях дастаткова часта ў якасці зваротка ўжываюцца словы з так званай нязменнай функцыяй, у выніку частага выкарыстання асобныя з іх страцілі сваё лексічнае значэнне і традыцыйна называюць любую асобу, да якой звяртаюцца: *Толькі пырскі ўбакі. / Як сонца жывыя асколкі. / Наперад, васпане! Смялей за буйкі! / Ні страху, ні стомы – ніколько!*; Э-э, братка-братачка, каб мог я / Заразу гэтую глытаць – / Я б за здароўе бабы Зохвы – / Быў рад і ў бутлі дна дастаць!; Братка мой! / Братка мой! / Братачка родны! / Адказы – сам сабе адказы: / Чым зрабіўся табе непрыгодны / Скарб бяспэчэнны тваёй жа душы? і інш.

Звароткі звычайна складаюцца са слоў або словазлучэнняў, якія структурна арганізаваныя, граматычна незалежныя, інтанацыйна вычлененыя ў асобную канструкцыю ў межах простага ці складанага сказаў (па-за межамі сказа яны сустракаюцца рэдка, што абумоўлена зместам, будовай, рытмікай і мелодыкай саміх твораў). Паводле свайго сэнсу звароткі заўсёды звязаны са сказам і без яго самастойна не ўжываюцца: яны ўключаюцца ў сказ або знаходзяцца пры сказе для адпаведнай характарыстыкі яго зместу і служаць адным з дзейсных сродкаў вобразнага адлюстравання рэчаіснасці [2, 28]: *Што ты пішаш, баламутнік, / Аб гісторыі далёкай! – / Закрываў у злосці лютай / Пані Догмы верны лёкай* [4, 31].

Разгледжаны матэрыял дазваляе сведчыць, што зваротак не мае пастаяннага месца ў сказе. Ён можа размяшчацца ў пачатку сказа, у сярэдзіне ці ў канцы яго. Традыцыйна месца зваротка ў сказе абумоўлена яго актуальнасцю, лагічным і інтанацыйным выдзяленнем: пры большай актуалізацыі ён звычайна размяшчаецца ў пачатку, пры меншай – у сярэдзіне ці ў канцы сказа. Адначаюцца адзінкавыя выпадкі ўжывання зваротка па-за межамі сказа, што адбываецца пры ўмове асаблівай актуалізацыі яго: *Дзівак! Нясмелы дурань! / Ці ж можна з гэткім паляцець?.. / Успамінай цяпер і думай – / Пра заўтра думай, целяпень!* [3, 25]. Знаходзячыся па-за межамі сказа, зваротак тым не менш не губляе з ім сэнсавай сувязі.

Паводле структуры ў паэтычных творах Н. Гілевіча фіксуюцца неразвітыя або развітыя звароткі. Неразвітыя звароткі выражаюцца пераважна назоўнікамі ў форме назоўнага ці былога клічнага склону. У такім выпадку яны звычайна абазначаюць асоб, жывых істот, прадметы

і з’явы: *Цудоўна, дружа! / Перспектыўна дужа. / Калі мы здзейснім – а мы здзейснім! – план, / Прадбачу нават, як падскочыць тут жа / Каэфіцыент душэўнага цяпла [5, 38]; Яна нямела, абмірала / І, як у трызненні, у сне, / Адно бясконца паўтарала: / “Забіў ты, Сцёпачка, мяне!..” [5, 52]; За ўзмахам узмах – / Толькі пырскі ўбакі. / Як сонца жывыя асколкі. / Наперад, васпане! Смялей за буйкі! / Ні страху, ні стомы – нікольні! [3, 32]; Углядайся, сыне, пільней углядайся, / У святыя абрысы бацькоўскай зямлі. / На чужыя спакусы душой не паддайся, / Каб нашчадкі мяне за свой лёс не клялі [3, 34]; “Чаго ён дзярэцца? Малы я ці што? / А йдзі ты, таварыш, да д’ябла! / Не шныраць акулы. Не блізіцца шторм...” / І зноў я махаю заядла [3,33].*

У структуры сказаў развітыя звароткі арганізуюцца словаспалучэннямі назоўнікаў у форме назоўнага ці былога клічнага склонаў або субстантывавальных прыметнікаў і залежных ад іх слоў іншых часцін мовы. Такія звароткі вызначаюцца большай семантычнай напоўненасцю, у выніку чаго дасягаецца разгорнутая характарыстыка абазначаных імі адушаўлёных ці неадушаўлёных прадметаў і з’яў. Пры назоўніку ў якасці залежнага кампанента могуць знаходзіцца або прыметнікі (пераважна якасныя): *І зноў стары заплюскаў нечакана / І пацягнуўся да вачэй хусцінкай. / А мы стаім, працятыя пытаннем: / “Чаго ж ты плачаш, добры чалавек?” [5, 48]; О мілыя трывогі! / Дарма тужу, дарма! / Назад да вас дарогі / Ад гэтых гурб – няма [3, 21]; Ах, сонечныя гурбы! / Калі вас намяло? / Пасіверылі губы, / Пасеклася чало [3, 20], або прыналежныя займеннікі: Братка мой! / Братка мой! / Братачка родны! / Адкажы – сам сабе адкажы: / Чым зрабіўся табе непрыгодны / Скарб бяспэчны тваёй жа душы? [3,51]; Ты дзівішся, суседачка мая, / Чаго так раптам паблажэла я? / Дзве тысячы мне трэба да зарэзу – / І ні да кога ў доўг я не ўлезу! [6,143]; Яна, мой браце, з тых кароў, / Што век не запускаяцца. / Таму і процьма даяроў / Каля яе ўвіхаецца [4,19]; Брат мой! / Кроў Леўскага ў жылах пульсуе маіх! / Кроў Каліноўскага ў сэрцы стукоча тваім! [3, 15] ці ўвогуле паралельнае ўжыванне адзначаных спалучэнняў: “Бывай, мая мамачка!”, “Матанька родная!” / “Даруй мне, матулька!”, / “Не плач па мне, мама”, / “Матуленька, дзе ты? Ці ўбачымся зноў?..” [3, 26].*

Зрэдку ў вершаваных радках ужываюцца звароткі, утвораныя па мадэлі “прыналежны займеннік + прыметнік(і) + назоўнік”: *Мой сіні бор, мой родны бор зялёны! / Ён ёсць у кожнага – свой бор, што вабіць, / Свой мілы кут, свае бярозы й клёны, / І ёсць свая лясная тайна, мабыць... [3, 10]; Як ты грывела, як бабахала, / Мая рабінавая ноч! / Стокрылы вецер дол аблахаваў / І вобзем кінуўся наўзбоч [3, 8]; Не пакідай мяне, мой светлы сум, / З табой мне хораша на адвячорку / Хадзіць і слухаць лесу ціхі шум, / Пакуль суцэмак не запаліць зорку [3, 9], што дазваляе пісьменніку дасягнуць большай вобразнасці і эмацыянальнай выразнасці. З акрэсленай*

мэтай фіксуюцца і выпадкі ўжывання паўторных назоўнікаў: *Зрываць красу – набойся бога! / Пялёсткам сум не залячыць! / Ах, павядзі мяне, дарога-дарожка, / Ад гэтай казкі ўдалячынь!* [3, 28]; Э-э, *братка-братачка, каб мог я / Заразу гэтую глытаць – / Я б за здароўе бабы Зохвы – / Быў рад і ў бутлі дна дастаць!* [3, 212].

Неразвітыя і развітыя звароткі могуць быць аднароднымі (злучнікавымі ці бяззлучнікавымі): *Даруйце, родныя бары і пушчы, / Зямлі бацькоўскай неацэнны скарб, / Што – не глухі і не сляпы – відушчы – / Не чуў, не бачыў вашых слёзных скарб* [3, 36] і неаднароднымі, калі характарызуюць прадмет ці паняцце па рознай прыкмеце, выконваючы ўдакладняльную функцыю: *Прыпазніўся з хлопцамі / На дзядзінец бацька. / “Дзе ты, маё золата, / Каснічок чырвоны?..”* [3, 69].

У залежнасці ад спосабу ўжывання вылучаныя ў паэтычных радках Н. Гілевіча развітыя звароткі бываюць адзіночныя, паўторныя і групавыя. Адзіночны зваротак традыцыйна адрасаваны адной асобе або прадмету і ўжыты ў сказе адзін раз: – *Сцяпан Якубавіч, хачу я / Табе бяду сваю адкрыць. / Няхай душа твая пачуе, / Як мне нялёгка гаварыць* [3, 38]; – *Сцяпан, – зірнуў Тамаш на брата, – / Ты так гаворыш, як бы тут / Сабралі тых, хто вінаваты, / І ты выносіш ім прысуд* [3, 178]; *Крыху няёмка стала Лёдзі – / Аж злосць мільгнула на губе: / – Ну, муж, калі б не пры народзе – / Ой блажавухнула б табе!..* [3, 256]; *Сцяпан на момант прыпыніўся, / Абвёў паглядам шыр – прастор. / “Эгей, мой кут, як ты змяніўся! / Стаў роўны й гладкі – нібы стол...”* [3,164]; *Пра цябе і радзіму – адна ў мяне дума і думачка, / Хоць малітвы маёй ты за далю далёкай не чуеш / І не знаеш, як горача, як апантана шапчу я: / “ Спі, мая лугавая, мая залатая мядуначка!”* [3,37]; *Удава – уголас: / Дочанька мая! / Сцерпі гэту ганьбу – / Што табе зашкодзіць?!..* [3,67];– *Казачэнька мой міленькі, / Чым мы будзем умывацца? / – Ой, я расою, а ты слязою, / Мілая, любая мая!* [3, 90].

Паўторны зваротак ужываецца ў сказе некалькі разоў з мэтай узмацнення яго і дасягнення асаблівай эмацыянальнай выразнасці: *Пераступіць бы тую плётку, / Разумна разам абмінуць... / Ах, Аля, Аля! Як жа лёгка / Далі сябе мы абмануць!..* [3, 265]; – *Мар’яна! – клікнула – Мар’яна! – / І зразумела, што дарма: / Пасцель была не расцілана. / Дачкі няма! Яе няма!* [3, 234]; *Вярблюд, вярблюд, паслухай, / Гарбаты дурань мілы: / Ты ж колісь вельмі здорава / Плявацца ўмеў, вярблюд?* [4,18]; *О, дзеці, дзеці! Дзе мне вочы дзець? /Каб вам у вашы вочы не глядзець?* [3, 49];– *Моська, Моська, на –на – на! / – Хто там кліча Моську? / Мемуары пра слана / Я пішу патрошку* [7,27].

Групавыя звароткі адрасаваны розным асобам ці прадметам. У сваім аб’яднанні яны ўтвараюць аднародны рад (злучнікавы або бяззлучнікавы): *Ды ні гуку над Гайнай – пад цёмным шатром. / Толькі зоркі – як вочкі Купаліны. / Дзе ж вы, хлопцы, дзяўчаты? Чаму за сялом / Над ракою, агні*

не запалены? [3,31]; Тады і даў каманду хтосьці: / – Дзяўчаты! Бабы! Песні дзе? / Ці нас пазвала свята ў госці – / Ці мы сабраліся ў бядзе? [3, 218]; – Цішэйце, бабы! Волька! Зіна! / Ішлі б кудахтаць за парог!.. / – У гонар маці – песня сына! – / Гукнуў яшчэ раз Крутагор [3, 218].

Такім чынам, звароткі, засведчаныя ў мове паэтычных твораў Н. Гілевіча, з’яўляюцца важнымі структурнымі кампанентамі, якія развіваюць структуру сказа, узбагачаюць змест яго, часта служаць актуалізаваным зачынам. Акрамя таго, звароткі не толькі называюць тых персанажаў (адушаўлёных і неадушаўлёных), якім адрасуецца паведамленне, але і пэўным чынам характарызуюць іх, настройваючы чытача на ўспрыняцце і ўключэнне ў атмасферу выказвання.

Літаратура

1. Капцюг, І. У. Сінтаксічныя ўласцівасці зваротка: гістарыяграфічны аспект / І. У. Капцюг // Весці БДПУ. Сер. 1. – 2005. – № 2. – С. 65–68.
2. Бурак, Л. І. Зваротак у беларускіх жніўных песнях / Л. І. Бурак // Веснік БДУ. Сер. 4. – 1994. – № 3. – С. 28–33.
3. Гілевіч, Н. Вечны матыў / Н. Гілевіч. – Мінск: Юнацтва, 1994.
4. Гілевіч, Н. Кантора: сатыра і гумар / Н. Гілевіч. – Мінск: Маст. літ., 1987. – 110 с.
5. Гілевіч, Н. Выбраныя творы ў двух тамах. / Н. Гілевіч. – Мінск: Маст. літ., 1991. – Т. 1: Вершы, паэмы, п’есы. – 478 с.
6. Гілевіч, Н. Ёсць зямля... / Н. Гілевіч. – Менск: Белфранс, 1997.
7. Гілевіч, Н. Збор твораў / Н. Гілевіч. – Мінск: Маст. літ., 1999. – Т. 2: Вершы і паэмы 1977–1992; Родныя дзеці: раман у вершах. – 355 с.

УДК 811.161.3’373

М. М. Макарэвіч

НАЗВЫ РЫБ У ЛЕКСІЦЫ НАРОДНЫХ ГАВОРАК

Аналізуюцца дыялектныя назвы рыб сямейства: акунёвых, асятровых, вугровых, корушковых, ласосевых, сомавых, шчупаковых, трасковых, уюновых. Выяўлена багатая сінанімія і развітая варыянтнасць даследуемых намінацый, а таксама наяўнасць пераважнай большасці аналагічных назваў у літаратурнай мове.

Рыбная лоўля належыць да аднаго з самых старажытных спосабаў здабывання ежы і ўзнікла, як сцвярджаюць навукоўцы, задоўга да з’яўлення чалавека сучаснага нам аблічча [1, 46]. Ёсць усе падставы меркаваць, што нашы продкі харчаваліся рыбай яшчэ на стадыі жывёльнага статку. Праз тысячы гадоў рыбалоўства дайшло да нас у выглядзе асобнага промыслу, які мае сваю тэхналагічную спецыфіку, свой багаты тэрміналагічны апарат і інш. Разам з тым рыбная лоўля шырока

распаўсюджана ў народным асяроддзі, дзе паняцці выражаны не літаратурна кадыфікаванымі адзінкамі, а рэгіянальнымі дыялектызмамі.

Багатай у лексіка-семантычным плане з'яўляецца тэматычная група **назвы рыб**. У межах гэтай групы на аснове біялагічнай класіфікацыі [2], [3] намі вылучаны такія тэматычныя падгрупы, як *назвы рыб сямействаў: акунёвых, асятровых, вугровых, карпавых, корушкавых, ласосевых, сомавых, шчупаковых, трасковых, уюновых*.

Тэматычная падгрупа **назвы рыб сямейства акунёвых** прадстаўлена лексемамі *акунь, ёрш, насар, судак*, якія маюць разнастайныя сінонімы і варыянты.

Для ідэнтыфікацыі рыбы *акунь* выкарыстоўваюцца назвы *акунь, аконь, акунёк, баец, вакунь, гарбыль, кунік, матросік, окунец, окуньчык, окунь, рабчык*: Я злавіў *акуня* [Касп., 19]; *Вакунь* – калючая рыба [СЦГ, 51]; Такі *гарбыль* мне першы рас папаўся [СЦГ, 88]. *Окунь* мае дужа каляную луску [СЦГ, 251]; Адай ты етого рабчыка Ваську [Ул.м.]. У літаратурнай мове згаданая адзінка мае ўдакладненае значэнне: *акунь* – ‘драпежная рыба сямейства акунёвых зеленавата-жоўтага колеру з чорнымі папярочнымі палоскамі і з чырванаватымі ніжнімі плаўнікамі’ [ТСБМ, I, 218].

Лексема *ёрш* у народна-гутарковай мове мае шэраг намінацый: *аджгур, ажгір, бабка, бабыр, бобыр, бабур, бірж, ваўчок, ерш, ерша́к, ершун, ершык, ёрж, ёрш, джэгір, джэгур, джыгір, джгір, джэрш, жгір, жэрш, жэршык калючка, саплівец, соплівец, сопляк, сопэль, саплюк, слізун, слызунец, слінявец, слюняй, сморкач, слюнька, слінько, ужгур, царык, яджгар, яджэй, яджай, яжтур, яжгур, ячгур*: У нас на *ерша* кажуць *бабыр* [ДСЛ, 42]; Во закінь вуду, *джгіры* чарвяка мамонт аб'ядзяць [СЦГ, 115]; Цепер *ержы* пашлі ўжэ мелкіе [Ул. м.]; У гэтом мэсці одны *сопле* ловаюцца [ДСБ, 212] і інш. Літаратурная мова выкарыстоўвае ў сваім складзе лексему з ідэнтычным значэннем: *ёрш* – ‘дробная прэснаводная касцістая рыбка сямейства акунёвых з калючымі плаўнікамі’ [ТСБМ, II, 245].

Рыба *насар* (разнавіднасць ярша) сярод рыбакоў называецца *ваўчок, дзігар, доўголычык, дзыгар, дзыгарык, остронос, остромус, остромыс*: *Ваўчок* – як ёрш, толькі большы, нос длінейшы і пятны чорныя на ім [СПЗБ, I, 290]; Я бачу, *дзыгара* поймалі [ТС, II, 19] і інш. У літаратурнай мове намінацыі з адзначанай семантыкай не выкарыстоўваюцца.

Рыба *судак* (*цуда́к*) у дыялектнай і нарматыўнай мовах ідэнтыфікуецца раўназначна ў плане зместу: *Судак* – самая лепшая рыба, пахож на шчуку, толькі святлейшы [СПЗБ, V, 10]; *суда́к* – ‘каштоўная прамысловая рыба сямейства акунёвых’ [ТСБМ, V/1, 369].

Тэматычная падгрупа **назвы рыб сямейства асятровых** прадстаўлена дзвюма адзінкамі: *бялуга, сцёрлядзь*. Рыба *бялуга* фіксуецца пад назвай

бляюга: *Бляюга* злавіла пяхкура [Шат., 39]; Лексема ўвайшла ў сучасную літаратурную мову з больш дакладнай семантыкай: *бляюга* – ‘каштоўная прамысловая рыба, самая буйная з сямейства асятровых’ [ТСБМ, I, 441].

Рыба *сцярлядзь* мае назвы *стэрня*, *сцэрлік*: *Стэрня* не наша рыба, заплуўна [ТС, V, 114]; *Сцэрлікаў* прынёс сёгодні мой сын [ДСЛ, 348]. У літаратурнай мове гэтым назвам адпавядае адзінка *сцярлядзь* – ‘каштоўная прэснаводная прамысловая рыба сямейства асятровых’ [ТСБМ, V/1, 415].

Для ідэнтыфікацыі прадстаўніка тэматычнай падгрупы **назвы рыбсямейства трасковых** у дыялектнай мове выкарыстоўваецца шэраг намінацый: *балаба*, *вягал*, *вягял*, *вягала*, *вягяла*, *вягул*, *вягела*, *вягела*, *вягіла*, *грумжа*, *калека*, *малькач*, *мінтуз*, *мяк*, *менёк*, *мень*, *мянёк*, *ментуз*, *ментузь*, *мяк*, *мянтуз*, *мантуз*, *мантус*, *матуз*, *мынтуз*, *мянтус*, *налім*, *ропуха*: *Вягал* зімою нарастуць і лезіць у нараты [СПЗБ, I, 384]; *Большая калек* залезла ка мне ў сетку [Касп., 150]; *Ментус* мулкую воду любіць [ТС, III, 73] і інш. Нарматыўная мова зафіксавала намінацыю *мянтуз* – ‘прэснаводная драпежная рыба сямейства трасковых з падоўжаным целам і плямістай скурай’ [ТСБМ, III, 192].

Падгрупа **назвы рыб сямейства ўюновых** у народна-гутарковай мове ўключае ў свой склад такія лексемы, іх сінонімы і варыянты, як *в’юн*, *в’юно́к*, *ваю́н*, *він*, *вію́н*, *піску́н*, *піску́р*, *сліж*, *сліжык*, *ую́н*, *уюно́к*, *юнь*, *юн*: *Ваю́н* закапаўся ў пясок [Касп., 55]; Я сёні велікаго *віна* поймаў [Ул.м.]; *Піскун* – круглы, да змяі падобны [СПЗБ, III, 523] і інш. Літаратурная мова адлюстроўвае найбольш пашыраную назву, дапоўніўшы яе семантычны аб’ём дадатковым значэннем: *ую́н* – ‘прэснаводная, вельмі рухавая рыба сямейства ўюновых з падоўжаным чэрвепадобным целам’ [ТСБМ, V/2, 99].

Тэматычная падгрупа **назвы рыб сямейства вугровых** мае ў сваім складзе наступныя намінацыі: *бугор*, *вангор*, *вугор*, *венгор*, *вэнгор*, *вэнгер*, *вэнгож*, *вінгор*, *вугорач*, *даўгар*, *угар*, *угор*, *угорак*, *угорач*, *угораи*, *угореч*, *угарь*, *угоры*, *угорыч*: *Вангор* у рацэ сядзіць, як толькі раса – выходзіць у гарох [СПЗБ, I, 279]; *вугры* – добрая рыба [Ул.м.]; *Угорычы* бяруцца на ўюна [Касп., 317] і інш. Найменне *вугор* уваходзіць у лексічны састаў беларускай літаратурнай мовы са значэннем ‘рыба атрада касцістых, падобная на змяю’ [ТСБМ, I, 510].

Падгрупа **назвы рыб сямейства шчупаковых** у народнай наменклатуры адзначаецца наяўнасцю сінонімаў і варыянтаў, якія канкрэтызуюць шчупака паводле памеру, знешняга выгляду: *барок*, *гадавічок*, *галах*, *жабяк*, *жагоўка*, *жугавка*, *жэрлюк*, *кожушка*, *кожушок*, *лобок*, *лобач*, *меточніца*, *ментачка*, *сінь*, *сінеўка*, *сініца*, *сініца*, *сінявачка*, *сіняўка*, *спіцак*, *спіцун*, *шпент*, *шпэнцік*, *шчука*, *шчупак*, *шчупачка*, *шчупарачка*, *шчупеля*, *шчупелятко*, *шчупарачак*, *шчыпак*: *Гадавічок* маладзенькі, зеленаваты [ДСК, 54]; *Галах* – то кожушок, што нема хунта [ТС, I, 191]; *Жэрлюк* – летошні шчупак [ТС, II, 75]; *Коровы* прідуць да

воду сколоцяць, то воны очы і лоб вустаўляюць, то іх *лобкі* зовуць [ТС, III, 37]; Цяпер на рыбалцы мне кожушок адарваў зазубэц на вудцы [Ул.м.] і інш. Лексема *шчупак* увайшла ў сучасную літаратурную мову як найбольш абагуленая, стылістычна нейтральная назва гэтай рыбы: *шчупак* – ‘драпежная прэснаводная прамысловая рыба сямейства шчупаковых з доўгім выцягнутым тулавам, вялікай сплюснутай галавой’ [ТСБМ, V/2, 420].

Прадстаўнік тэматычнай мікрагрупы **назвы рыб сямейства ласосевых** у народна-гутарковай мове мае наступныя назвы: *вансач, пстронга, стронг, стронк, фарэль*: *Вансач* жыве ў чыстай вадзе, любіць быструю ваду, дзе дно камяністае [СЦГ, 53]; *Стронк* – рыба [СПЗБ, IV, 602]; *Фарэль* любіць чыстыя рэчкі [СПЗБ, V, 263]. Нарматыўная мова адлюстроўвае дзве сінанімічныя назвы з аналагічным значэннем: *пстронга* – ‘прэснаводная рыба сямейства ласосевых з чырвонымі і чорнымі плямамі, якая водзіцца пераважна ў горных рэчках і азёрах; фарэль’ [ТСБМ, V/1, 343]; *фарэль* – ‘тое, што і *стронга*’ [ТСБМ, V/2, 117].

Дыялектная мова ў мікрагрупе **назвы рыб сямейства корушковых** выяўляе лексему *стынка* і яе фанетычны варыянт (*стынька*): *Стынкi* налавіў [Касп., 295]; *Стынька* ест у нашай рэчцы [СПЗБ, V, 6]. У беларускай літаратурнай мове найменне не адлюстравана.

Адной адзінкай і яе формаўтваральнымі варыянтамі прадстаўлена падгрупа **назвы рыб сямейства сомавых**: *сом, сомок, соменя, сомiк, самошышча, самiшча, чарнакол*: *У сома* чатыры вялікіх і чатыры маленькіх вусэ [СПЗБ, IV, 520]; *У нас на Дняпрэ* такія самікі ходзяць! [Ул.м.]; *Сомкі* беруцца невялікія [ТС, V, 72]. Намінацыя *сом* увайшла ў склад сучаснай літаратурнай мовы з больш дакладнай дэфініцыяй: *сом* – ‘вялікая прэснаводная драпежная рыба з вусамі і целам без лускі’ [ТСБМ, V/1, 232].

Аналіз назваў рыб у дыялектнай лексіцы рыбалоўнага промыслу сведчыць пра багацце адзінак для кадыфікацыі шырокага спектру паняццяў. 86,4% даследаваных дыялектных намінацый адлюстравана ў літаратурнай мове, што абумоўлена іх агульнаўжывальным характарам. Пры гэтым семантыка ўсіх засведчаных у літаратурнай мове намінацый адпавядае спецыялізаванаму народнаму значэнню.

Літаратура

1. Беларусы: у 8 т. / рэдкал.: В.К. Бандарчык, М. Ф. Піліпенка, В. С. Цітоў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – Т. 1: Промыславыя і рамесныя заняткі. – 351 с.
2. Воронин, Ф. Н. Фауна Белоруссии и охрана природы / Ф. Н. Воронин. – Минск: Выш. шк., 1967. – 424 с.
3. Пенязь, В. С. Биология рыб водоёмов Белорусского Полесья / В. С. Пенязь, Т. М. Шевцова, Т. И. Нехаева. – Минск: Наука и техника, 1973. – 240 с.

Скарачэнні:

ДСБ – Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад.: М. М. Аляхновіч [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – 294 с.

ДСК – Зайка, А. Дыялектны слоўнік Косаўшчыны / А. Зайка. – Слонім: Слонімска друкарня, 2011. – 272 с.

ДСЛ – Янкова, Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны / Т. С. Янкова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 432 с.

Касп. – Каспяровіч, М. І. Віцебскі краёвы слоўнік / М. І. Каспяровіч. – Віцебск: Выд-ва Віцеб. Акруговага Т-ва Краязнаўства, 1927. – 56 с.

СПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979 – 1986. – 5 т.

СЦГ – Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: у 2 т. / уклад.: Е. С. Мяцельская [і інш.]; пад рэд. Е. С. Мяцельскай. – Мінск: Універсітэцкае, 1990. – Т. 1: А – П. – 287 с.

ТС – Тураўскі слоўнік: у 5 т. / склад.: А. А. Крывіцкі [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 1987. – 5 т.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агул. рэд. акад. К. Крапівы (К. К. Атраховіча). – Мінск: БелСЭ, 1977 – 1982. – 5 т.

Ул. м. – уласныя матэрыялы.

Шат. – Шатэрнік, М. В. Краёвы слоўнік Чэрвеньшчыны / М. В. Шатэрнік; пад рэд. М. Я. Байкова і Б. І. Эпімах-Шыпілы. – Мінск: Выд. Беларус. акад. навук, 1929. – 317 с.

УДК 808.26

Л. В. Прахарэнка

ВАРЫЯНТЫ ПЕРАКЛАДУ ВОБРАЗНА-МЕТАФАРЫЧНЫХ СРОДКАЎ А. ПУШКІНА НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

Артыкул прысвечаны параўнальнаму даследаванню вобразна-метафарычных сродкаў А. Пушкіна ў арыгінале і перакладах на беларускую мову.

Для нас ужо стала звычайнай думка аб уздзеянні А. Пушкіна на творчасць многіх мастакоў слова. Ніхто так, як ён, не ўплываў на розум сучаснікаў. Яго творы распаўсюджваліся, абмяркоўваліся, вызывалі гарачыя спрэчкі. Памылковай была б думка аб недатыкальнасці пушкінскіх тэкстаў. Яны вызывалі з'яўленне мноства эпілогаў, працягаў, пародый, перакладаў.

Творчая спадчына А. Пушкіна стала неад'емнай часткай беларускага духоўнага жыцця і актыўна засвойваецца літаратурай на працягу амаль што двухсот гадоў.

Уздзеянне пушкінскіх традыцый на беларускую мову, культуру і літаратуру з'яўляецца шматгранным. Гэта адносіцца не толькі да выкарыстання беларускімі пісьменнікамі некаторых стылёвых рыс А. Пушкіна, але і ўласцівых яго творам стылістычных сродкаў. Гэта і духоўнае ўздзеянне творчасці А. Пушкіна, якая мае агульначалавечую

каштоўнасць. Як сказаў аб пушкінскай спадчыне Я. Сіпакоў, “гэта скарб усіх людзей планеты, які блакітнаю жывою кропкаю свеціцца ў такім неабдымным акіяне міжзорнай вечнасці. І ніякія найбагацейшыя скарбы золата не могуць параўнацца з гэтым скарбам. Дык хвала ж і ўдзячнасць і ім, і нашай шаноўнай мове, што Вялікі Пясняр рускага народа гаворыць з намі, беларусамі, па-беларуску” [1, 14].

Сярод многіх накірункаў беларускай Пушкініяны асобнае месца займаюць пераклады, якія застаюцца адным з галоўных сродкаў ідэнтыфікацыі нацыянальнай літаратуры. Пра гэта ў свой час гаварыў М. Гарэцкі: “Перакладное пісьменства падрыхтавала ў нас грунт для развіцця самастойнага пісьменства, дало яму гатовую кніжную мову і літаратурныя ўзоры” [2, 95]. Пераклады твораў А. Пушкіна на беларускую мову не толькі дапамагаюць стаць бліжэй да творчай лабараторыі, паэтыкі аўтара, але і здольны ажыццявіць узаемадзейне і ўзаемаўзабагачэнне дзвюх розных лінгвакультурных сістэм. Менавіта таму асаблівую цікавасць уяўляюць пераклады мастацкіх тэкстаў з рускай на беларускую мову.

Праца па перакладзе твораў выдатнага рускага паэта мае багатую гісторыю, пачынаючы з канца XIX стагоддзя і да нашага часу. Ц. Ліякумовіч лічыць, што “гэта заканамерная з’ява. У эпоху, калі адбываўся працэс фарміравання нацыянальнай свядомасці беларусаў, для паскоранага развіцця беларускай славеснасці спатрэбіліся высокія ўзоры пісьменніцкага майстэрства” [3, 123]. Пушкінскія творы сталі магутным стымулам духоўнага развіцця і мастацкага ўдасканалення беларускай літаратуры, што абумовіла цікавасць да яго твораў з боку беларускіх лінгвістаў, літаратуразнацаў, спецыялістаў па перакладзе.

Сярод перакладчыкаў пушкінскіх твораў – Я. Купала, Я. Колас, М. Багдановіч, К. Чорны, А. Куляшоў, П. Броўка, К. Крапіва, М. Танк, С. Грахоўскі, М. Стральцоў, Н. Гілевіч, В. Зуёнак, А. Якімовіч, А. Александровіч, Р. Барадулін і многія іншыя вядомыя майстры беларускай літаратуры. Не дзіўна, што на сённяшні дзень існуе па 3–7 версій перакладу таго ці іншага твора. Напрыклад, “Анчар” (С. Грахоўскі, Х. Жычка, М. Танк), “Вакхічная песня” (А. Астрэйка, А. Бачыла, А. Вярцінскі), “Воран к ворану ляціць” (М. Лужанін, Ю. Свірка, К. Шавель), “Да***” (С. Грахоўскі, В. Зуёнак, М. Лужанін, Я. Міклашэўскі, Ю. Свірка, М. Танк), “Да мора” (А. Астрэйка, А. Звонак, А. Пысін), “Дарожныя скаргі” (Э. Агняцвет, У. Паўлаў, Ю. Свірка), “Дз .В. Давыдаву” (Э. Агняцвет, М. Мятліцкі), “Дон” (Х. Жычка, М. Лужанін, М. Танк), “На ўзвышшы Грузіі” (Э. Агняцвет, В. Зуёнак, Ю. Свірка), “Ноч” (Я. Міклашэўскі, Я. Сіпакоў), “Прарок” (Р. Барадулін, С. Грахоўскі, Я. Міклашэўскі), “Рэха” (А. Гурыновіч, М. Танк, Ю. Свірка), “Узнік” (М. Багдановіч, Р. Барадулін, П. Глебка, Я. Міклашэўскі, М. Танк), “У Сібір” (Ю. Гаўрук, П. Глебка, А. Звонак, Ю. Свірка), “Я вас кахаў”

(А. Бачыла, В. Зуёнак, А. Каско, М. Лужанін, Я. Міклашэўскі, Ю. Свірка), "Я помнік сам сабе ўзнёс нерукатворны" (А. Александровіч, Р. Барадулін, П. Глебка, В. Зуёнак, М. Лужанін, Я. Міклашэўскі, М. Танк) і інш.

Пераклады твораў А. Пушкіна даюць падставу меркаваць пра тое, што ў якасці аб'ектаў перакладчыкі выбіраюць: 1) найбольш вядомыя творы; 2) вершы, сугучныя сваёй творчасці; 3) творы, зразумелыя для нацыянальнага чытача па спосабе мыслення, эстэтычных, духоўных ідэалах. Такі актыўны зварот да перакладаў пушкінскіх твораў – яскравае пацвярджэнне таго, што пушкінскае разуменне на прызначэнне мастацтва сугучнае беларускаму нацыянальна-паэтычнаму светаадчуванню.

Вядома, што перакладчыцкая дзейнасць, звязаная з пошукам найбольш адэкватных сродкаў перадачы вобразнай інфармацыі, актыўна ўплывае на ўзаемаўзбагачэнне вобразных, стылістычных сістэм як мовы арыгінала, так і мовы перакладу.

Праблема перакладу мастацкага тэксту на іншую мову з'яўляецца адной з найбольш актуальных у сучасным мовазнаўстве ўвогуле. Гэта звязана з тым, што мастацкі тэкст уяўляе сабой не проста паслядоўнасць пэўных адзінак, звязаных паміж сабой граматычнай і сэнсавай сувяззю, а праекцыю пэўнай культуры, аўтарскага светапогляду. Неабходна мець на ўвазе, што пераклад – гэта не проста пераказ зместу словамі іншай мовы. Гэта, перш за ўсё, вынік мэтанакіраванай працы па пераасэнсаванні аўтарскага тэксту, захаванні зыходнай мастацкай вобразнасці, адэкватнай перадачы сацыякультурных рэалій. Любы пераклад з'яўляецца дакладным толькі з пэўнай доляй умоўнасці, што тлумачыцца як асаблівасцямі мовы, так і рэаліямі культуры народа. Нельга таксама не ўлічваць і граматычныя, лексічныя, сінтаксічныя, стылістычныя асаблівасці мовы арыгінальнага тэксту, многія з якіх пры перадачы сродкамі іншай мовы патрабуюць пераасэнсавання, што аддаляе тэкст перакладу ад арыгінала.

На першы погляд, пераклад з рускай мовы на беларускую з'яўляецца немэтазгодным, паколькі пры афіцыйным двухмоўі мы маем магчымасць знаёміцца з рускай літаратурай непасрэдна. Аднак у культуралагічным плане пераклад выконвае важную функцыю асэнсавання сусветнай літаратурнай спадчыны сродкамі беларускай нацыянальнай мовы, раскрывае шырокія выяўленчыя магчымасці беларускага слова, развівае эстэтычныя густы чытачоў, з'яўляецца значным феноменам культуры, дазваляе на прыкладзе канкрэтных твораў вырашаць пэўныя практычныя лінгвістычныя задачы.

Варыянты перакладу вобразна-метафарычных сродкаў А. Пушкіна на беларускую мову адрозніваюцца вялікай разнастайнасцю, што абумоўлена рознымі прычынамі: наяўнасцю перакладчыцкіх лакун моўнага і нямоўнага (нацыянальна-культурнага) характару, фактарамі арганізацыі тэксту, асаблівасцямі індывідуальнага стылю перакладчыкаў.

Да спосабаў трансфармацыі пушкінскіх метафар пры перакладзе адносяцца такія, як:

•уклучэнне ў склад метафарычнай адзінкі беларускіх адпаведнікаў, якія з'яўляюцца эквівалентамі рускіх:

Огня надежды полон взор.

Агнём надзей пагляд гарыць

(А. Александровіч).

И сердце вновь горит и любит. I сэрца зноў гарыць і любіць В. Зуёнак.

Её улыбка, разговоры

Яе ўсмешка і размова

Во мне любви рождают жар

Навейваюць кахання жар

(А. Александровіч).

Тихо слезы лья рекой. Ціха слёзы ліў ракой (Я. Міклашэўскі).

Грядущего волнуемое море.

Наступнасці няветлівае мора

(М. Стральцоў).

Да будет проклят правды свет.

Хай будзе кляты праўды свет

(Р. Барадулін);

•лексічная і структурная перабудова метафарычнай адзінкі, пры якой захоўваецца асноўная вобразная кіраванасць метафары (пры гэтым найбольш частым з'яўляецца ўжыванне беларускіх эквівалентаў, што знаходзяцца з метафарычнымі элементамі арыгінала ў тэматычна блізкіх, сінанімічных, гіпера-гіпанімічных і іншага роду сістэмных адносінах: *буря – шквал, луна – зорка, огонь страстей – палкасці гарно, тяжкая туча – цяжкая лава, мрачили мятежи и казни – у змроку мецяжоў крывавых, морозной пылью серебрится – срэбрам ззяе*):

Шли годы. Бурь порыв мятежный

Гады міналі. Шквал бунтоўны

Рассеял прежние мечты.

Развеяў мар даўнейшых рой

(М. Лужанін).

Перакладчык падбірае да названай метафары слова, якое набліжана семантычна: шквал 'раптоўны моцны парыў ветру, які суправаджаецца звычайна навальнічным ліўнем'[4, 758]. Адзінае, што адрознівае гэтыя лексемы, – тое, што шквал пачынаецца раптоўна. Але вобразнасць прыведзенага фрагмента значна не парушаецца: і ў арыгінале, і ў перакладзе гаворыцца пра моцны вецер (умоўна, тыя выпрабаванні, якія паўсталі на шляху лірычнага героя і прыносяць яму непрыемныя ўспаміны). У прыведзеным перакладзе ўзнікае яшчэ адна метафара: мар рой, якая паказвае на мноства тых нязбыўных мар.

Как величавая луна,

Як зорка яркая, адна

Средь жен и дев блестит одна.

Сярод красунь здалёк відна

(А. Куляшоў).

Па словах В. Рагойшы, гэты перакладчыцкі варыянт па-мастацку апраўданы. "У дадзеным выпадку неабходна было захаваць не паняццёвую сутнасць лексічнай адзінкі арыгінала, а яе мастацкую функцыю. Канешне, важна, што А. Пушкін параўнаў усіх маскоўскіх прыгажунь з зоркамі, а адну, лепшую за ўсіх, – з луной. Але больш важны характар параўнання,

які дазваляе паэту выдзеліць, падкрэсліць прыгажосць той адзінай, якая "как величаявая луна, средь жен и дев блестит одна" [5, 86]. Таму словазлучэнне величаявая луназаменена зоркай яркай.

*Упорно, медленно оно
В огне страстей раскалено.*

*Упарта, спакваля яно
Праходзіць палкасці гарно
(Я. Колас).*

У арыгінале метафара **огонь страстей** дапамагае паказаць вялікую сілу пачуццяў. А Я. Колас уносіць у свой пераклад дадатковую вобразную дэталю **палкасці гарно**.

*Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча
Сшибаясь, рубятся с плеча.*

*Цяжкай лавай
Налёты конницы рухавай
Жах смерці сеюць. Згарача
Ў сутычках рубяцца спляча
(Я. Колас).*

Ад такой замены кірунак вобразных асацыяцый становіцца іншым, паколькі **лава** перадае не толькі колькаснае значэнне, але і значэнне руху вялікай масы, які нельга спыніць.

*Мрачили мятежи и казни.
У. Паўлаў.*

У змроку мяцяжоў крываваых

У мове арыгінала ўжываецца спалучэнне прэдыкатаўнага тыпу, а ў мове перакладу яно заменена генітыўнай канструкцыяй.

Морозной пылью серебрится

• ... і срэбрам ззяе

Его бобровый воротник.

Снег на бобровым каўняры (А. Куляшоў);

• ужыванне замест метафар сродкаў нявобразнага характару:

Чуть трепещут

Чуць хістаюць

Сребристых тополей листья.

Лісцём таполі ў цішыні (Я. Колас).

Сребристые тополя – метафара, якая дапамагае ўявіць зіхаценне, белізну таполяў. У мове перакладу ўказанне на колер лісця адсутнічае.

И, злобясь, видит Карл могучий

У злосці бачыць Карл магутны

Уж не расстроенные тучи

Ужо не той натоўп бяспутны

Несчастных нарвских беглецов.

Няшчасных нарвскіх беглякоў

(Я. Колас).

Пры перакладзе асобных метафарычных адзінак і іх элементаў вызначаецца:

• увядзенне ў пераклады беларускіх рэалій і дэталей, якія адсутнічаюць у арыгінале:

Поэма, говорят, готова,

Паэма – новая – гатова

Плод новый умственных затей.

Вязанка строф – одна ў адну

(Н. Гілевіч).

У арыгінале метафара **плод затей** абазначае не толькі паэтычнае натхненне, але і яго вынікі. Беларускі аўтар палічыў неабходным замяніць

названае метафарычнае спалучэнне на зусім незвычайнае **вязанка стрэф**. Лексічнае зачэнне слова **вязанка** звязак аднародных прадметаў, звязаны ахапак чаго-небудзь [4, 137]. У гэтым праяўляецца творчая індывідуальнасць беларускага аўтара. М. Танк адзначаў: “перакладаючы Пушкіна, беларускія мастакі слова трымалі экзамен на творчую сталасць і, магчыма, нават больш – на сталасць літаратуры, сведчачы яе няспынны рост” [6, 268]. Можна сказаць, што гэты экзамен беларускія аўтары, у тым ліку і Н. Гілевіч, вытрымалі на славу. Трэба ўлічыць і яшчэ адну акалічнасць: слова **вязанка** – беларускае, таму можна сказаць, што пераклад мае беларускую нацыянальную спецыфіку. (У Я. Лучыны зборнік вершаў называецца “Вязанка”).

По капле, медленно глотаю скуки яд.

Глытаю на драбку сумоту, проста жах (П. Броўка).

П. Броўка ў дачыненні да глытання сумоты ўжывае незвычайнае слова **драбок**. Такое ўжыванне лічым невыпадковым, таму што слова **драбок** як ‘крупінка якога-небудзь цвёрдага рэчыва’ [4, 183] у беларускай літаратурнай мове часта спалучаецца са словам **цукар**. Пры гэтым узнікае некаторая нелагічнасць ва ўжыванні гэтай лексемы (са значэннем цвёрдага рэчыва) з абстрактным па значэнні словам **сумота**. На нашу думку, гэта не з’яўляецца недахопам, а ідзе ад інтэрпрэтацыйнай вынаходлівасці аўтара, якая больш сумяшчаецца не з перакладам, а з іншымі формамі разумення засваення і ўжывання мастацкіх з’яў. Пераклад П. Броўкі ў некаторым сэнсе “паляпшае” арыгінал, таму што выраз *Глытаю на драбку сумоту* – азначае “ранейшую слодыч (дзякуючы асацыяцыі “драбок – цукар”), якая ў дадзены момант сапраўды з’яўляецца атрутай”;

• мастацкі білінгвізм – уключэнне ў пераклады русізмаў, у тым ліку царкоўнаславянізмаў:

*И мать одна во мрак изгнанья
Умчала горе с нищетой.*

*І адна маці ў мрак выгнання
Панесла гора з ліхатой (Я. Колас).*

Рускаму слову **мраку** беларускай мове адпавядаюць лексемы **цемра**, **змрок**. Апошняе нават не змяніла б рытм перакладнога верша, але Я. Купала аддае перавагу русізму, хутчэй за ўсё таму, што выразы *мрак заточения*, *мрак изгнания* і пад. вядомыя беларускім чытачам па арыгінальных творах і ўспрымаюцца як менавіта пушкінскія. У гэтым выпадку мае месца інтэрферэнцыя, якая вызначаецца “як функцыянальна не абумоўленае ўжыванне элементаў адной мовы ў іншай мове ў выніку кантакту гэтых моў” [7, 6];

• выкарыстанне калек:

Воскреснув пламенной душой... . Ажыўшы пылымнай душой...

(А. Александровіч).

Можна згадзіцца і з выказваннем Н. Буласавай, якая адзначае, што “ў дадзеным выпадку А. Александровіч стварае аказіяналізм, які

з'яўляецца мастацкай знаходкай перакладчыка. Ён зразумелы чытачу і дапамагае дакладна перадаць пушкінскі вобраз”[8, 201];

- ужыванне аказіяналізмаў і фармальна падобных новаўтварэнняў:
В глыбоком знаньи жизни нет *У глыбокіх ведах тло і смерць*
Я проклял знаний ложный свет. *Пракляў я ведаў ілжэцвердзь*
(В. Сёмуха)

Метафара ў арыгінале адначасова з'яўляецца аксюмаранам. Такі ж эфект ствараецца і ў перакладзе (**ложный свет – ілжэцвердзь**), але для гэтага перакладчык выкарыстоўвае зусім іншае метафарычнае слова **цвердзь**, якое, відаць, было падказана сугучным з ім словам **смерць**.

Акрамя трансфармацый метафар, неметафарычныя сродкі замяняюцца метафарамі, якія ў большасці выпадкаў адпавядаюць пушкінскім:

Делились чувствами они. *Дзялілі радасці плады (Я. Колас);*

Нет: рано чувства в нем остыли. *Пачуцці рана ў ім завялі*
(А. Куляшоў).

У сувязі з тым, што ў большасці выпадкаў агульныя кірункі метафарызацыі пры перакладзе супадаюць, характар сістэмных адносін у перакладах у асноўным захоўваецца. Пры гэтым выяўляюцца разыходжанні, якія звязаны з пашырэннем або звужэннем семантычнай зоны таго, што параўноўваецца, і таго, з чым параўноўваецца. Напрыклад, у склад левага або правага элемента асобных парадыгм могуць уваходзіць словы, якія семантычна разыходзяцца з тымі, што ўжываюцца ў арыгіналах: *лучом лицейских ясных дней – святла ліцэйскіх ясных дзён, яд желаний – сок жаданняў, любви и ненависти яд – нянавісці й кахання чад, змея воспоминаний – гадзюка ўспамінаў, огонь страстей – палкасці гарно.*

Такім чынам, перакладчык сутыкаецца з шэрагам цяжкацей лінгвістычнага характару пры перадачы метафар сродкамі іншай мовы. Гэта ўплывае і на ступень эквівалентнасці аўтарскіх тропаў, якія ў залежнасці ад спосабу вырашэння праблем перакладу могуць захоўвацца ў перакладным тэксце, мяняць сваё вобразнае нападненне і нават страчвацца. Ступень адпаведнасці метафар у аўтарскім і перакладным тэкстах вызначае, у канчатковым выніку, майстэрства перакладчыка.

Літаратура

1. Пушкин, А. С. Выбранные творы / А. С. Пушкин. – Минск: Маст. літ., 1999. – 430 с.
2. Гарэцкі, М. І. Гісторыя беларускай літаратуры. / М. І. Гарэцкі – Минск: Маст. літ., 1992. – 479 с.
3. Ліякумовіч, Ц. Б. Пушкин і беларуская літаратура / Ц. Б. Ліякумовіч // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 1995. – № 4. – С. 123–126.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Минск: БелЭн, 2002. – 784 с.
5. Рагойша, В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков: белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод / В. П. Рагойша. – Минск: БГУ, 1980. – 184 с.

6. Танк, М. Светач рускай паэзіі / М. Танк // А. С. Пушкін і Беларусь = А. С. Пушкин и Беларусь / уклад. Т. Махнач; гал. рэд. А. Мальдзіс. – Мінск: Бел. навука, 1999. – С. 267–270.

7. Гируцкий, А. А. Лексическая интерференция при переводе как особом виде билингвизма: на материале переводов белорусской поэзии на русский язык: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / А. А. Гируцкий; НАН Беларуси, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – Минск, 1981. – 22 с.

8. Буласова, Н. Особенности лексического состава поэмы А. С. Пушкина "Руслан и Людмила" и её перевода на белорусский язык / Н. Буласова // Я лиру посвятил народу своему: материалы конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, 22–23 окт. 1999 г. / Брест. гос. ун-т. – Брест, 2000. – С. 197–201.

УДК 811.161.1'367

О. В. Сергушкова

РОЛЬ СЕГМЕНТИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АКТУАЛЬНОМ ЧЛЕНЕНИИ

В статье обращается внимание на актуальность исследований в области функциональной лингвистики; рассматривается специфика сегментированных конструкций, их коммуникативное участие в расчленённых текстах, роль в актуальном членении высказываний; говорится о сегментированных конструкциях как о средствеструктурирования новых коммуникативных единиц при минимальной затрате языковых ресурсов.

В данном исследовании под сегментацией понимается отчленение и вынесение за пределы предложения какой-либо его части, которая пунктуационно оформлена как самостоятельное высказывание. Курсивом выделяется пример, полужирным курсивом – сегментированная конструкция (СК), подчёркиванием – рема (Р) в СК. Микротекст из двух и более высказываний, содержащий базовое предложение-высказывание (БП) и отчленённую от него СК, считается сегментированным текстом (СТ). Рассматриваются только правосторонние СК.

В результате исследования мы пришли к следующему заключению:

Одной из насущных задач современного языкознания является исследование коммуникативного аспекта языка. Центральное понятие коммуникативного синтаксиса – актуальное членение (АЧ), которое представляет собой один из важнейших факторов, конституирующих предложение в качестве основной коммуникативной единицы, выполняющей в речи определенное коммуникативное задание. Е.М. Лазуткина в словаре «Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник» (2003) отмечает, что АЧ называется «коммуникативно-смысловое деление высказывания в зависимости от целеустановки говорящего» [1, 27], то есть важнейшим моментом является учёт коммуникативного назначения высказывания. Подчеркнём также, что АЧ – это акцент на содержании,

смысле коммуникации, так как уровень актуального членения один из уровней семантической структуры текста.

Проблематика АЧ активно разрабатывается в настоящее время в рамках лингвистической прагматики. Как отмечается в научной литературе, многие вопросы до сих пор остаются дискуссионными. Т.Е. Янко считает, что самая «больная проблема теории коммуникативной структуры это проведение границ между темой и ремой... однозначное решение здесь невозможно по двум причинам: (1) из-за вариативного плана выражения не-конституирующих компонентов и (2) из-за широкой омонимии, возникающей при выборе акцентоносителя коммуникативной составляющей» [2, 29].

Однако, несмотря на всю неоднозначность решений в данной области лингвистики, она, по мнению Г.А. Золотовой, является «актуальной и притягательной», так как «именно в ней ключи к структуре текста, к типологии текста, к выявлению стилей – общеязыковых и индивидуально-художественных, а также к решению некоторых собственно синтаксических проблем, связанных со структурой и семантикой предложения» [3, 282].

В изучении сегментации предложения актуальным является коммуникативный подход, который связан с постижением механизма порождения и интерпретации текстов разных стилей и жанров. Анализ синтаксических конструкций с коммуникативной точки зрения, и прежде всего с точки зрения актуального членения, может дать некоторые позитивные результаты в решении рассматриваемой проблемы.

Актуальному членению принадлежит именно расчленяющая роль, по мнению Г.А. Золотовой, «как бы на шаги делящая движение мысли» [4, 338]. Это и происходит при сегментации. Например: *Мне сейчас важно знать, что своё добровольное одиночество я могу прекратить в любой момент. И что дома в Пекине меня всегда ждут. Уставшую, раздражённую, сердитую, весёлую, праздничную, печальную, со слезами на глазах или подкатившей к горлу истерикой. Потому что так важно..., когда тебя любят всякую. И просто так. Как родители – без условий, за то, что есть* (СБ. – 2007. – 30 ноября). В приведённом текстовом фрагменте шесть высказываний, пять из них сегментированных. Каждое содержит новую ремю, которая могла бы «потеряться» в полипредикативном предложении. Кроме того перед нами «постепенная, порционная подача информации, создающая информационно насыщенную структуру» [4, 293]. С помощью сегментации автор получил своеобразный список результатов своих размышлений, выиграв в аргументативности и экспрессивности высказывания.

Рассмотрение СК в аспекте АЧ особенно важно для понимания коммуникативной стратегии текста, для определения основных коммуникативных значений и связей в его структуре. АЧ при сегментации выступает одним из активных и действенных средств актуализации

смыслового «ядра» высказывания, содержащего наиболее значимую и актуальную информацию для адресата и адресанта в данной конкретной конситуации. Например: *Вначале мне хотелось назвать свой проект «Мифы». < ... >В конце концов я остановился на идиоме «Сны разума». Ведь речь в колонке пойдёт о призраках, наветах, заблуждениях, суевериях, домыслах и предрассудках, связанных с историей России. **О фантомных образах страны, существующих в массовом сознании. И мешающих, как всякая неадекватная оценка, продуктивно развиваться дальше*** (ЛГ. – 2006. – 18–24 янв.). Здесь две СК выражают тема-рематическое содержание текста: первая расширяет ремю БП, а вторая является новой ремой по отношению не только к предшествующему предложению, но и к тексту, будучи одной из ключевых его рем: название статьи – «Сны разума» – одновременно номинирует и тему, и ремю публикации. То есть одна из главных идей статьи – «Сны разума мешают развитию страны» – акцентуируется с помощью сегментации.

Рема, как правило, является новой информацией. Вместе с тем в реме-сегменте достаточно часто содержатся известные сведения, уже имеющиеся в языковом сознании, но эта информация должна быть актуализирована как важная для данного акта коммуникации. Например: *О чём роман Шишкина «Взятие Измаила»? Так и подмывает сказать «о жизни». **Даже «о жизни и смерти», как говорят про всякое непонятное.** Хотя ничего непонятного на самом деле здесь нет. Человеку больно. Он пишет, как молится, чтобы выжить* (ЛГ. – 2000. – 20–26 дек.). Здесь в СК, несомненно, новая рема градационного характера, акцентуированная рематизирующим словом **даже**, хотя в сознании имеется готовое, не создаваемое заново, а давно зафиксированное в языковой картине мира известное, выраженное устойчивым сочинительным сочетанием *жизнь и смерть*, воспринимаемым в качестве одного компонента – ремы, не только значительно расширенной за счёт новых, темпоральных, компонентов смысла, но и семантически обновлённой.

Плодотворными для нашего исследования являются наблюдения В.В. Гуревича, выделяющий в сообщении, вслед за Н.Д. Арутюновой, «пресуппозицию» – некоторое заранее известное утверждение, содержанием которого будет тема высказывания, и ассертивную часть высказывания, ремю, «которая непосредственно входит в его модальную рамку» [6, 60]. В ремю, по мнению учёного, могут входить тематические вкрапления (пресуппозиции). Это особенно ярко проявляется при сегментации: *...приятно бывает, подобно г-ну Сванидзе, показать россиянам угол швейцарского дома, где умер знаменитый русский писатель, а ныне располагается хоспис. (1) **Постоять рядом, прислониться, порассуждать...** После этого зверски хочется жить. (2) **И творить историю.** (3) **Новую.**(4) **Свою собственную*** (ЛГ. – 2003. – 5–

11 ноября). Первая выделенная СК входит в тему как содержание пресуппозиции, остающейся за рамками модальности предложения (по В.В. Гуревичу, это, скорее всего, диктальные компоненты, то есть не обладающие модальностью). А модальность желательности, выраженная в БП *После этого снова зверски хочется жить*, распространяется и на сегменты (2), (3), (4), что легко проверяется «снятием точки»: *После этого снова зверски хочется жить и творить историю, новую, свою собственную*. Таким образом, СК (2), (3), (4) носят рематический характер, входят в модальную рамку СТ. Но в этих сегментах обнаруживаются и пресуппозитивные, тематические, вкрапления: если желание *жить, творить историю. Новую. Свою собственную* могло возникнуть *снова*, это означает, что когда-то такое желание было и что сейчас хочется творить не старую и не чью-то историю (или не хочется творить старую и чужую историю), а *Новую. Свою собственную*. То есть в рамках СК содержатся импликационалы пресуппозиции.

При контрасте, который предполагает выбор известного говорящему или слушающему, то есть в СТ типа *Всё, что нужно этим другим людям (Инвалидам. – О. С.) от нас, – понимание и уважение. Нежалость* (СБ. – 2007. – 24 окт. – С. 24), имеется, как считает Т.Е. Янко, контрастивная рема с вкраплениями известного. Мы присоединяемся к этой точке зрения. Существование иных мнений говорит о сложности данного явления.

О том, что резкой границы между тематической и рематической информацией нет, свидетельствуют многочисленные случаи сегментации вопросительных предложений, актуальное членение которых следует рассматривать не в одной плоскости, а с позиций всего вопросно-ответного образования. Темой вопросительного предложения служит вопрос, а ремой – ответ. Но в ответную вербальную реакцию включаются, как правило, тематические компоненты. Например: *Где это происходило? В Гранд-Отеле? В Венеции, в Канне, в Лондоне?* (ЛГ. – 2001. – 4–10 апр.). Каким бы ни был ответ, в него войдут фрагменты вопросительных предложений («Да, в Канне». Или: «Нет, не в Венеции» и др.).

Иногда в СК может быть только тема, необычная позиция которой оправдана авторской интенцией. Например: *Ну разве когда-нибудь было, чтобы вот так всё в порядке? Пожалуй, никогда. Сейчас впервые. **Всё в порядке, всё без исключения.*** (ЛГ. – 2001. – 21–27 марта.) Выделенные синтаксемы повторно номинируют тему высказывания, градационно подчёркивая значимость названного ею факта и его глобальное распространение в событии лексемой *без исключения*.

Следовательно, при сегментации в отчленённой части может быть не только рема или часть её, но и тема (изредка), а также рема с вкраплениями темы. Но чаще всего в СК содержится рема как образующая модальную рамку высказывания новая информация, которую автор ставит в особую

позицию или даже в суперпозицию, то есть СК – это часто постпозитивная рема по положению и суперрема по значению, принадлежащая данному БП, но отграниченная от него знаком конца предложения).

В динамическом высказывании, по Л.В. Шешуковой [7], может быть несколько тем и несколько рем, между которыми устанавливаются иерархические отношения, обуславливающие многоступенчатое актуальное членение предложения. В [7, 70] указывается на разное понимание характера ступенчатости членения. Так, например, И.И. Ковтунова считает, что «первая рема относится к остальной части предложения как к реме, рема же в свою очередь членится на вторую рему и т. д. до последней ремы, или собственно ремы» [8, 54]. При расчленении предложения, однако, хотя и структурируется новая рема, в случае парцелляции или собственно сегментации ступенчатое членение возникает не всегда. Это согласуется с положением И.И. Ковтуновой: «Ступенчатое членение – не единственно возможная форма усложнённого актуального членения» [8, 55]. При структурировании директного или полиремного СТ образуется ещё одна, новая, рема (или несколько новых рем), которая в качестве определённого коммуникативного компонента, часто предидирующего, приписывается всему БП или только теме или реме БП. Это последовательное тема-рематическое членение СТ. Например: *Ромашки спрятались. Навсегда* (СБ. – 2003. – 12 апр.) В данном СТ две ремы, причём рема *Навсегда* относится к той же теме, что и рема *спрятались*. Хотя СК синсемантическая, но, учитывая образуемую при сегментации «свёрнутую пропозицию», можно говорить о наличии в сегменте имплицитной темы, что ещё сильнее подчёркивает невозможность ступенчатого тема-рематического членения СТ.

Линейность языкового выражения ментальных процессов в сложно организованном высказывании обуславливает не только возможность представления каждого шага тема-рематического членения в отдельной СК, но и способствует формированию коммуникативной модели актуализации второй, третьей ремы без особых затрат языковых усилий и средств. Например: *Немзеру досталось на орехи по первое число. И за слог, напоминающий о «пришельцах с юга», и за «отсутствие концептуального мышления», и за банальности, и за московский снобизм* (ЛГ. – 2003. – 15–21 окт.). В БП ремой является предидирующий признаковый компонент с дименсивным значением *по первое число*. ПК содержит вторую рему – P'_2 (за + сущ.₄)_{кауз.}, точнее, несколько рем с каузальным значением, каждая из которых обозначает частную причину наказания, осуждения, то есть действия, названного в БП фразеологизмом «досталось на орехи». При «снятии точки» акцент на первой реме ослабляется, иерархия долей актуальной информации в высказывании становится менее отчётливой, да и вообще коммуникативная уместность трансформы с сохранением дименсива в качестве одной из рем сомнительна: *Немзеру досталось на орехи по первое число и за слог,*

напоминающий о «пришельцах с юга», и за «отсутствие концептуального мышления», и за банальности, и за московский снобизм. То есть мы считаем, что для выражения подлинного тема-рематического движения смысла в данном фрагменте текста (без линейной перестройки и увеличения) наиболее релевантной является модель сегментированного высказывания: $T_1 - P_1$ дименс. P'_2 (за + 1сущ.₄, за + 2сущ.₄, за + 3сущ.₄, за + 4сущ.₄)_{кауз.}, где индекс 4 при существительных обозначает винительный падеж.

Когда СК становится присоединительная конструкция, содержащая добавочную информацию в другой плоскости, наблюдается ступенчатое актуальное членение СТ: *Двухколёсный механический транспорт... очень популярен. И вовсе не отбедности* (СБ. – 2008. – 31 окт.)

При сегментации сложного предложения (СП) темы и ремы в БП и СК выделяются более отчётливо. Но расчленение предпринимается в этом случае и с другой целью. Язык предполагает обозначения не только денотатов, но также связей и отношений между ними. Отграниченные друг от друга знаком конца предложения части сегментированного СП сохраняют те же смысловые отношения, что и в несегментированном варианте, но они переносятся на уровень текста, иерархически более высокий. При АЧ происходит актуализация не только семантических центров БП и СК, но и смысловых отношений между ними. Отношения между частями сегментированного СП, так же как и между предложениями-высказываниями, мы считаем рематическими компонентами текстового уровня, акцентуация которых с помощью сегментации служит структурированию цельности и связности.

М.М. Маковский считает, что порождение речи есть процесс развёртывания цельности (темы). Это помогает представить текст в виде иерархической организации тема-рематических структур разной степени сложности и переводит разговор об анализе цельности, её структурировании и характере отношений в тексте на операционный уровень [9]. Сама операция сегментирования, а также – уже на уровне анализа – поиск сегментов и определение их коммуникативной роли (репертуара, по Г.А. Золотовой) предпринимаются с целью обнаружения внутренних связей, обеспечивающих симультанность и континуальность текста. СК операционально маркируют в линейном ряду главные смыслы, градируют их важность, структурируя иерархию тем и рем. Например: *Не думаю, что кто-нибудь станет аукаться именем Солженицына. И не с Пушкиным его нужно сравнивать. Скорее с поздним Толстым. Не по взглядам, нет; по социальной роли... ///... Место мощных людей заняли мощные структуры. Корпорации, партии, коалиции. Но мельчает и культура, где никаких «структур» нет... Поэтому спасибо Солженицыну. В частности за то, что – по слову Гёте – имеет мужество жить долго* (Изв. – 2003. – 11 дек.). В выделенных СК ясно выражена авторская точка зрения на роль в обществе не только писателя, но и общественного деятеля Солженицына.

Таким образом, СК выступают как приём динамического развёртывания содержания и смысла текста, акцентуации тематического движения речи, актуализации тематического содержания и усиления экспрессивности высказываний разных типов. СК пополняют набор средств конструирования новых коммуникативных единиц при минимальной затрате языковых ресурсов. Этими причинами объясняется возрастающая востребованность сегментированных конструкций в условиях увеличения массива поступающей информации и потребностей в ускорении ее структурирования и восприятия.

Литература

1. Лазуткина, Е.М. Актуальное членение / Е.М. Лазуткина // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова [и др.]. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 26–27.
2. Янко, Т.Е. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии / Т.Е. Янко // Вопросы языкознания. – 1999. – № 4. – С. 28–55.
3. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова; под ред. Ю.В. Рождественского. – М.: Наука. – 1982. – 368 с.
4. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 352 с.
5. Ковтунова, Н.Н. Структура художественного текста и новая информация // Н.Н. Ковтунова // Синтаксис текста / отв. ред. Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1979. – С. 262–279.
6. Гуревич, В.В. Актуальное членение предложения в разных его проявлениях // В.В. Гуревич // Вопросы языкознания. – 2004. – № 4. – С. 60–86.
7. Шешукова, Л.В. Об актуальном членении сложных предложений / Л.В. Шешукова // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 69–78.
8. Ковтунова, И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: учеб. пособие / И.И. Ковтунова. – М.: УРСС, 2002. – 240 с.
9. Маковский, М.М. [Рецензия] / М.М. Маковский // Вопросы языкознания. – 2000. – № 3. – С. 78–80. – Рец. на ж-л: Язык и речевая деятельность / гл. ред. В.Б. Касевич. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т. – Т. 1. – 1998.

УДК 811.161.3'373

В. С. Сидорец

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕРБОИДАМИ АСПЕКТУАЛЬНО-АКЦИОНАРТНОЙ И ЗАЛОГОВОЙ СЕМАНТИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье на материале романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» освещается лексико-семантическое, морфологическое и деривационное своеобразие неоднословных наименований предикатного признака с десемантизированным компонентом – вербоидов, исследуются их текстовые трансформации, обусловленные повествованием, которые реализуют интенционал вербоидов в нужном для писателя смысловом направлении.

Как уже неоднократно отмечалось нами [1; 2], неоднословные предикаты с десемантизированным компонентом – вербоиды – отличаются динамичной деривационной структурой, восходящей к структуре словосочетаний и предложений. Естественно, они характеризуются мощным интенционалом – ёмким содержанием, которое органично связано с богатым набором валентностных, сочетаемостных [3, 31–32; 4] свойств, раскрывающих потенции вербоидов.

С учётом этого вербоиды – сочетания деривантов, десемантизированных глаголов, и предикатных существительных (вести диалог, давать приют, испытывать радость, нести потери, произошла демонстрация, совершать акты вандализма, состоялся митинг) – весьма востребованы контекстом, так как они мобильнее своих коммуникативных эквивалентов (термин профессора В. М. Никитевича) – глаголов – в передаче аспектуально-акционсартной и залоговой семантики, могут подвергаться самым разнообразным трансформациям, особенно в условиях художественного текста, для реализации творческого замысла писателя.

В сфере глагола видовые (аспектуальные) значения наличия-отсутствия внутреннего предела действия часто «накладываются» на значения акционсартные (способов глагольного действия), представляющие «те семантические или семантико-словообразовательные группировки глаголов, которые приносят в глаголы значения начинательности, ограничительности, многократности и прочие значения, которые можно охарактеризовать как качественно-временные, не видовые значения, а также специальные характеристики достижения результата действия» [5, 259]. В сфере вербоидов эти значения более тонки, дифференцированы и разнообразны.

Морфемный способ – далеко не единственное средство реализации залоговых значений. Во-первых, образование возвратных глаголов не всегда возможно. Во-вторых, в процессе речи появляется множество ситуаций, потребности которых возвратные глаголы не способны удовлетворить, потому что «в славянских языках глагол не имеет самостоятельных и однозначных средств не только для выражения всего богатства и разнообразия типов субъектно-объектных отношений, заключённых в категории залога, но и для передачи отдельных залоговых значений» [6, 14]. С учётом того, что коммуникативная желательность пассива не только не ослабевает, но даже усиливается, языковая система мобилизует другие средства. В виду имеются употребляющиеся с глубокой древности коммуникативные эквиваленты глаголов – вербоиды или, как именует их В. Н. Державин, описательные обороты: «Пассивный описательный оборот создаёт ещё то несомненное практическое удобство, что он представляет собой незаменимый эквивалент пассивной (формально-возвратной) формы для глаголов, не допускающих при себе так называемого “прямого объекта”» [7, 55].

Понятно, что в условиях художественного текста заложенные в вербоидах интенционально-валентностные свойства функционируют не изолированно, а во взаимодействии со свойствами других различных по протяжённости сегментов текста, в интеграции вербоидов, в распределении компонентов вербоидов по различным предикативным частям, во включении в структуру вербоидов классификаторов и т. д.

Так, несмотря на то что многие вербоиды в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» имеют среди глаголов коммуникативно-синонимические соответствия (*подавать помощь – помогать, оказывать уважение – уважать, давать поручение – поручать, делать ошибки – ошибаться, одерживать победу – побеждать, сделать выстрел – выстрелить, испытывать наслаждение – наслаждаться, выражать восторг – восторгаться, находить подтверждение – подтверждать, получать свободу – освобождаться и др.*), однако они никоим образом не дублируют глаголов. Обратим прежде всего внимание на те вербоиды, которые имеют среди глаголов коммуникативно-синонимические соответствия: 1) «Кутузов, которого он догнал еще в Польше, принял его очень ласково, обещал ему не забывать его, отличал от других адъютантов, брал с собою в Вену и **давал** более серьезные **поручения** (поручал. – В. С.)» [8, 157]; 2) «Сидя в своей прежней классной комнате, на диване с подушками на ручках, и глядя в эти отчаянно-оживленные глаза Наташи, Ростов опять вошел в тот свой семейный, детский мир, который не имел ни для кого никакого смысла, кроме как для него, но который **доставлял** ему одни из лучших **наслаждений** (наслаждал. – В. С.) в жизни» [9, 12]; 3) «В сухом, отдаляющем взгляде, которым посмотрел на него государь, князь Андрей еще более чем прежде **нашел подтверждение** (подтвердился. – В. С.) **этому предположению**» [9 т. 2, 167]; 4) «Магницкий стал трунить над горячностью Столыпина, Жерве вставил шутку, и разговор **принял** опять прежнее, веселое **направление** (направился. – В. С.)» [9, 217]; 5) «Он **делал** тысячи различных **предположений** (предполагал. – В. С.) о том, как и с какой стороны победит зверь и как он будет травить его» [9, 261]; 6) «Одно, что нам остается умного сделать, это **заключить мир** (помириться. – В. С.), и как можно скорее, пока не выгнали нас из Петербурга!» [10, 47]; 7) «Князь Василий в этот день уже не хвастался более своим *protégé* Кутузовым, а **хранил молчание** (молчал. – В. С.), когда речь заходила о главнокомандующем» [11, 12]; 8) «Соня разрыдалась истерически, отвечала сквозь рыдания, что она сделает все, что она на все готова, но не **дала прямого обещания** (пообещала. – В. С.) и в душе своей не могла решиться на то, чего от нее требовали» [11, 33]; 9) «Войско **одержало победу** (победило. – В. С.), и тотчас же увеличились права победившего народа в ущерб побежденному» [11, 128]; 10) «Сидя вместе с офицерами за столом и разрывая руками, по которым текло сало, жирную душистую баранину,

Петя находился в восторженном детском состоянии нежной любви (любил. – В.С.) *ко всем людям и вследствие того уверенности в такой же любви к себе других людей»* [11, 147].

Как можно заметить, ни один из синонимичных с вербоидами глаголов не может быть употреблен в тексте.

В первом примере глагол *поручал*, во-первых, не может на лексическом уровне контактировать с трансформированным в наречие прилагательным *серьезные* с учетом литературной нормы («более серьезно *поручал*»), во-вторых, глагол *поручал* не передает той многократности действия, которая реализуется формой множественного числа входящего в состав вербоида существительного *поручение* и суффикса *-ва-* дериванта *давал*, и, в-третьих, акцентирует внимание только на видовой семантике – неопределенности действия.

Во втором примере глагол *наслаждал* не только не передает многократного способа глагольного действия (он реализует только грамматическую семантику несовершенного вида), но и особый избирательный характер этой многократности, реализуемой формой множественного числа существительного *наслаждение*, лексически контактирующего со словами *одни из лучших*.

В третьем примере вербоид *нашел подтверждение* реализует большую значимость процессуального факта, чем глагол *подтвердился*, который, кроме того, по литературным нормам не вступает в лексический контакт со словами *это предположение* («*подтвердился этим предположением*»).

В четвертом примере синонимичный глагол *направился*, приобретая разговорный оттенок, не сможет контактировать с лексически и грамматически зависимыми от существительного *направление* словами, трансформированными в наречия (*по-прежнему, весело*). Кроме того, в данном тексте вербоид *принял направление* грамматически самодостаточен, а синонимичный глагол требует распространения второстепенным членом предложения: *направился (куда?)*.

Не может быть семантически и структурно полноценной замена выражения «*делал тысячи различных предположений*» выражением «*тысячу раз предполагал*» в пятом примере, поскольку несколько ослабевает многократный и особенно избирательный, представленный прилагательным *различных*, характер акционально-статального факта из сферы субъективного мира.

В шестом, седьмом и девятом примерах глаголы *помириться, молчал, победило* не могут выразить необходимой значимости процессуального факта в тексте. Кроме того, вербоид *заклучить мир* имеет специализированное значение, употребляется в официально-деловой сфере, а глагол *помириться* – неспециализированное значение, принадлежит к разговорной сфере общения.

В восьмом примере вербоид *не дала обещания*, в отличие от глагола *пообещала*, характеризуется большей смысловой значимостью, вносимой остатками лексического значения дериванта *дала*, а также грамматической самодостаточностью: не требует распространения второстепенным членом предложения, отвечающим на вопрос *что?*

В десятом примере недостаточные дистрибутивные возможности глагольной словоформы *любил* не позволяют заменить вербоид *находился в состоянии любви*. Трансформация «восторженно, по-детски, нежно (или по-детски нежно) *любил*» может разрушить смысловую цельность данной фразы, ослабить ее содержательный стержень – значимость процессуального признака.

В романе-эпопее широко используются мощные потенциальные возможности вербоидов в процессе реализации различных залоговых значений. Так, вербоиды *получить назначение, находить поддержку* выражают семантику страдательного залога: «Анатолий Курагин *тотчас получил назначение* («назначился») *от военного министра и уехал в Молдавскую армию*» [10, 37]; «*Воззрение это, сильно распространенное в высших сферах армии, находило себе поддержку* (поддерживалось. – В. С.) *и в Петербурге, и в канцлере Румянцеве, по другим государственным причинам стоявшем тоже за мир*» [10, 29]. Если в первом примере однословный коммуникативно-синонимический эквивалент отсутствует, то во втором – существующая глагольная словоформа характеризуется разговорным оттенком и не вписывается в содержание текста.

Тот же разговорный оттенок не позволяет глагольной словоформе *помириться* «войти» в текст для передачи взаимно-возвратного залогового значения. Это значение реализует вербоид *заклечь мир*: «*Одно, что нам остается умного сделать, это заклечь мир, и как можно скорее, пока не выгнали нас из Петербурга!*» [10, 47].

Достаточно часто употребляются вербоиды с собственно-возвратным значением: «*Как это бывает в первой молодости и особенно в одиноком положении, он почувствовал беспричинную нежность к этому молодому человеку и обещал себе непременно подружиться с ним*» [8, 72]; «*Неожиданно, при виде этой улыбки, Пьер почувствовал содрогание* (содрогнулся. – В. С.) *в груди, щипанье в носу, и слезы затуманили его зрение*» [8, с. 83]; «*Старый князь не выказал ни малейшего интереса* (не заинтересовался. – В. С.) *при рассказе, как будто не слушал, и, продолжая на ходу одеваться, три раза неожиданно перервал его*» [8, 128]; «*Мак теряет целую армию, эригерцог Фердинанд и эригерцог Карл не дают никаких признаков жизни и делают ошибки* (ошибаются. – В. С.) *за ошибками, наконец, один Кутузов одерживает действительную победу, уничтожает 14 французов, и военный министр не интересуется даже знать подробности*» [8, 197]; «*Первое время своего знакомства с Сперанским князь Андрей питал к нему страстное чувство*

восхищения (восхищался. – В. С.), *похожее на то, которое он когда-то испытывал к Бонапарте*» [9, 177]; «*Полагая, что этими словами Анна Павловна слегка приподнимала завесу тайны над болезнью графини, один неосторожный молодой человек позволил себе выразить удивление* (удивиться. – В. С.) *в том, что не призваны известные врачи, а лечит графиню шарлатан, который может дать опасные средства*» [11, 9].

Вербойды с собственно-возвратным значением – единственные материальные выразители необходимого акционально-статального признака, воплощающие элементы художественного замысла писателя. Так, к вербойду *почувствовал нежность* нельзя подобрать даже разговорный или искусственный однословный коммуникативный эквивалент. Иными словами, словообразовательный механизм не может в данной ситуации «оказать помощь» писателю.

Более значимым по смыслу, коннотативному оформлению и дистрибутивным свойствам воспринимается вербойд «*невыразил ни малейшего интереса*», чем возможный коммуникативный эквивалент «*незаинтересовался*».

Необходимость употребления вербойда *делают ошибки*, вместо глагола *ошибаются*, объясняется прежде всего тем, что, в отличие от глагола, вербойд способен передать большую значимость акционально-статального признака с помощью дериванта *делают*. Кроме того, элементы структуры данного текста («за ошибками») не пропускают отмеченную глагольную номинацию.

Вербойдная структура «*питал чувство восхищения*» и глагол «*восхищался*» отличаются тем, что первый коммуникативный эквивалент передает эмоционально и экспрессивно более яркий предикатный признак, чем второй, через структурные компоненты *питать* и классификатор *чувство*.

В последнем случае писатель не употребил глагол *удивиться* как более радикальное средство материализации собственно-возвратного предикатного признака. Речевая ситуация повествования подсказала ему смягченный вариант – вербойд *выразить удивление* с «деликатно-ослабленной» семой в дериванте *выразить*.

На реализацию интенциональных возможностей вербойдов часто работает комплекс приёмов, используемых писателем: «*Всякий молодой человек, приезжавший в дом Ростовых, глядя на эти молодые, восприимчивые, чему-то (вероятно, своему счастью) улыбающиеся, девические лица, на эту оживленную беготню, слушая этот непоследовательный, но ласковый ко всем, на всё готовый, исполненный надежды лепет женской молодежи, слушая эти непоследовательные звуки, то пенья, то музыки, испытывал одно и то же чувство готовности к любви и ожидания счастья, которое испытывала и сама молодежь дома Ростовых*» [9, 48]. Во-первых, в один комплекс

объединены, интегрированы два вербоида: **испытывать любовь и испытывать счастье**. Это позволяет эксплицировать и интенсифицировать семантику многократности в десемантизированном глаголе несовершенного вида *испытывал*, акцентировав на ней внимание. Во-вторых, осуществлена конкретизация семантики именных компонентов **любовь и счастье** распространенными классификаторами (термин М. В. Всеволодовой) **чувство готовности** (к любви) **и чувство ожидания** (счастья). В-третьих, компонент **счастье** получает семантическое подкрепление повтором десемантизированного глагола-derivанта **испытывала** с заместителем этого компонента местоимением **которое**, что, в свою очередь, создаёт эффект результативности происходящего, несмотря на несовершенный вид употреблённых форм.

В романе широко представлены вербоидные структуры, где грамматически господствующую роль играет существительное. Использование Л. Н. Толстым этих конструкций преследует цель – сделать семантическим центром того или иного повествовательного сегмента именной компонент трансформированного вербоида: «*На лице Анны Михайловны выразилось сознание того, что решительная минута наступила*» [8, 99]; «*В последнее время, после приезда государя из армии, произошло некоторое волнение в этих противоположных кружках-салонах и произведены были некоторые демонстрации друг против друга, но направление кружков осталось то же*» [10, 134]; «*В Петербурге, еще до получения известия об оставлении Москвы, был составлен подробный план всей войны и прислан Кутузову для руководства*» [11, 79]; «*...но событие это совершилось на глазах наших отцов, для которых решался вопрос жизни и смерти отечества, и война эта была величайшая из всех известных войн...*» [11, 129];

Итак, вербоиды располагают мощным и мобильным интенционально-валентностным потенциалом, который удивительно тонко используется гениальным писателем Л. Н. Толстым, выдающимся мастером русского художественного слова, на страницах романа-эпопеи «Война и мир». Дальнейшее исследование вербоидов и вербоидных комплексов, функционирующих в художественном тексте, даст возможность более глубоко и основательно изучить их лексический, морфологический и деривационный потенциал как весьма важных коммуникативных эквивалентов глаголов.

Литература

1. Сидорець, В. С. Проблема статусу вербоїдів у східнослов'янських мовах: стан і перспективи дослідження / В. С. Сидорець // Мовознавство. – Київ, 2003. – № 6. – С. 33–41.
2. Сидорець, В. С. Структурно-семантичні межі між вербоїдами, презентантами номінативної деривації, і синтаксическими словосочетаннями і пропозиціями / В. С. Сидорець // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. – Мазыр, 2008. – № 2(19). – С. 72–78.

3. Кацнельсон, С. Д. К понятию типов валентности / С. Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1987. – № 3. – С. 20–32.
4. Мухин, А. М. Валентность и сочетаемость глаголов / А. М. Мухин // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1987. – № 6. – С. 52–64.
5. Авилова, Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Н. С. Авилова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
6. Антанюк, Л.А. Станавыя значэнні сумеснасці і ўзаемнасці ў беларускай мове / Л. А. Антанюк. – Мн.: Навука і тэхніка, 1981. – 128 с.
7. Державин, В. Н. Описательный актив и пассив / В. Н. Державин // Русский язык в советской школе. – М.: 1931. – № 1. – С. 37–59.
8. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т / редколлегия: М. Б. Храпченко (главный редактор) [и др. ; комментарии А. В. Чичерина]. – Москва : Художественная литература, 1978–1985. – Т. 4 : Война и мир. Т. 1. – 400 с.
9. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т / редколлегия: М. Б. Храпченко (главный редактор) [и др. ; комментарии А. В. Чичерина]. – Москва : Художественная литература, 1978–1985. – Т. 5 : Война и мир. Т. 2. – 429 с.
10. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т / редколлегия: М. Б. Храпченко (главный редактор) [и др. ; комментарии А. В. Чичерина]. – Москва : Художественная литература, 1978–1985. – Т. 6 : Война и мир. Т. 3. – 447 с.
11. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т / редколлегия: М. Б. Храпченко (главный редактор) [и др. ; комментарии А. В. Чичерина]. – Москва : Художественная литература, 1978–1985. – Т. 7 : Война и мир. Т. 4. – 431 с.

УДК 811. 161.1

Т. И. Татарина, М. Н. Панкратова

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ЛИРИКЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

*В статье проводится сопоставительный анализ общечеловеческого и индивидуально-авторского осмысления концепта **любовь**.*

Эстетическое видение окружающей действительности воплощено в поэтическом слове М. Цветаевой и отражено в идиостиле автора, то есть в закономерностях отбора и организации лексических элементов всех его произведений.

Идиостиль М. Цветаевой очень индивидуален и самобытен. В нем отразился аналитический процесс познания мира и преобразование индивидуального опыта в общечеловеческий.

Контекстуальный анализ ключевых слов, воспроизводящих концепт «любовь» в лирике М. Цветаевой, и анализ данного концепта в языковой картине мира в их сопоставлении позволил нам проследить многие оттенки его индивидуально-авторского осмысления.

В концептуальной и языковой картине мира взаимодействуют общечеловеческое, национальное и личностное начала.

По данным этимологического словаря глагол, *любить* по своему происхождению означает «вызывать в ком-то или чем-то соответствующие чувства». По своей форме – *любити* – он в точности повторяет древнеиндийский *lobhauati* – «возбуждать желание, заставлять любить». Также можно провести параллели к глаголу *улыбнуться*, корни которого мы находим и в русском языке: *у-лыбнуть* (обмануть), *у-лыбнуться* (пропасть), *лыбить*, *лыбиться*, *у-лыбиться*, *улыбаться*. В значении этого русского глагола компоненты «обмануть», «исчезнуть», которые можно объединить в одном – «сбить со следа». Глагол *льбнуть* в такой форме приближается к другому глаголу – *льнути*, *лнути*, *лнуть* «льнуть телом и душой к кому-либо» [1, 178].

Словарь Д.Н. Ушакова определяет слово *любовь* так: «Испытывая нежное, дружеское влечение, стремиться быть ближе к кому-либо». Глагол *любить*, покинув свое исходное место и изменив значение (вызывать любовь, влюблять), занял место глагола *льбнуть* и, в сочетании с приставкой по-, принял его значение – «впасть в состояние любви, полюбить». Глагол *льбети* («пребывать в состоянии любви, влечения к чему-либо или кому-либо»), сохранялся дольше в виде *любети*. С приставкой у – он означал «понравиться, полюбиться». *Улюбити* был активным глаголом действия («полюбить кого-либо, что-либо»), а *улюбети* глаголом неактивного состояния («понравиться, полюбиться»). Так, «улыбка», «улыбнуться» становится действием-ответом на возбуждение любви [2, 57].

В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова обнаружено 288 лексических единиц с корнем – *люб-*, передающих смыслы:

- 1) действие, «вызывать в ком-либо любовь», «погрузиться в состояние любви», «пребывать в состоянии любви» – *в-люби'ть*, *полюби'ть-ся*, *влюби'ть-ся*, *раз-люби'ть* и др.;
- 2) чувство – *люб-о'вь*, *не-люб-о'вь*, *любо'вн-ость*, *полюбо'вн-ость*;
- 3) субъект любви, «тот, кто любит» = *любо'в-ник*, *любо'в-ница*, *лю'бящ-ий* (сущ.), *лю'бящ-ая* (сущ.);
- 4) объект любви, «тот, кого любят» – *лю'б-ый* (сущ.), *лю'б-ушк-а*, *люби'м-ый*, (сущ.), *люби'м(-ея)* и др.;
- 5) признак (прил., нар.) «основанный на любви», «пребывающий в состоянии любви» – *люб-и'м(ый)* (прил.), *лю'б-0(-ый)*, *любо'в-н(ый)*, *любо'вн-о*, *влюбл-енн(ый)* (прил.) и др.;
- 6) человек, «тот, кто имеет склонность или пристрастие к чему-либо», «тот, кто занимается чем-либо без профессиональной подготовки, дилетант» – *люби'-тель*, *люби'тель-ниц-а* и др.;
- 7) признак человека (прил., сущ.), «отношение к кому-либо, чему-либо» – *брат-о-люб-и'в(-ый)*, *власт-о-люб-и'в(ый)* [6].

Фразеологические словари развивают аспект локализации чувства (*в сердце, душе*). Основным элементом является *сердце* (15 ед). Оно выступает как:

- ✓ объект воздействия (*покорять сердце, отдать сердце*);
- ✓ пространство (*войти в сердце, открывать сердце*);
- ✓ субъект (*сердце горит, сердце не лежит*);
- ✓ орган (*всем сердцем, горячее сердце, без сердца*).

В некоторых выражениях слово *сердце* можно заменить словом *душа* (*войти в душу, закрадываться в душу, душа не лежит, всей душой*)[3]

В толковом словаре С.И. Ожегова *любовь* определяется так:

1) чувство самоотверженной и глубокой привязанности, сердечное влечение;

2) склонность, пристрастие к чему-нибудь [4, 122].

Понятийные признаки концепта *любовь*, отраженные в толковых словарях, охватывают широкий круг эмоциональных явлений, характеризующихся положительным отношением к миру. К. Ю. Головач на основе общности семантики выстраивает их наиболее значимые признаки следующим образом:

- 1) любовные отношения двух лиц;
- 2) горячая сердечная склонность;
- 3) внутреннее стремление, тяготение;
- 4) предмет любви;
- 5) интимное чувство;
- 6) эмоциональное влечение = платоническая любовь[5].

Таким образом, *любовь* – это чувство, отношение, действие в широком смысле слова; у него есть субъект и объект; есть начало, развитие и конец (а кульминацией, вероятно, можно считать признание). Оно характеризуется перенесением акцента с мыслей (головы) на чувства (сердце). Чувство *любви* может быть вызвано кем-то непроизвольно или намеренно. Это чувство, устойчивое, сильное, с большим накалом, искреннее, жертвенное, нередко тайное и неразделенное, может быть источником большого счастья или несчастья.

В качестве примера рассмотрим вербальную репрезентацию концепта *любовь*, занимающего важное место в концептуальной картине мира конкретного автора. Проведем сопоставительный анализ ассоциативно-смыслового поля концепта, выявленного по данным частотного словаря, и поля, смоделированного на основе контекстологического анализа лирики М. Цветаевой.

Тема любви является ключевой в поэтическом мире поэтессы. Это подтверждается и объективными данными. На основе компьютерного анализа установлено, что лексемы словообразовательного гнезда с корнем

-*люб*- встречаются в ее стихотворениях более 490 раз, из них 368 словоупотреблений приходится на ранний период творчества, 123 – на

поздний. Кроме того, на основе данных словаря частотности было составлено ассоциативно-смысловое поле концепта *любовь*, насчитывающее 1441 словоупотребление 81 лексемы.

Ассоциативно-смысловое поле концепта *любовь*, выявленное по данным словаря частотности ранней лирики М. Цветаевой, содержит четыре условно выделенные смысловые лексические парадигмы:

а) **Любовь–страсть**: *страсть, страстный, страстно, любовный, пылкий, любовник, любовница, свидание, объятие, поцеловать и др.*

*Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес – моя колыбель, и могила – лес,
Оттого что я на земле стою – лишь одной ногой,
Оттого что я о тебе спою – как никто другой...*

(«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...» 1916)

б) **Любовь-привязанность**, объединяющая близких людей, членов одной семьи: *сын, мать, мама, дети, сестра, брат, родной, отец, ребенок, любимый, нежнейший, кровиночка, любимец и др.*

Высшая любовь и нежность М. Цветаевой — сродни материнской, всепрощающей, не мечтающей удержать:

*Материнское – сквозь сон – ухо.
У меня к тебе наклон слуха,
Духа – к страждущему: жжет? да?
У меня к тебе наклон лба,
Дозирующего верховья.
У меня к тебе наклон крови
К сердцу, неба – к островам нег.*

(«Наклон» 1923)

в) **Отсутствие** либо **непроявленность** чувства: *неласковый, нелюбимый, разлюбить:*

*Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.*

(«Мне нравится, что вы больны не мной» 1915)

г) **Негативные проявления**, сопутствующие любви: *разлука, боль, ревность, измена и др.*

В стихотворении «Приметы» слово *боль* – лексическая доминанта произведения. Для М. Цветаевой *любовь* – именно *боль*, сильная, почти физическая:

*Я любовь узнаю по жиле,
Всего тела вдоль.*

(«Приметы»)

Проанализировав поэтические тексты М. Цветаевой, нам, вслед за К. Ю. Головач, удалось выделить различные оттенки индивидуально-авторского осмысления данного концепта. Специфика этих оттенков

заключается в том, что доминирующее положение занимает репрезентация единицами *страсть, одиночество, измена, разлука, разрыв, расставание, ревность, ночь, сон, душа, объятие*.

Таким образом, сопоставительный анализ общечеловеческого понятия любовь и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей концептов лирике конкретного поэта может быть отражен в следующей таблице:

Общечеловеческое понятие концепта любовь	Индивидуально-авторское понятие концепта любовь (М. Цветаева)
Любовные отношения двух лиц	Безответная любовь, страсть
Горячая сердечная склонность	Безмерность чувства
Внутреннее стремление, тяготение влюбленных	Разлука, одиночество, ревность, измена, физическая и душевная боль
Предмет любви (конкретный человек)	Предмет любви (придуманный образ: туманный, неземной, нереальный)
Интимное чувство	Игра, лицемерие, лицедейство
Платоническая любовь	Высшая степень проявления эмоционального влечения

В рамках современной научной парадигмы назрела необходимость посмотреть на поэзию Марины Цветаевой с новых позиций – с точки зрения концептуализации ею мира. Сейчас уже очевидно, что поэтическое богатство определяется не только разнообразием лексических и грамматических единиц, но и многообразием концептуализированных понятий, характерных для данного поэта.

Литература

1. Шанский, Н.М., Школьный этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Н.М. Боброва. – М.: «Происхождение слов», 2000.
2. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 1. – М., 1935; Т. 2. – М., 1938; Т. 3. – М., 1939; Т. 4. М., 1940. (Переиздавался в 1947–1948 гг.); Репринтное издание: М., 1995; М., 2000.
3. Фразеологический словарь русского языка / Составители: К. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под редакцией А. И. Молоткова. – изд-во: «Советск. энцикл.», 1968.
4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: «Русский язык», 1984.
5. Головач, К. Ю. Репрезентация понятийных признаков концепта любовь в индивидуально-авторских картинах мира А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова [Текст] / К. Ю. Головач // Новое в славянской филологии: сборник статей [Текст]; отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009.
6. Тихонов, А.Н Школьный словообразовательный словарь русского языка: пособие для учащихся / А.Н. Тихонов. – М, 1996.

СЕМАНТЫКА-КУЛЬТУРАЛАГІЧНЫ КАМПАНЕНТ
 ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ З КОЛЕРАНАЙМЕННЕМ *БЕЛЫ*
 Ў НАРОДНА-ДЫЯЛЕКТНАЙ МОВЕ

У артыкуле разглядаюцца каларонімы ў структуры фразеалагізмаў з кампанентам белы.

Колер суправаджае чалавека круглы год у прыродзе, ён выкарыстоўваецца ў дызайне адзення, інтэр'еру і экстэр'еру, у рэкламе, побыце і інш. “Дзякуючы колеру можна зрокава пышырыць ці звужыць прастору, акунуцца ўглыб часу і засвоіць новыя далягляды” [1, 93]. Усё гэта можна адчуць, прааналізаваўшы фразеалагізмы беларускай мовы з кампанентамі, што абагулена маюць значэнне ‘колёр’, таму што за кожным з іх застаецца замацаваная семантыка, своеасаблівая сімволіка, характэрная для нашага народа.

Фразеалагізмы з кампанентам-назвай колеру, на нашу думку, маюць свае адметнасці, абумоўленыя семантыкай, адлюстроўваючы асаблівасці ладу беларускага народа. *Белы* з’яўляецца адным з базавых, як і *чорны* з *чырвоным*, у шматлікіх мовах і культурах розных краін. Для беларусаў значнасць *белага* колеру падкрэсліваецца колькасцю фразеалагізмаў, дзе задзейнічаны кампанент-найменне гэтага колеру. Яшчэ са старажытных часоў *белы* ўспрымаўся як нешта добрае; *белы* – гэта і прыкмета верхніх, незямных сфер, паколькі ён звязаны з аб’ектамі, чысцінёй, духоўнасцю, святасцю, верай, боскасцю.

А што ж абазначае *белы* колер у фразеалагізмах беларускай дыялектнай мовы? І. Швед піша: “У розных фальклорных жанрах *белы свет* – гэта звычайна бачны свет, светабудова, узятая без яе ніжняга яруса – падземля. На белым свеце жывуць людзі, жывёлы, растуць расліны, свецяць сонца, месяц, зоры. У такіх кантэкстах *белы свет* яшчэ можа называцца божым светам” [2, 92]. Гэтая сувязь назіраецца пры разглядзе фразеалагізма *на белым свеце* са значэннем “на зямлі наогул”. Узгадаем словы Арыстоцеля, які сцвярджаў, што “зямля здаецца афарбаванай у які-небудзь іншы колер, але гэта – не сама зямля, а яе прымясі. Калі выпаліць з яе прымясі, то попел аказваецца белым” [3, 55]. Мы заўважаем, што *белы* набывае значэнне жыцця, зямлі. Такім чынам, *белы* колер у гэтым фразеалагізме з пункту погляду міфалогіі азначае светабудову, божы свет, а з пункту погляду фізікі мы атрымаем пэўную сувязь з сімвалам зямлі, глебы.

Разглядаючы фразеалагізм з дыялектнай мовы *прашчацца з белым светам* са значэннем “рыхтавацца памерці”, можна адзначыць, што *белы* не толькі сімвалізуе жыццё, а яшчэ нясе ў сабе схаванае супрацьпастаўленне з чорным колерам, як божага свету і падзямелля, жыцця і смерці.

А калі разглядаць фразеалагізм *з белага свету* “невядома адкуль”, то можна сказаць, што і тут *белы* колер атаясамліваецца з пэўным значэннем чысціні, прасторы, свабоды выбару, неабмежаванай прасторы, якая засталася за плячыма.

Паводле “Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы”, *белы* – гэта такі, “які мае колер снегу” [4, т. 1, 356]. Гэтая сувязь колеру і зімовай пары года выразна выяўляецца ў фразеалагізме дыялектнай мовы *белыя мухі ў значэнні “снег”*. Тут падабенства сняжынак і мух, іх падобных паводзін у прасторы ствараецца дзякуючы наяўнасці кампанента *белы*, яго асацыятыўных вобразаў. Тым больш, што “халодны белы колер звязваецца, у першую чаргу, з зімовымі пейзажамі ўвогуле” [5, 18].

Фразеалагізм *да сівых валасоў* “да старасці” таксама ўваходзяць у склад фразеалагізмаў з найменнем *белага* колеру, які выражаны тут ускосна, бо сівыя валасы – гэта белыя валасы. Мы лічым, што семантыка фразеалагізма і *белага* колеру звязана з тым, што ў іканаграфіі *белы* – колер адзення святых, апосталаў, анёлаў. А *белы* саван нябожчыка – гэта знак далучэння чалавека да боскага чыну, таму сівізна – знак набліжэння смерці. Калі ж разгледзець значэнне колеру *сівы*, то мы выдзелім два значэнні: “белы, серабрысты, які страціў афарбоўку (пра валасы)” і “які мае адносіны да далёкага мінулага; старажытны” [4, т. 5, кн. 1, 126–127], то можна сказаць, што *сівы* – гэта колер мудрасці, якая прыходзіць на працягу пражытых гадоў. Такім чынам, *белы* колер у гэтым фразеалагізме набывае іншае адценне ў семантыцы, атаясамліваючыся са смерцю, з тым светам і, у пэўнай меры, з мудрасцю, жыццёвым вопытам.

Семантыка фразеалагізмаў *даходзіць да белага каленія і даводзіць да белага калення* “злаваць (злавацца) да страты самавалодання” ўзыходзяць да свабоднага словазлучэння, звязанага з працай кавалёў. Так, калі метал награюць пры каванні ці плаўленні, то ён, у залежнасці ад тэмпературы, свеціцца па-рознаму: спачатку чырвоным святлом, потым жоўтым і, нарэшце, асляпляльна белым. Пры больш высокай тэмпературы метал расплавіцца і закіпіць. Гэта значыць, што ён дасягае максімальнай “тэмпературнай кропкі”, і з ім будзе вельмі цяжка працаваць. Як бачна, *белы* колер у гэтай фразеалагічнай адзінцы сімвалізуе адчай, непадуладнасць.

Значэнне фразеалагізма *казка пра белага бычка* трэба разглядаць у сувязі з дзіцячай казкай, якая мае паўтаральны, дакучлівы сюжэт, адсюль і

першае значэнне фразеалагізма “бясконцае паўтарэнне аднаго і таго з самага пачатку”. А найменне *белага* колеру ўжыта таму, што менавіта ён з’яўляецца сімвалам чысціні, а ў гэтым фразеалагізме набывае адценне нявіннасці, жартаўлівасці. Другое значэнне – “відавочная хлусня”, на нашу думку, узнікла дзякуючы кампаненту *казка*, які мае значэнне “займальны паводле сюжэта фальклорны ці літаратурны твор пра неймаверныя ці фантастычныя прыгоды” [6, 104].

Тоеснае паходжанне семантыкі і ў фразеалагізма (выводзіць, выцягваць) *на белы свет* ‘даводзіць што-небудзь да ведама публікі, выкрываць’, бо “светлыя аб’екты лепш выяўляюцца на цёмным фоне, а цёмныя – на светлым” [3, 194].

Кампанент *белы* ў фразеалагізме *пасярод белага дня* са значэннем “ва ўсіх на віду, адкрыта” набывае значэнне яснасці, відавочнасці, паколькі яшчэ са старажытнасці нашы продкі ўспрымалі *белы* колер як эквівалент дзённага святла, што і адлюстравана ў гэтай моўнай адзінцы.

Фразеалагізм *і серага і белага* са значэннем ‘усяго зведаць’. На нашу думку, у гэтай моўнай адзінцы кампанент *шэры* выкарыстоўваецца як антонім *беламу*, паколькі *белы* сімвалізуе станоўчае, пазітыўнае, а *шэры* набліжаецца сваім значэннем да *чорнага* і абазначае нешта негатыўнае дрэннае, паколькі *шэры* – адценне *чорнага*.

Такім чынам, кампанент *белы* ў фразеалагізмах захоўвае свае самыя розныя значэнні і адценні, мае сваю сімволіку ў іх складзе, а фразеалагізмы, як правіла, захоўваюць і перадаюць гісторыю народа, яго культуру, асаблівасці ўспрымання свету, таму што тыя фарбы, якія мы бачым штодня, падсвядома фарміруюць аснову колеравай карціны свету, расквечваюць у адпаведныя адценні нацыянальна-ментальную прастору, што яскрава і праўляецца ў фразеалагічных адзінках мовы.

Літаратура

1. Анціпава, Н. “Жылі набелым свеце...” / Н. Анціпава // Роднае слова. – 2007. – № 4. – С. 93–94.
2. Швед, І. Белы колер у вераваннях і абрадавай практыцы беларусаў / І. Швед // Роднае слова. – 2007. – № 3. – С. 92–94.
3. Миронова, Л. И. Цветоведение: учебн. пособие / Л. И. Миронова. – Минск: Вышш. шк., 1984. – 286 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск: Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, 1977. – 1984.
5. Бабіч, Ю. “Белая раўніна – ні канца ні краю...”: Колеракод “белы” ў мове твораў Якуба Коласа / Ю. Бабіч // Роднае слова. – 2007. – № 4. – С. 15–19.
6. Рагойша, В.П. Літаратуразнаўчы слоўнік: тэрміны і паняцці: для школьнікаў і абітурыентаў / В.П. Рагойша. – Мінск: Народная асвета, 2009. – 303 с.
7. Бабіч, Ю. “Белае белле... Зіма беларуская”: Белы колер і яго адценні ў зімовых пейзажах беларускіх пісьменнікаў / Ю. Бабіч // Роднае слова. – 2011. – № 2. – С. 39–42.

СПОСАБЫ ЎВЯДЗЕННЯ АНАМАСТЫЧНЫХ АДЗІНАК
У МАСТАЦКІ ТЭКСТ (НА МАТЭРЫЯЛЕ НАРЫСА
УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА “ЗЯМЛЯ ПАД БЕЛЫМІ КРЫЛАМІ”)

У артыкуле на прыкладах з нарыса У. Караткевіча “Зямля пад белымі крыламі” прасочваецца выяўленая ў гэтым творы сістэма спосабаў уключэння анамастычных адзінак у мастацкі тэкст.

Уладзімір Караткевіч – яркая постаць у беларускай літаратуры ХХ ст. Ён аўтар раманаў “Каласы пад сярпом тваім”, “Хрыстос прыязмліўся ў Гародні”, “Чорны замак Альшанскі”, “Леаніды не вернуцца да Зямлі”, аповесцей “Лісце каштанаў”, “У снягах драмае вясна”, “Дзікае паляванне караля Стаха”, “Загадка Неферціці”, нарысаў “Вязынка”, “Зямля пад белымі крыламі”. Уладзімір Караткевіч быў адным з тых аўтараў, якія ўслаўлялі Беларусь, чые творы перакладзены на многія мовы свету. Па яго сцэнарыях пастаўлены мастацкія фільмы, тэле- і радыёспектаклі. У Беларускім тэатры оперы і балета створаны оперы “Сівая легенда” (1978, кампазітар Дз. Смольскі) і “Дзікае паляванне караля Стаха” (1989, кампазітар У. Солтан). Яго творчасць вызначаецца рамантычнай акрыленасцю, высокай мастацкай культурай, патрыятычным пафасам, значнай пазнавальнасцю і гуманістычным гучаннем. Анамастыкон нарыса разглядаўся часткова ў працах В.В. Шура, І.М. Зуевай і інш.

Нарыс У. Караткевіча “Зямля пад белымі крыламі” не ўяўляюцца без анамастычных адзінак, якімі ён насычаны. Яны важнейшыя тэкстаўтваральныя кампаненты, выконваюць вызначальную ролю ў раскрыцці аўтарскай канцэпцыі. У нарысе выкарыстана 423 самыя розныя рэальныя онімы.

Сярод анамастычных назваў многа блізкіх ці нават аднолькавых па гучанні і напісанні, іх камунікатыўная функцыя не заўсёды правільна ўспрымаецца грамадствам. На жаль, да нашага часу ў беларускім мовазнаўстве ніхто яшчэ не рабіў спробу апісаць і прааналізаваць асаблівасці ўвядзення тапонімаў і іншых уласных імёнаў у мастацкі тэкст, хаця такі аналіз неабходны не толькі для выяўлення стылю, творчай манеры пісьменніка, а і для высвятлення яго светапогляду і дасведчанасці ў праблемах, пра якія ён вядзе размову з чытачом, яго агульнай і моўнай культуры, эстэтычных крытэрыяў і ідэалаў і інш. Праўда, робячы апісанне функцый разнастайных дыялектызмаў у творах беларускіх пісьменнікаў,

М. Абабурка звяртаў увагу на некаторыя асаблівасці пісьменніцкай працы з такімі словамі, каменціруючы мэтазгоднасць такіх новаўвядзенняў у тэксце.

Анамастычных назваў – уласных імёнаў людзей, прозвішчаў, тапонімаў, мікратапонімаў – даволі многа. Без такіх моўных адзінак не абыходзіцца ніводзін від пісьма. У творах мастацкай літаратуры засведчана нямала арыгінальных прыкладаў умелага выкарыстання анамастычнай лексікі як дзейснага сродку стварэння каларыту эпохі, пэўнага грамадскага асяродку, рэгіёна, мастацкай выразнасці, лаканічнасці, непаўторнасці.

Сапраўдныя майстры мастацкага слова пастаянна клапацяцца пра натуральнасць тапанімічных назваў, іх зразумеласць, даходлівасць да чытача. З гэтай мэтай пісьменнікі выкарыстоўваюць не толькі афіцыйныя, а і рэгіянальныя, але звыклыя на значным абшары, вядомыя стагоддзямі найменні (*Менск, Гародня, Бярэсце, Наваградак* і інш.), суправаджаючы іх адпаведнымі каментарыямі, заўвагамі, тлумачэннямі, звяртаючыся да этымалогіі (народнай і навуковай), словаўтварэння, марфемнай і акцэнталагічнай варыянтнасці гэтых найменняў у розныя перыяды нашай дзяржаўнасці і інш.

Такім чынам, тэкст мастакамі слова дапаўняецца, насычаецца самай разнастайнай інфармацыяй пра мінулае і сучаснае тапанімічнага аб'екта, узнікненне і эвалюцыю яго назвы ці назваў, у каментарыях, удакладненнях, заўвагах утрымліваюцца звесткі этнаграфічна-рэгіянальнага, лінгвістычнага, гістарычна-геаграфічнага характару. А майстэрства пісьменніка якраз і выяўляецца ва ўмелым рацыянальным падборы і падачы такой інфармацыі ў мастацкім тэксце.

Пісьменнікі, адбіраючы анамастычны матэрыял для канкрэтнага твора, выяўляюць сваю творчую індывідуальнасць, манеру выкладання матэрыялу, свае спосабы ўвядзення самых розных найменняў у мастацкі тэкст. У творах У. Караткевіча засведчана мноства самабытных беларускіх уласных найменняў, што з'яўляецца адметным для яго творчай манеры, да якіх пісьменнік прыводзіць самыя разнастайныя лінгвістычныя, этнаграфічныя каментарыі і тлумачэнні, выкліканыя тым, што такія назвы па розных абставінах на працягу гісторыі скажаюцца, забываюцца, у іх нярэдка вылушчваецца нацыянальная спецыфіка, рэгіянальная адметнасць, непаўторнасць, самабытнасць і інш.

У нарысе “Зямля пад белымі крыламі” Уладзімір Караткевіч выкарыстоўвае некалькі спосабаў увядзення анамастычнай лексікі ў мастацкі тэкст. Гэта:

1. Способ непасрэднага тлумачэння:

а) пісьменнік указвае месцазнаходжанне тапанімічнага аб'екта адносна іншых, больш вядомых на Беларусі тапанімічных аб'ектаў, іх назваў. Гэта адзін з пашыраных спосабаў у беларускай мастацкай літаратуры: *Чарнявых сярод беларусаў няшмат. Найчасцей яны сустракаюцца ў Палессі, на поўдзень ад Прыпяці і чамусьці пераважна сярод мужчын, ды ці яшчэ ў некаторых мясцінах на Гродзеншчыне* [1, 64]; *На паўночны ўсход ад Нарачы, у раёне Дунілавіч, Шаркоўшчыны, Глубокага, даўгалетніх больш, чым у Абхазіі, пад Ачамчырамі* [1, 65]; *У 1828 годзе паўстала супраць пана мястэчка Крошын ля Баранавіч* [1, 144]; *Паходзіў будучы паэт з фальварка Мурагі ля возера Няшчэрда на поўначы Беларусі (Расонскі раён)* [1, 145];

б) пісьменнік указвае месцазнаходжанне тапанімічнага аб'екта, не ўжываючы сучасныя назвы адміністрацыйных адзінак (пэнтраў) – раёнаў, абласцей, паселішчаў, а выкарыстоўвае традыцыйныя, усталяваныя стагоддзямі, для пэўнага рэгіёна мясцовыя назвы-ўдакладненні: *А вось мінулым летам лёс закінуў нашу экспедыцыю ў вёску Дастоева, на поўнач ад Янава Палескага* [1, 148];

в) часам тлумачэнне-ўдакладненне (тапонім) бярэцца ў дужкі: *На чале дэмакратычнага крыла паўстання стаў рэвалюцыйны дэмакрат, палкі патрыёт, публіцыст, выдавец падпольнай беларускай газеты "Мужыцкая праўда", паэт Кастусь Каліноўскі (1838 г., Мастаўляны – 10 сакавіка 1864 г., Вільня)* [1, 153].

г) радзей пісьменнік ўказвае ў дужках назву паселішча, выкарыстоўваючы ў якасці ўдакладнення афіцыйныя назвы прадпрыемстваў, калгасаў, саўгасаў і іншых устаноў, размешчаных у паселішчы: *Жылыя дамы на бульвару Талбухіна ў Мінску і праект забудовы Волатава ў Гомелі, будоўлі на беразе Мухаўца ў Брэсце і жылыя дамы крывалінейнай канфігурацыі ў мікрараёне "Усход-1", Палац спорту ў Мінску і пансіянат (а таксама і гасцініца "Юнацтва") на беразе Мінскага мора. А паглядзіце, як зручна дзецям у дзіцячым садзе на Слясарнай вуліцы (Мінск). Тут табе і светлыя пакоі, і веранды, і нешта накшталт старадаўняй крэпасці для гульні. А кінатэатры ("Кастрычнік", "Партызан" і "Піянер" у Мінску, "Кастрычнік" у Магілёве-2, "Імя Калініна" у Гомелі)!* [1, 190].

Карыстаючыся спосабам непасрэднага тлумачэння, пісьменнікі, пішучы пра Беларусь, шырока ўжываюць найменні тыпу *Віленшчына, Міншчына, Столінішчына, Случчына, Могілёўшчына* – традыцыйныя беларускія назвы для абазначэння мясцовасцей, што прылягаюць да

дамінуючага ў рэгіёне паселішча. Гэта цяпер вельмі адметная (на фоне ўсходнеславянскай анамастыкі) і спецыфічная рыса беларускай тапанімікі, што нярэдка падкрэсліваецца пісьменнікамі: *Нарадзіўся ён у сям'і дробнага шляхціца ў фальварку Свіраны на Віленшчыне [1, 152], Дзесяткі вёсак, дзе дагэтуль, як недзе на Магілёўшчыне, побач з рускай і ўкраінскай гучыць беларуская мова і вісяць беларускія ручнікі [1, 159], Ёсць, праўда, і вялікія вёскі, двароў на 1500, такія, як Рубель на Століншчыне. Але іх мала, напэўна, некалькі соцень, не больш [1, 13].*

2. Спосаб пунктуацыйнага выдзялення.

Сутнасць яго заключаецца ў тым, што тапанімічная назва бярэцца ў двукоссе, для яе тлумачэння прыводзяцца іншыя словы-тапонімы, перыфразы, якія з'яўляюцца своеасаблівымі сінонімамі да названай тапанімічнай назвы: *Высокі бераг Нёмана. Пры ўпадзенні ў яго Гараднічанкі, на мысе і ўзнік "Гарадзень", або "Гародня" [1, 93]; Зраднік выдаў Каліноўскага. Квартал, заняты ўніверсітэцкімі будынкамі ў Вільні, т. зв. "Святаянскія мury", быў ачэплены некалькімі ротамі салдат і паліцыі [1, 153].*

3. Спосаб лінгвістычнага тлумачэння тапанімічнай назвы:

а) ён носіць характар этымалагічнага ці словаўтваральнага каментарыя з выкарыстаннем інфармацыі з суседніх моў, мясцовых дыялектаў; нярэдка тапанімічныя назвы бяруцца ў двукоссе: *Крывавыя берагі Нямігі даўно забраныя ў падземную трубу. Зсталася толькі старая гандлёвая назва горада "Мінск", а ў даўніну "Менеск", "Менск", ад слова "мена", "мяняць" [1, 76];*

б) у асобных выпадках пісьменнік не тлумачаць паходжанне назвы, але ўскосна звяртае ўвагу чытача на яе этымалогію, адчуваючы, што той, хто будзе чытаць тэкст, здагадаецца, чаму народ выбраў такую назву: *Рака з непрыгожаю назваю Смердзь ёсць, аднак адна з найпрыгажэйшых рэчак, якія мне даводзілася бачыць у маім жыцці [1, 14].*

в) некаторыя часта ўжывальныя тапанімічныя назвы пісьменнік запісвае з малой літары, але засяроджвае ўвагу чытача на онімах і бярэ іх ў двукоссе, суправаджаючы этымалагічным каментарыем (найчасцей з выкарыстаннем не навуковага, а найўнага народнага тлумачэння, якое бярэцца ў дужкі): *Ідзеш па нашых землях, і вось паўсюль "шведскія камяні", "шведскія сосны" пад Любчай [1, 134].*

4. Спосаб апісання тапанімічнай назвы:

а) пры апісанні аўтар звычайна карыстаецца гістарычнымі, этнаграфічнымі, геаграфічнымі даведкамі і каментарыямі, часам змешчанымі ў дужках і аформленымі ўстаўнымі сказамі: *Адразу ясна, што*

Панямонне атрымала сваю назву ад галоўнай сваёй ракі, у басейне якой яно ляжыць Нёман [1, 10]; Віцебск – гэта цяпер цалкам новы горад. Старых будынкаў засталася мала: некалькі палацаў, ратуша XVII ст. (цяпер у ёй добры гісторыка-краязнаўчы і мастацкі музей з багатай калекцыяй беларускага, рускага, заходняга і мясцовага, віцебскага жыванісу) [1, 84];

б) Некаторыя тапанімічныя назвы маюць свае кантэкстуальныя сінанімы-дублеты, перыфразы: ...Мінск. Горад-герой. Самы буйны з гарадоў Беларусі. Звыш мільёна насельніцтва [1, 76]; ПОЎДЗЕНЬ, АБО ПАЛЕССЕ дарэмна лічаць адной суцэльнай забалочанай нізінай. Ёсць, вядома, і гэта [1, с. 10]; Свята мастацтва, свята агню, песні, выдумкі, таленту, свята майстроў, бо Віцебск — месца майстроў [1, 82].

5. Спосаб атрыбуцыі, калі да вядомай афіцыйнай назвы прыводзяцца ўстарэлыя, забытыя па розных абставінах тапонімы-дублеты. Такім чынам, расшыраецца ўяўленне чытача пра сам аб'ект і яго назвы: Або Князь-возера, якое цяпер невядома чаму называюць Чырвоным. Гэта на Палессі, паўночнай Турава [1, с. 45].

Такім чынам, апісаньня спосабы ўвядзення пісьменнікам тапанімічных назваў у мастацкі тэкст сведчаць, што У.Караткевіч зарэкамендаваў сябе як выдатны майстар мастацкага слова, які творча развіваў лепшыя традыцыі беларускай мастацкай прозы, публіцыстыкі. Прыведзеныя фрагменты з нарыса пісьменніка пераконваюць, што ён ўмела з вялікай эфектыўнасцю насыціў свой нарыс самымі рознымі ўласнымі назвамі, арыгінальна ўводзіў іх у кантэкст, забяспечваючы такія найменні разнастайнымі каментарыямі і ўдакладненнямі, ствараючы запамінальныя шматпланавыя мастацкія палотны, выяўляючы як мастак і даследчык выдатнае веданне набыткаў матэрыяльнай і духоўнай культуры беларусаў і іншых народаў, што жывуць на Беларусі...

Літаратура

1. Караткевіч, У. С. Зямля пад белымі крыламі: Нарыс: для сярэд. і ст. шк. Узросту / У.С. Караткевіч. – 2-е выд. – Мінск: Нар. асвета, 1992. – 192 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111(73)0+929

И. Ю. Веракшич

РОМАНТИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА

Поскольку в каждой художественной системе центральное место занимает герой, нам представляется целесообразным проследить взаимосвязь элементов традиций и новаторства на примере эволюции романтического героя Ф. С. Фицджеральда

Творческая судьба Ф. С. Фицджеральда – один из парадоксов в истории американской литературы первой четверти XX века. Писатель получил известность при выходе первого, незрелого романа «По эту сторону рая», сразу же ставшего бестселлером, в то время как такие зрелые произведения, как «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна», коммерческого успеха не имели. Современники часто отождествляли Фицджеральда с «золотой молодёжью» 20-х годов, героями его ранних романов и рассказов, отказываясь видеть в нём серьёзного писателя. Однако время всё расставило на свои места. Второй взлёт популярности писателя произошёл уже после его смерти.

В настоящее время накоплен значительный критический материал о творчестве Фицджеральда как в США, так и за их пределами.

В современном американском литературоведении наметилась тенденция при анализе литературного наследия Фицджеральда оперировать в большей степени литературоведческими, чем биографическими материалами. Однако некоторые исследователи (О. Уилсон, Г. Уэсткотт, Н. Подгорец) продолжают видеть в Фицджеральде «высокоинтуитивный талант», «писателя, интеллект которого не всегда соответствовал его дарованию». На сходной позиции стояли многие советские исследователи, в частности Ю. Лидский, А. Старцев, А. Горбунов, М. Ландор, которые справедливо относили творчество Фицджеральда к реалистическому направлению в литературе. Но своеобразие реализма писателя, на наш взгляд, недостаточно изучено. Оно заключается в том, что этот реализм носил отчётливо выраженную романтическую окраску.

Романтическое мировоззрение писателя сказалось уже в самых первых его рассказах, написанных в традиции «развлекательного романтизма», характерной для литературы конца XIX – начала XX века. Творчество Фицджеральда впитало различные влияния, среди которых европейская романтическая традиция (Кито, Суинберн), наследие зрелого

американского романтизма (По, Готорн) и, конечно же, этика философии Успеха, являющегося одной из составных частей Великой американской Мечты. О «романтизме» Фицджеральда говорят многие критики: А. Майзнер, М. Бьюли, М. Гайсмар, М. Каули и другие.

Одной из форм проявления романтических традиций в современном реалистическом искусстве является противопоставление внутреннего лирического мира художника или его героя прозаической бездуховной действительности. Это особенно характерно для литературы американского «потерянного» поколения и, конечно же, для творчества Фицджеральда.

Романтическая окраска творчества Фицджеральда связана, прежде всего, с его отношением к Великой американской Мечте. С одной стороны, сама жизнь писателя являлась ярким подтверждением «заурядного варианта успеха», как он сам назвал свою головокружительную карьеру. С другой же, являлась иллюстрацией крушения Мечты – «американской трагедией». Сложные отношения с Мечтой заключались ещё и в том, что Фицджеральд начинал свою жизнь полный веры в то, что «стоит только захотеть». И это не могло не найти отражения в его ранних произведениях, рассчитанных на коммерческий успех и даже в веских произведениях этого периода («Алмазная гора», «Первое мая»).

Героини ранней прозы Фицджеральда – его «открытие» – «ветрогонки», эмансипированные девицы 20-х годов, жизненный принцип которых брать от жизни все, что можно, ничего не давая взамен. Фицджеральд видел в «ветрогонках» возможность возрождения милого его сердцу ещё с юношеских лет романтического «благородного героя». Не следует забывать, что традиция «благородного героя» была близка писателю по романам Таркингтона, которым он зачитывался в Пристоне. «Благородный герой» в американской литературе – порождение специфического национального развития. Такой персонаж боролся не с обществом, а с лишёнными романтического воображения индивидуумами, не признававшими его безусловных достоинств и исключительных прав. Американский критик Р.Скляр отмечал «... В первую мировую войну, в то время, как образ благородного романтического героя достиг апофеоза на полях сражений, влияние традиции «благородного героя» на американскую литературу достигло кульминационной точки и угасло...» [1, 20].

Фицджеральд наделил своих героинь качествами, типичными для «благородного героя»: живым умом, смелостью, независимостью, богатым воображением. Однако если раньше в литературе, в частности у Таркингтона, женщина была Прекрасной Дамой, вознаграждающей Рыцаря, победившего на турнире, то у Фицджеральда роль Прекрасной Дамы выполняет мужчина, а роль Рыцаря – женщина.

В Фицджеральде, как и в его герое (Гэтсби), жила вера в «жизненные посулы», однако восприятие жизни в молодости у него часто было поверхностным. Внешние данные для него имели основополагающее значение. Из личных качеств он больше всего ценил смелость. Достаточно вспомнить эпиграф к его роману «Романтический эгоист» («Дерзай, и мир перед тобой!»). Образ романтической героини, попирающей влечение условности из эгоистических соображений, идеально соответствовал в то время и его мировоззрению, и литературному опыту.

Достаточно вспомнить героиню романа «Прекрасные и обречённые» Глорию Гилберт, которая стала женой центрального персонажа Энтони Пэтча, единственного наследника миллионов своего деда. Глория представляет себе жизнь как сладостное развлекательное путешествие, видя в таком иллюзорном счастье её суть. Девушка не возражает против прожигания жизни. Для неё это способ существования. Брак, по её мнению, – это только «блистательное представление», а мир – подмости.

Если «ветрогонки» Фицджеральда являлись воплощением традиционного американского «благородного героя» на послевоенной сцене, то романтический герой более позднего периода полемичен по отношению к традиционному «благородному герою». Сумев соответствующим образом абстрагироваться от своих героев, что редко удавалось ему в ранних произведениях, Фицджеральд смог выявить причины трагической раздвоенности Джэя Гэтсби («Великий Гэтсби») и Дика Дайвера («Ночь нежна»). Все герои Фицджеральда – яркие личности, но все они гибнут, не выдержав давления общества.

XX век внёс коррективы в образ романтического героя. Если у Готорна социальные мотивы отступали на первый план перед силой личных духовных качеств человека, то у Фицджеральда эти силы уравновешены: неизбежность зла всегда диктуется социальными мотивами.

Джей Гэтсби («Великий Гэтсби») борется против общества, не сознавая, что ценности этого общества – его ценности. Это в меньшей степени относится к Дикю Дайверу («Ночь нежна»), который подаётся автором исключительно в виде жертвы уорренновских миллионов. Но не следует забывать, что он также и жертва собственной слабости, желания приобщиться к жизни богатых и праздных людей. Гэтсби – более цельная личность, чем Дик, так как до конца остаётся верен своей мечте. В романе «Последний магнат», оставшемся незавершённым, автор попытался создать героя, по цельности и целеустремлённости похожего на Гэтсби. В обоих романах присутствует тот же сплав мечтателя и делового человека, который Фицджеральд считал типично американской мечтой. Банальность, проза жизни, от которых Гэтсби пытался спастись в мире своих грёз, определили характер его честолюбивых устремлений, внушив ему стремление к материальному успеху. И они же отомстили ему за

непохожесть: романтическое рыцарство по отношению к Дэзи стоило ему жизни. Как считают многие исследователи, в Гэтсби отразилась и безвкусная крикливость Джазового века, и стремление брать от жизни всё, что можно, и даже его романтический запал. В Гэтсби мы имеем дело с романтиком циничного и разочарованного Века Джаза.

В образе Ричарда Дайвера (“Ночь нежна”) писатель осуществил то, что ему не удалось в ранних произведениях, – показал трагедию талантливого человека, который пошёл на сделку со своей совестью, женившись на дочери миллионера Николь Уоррен. Герой испытывает более страшную утрату иллюзий по сравнению с Гэтсби. Не только его мечты о любимой женщине и любимом деле пришли в трагическое несоответствие с действительностью, но и само восприятие действительности Ричардом во многом оказалось искажённым. Его иллюзорные представления рушатся вместе с миром, который он создал и в который верил.

Таким образом, мы видим, что романтические иллюзии Ричарда Дайвера роднят его с Гэтсби, при всём несхождении характеров. Так же, как и для Гэтсби, победа оборачивается для него поражением, основная причина которого заключается в служении фальшивым кумирам и переоценке собственных сил.

В своих произведениях Фицджеральд часто сохраняет свойственную романтикам полярность образов: Гэтсби – Бьюкенен, Дайвер – Барбан, однако очень редко, за исключением только образов-символов конкретного зла, рисует героя одной краской. Как правило, они сочетают в себе разные, а иногда даже и противоположные качества. Поэтому в каждом из них идёт сложная внутренняя борьба между слабостью и силой, ранимостью и жестокостью, разборчивостью в средствах и деликатностью. Такие персонажи Фицджеральда отмечены особого рода духовным неблагополучием, “внутренней” полярностью.

Подводя итог тому, о чём было сказано выше, мы можем утверждать, что романтический герой Фицджеральда – это совсем не тот пылкий и благородный юноша, с которым мы встречаемся у романтиков XIX века. На нём сказывается опустошённость «потерянного поколения», открывшего для себя, что «все боги мертвы, все войны отвоёваны, а вера в человека непоколебима». Поэтому герой Фицджеральда, с одной стороны, – моралист и правдоискатель в духе Готорна, а с другой – бездумный прожигатель жизни.

Несомненной заслугой Фицджеральда является то, что он создал нового в американской литературе героя, романтика Века Джаза, являющегося специфическим порождением американского национального развития.

Літэратура

1. Фицджеральд, Ф. С. Великий Гэтсби. Ночь нежна. Рассказы / Ф.С. Фицджеральд. – М.: Худ. лит., 1985. – 326 с.
2. Николонин, А. Н. Утраченные надежды (американская литература и крушение «американской мечты») / А. Н. Николонин. – М.: Знание, 1984. – С. 118–136.
3. Sklar, R. F. S. The last laccoon / R. Sklar. – N.U, 1967. – 128 p.
4. Тернбулл, Э. Фрэнсис Скотт Фицджеральд: биография / Э. Тернбулл. – М.: Колибри, Азбука – Аттипус, 2013. – 416 с.

УДК 821.161.3

Г. М. Дашкевіч

МАСТАЦКІЯ ПОШУКІ І АДКРЫЦЦІ Ё ПАЭЗІІ АЛЕСЯ РАЗАНАВА 70-Х ГАДОЎ

Даследуецца канцэпцыя паэтычнага светабачання ў паэзіі Алеся Разанава 70-х гадоў. Сцвярджаецца думка аб імкненні паэта да інтэлектуальна-філасофскага асэнсавання рэчаіснасці, жанрава-стылёвай адметнасці на першапачатковым этапе яго творчага шляху

А. Разанаў – наватар на ніве паэтычнага вершаскладання, які ўвёў у беларускую паэзію нязвыклыя для яе формы – квантэмы, пункціры, версэты, вершаказы, зномы. Творчасць Я. Купалы, М. Багдановіча, М. Танка стала для яго не толькі ўзорам для пераймання, але і крыніцай мудрасці, майстэрства, аб’ектам удумлівага вывучэння. Слова стала для яго культам, святыняй. Ён знаходзіць у ім глыбінны філасафічны падтэкст, касмічныя вышыні, Гасподнюю наканаванасць. Ён смакуе слова, лашчыць яго, як сейбіт зерне перад сяўбой, здабывае з яго новыя, раней нікім не выказаныя дыяменты мудрасці. І ніколі не наракае на цяжкасці свайго эксперыментатарства. На наш погляд, дэвізам для Разанава, яго пуцяводнай зоркай з’яўляецца бессмяротны завет М. Багдановіча маладому паэту:

Трэба з сталі каваць, гартаваць гібкі верш,

Абрабіць яго трэба з цярпеннем.

Як ударыш ты ім, – ён, як звон, зазвініць.

Брызнуць іскры з халодных каменяў [1, 126].

Сваёй цягай да інтэлектуалізму, удасканалення формы і зместу ён роднасны геніяльнаму паэту.

Услед за Купалам, які рваўся ўзняць да зорных вышыняў “скібіну слова” “на запусцелым дзірване сваёй старонкі Беларусі” [2, 135], А. Разанаў сваім словам стварае непаўторную, адметную паэтычную канцэпцыю свету і нацыянальнага лірычнага героя, напаўняе яе сімвалічным зместам, метафізічным падтэкстам, аб’ядноўвае традыцыйнае

і наватарскае, нябеснае і зямное і, такім чынам, узводзіць беларускую паэзію на ўзровень сусветны.

Пры ўсёй знешняй адрынутасці лірычнага героя ад ствараемага вобліку часу, яго творы адлюстроўваюць катаклізмы эпохі, асвятляюць праблемы бездухоўнасці, якія, на жаль, ускладняюцца ў сучасным грамадстве. Адсюль, відаць, і ўзнікае ў творчай лабараторыі А. Разанава неабходнасць стварэння новай паэтычнай мовы, жанрава-стылёвага напрамку, у якім адмаўляецца прымітывізм, ідэалізацыя бытаапісальнасці, супрацьпастаўленне рацыянальнага і эмацыянальнага, свядомага і падсвядомага інтэлектуальнага пошуку.

У. Гніламёдаў выдзяляе такія рысы паэзіі, як “рэчыўнасць” і “канкрэтнасць”. Крытык слухна адзначае, што гэтыя рысы стылю “дасталіся сучаснай беларускай паэзіі ў спадчыну ад Коласа і Багдановіча, якім у ідэале невядомы быў разрыў паміж духоўным і матэрыяльным, жытнёвым коласам і кветкай васілька” [3, 234]. Міжволі ўспамінаюцца радкі з багдановічаўскага “Апокрыфа”: “Бо нашто каласы, калі няма васількоў. Навошта людзі, каб не было іх памкнення да прыгожага, да ідэалу?” [4, 37].

У 60–80-я гады ў беларускай паэзіі назіраюцца працэсы творчага ўзрастання асабовага пачатку. Фарміраванне стылю асобнага мастака немагчыма ўявіць без усяго літаратурнага працэсу. У. Гніламёдаў выдзяляе некалькі мастацка-стылёвых плыняў: “лірыка-апавядальную, рамантычную, публіцыстычную, філасофска-аналітычную, мастацка-сінкрэтычную і “ўніверсальна-інтэлектуальную” [3, 236]. Крытык адзначае ўзрастанне асабова-суб’ектыўнага элемента, змены ў арганізацыі мастацкай формы да большай раскаванасці, пашырэння права творцы да самавыяўлення. Універсальна-інтэлектуальную форму плённа асвойвае Алесь Разанаў. Побач з ім М. Купрэў, А. Глобус, А. Бембель, якія знайшлі свае шляхі да актуалізацыі інтэлектуальнага напрамку ў паэтычным творы.

Філасафічна-аналітычная паэзія А. Разанава спалучае шматгранную, сакавітую метафарычнасць і філасофскую змястоўнасць. Духоўныя пошукі яго як творцы філасофскага светабачання прывялі да інтэлектуалізму, сталасці паэтычнага мыслення ўжо ў першых яго зборніках.

Першая кніга паэта “Адраджэнне” (1970 г.) была заўважана крытыкай. Сярод васьмі рэцэнзентаў былі вядомыя літаратуразнаўцы. Адзін з самых яркіх даследчыкаў беларускай паэзіі Р. Бязозкін, а таксама паэт А. Вярцінскі адзначылі неардынарнасць таленту маладога паэта. На старонках газеты “Літаратура і мастацтва” з’явіўся артыкул І. Ралько, у якім адзначалася рытміка-інтанацыйная самабытнасць вершаў зборніка. “Нават самыя класічныя памеры (ямб, харэй) падпарадкоўваюцца ў паэта стыхіі акцэнтнага верша. Імклівы напружана-драматычны рытм набывае індывідуальную адметнасць дзякуючы частаму вынясенню ў пачатак радка слоў, на якія падае найбольшая сэнсавая нагрузка не толькі ў асобным

рытма-радзе, але і ва ўсім вершы. Сіла націску ў гэтых словах намнога вышэй, чым у суседніх, а калі не вышэй, то сэнсавая значнасць іх, як правіла, падкрэсліваецца рытмічнай паўзай. Цікава, што ў пачатак радка выносяцца пераважна дзеясловы. Прытым вельмі часта гэтыя дзеясловы выступаюць у якасці лексічнай або сінтаксічнай анафары” [5, 7].

Даволі насцярожана была ўспрынята творчая манера маладога Разанава, адкрыты пошукавы, наватарскі характар яго паэзіі, смелае спалучэнне рыфмаванага сілаба-танічнага і нерыфмаванага, свабоднага верша. Яго мастацкім прыярытэтам, яркай прыкметай індывідуальнага стылю стала смеласць, адкрытасць, раскаванасць зместу і формы ў самым лепшым сэнсе гэтага слова:

Калі ўсе згублены ключы,
калі – ні шанца,
анічога,
усё ж ідзі,
любі,
крычы
і пасягай на перамогу [6, 46].

Рамантычнасць светаадчування маладога паэта А. Разанава, яго права на эксперыментальныя мастацкія пошукі і адкрыцці знайшлі яскравае пацвярджэнне ў наступных радках:

Я маю права
ўсё закрэсліць
і потым –
нанава пачаць [6, 6].

Прага самапазнання, навізны, пашырэння творчага дыяпазону прывяла паэта да плённай перакладчыцкай дзейнасці. З цягам часу А. Разанаў стане стваральнікам некалькіх анталогій замежнай паэзіі, будзе перакладаць з нямецкай, польскай, балгарскай, чэшскай, славацкай, славенскай, македонскай, сербахарвацкай, латышскай, грузінскай і іншых моў свету. Паэт добра ўсвядоміў завет свайго духоўнага настаўніка М. Багдановіча, геніяльнага паэта і вучонага, аднаго з самых адукаваных сыноў нашай бацькаўшчыны аб стварэнні такіх твораў, якія адпавядалі б самым значным дасягненням твораў літаратуры свету. Прыцягальная сіла самаадукацыі, спазнання свайго і сусветнага прывяла паэта да новых грунтоўных мастацкіх адкрыццяў. Таму не дзіўна, што кніга “Адраджэнне” была ацэнена як “сведчанне паглыблення інтэлектуальнасці і публіцыстычнай завостранасці вершаў... і адначасова – сур’ёзная прыкмета ранняй сталасці паэтычнага мыслення” [5, 7].

Яшчэ ў пачатку 70-х гадоў беларуская паэзія стала на шлях абнаўлення. Яна пачынае асвойваць навукова-тэхнічныя тэрміны, смела выкарыстоўваць іх у паэтычных творах. Нагадаем, што ў рускай літаратуры гэтая з’ява найбольш плённа адбілася ў творчасці выдатнага

паэта А. Вазнясенскага. У паэме А. Куляшова “Цунамі” з вышыні сённяшняга часу можна пераканацца, з якой настойлівасцю і заклапочанасцю паэт гаворыць аб будучыні свету, аб атамнай пагрозе. Куляшоў пайшоў з жыцця задоўга да Чарнобыльскай навалы, якая скаланула ўвесь свет, але ён прадбачыў яе. Яго прадчуванні, клопат аб захаванні роднай зямлі і Сусвету сталі знакавымі для многіх творцаў. Не менш значны ўплыў аказвала на плеяду маладых творчасць М. Танка, яго арганічная паяднанасць з верлібрам, смелы пошук новых сродкаў метафарычнасці, пазначаных суладдзем моцнай народнай асновы і інтэлекту.

Натуральнае імкненне да філасафічнасці і асваення новых вершаваных форм станоўча праяўляецца ў другім зборніку А. Разанава “Назаўжды”, які выйшаў у 1974 годзе. Паэт паўстае як прадстаўнік пакалення, якое генетычна ўвабрала боль і горыч бацькоў і дзядоў, што прайшлі праз вогнішчы вайны. У цэнтры ўвагі – рэальныя гістарычныя асобы: абаронцы Брэсцкай крэпасці (паэма “Назаўжды”), Рагнеда, Кастусь Каліноўскі, дзекабрысты. В. Бечык заўважае рамантычную накіраванасць, пачуццёвую раскаванасць, “асаблівую чуйнасць да ўсіх галасоў жыцця, да гукаў, колераў, свабодных і натуральных праяў навакольнай існасці” [7, 216].

У вершы “Радзіма” трапяткое сэрца паэта напоўнена драматычнымі ўяўленнямі аб бацькаўшчыне, яе будучыні. “Я ў весялосці не з табой, з табой у роздуме і скрусе”, – адзначае паэт. Ён не хоча звяртацца да яе, адзінай і непаўторнай, “ні з нараканнем, ні з мальбой”:

Ты не ўмяшчаешся ў куток,
дзе трызніць Буг, дзе Белавежа...
Твае не вызначыць мне межы
і не намацаць твой выток.

У свет балючы дабяла,
у снежны свет – мае усходы
ідуць: там ты... там ты была!..
Ты ўся наводдалі заўсёды [8, 11].

Ідэйна-стылёвай дамінантай кнігі “Назаўжды”, на наш погляд, з’яўляецца вобраз сэрца, пранізанага болем і спадзяваннем на лепшы лёс беларусаў. “Біце ў сэрцы іх, біце мячамі, не давайце чужынцамі быць!” [1, 314], – усклікаў М. Багдановіч з адчаем і болем, шчымлівым жаданнем абудзіць патрыятычныя пачуцці ў свядомасці народа.

Верш “Шчасце” таксама напісаны ў традыцыйным ключы. Але ў ім адшліфавана, прапушчана праз сэрца кожнае слова, кожны гук. У ім існуе радасць адкрыцця. Талент перамагае смерць. Застаюцца песні, вершы, энергія спакутаванай, але непераможнай душы. Зноў згадваюцца бессмяротныя радкі Максіма-Кніжніка з верша “Жывеш не вечна,

чалавек”); заклік паэта жыць так, “каб хвалявалася жыццё, каб больш разгону ў ім было, каб цераз край душы чуццё не раз, не два пайшло” [1, 121].

Аб духоўнай цэльнасці дбае і разанаўскі лірычны герой. У сваім вершы-звароце да музыкі творца заклікае аддаць усе сілы людзям. У гэтым – шчасце, перамога над небыццём:

Твой недаступны лёс,
музыка,
пасуе велічы тваёй.
Як неадкладную пазыку,
Як у глыбіні з галавой,
да ачмурэласці,
да стомы
аддаць ўсё, усё аддаць
і – неістотнаму самому –
хадзіць,
смяяцца,
уздыхаць [8, 34].

У. Калеснік – адзін з першых даследчыкаў творчасці А. Разанава – выдзяляе ў яго вершах два струмені – эмацыянальны і мысліцельны. Роздум і хваляванне ў такіх тыпах паэтычнага маналогу “б’юць тады ў адну кропку, ідучы з розных кірункаў”, “патока свядомасці бурліць супярэчнасцямі, але імкне да яснасці” [9, 284].

П. Марціновіч у сваёй рэцэнзіі на кнігу “Назаўжды” скупавата, асцярожна, на наш погляд, асэнсоўвае першую нізку пункціраў А. Разанава. Што да паэмы “Назаўжды”, то крытык выказвае захапленне з’яўленню ў творы “радэнаўскага мысліцеля”, які з вышыні вякоў сцвярджае “непераходзячыя гуманістычныя каштоўнасці” [10, 166]. Але не менш важнай для сённяшняга разумення творчасці Разанава з’яўляецца думка крытыка пра “зашыфраванасць” асобных радкоў паэмы. Даследчык творча перасэнсоўвае словы А. Пысіна пра настойлівасць думкі паэта, “якая шукае выйсце ў свет”. Звяртае на сябе ўвагу самастойнасць, неардынарнасць разанаўскага слова, унутраная свабода яго лірычнага героя, які верыць у бяссмерце паэзіі, у адраджэнне і веліч музыкі слова. В. Бечык гаворыць пра апанаванасць лірычнага героя А. Разанава мэтай і дзеяннем, імкненне “да напоўненасці, змабілізаванасці як у жыццёвай справе (“І немагчыма ўжо назад і немагчыма ўжо на месцы”), так і ў сваім слове. Ён спрасоўваў радкі стылёвымі і гукавымі паўторамі, уключаў словы ў шматмерныя асацыятыўныя сувязі, нарошчваў інтэлектуальна-філасофскі змест, пашыраў абсягі ахопу быцця. Усюды ў творах адчувалася ўнутранае напружанне, жаданне зразумець свет у складанасці, супярэчнасцях, бязмежжы жыццёва-духоўных праяў” [7, 216], – адзначае крытык.

У жанравых адносінах зборнік “Назаўжды” вабіць паяднаннем сюжэтнага верша і верша-роздуму, верша-закліку і балады, верша рыфмаванага і свабоднага. Значная ўвага надаецца ў кнізе “Назаўжды” асваенню жанру пункціраў. Пункціры – паэтычныя мініяцюры ад трох да сямі або васьмі радкоў, насычаныя толькі адной, але важкай, значнай думкай, вобразам, назіраннем. “Пункціры перадаюць жыццё не шырокім мазком жывапісца, а перарывістай лініяй графіка. Лагічна большасць з іх пабудавана на парадоксе” [11, 594], – піша Г. Кісліцына. Даследчыца занатоўвае ўвагу на тым, што паэма “Назаўжды” складаецца з такіх жа паэтычна-філасофскіх мініячюр, вершаваных і праязічных. Усе яны аб’яднаны велічным вобразам няскоранай Брэсцкай крэпасці. Разанаўскія пункціры вылучаюцца філасафічнай змястоўнасцю светаўспрымання лірычнага героя, свежасцю фарбаў стылёва-вобразнай сістэмы. У кнізе “Алесь Разанаў. Праблемы мастацкай свядомасці” Г. Кісліцына выдзяляе майстэрскае валоданне таленавітага паэта вершаванай тэхнікай, яго ўдалую спробу скандэнсаваць у адным творы канкрэтны жыццёвы матэрыял і “плыні свядомасці”, “пафаснасць і майстэрскае валоданне вершаванай тэхнікай” [12, 72]:

Кожны ведае сябе дастаткова,
каб мець пра сябе ўяўленне...
Але і што і хто мы,
не нам стане вядома [8, 78]

Не вернецца воін,
вандроўнік не вернецца,
вернецца сейбіт...
Заўсёды
вяртаецца сейбіт [8, 61].

У зборніку “Назаўжды” А. Разанаў у большай частцы сваіх пункціраў прытрымліваецца класічнай рыфмоўкі і рытмікі. З часам у яго творчасці адбудуцца істотныя змены. Пункціры стануць “тым самабытным зернем, з якога вырасла моцнае, “разгалістае” дрэва разанаўскай паэзіі, – версэты, паэмы, вершаказы, зномы, вершасловы” [13, 45], – піша Т. Ціхановіч. Даследчыца прасочвае тэндэнцыю эвалюцыі пункціраў як жанра паэзіі А. Разанава. Зварот да жанру пункціраў яна тлумачыць спалучанасцю паэта з нацыянальнай і сусветнай мастацкай спадчынай, а карані зацікаўленасці пункцірамі знаходзіць у плённай перакладчыцкай дзейнасці А. Разанава. Асабліва гарманічна спалучаюцца пункціры беларускага майстра з творчасцю японскага паэта XVII ст. Мацуа Басэ, які распрацаваў жанр хоку, блізкі да пункціраў. “Першае, што звяртае нашу ўвагу, – агульнае ў характары пазнання свету, філасофска-інтэлектуальная заглыбленасць і скандэнсаванасць думкі. Па-другое, – фармальная

блізкасць – адсутнасць рыфмы, невялікі памер, монастрафічнасць, некалькі рытмічных груп, няроўных па колькасці складоў, “прычынна-выніковы” сінтаксіс. Улічваючы гэта, паміж хоку і пункцірамі можна было б паставіць знак роўнасці. Мы лічым, што пункціры – адзін з прыкладаў дыялагічнасці разанаўскай паэзіі з сусветным мастацкім вопытам. Дыялог вядзецца на мове вечных катэгорый, адзінакаштоўных як для японца, так і для беларуса” [13, 46], – адзначае Т. Ціхановіч.

Стварыць у межах мінімальнай формы глыбокі змест дзякуючы разнастайнай сістэме пункціраў, якая канцэнтруе ў сабе самыя розныя праявы ўзаемадзеяння прыроды і чалавека, сутыкненне ўзнёслага, паэтычнага і штодзённага, бытавога, – стала асноўнай задачай А. Разанава:

Блукаюць сны
у лабірынце розуму,
і ў снах блукае розум... –
шлях людскі. [8, 72].

Дарога дадому...
Усе дарогі,
якімі хадзіў і ездзіў,
ўбірае дарога дадому [8, 73].

Сярод усіх вятроў
адзін спадарожны.
Сярод усіх шляхоў
адзін незваротны [8, 80].

Відавочна, што ў пункцірах А. Разанава адбіваюцца ўплывы ўсходняй філасофіі. Але, на наш погляд, гэта найбольш уласціва яго перакладам. У дадзеным выпадку праз вобразную сістэму вышэй прыведзеных твораў прабіваецца багатае светаўспрыманне беларуса, паэтычнасць яго ўнутранага свету, моцны ўплыў народнай песні, беларускай прыказкі і прымаўкі. “Дома і салома ядома”, “Дома і вада смачнейшая”, “Чым на чужыне ў пярыне, лепей дома на мякіне”, – кажуць у народзе. Узаемадзеянне духоўнага свету даволі часта звязана ў народных песнях з вобразам дарогі:

Ехаў малойчык край борам,
Заламала калінка дарогу.
Стаў ён калінку сеч-рубаці,
Стала калінка прасіцца:
Не сячы, не рубай, малойчык,
Мяне, калінку, бор садзіў.
Мяне, калінку, бор садзіў -

Табе дзевачку Бог судзіў.
Мяне, калінку, дождж паліваў,
Табе дзевачку бацька гадаваў.

“Доўгая дарога дадому”. Так назваў сваю апошнюю кнігу вялікі пісьменнік XX стагоддзя Васіль Быкаў. Дарога дадому – вялікі шлях да нашых вытокаў: да мовы, культуры, гістарычнай спадчыны. Дарога дадому – гэта першыя крокі дзіцяці, радасць вяртання ў родны дом. “Благаславенны родны дом, дзе бацькі і ўся дарагая сям’я. Благаславенны маленькі кусочак роднай, бацькавай зямлі на вялізнай планеце...” [14, 5], – пісала Л. Геніюш у сваёй “Сповідзі”.

Малая форма разанаўскага пункціра падштурхоўвае да глыбокага роздуму, самазаглыблення, самааналізу, значных філасофскіх абагульненняў. Асацыятыўны падтэкст заснаваны на лаканічнасці думкі, глыбіні яе дамінуючай дэталі, якая не звужае змест, а стварае шырокія магчымасці для яго развіцця, абуджае фантазію чытача, свет яго ўяўленняў, выходзіць прагу самаўдасканалення, якой надзелены паэт ад прыроды, якую ўвабраў разам з малаком маці. У малую, мінімальную вершаваную форму А. Разанаў імкнецца ўкласці максімальны, агульначалавечы змест.

Вобраз дарогі, шляху, жыццёвай сцяжыны становіцца з цягам часу ў творчасці А. Разанава цэласным і арганічным, моцна знітаным з традыцыямі.

“Мноства – супернік паэта. У мностве вершаў ён перастае быць абавязковы, перастае быць чутны... Неабходна скарачацца да такой сціпласці і арганічнасці, як гэта ўмее рабіць кропля вады... [15, 162–163], – цытуе і пераасэнсоўвае словы А. Разанава вядомы літаратуразнаўца М. Тычына. Крытыка ўражвае лёгкасць, пластычнасць пераходу разанаўскага паэтычнага “я” ў “мы” пакалення, “а шырэй – у “мы” чалавецтва, – уменне знаходзіць свае штрыхі ў “плынным часе”, пераліваць “паэтычнае асабістае ў абагульнена-філасофскае “мы” [15, 160].

Відавочны плён працы А. Разанава быў заўважаны і ацэнены. Даследаванне “дыялектыкі душы” ён працягвае ў зборніку “Каардынаты быцця” (1976 г.). На 96 старонках мастак змяшчае 14 паэм, якія адразу ж зацікавілі чытача духоўнымі памкненнямі, самабытнай арганізацыяй верша, жанрава-стылёвай неардынарнасцю. Назва паэтычнай кнігі А. Разанава глыбока сімвалічная. Паэта цікавяць зямныя і касмічныя каардынаты, іх глабальная сутнасць. Кніга атрымала супярэчлівыя ацэнкі. У рэцэнзій Ф. Яфімава, апублікаванай у газеце “Літаратура і мастацтва”, падкрэслівалася смелая эксперыментальнасць, жаданне пазбавіцца ад існуючых канонаў. Літаратуразнаўца У. Казбярук вылучыў перш за ўсё спрэчныя моманты велізарнага кругавероту жыццёвай шматграннасці ў паэмах А. Разанава. Крытыка адчула ўплывы мадэрнізму, адмаўленне ад стэрэатыпаў, засяроджанасць паэта на прыёме стварэння новай паэтычнай

рэальнасці, метарэальнасці, у адрозненне ад звыклага адлюстравання жыццёвых з’яў.

Такім чынам, наватарская сутнасць А. Разанава праявілася ўжо ў самым пачатку яго літаратурнай творчасці. Яго зборнікі “Назаўжды” і “Каардынаты быцця” засведчылі, што ў беларускай паэзіі з’явіўся неардынарны талент, здольны спалучыць, творча пераасэнсаваць лепшыя здабыткі сусветнай і беларускай паэзіі. Канцэпцыя паэтычнага светабачання А. Разанава 70-х гадоў вызначаецца новаўвядзеннем элементаў нерыфмаванага верша, спалучэннем традыцыйнага і наватарскага выкарыстання жанрава-стылёвай палітры, якая паяднана са зместам, як дрэва з карэннем, і адсвечвае глыбіннай філасафічнасцю. Стыль паэта вызначаецца лаканізмам, гранічнай сцісласцю. Лірычнае “я” А. Разанава сканцэнтравана на трываласці народных каранёў, народнай маралі, гістарычнага шляху беларусаў як нацыі, непарыўнай сувязі асобы з бацькаўшчынай і Сусветам.

Літаратура

1. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – Т. 1: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 752 с.
2. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1995. – Т. 1: Вершы, пераклады 1904–1907. – 462 с.
3. Гніламёдаў, У. Паэзія і стыль / У. Гніламёдаў // Польшча. – 1991. – № 2. – С. 229–249.
4. Гніламёдаў, У. Традыцыі і наватарства / У. Гніламёдаў. – Мінск: Маст. літ., 1972. – 287 с.
5. Ралько, І. Пошукі сутнасці / І. Ралько // Літаратура і мастацтва. – 1971. – 28 мая. – С. 7.
6. Разанаў, А. Адраджэнне: Вершы / А. Разанаў. – Мінск: Маст. літ., 1970. – 140 с.
7. Бечык, В. Прад высокую красою / В. Бечык. – Мінск: Маст. літ., 1984. – 271 с.
8. Разанаў, А. Назаўжды: Вершы і паэма / А. Разанаў. – Мінск: Маст. літ., 1974. – 112 с.
9. Калеснік, У. Берасцейскае вогнішча / У. Калеснік // Польшча. – 1974. – С. 161–188.
10. Марціновіч, П. Слова ў пошуку / П. Марціновіч // Маладосць. – 1975. – № 1. – С. 164–166.
11. Кісліцына, Г. Алесь Разанаў / Г. Кісліцына // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / рэдкал.: У.В. Гніламёдаў, С.С. Лаўшук (наук. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2003. – Т. 4. Кн. 2: 1986–2000 гг. — 2003. – С. 591–604.
12. Кісліцына, Г.М. Алесь Разанаў: Праблема мастацкай свядомасці / Г.М. Кісліцына. – Мінск: Беларус. навука, 1997. – 143 с.
13. Ціхановіч, Т.А. Паэзія Алеся Разанава: наватарства, жанравыя пошукі / Т.А. Ціхановіч // Беларуская мова і літаратура. – 2006. – № 11. – С. 42–57.
14. Геніюш, Л. Сповідзь / Л. Геніюш; пад рэд. М.М. Чарняўскага. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 271 с.
15. Тычына, М. Змена квадры: Літ.-крытычн. Артыкулы / М. Тычына. – Мінск: Маст. літ., 1983. – 204 с.

СПЕЦЫФІКА ВЫЯЎЛЕННЯ ВОБРАЗА ТВОРЦЫ Ё РАМАНЕ
«КРЫЖ МІЛАСЭРНАСЦІ» В. КОЎТУН

На матэрыяле рамана «Крыж міласэрнасці» В. М. Коўтун даследуецца выкарыстанне сістэмы мастацкіх сродкаў для стварэння вобраза Цёткі, паказваецца адметнасць выяўлення эмацыянальна-псіхалагічнага стану асобы-творцы.

У сучасных даследаваннях па гісторыі літаратуры, літаратурна-крытычных матэрыялах, прысвечаных раману В.М. Коўтун «Крыж міласэрнасці», выказваецца думка аб тым, што наватарскі падыход аўтара ё асвятленні вобраза Цёткі заключаецца ё асэнсаванні і раскрыцці яе творчай, а не жыццёвай трагедыі. Такой думкі прытрымліваюцца, напрыклад, У. Конан [1, 6], В. Шынкарэнка [2, 195] і іншыя навукоўцы. Выбар В. Коўтун названага аспекту даследавання абумовіў выкарыстанне спецыфічнай сістэмы мастацкіх сродкаў для распрацоўкі характару цэнтральнай гераіні, выяўлення псіхалагічных асноў і духоўных вытокаў яе быцця.

Чытач судакранаецца з вельмі своеасаблівымі псіха-фізіялагічнымі перажываннямі і адчуваннямі гераіні з першага абзаца рамана: «Мігатлівая зорка, якая ўспыхнула ё вачах, тут жа разляцелася чырвонымі кропачкамі, ажно па скронях і патыліцы расцёкся пякучы нясцерны боль...» [3, 9]. Тлумны і шматгалосы, напоўнены свайго роду музыкай гул кірмаша ё горадзе на беразе Піны, акупае Алаізу ё плынь народнага жыцця, што віруе, запаўняе прастору раніцы разнастайнымі малюнкамі. Вочы дзяўчыны выхопліваюць з ракі людскога жыцця самыя яркія фарбы, цікавыя твары, жывыя сцэны. Алаіза нанова перажывае дзіўны для яе самой стан: «у вачах успыхнула ярка-чырвоная зорка, дробна распырскалася, разляцелася ё бакі чорнымі мошкамі. І тут жа – то абрываючыся, то зноў мацнеючы – у вушы ўкінуўся той, ужо знаёмы ёй, нясцерпны звон. Спачатку востры, як шыла, ён працяў наскрозь усю галаву, ажно пацямнела ё вачах і цяжка было вытрымаць, устаяць на ватных нагах. Потым боль пачаў разбухаць і мацнець, павялічвацца, як надзьмуты шар, – зазвінеў усё мацней і мацней, распіраючы ёласную абалонку, і раптам лопнуў на самай высокай ноце» [3, 13]. Пасля кароценькай перадышкі ё яе аглушанай галаве пачалі ўзнікаць прывідныя малюнкi, загучалі словы («Цэлая залева розных слоў! Насланне... Вадаспад... Бясконцасць...» [3, 13]), якія, нібы прымерваючыся адно да аднаго, сталі складвацца ё рыфмы. Непасрэдна сузіраючы, як Алаіза прыхіляецца, каб не ўпасці, да дрэва, як шукае вачыма кагосьці са

знаёмых, як смяецца ні з таго ні з с'яго. Такім чынам, чытач становіцца сведкам працэсу нараджэння мастацкага твора.

Праблема працэсу творчасці, спецыфікі яго працякання закраналася беларускімі пісьменнікамі неаднойчы: згадаем прадмову да «Сымона-музыкі» Якуба Коласа, «Смаленне вепрука» М. Стральцова, «Хроніку дзетдомаўскага саду» В. Казько, верш «Як песня нараджаецца...» Г. Бураўкіна і інш. З названых аўтараў, бадай, толькі адзін В. Казько больш адкрыта раскажаў чытачу пра вагу болю, якую адчувае творца, калі не хоча скручвацца ў сюжэтны клубок эпізод, сцэна, вобраз, бо для гэтага часам не хапае толькі адной маленькай дэталі. У рамане В. Коўтун падобны ракурс адлюстравання жыцця асобы-творцы становіцца галоўным. Як адзначае В. Шынкарэнка, «спрабуючы зафіксаваць прадвесце і асобныя моманты паэтычнага натхнення на ўзроўні псіха-фізіялагічным, дэталёва занатоўваючы ўсе этапы яго выяўлення ў канкрэтных адчуваннях, пісьменніца здымае арэол узнёсласці са з'явы творчага настрою, паказвае ўсе пакуты яго выяўлення як стану амаль хваравітага, што абясільвае, парушае традыцыйныя межы светаўспрымання» [2, 194]. Нечаканасць пераменаў, іх непрадказальная працягласць, пякучы фізічны боль, нервовая ўзбуджанасць – гэта і іншыя прыкметы творчага працэсу пужаюць Алаізу, часта даводзяць яе амаль да беспрытомнасці. Па словах С. Кайрыса, жонцы сапраўды было нялёгка выказаць словамі свае пачуцці і думкі [4, 240], хаця ў гэты працэс яна ўклала ўсю сваю душу. Выяўленне на дзіва багатага ўнутранага, лірычна-драматычнага свету гераіні-творцы становіцца вядучай плынню мастацкага аповеду. Праз прызму гэтага свету і адлюстроўваюцца ўсе падзеі – рэальнага ці прыдуманнага В. Коўтун жыцця Цёткі.

Бадай, асноўнай тэхнікай у раскрыцці вобраза творчай асобы ў рамане «Крыж міласэрнасці» з'яўляецца тэхніка «плыні свядомасці», якая фарміруецца за кошт сінтэзу элементаў унутранага маналогу, няўласна-простай мовы, псіхалагічных дысанансаў, часавых напластаванняў і зрушэнняў і інш. Як адзін з прыкладаў такога аповеду – душэўная рэакцыя Цёткі на выступленне маладога хлопца-актора, які чытае тэкст «Пінскай шляхты» па-беларуску: «Як гэта проста, аказваецца... не па-расейску, не па-польску. А вось чытае ж ён па-свойму, той самай гаворкай, на якой... У сваіх жа вёсках... А людзі слухаюць. Слухаюць вершык, напісаны па-мужыцку! Слухаюць тое, што яна душыць у сабе ўсе гэтыя бясконцыя гады, а яно ўсё роўна вырываецца і амаль даводзіць яе да бясцямнасці. Так доўга душыла яна ў сабе тое, што яно і само ўжо зняверылася, збаялася і спакутавалася, – і накіпае ў душы і ў галаве хіба толькі разам з пякучым болем» [3, 18]. У гэтым кароткім урыўку відавочны падтэкст і градацыя эмоцый па лініі нарастання напружання, якія сведчаць пра пакутлівы роздум Цёткі аб уласным таленце, сіле слова, творчым выбары, нацыянальным пытанні.

Вельмі часта ў мастацкім апаведзе рамана думкі, асацыяцыі, уражанні, успаміны гераіні спалучаюцца суб'ектыўна і алагічна, у сувязі з чым чытачу трэба быць асабліва пільным і ўдумлівым, каб убачыць тую ці іншую карціну цэласнай. У выбудаваных пісьменніцай дыялогах прадугледжана ставяцца шматкроп'і, праз якія перадаюцца абрывістасць думак, фраз, меркаванняў. Асабліва гэта адчуваецца ў раздзелах, дзе паказваюцца спрэчкі ў моладзевым асяроддзі адносна сацыяльна-эканамічных і палітычных пераменаў у краіне, удзелу і ролі прадстаўнікоў новага пакалення ў гістарычных зрухах.

Відавочна, што і на структурным узроўні рамана захоўваецца тая ж «тэхналогія» пісьма. Міжвольныя ўспаміны Алаізы Пашкевіч, народжаныя імі прывідныя малюнкi роднай старонкі, блізкіх і далёкіх людзей, рэтраспекцыя, прыёмы кінематаграфічнага мантажу – усе гэтыя прыёмы дапамагаюць аўтару перадаць рухомасць, напружаную дынаміку жыццёвага і паэтычнага свету гераіні-творцы, яе багатае на кантрасты псіхалагічнае быццё. Напрыклад, артыст на пляце, калі ішло прадстаўленне «Пінскай шляхты» В.І. Дуніна-Марцінкевіча, нечакана нагадаў Цётцы сваёй знешнасцю дзед Сымона з яе Старога двара. І гэта згадка раптоўна павяла за сабою ўспаміны з дзяцінства: як двое старых, радуючыся нечаканай сустрэчы, пачалі жыва абмяркоўваць свае жыццёвыя навіны. Голас артыста гэтак жа імгненна і вяртае Алаізу ў сучасную рэальнасць сюжэтнага дзеяння.

З мэтай акцэнтаваць увагу на драматычнай прыродзе таленту і складанасці духоўных пошукаў цэнтральнай гераіні В. Коўтун актыўна ўводзіць у змест рамана сімвалічныя сны, а найчасцей пераходныя станы паміж явай і фантазіяй – трызненні Алаізы. Стварэнне такой памежнай зоны, у якой працякае жыццё мастака слова, ёсць таксама выяўленнем спецыфікі вобраза Цёткі. Адно з трызненняў – музыка-арганіст, прывід якога становіцца своеасаблівай завязкай да чарговай карціны творчага бачання Пашкевічанкі, болевага перажывання свайго «я» ў цеснай сувязі з часам і гісторыяй свайго народа. Такія старонкі цытаваць у артыкуле складана з той прычыны, што яны насычаны мастацкімі дэталямі, мнагазначнасцю сэнсаў і патрабуюць цэласнага ўспрымання.

Важна тое, што метафарычныя па змесце трызненні з'яўляюцца імгненна («Прылегла на канапу і адразу ж...»), уносяць дысгармонію («Так цяжка») ў нармальны фізічны стан. Мастацкая выразнасць вылучанага з тэксту эпизоду (і не толькі гэтага!) выяўляе талент В. Коўтун ствараць у эпасае вобразы з высокай канцэнтрацыяй паэзіі. «Здавалася, што ляжыць цяпер на мяккай пахучай траве і пазірае ўгору. Проста над галавою расшатрылася высокая жоўтая ліпа. Бухматае голле ажно гримела залатымі хрушчамі. Неба стала апускацца ўсё ніжай. Хрыпла зайграў арган. Яна і сапраўды ўбачыла старога арганіста з бясколернымі вырачанымі вачамі і распатланымі сівымі валасамі на патыліцы. Махаючы

рукамі, арганіст пачаў адрывацца ад зямлі і паплыў па сваёй густой, як мёд, музыцы ўвышыню» [3, 27]. Калі Алаіза зашаптала малітву, у руках арганіста нечакана бліснуў кінжал, а потым і сам музыка пераўтварыўся ў дзеда Гаўры. Толькі маладога, калі ён змагаўся за свабоду і іншыя дэмакратычныя правы чалавека. (Менавіта Алаізе, чужому чалавеку, а не сыну і не ўнуку, дзед ахвяраваў апошнія свае два чырвонцы, калі даведаўся, што яна хоча ехаць вучыцца ў горад).

Новая метафара ў гэтым сне-трызненні – сіняе-сіняе ўспененае мора, што хваляй вялікай сілы абрынулася на Алаізу і вярнула яе да рэальнасці, але не выбавіла са сферы напружанага нервовага стану. «Раскручаны вір уяўлення ўжо не змог спыніцца, у яго глыбіню бясконца несліся і падалі сярпы і граблі, бароны, конаўкі, кашы... Туга натаптаная травой ношкі і пазлізваныя ветрам з хатак саламяныя стрэхі, вырваныя з карэннем пасля навальніцы каштэлі, жак з лінкамі, чорныя надмагільныя крыжы і медныя фігуркі Хрыстосаў з панура нахіленымі да пляча галовамі, сляпыя жабракі з пустымі торбамі і худзенькія дзяўчаткі-павадыркі ў парваных сукнях. Усё кружылася, усё пазірала на яе тысячамі вачэй і прамаўляла да яе тысячамі галасоў. Быццам толькі ёй адной, Алаізе, трэба было цяпер вось знайсці адказ на самае важнае для ўсіх, мёртвых і жывых, людзей запытанне...» [3, 28]. Дэталі з працытаванага тэксту складваюцца ў карціну-вобраз роднае старонкі і яе жыхароў, якія, згодна юнгаўскай тэорыі, прамаўляюць праз асобу творцы «тысячамі галасоў». Сіла несвядомага, ірацыянальнага падказвае Алаізе, яе празарлівай душы, што на плечы творцы кладзецца вялікая адказнасць перад сваім талентам і народам, гісторыяй, жыццём.

Звернемся зноў да разважанняў В. Шынкарэнкі, якая мяркуе, што Цётка, нягледзячы на ўсю радыкальнасць сваіх сацыяльна-палітычных поглядаў, застаецца ў пэўным сэнсе чужароднай свайму асяродку. Яна мусіць увесь час раздваівацца, разрывацца паміж грамадзянскім абавязкам і творчым прызначэннем, аддаючы перавагу першаму з прычыны жыццёвых абставінаў. «І адчуваць раз-пораз прыліў <...> стану натхнення, і не рэалізоўваць яго – адвечная трагедыя мастака» [2, 195]. У рамане ёсць эпізод, калі Марыя Жаліхоўская вытлумачвае адзін з Алаізіных сноў, у якім узнікае вобраз крыжа. «Прачытваючы» яе лёс у астралагічным аспекце, Жаліхоўская раіць дзяўчыне баяцца раздваення, памятаць аб тым, што яе вядучая планета Венера, таму ў жыцці яна павінна рэалізаваць сябе праз «каханне і творчасць!» [3, 359]. Але Алаіза не разумее сэнсу такой парады. На працягу рамана дзеяння мы назіраем драматычны пошук Цёткі самой сябе як жанчыны і творцы ў сваім часе і часе гістарычным. Яна цярпліва, сумленна, годна ідзе з ношай, якая бывае не пад сілу нават даволі моцнаму чалавеку.

Праблема жаночага прызначэння, якая на пачатку XX стагоддзя паўстала з асаблівай вострынёй, закранаецца ў перапісцы Алаізы з Верай Тацішчавай, размовах з Э. Ажэшкай. Заўважана, што ў тэксце з апісаннем

сустрэч Алаізы з Ажэшкай пачынаюць часцей сустракацца лаканічныя ўводныя канструкцыі, свайго роду «рэмаркі», якія перадусім дэманструюць тую сілу супярэчнасцяў, якімі поўнілася душа Цёткі ў выбары свайго жыццёвага шляху, у вырашэнні прызначэння жаночага таленту. Са слоў Ажэшкі, трагічны змест жыцця асобы-творцы заключаецца ў тым, што «пакуль накорміш тое, як вы кажаце, вечнае дзіця, то ўжо і некалі жыць! Дзіця... О, яму патрэбны іншы хлеб – нашы пакуты, нашы памылкі, нервы, наш прах! Каб мы закохваліся да самазнішчэння... Да нейкага шаленства!» [3, 90]. Сутнасць вялікага і сапраўднага падзвіжніцтва ў тым, што не трэба чакаць ад лёсу літасці, спагады, паразумення, бо сапраўдныя творцы «ў вандроўку да зорак адпраўляюцца на адзіноце» [3, 90]. Праблема месіянаства стане для Цёткі адной з самых складаных і будзе гучаць у мастацкім свеце рамана дастаткова часта.

Мастацкі аспект кахання таксама складае неад'емную частку сюжэтнай лініі жыцця Цёткі. Мадэляванне інтымнага свету гераіні пачынаецца ў рамана са сцэн сустрэчы з Кастусём Каранцом, аўтар паступова ўключае ў сюжэт постаці Андрэя Гмырака, Вітольда Чыжа, Сцяпонаса Кайрыса, нават афіцэра Віктора Генісарэцкага. Даследчыцай Т. Фіцнер было выказана меркаванне, што канцэпцыя кахання поўнаасцю належыць самому аўтару рамана «Крыж міласэрнасці» і раскрывае яе разуменне названага пачуцця [5, 259], але адзначана, што «канструяванне жаночкасці В. Коўтун у многім перасякаецца з Цётчыным» [5, 262]. Той жа аўтар заўважае «асучасненасць» вобраза Цёткі, супярэчлівасць «уласна вобраза» «раманнаму».

Відавочна адно: зварот да выяўлення суб'ектыўна-чалавечага, інтымнага аспекту быцця гераіні істотна ўплывае на разбурэнне стэрэатыпаў успрымання Цёткі толькі як актыўнага грамадска-рэвалюцыйнага дзеяча пачатку стагоддзя. У мастацкай канцэпцыі В. Коўтун Алаіза Пашкевіч як зямны чалавек – надзвычай тэмпераментная, па-дзіцячы даверлівая, самаахвярная асоба, якая абвострана перажывае сяброўскія адносіны, інтымныя пачуцці, зведвае і каханне, і здраду. Жаданне В. Коўтун даць волю фантазіі пры мадэляванні інтымнага жыцця Цёткі заканамернае: творчая асоба схільная да надзвычай глыбокіх і бурлівых эмоцый. І цяжка цяпер даведацца, што адчувала, магла перажыць у асабістым жыцці аўтарка апавядання «Лішняя». Таму нават калі мера фантазіі ў рамана і перабольшаная, то ў гэтым выпадку В. Коўтун дапамагае глыбей зразумець трагізм лёсу Цёткі як жанчыны-творцы.

З традыцыйных літаратурных прыёмаў для раскрыцця характару вобраза-персанажа В. Коўтун выкарыстоўвае партрэтную характарыстыку. Праўда, часцей яна патрэбна аўтару, каб стварыць некалькімі штрыхамі знешнасць іншых персанажаў, якая заўсёды падаецца вачыма Алаізы. Партрэт самой Цёткі чытач бачыць зрокам мастака-багамаза Гразнова, які параўноўвае яе прыгожае аблічча са святой Саламеяй: «Алаізін твар

здаваўся знутры прасветленым, нават аскетычным, злёгка насупленыя трапяткія бровы выдавалі няспынны ход трывожных думак. А гэты бляск шырока расплюшчаных цёмных вачэй. Праз хваляванне прабівалася тое святло, якога ён заўсёды шукаў у людзях і якога потым доўга, ці не ўсё сваё жыццё, шукаў фарбамі, калі маляваў лікі святых пакутнікаў» [3, 407].

Не менш важным у раскрыцці вобраза цэнтральнай гераіні з'яўляецца пейзаж. Мастацкія вобразы вады, маланкі, дажджу, бліскавіцы, ветру, буры і да т.п., якія сталі традыцыйнымі для твораў пра Цётку, характэрны і для рамана В. Коўтун. Пейзажы, створаныя ў рамане «Крыж міласэрнасці», вылучаюцца сваім паэтычным характам і мастацкай выразнасцю, канкрэтнай візуальна-гукавой напоўненасцю. «Шырокая і ўся на раніцы пацяжэлая, рака быццам і не рухалася зусім, а толькі дрыжала. Вялікая і дужая, пагрозліва цямнела блізка наперадзе і цягнула да сябе Алаізу, як магніт» [3, 9]. Выконваючы экспазіцыйную ролю, пейзаж змяняецца адпаведна з тымі працэсамі, што адбываюцца ў душы гераіні, калі яна адчувае подступы натхнення: «Рачная роўнядзь заільснілася, аблітая месячным алеем, а ўся рака выгнулася пасярэдзіне і ледзь прыкметна тарганулася знутры, гонячы да берага рэдзенькія хвалі. Быццам пачала дыхаць» [3, 9]. Згаданы шэраг вобразаў у творы выконвае не толькі ідэастваральную і сюжэтна-кампазіцыйную функцыі, але сустракаецца і на ўзроўні паэтыкі («як град перад навальніцаю, на плошчу сыпануў рэзкі перасвіст гліняных пеўнікаў, кавалераў і баранчыкаў»).

Асабліва насычаны апісаннем пейзажу старонкі, якія расказваюць пра Стары Двор і бацькоў Алаізы. Дынаміка малюнкаў восені, яркасць колераў, насычанасць тропікай тэксту арганічна выяўляюць настроенасць Стэфана Пашкевіча на філасофскае разважанне аб жыцці. Краевіды роднай старонкі будуць выклікаць і ў душы Алаізы падобныя адчуванні. У адзін са сваіх прыездаў дадому яна ўбачыць наступнае: «Глядзела, як высокае сліпучае сонца плыве праз рэдкія воблачкі і пускае да высокіх бярозавых вяршалін тугое праменне. Паўсюль панавала велічнае і спакойнае характава. Як быццам Святы Дух распасцёр над гэтым лесам свае крылы і апусціў іх на галіны дрэваў, ахінуў усё жывое. І агарнуў тут, на зямлі, і яе, Алаізу...» [3, 284]. Гэты пейзаж шматфункцыянальны ў адпаведным раздзеле тэксту. Малюнак прыроды выклікаў не толькі творчае натхненне і ўдзячную малітву Алаізы свайму анёлу-ахоўніку за вяртанне да жыцця пасля вялікай распачы, але і пачуццё фатальнай асуджанасці ўласнага лёсу, развітання з гадамі жыцця, поўнага кахання і вернасці.

Такім чынам, у рамане В.М. Коўтун сістэма мастацкіх прыёмаў у раскрыцці эмацыянальна-псіхалагічнага стану персанажа-творцы характарызуецца разнастайнасцю, актыўным спалучэннем традыцыйных і наватарскіх сродкаў.

Літаратура

1. Конан, У. Вяртанне мастацкага эпасу / У. Конан // ЛіМ. – 1998. – 9 кастр. – С. 6–7.
2. Шынкарэнка, В.К. Нястомных пошукаў дарога: Прабл. сучас. бел. гіст. прозы / В.К. Шынкарэнка. – Мінск: Бел. навука, 2002. – 208 с.
3. Коўтун, В. Крыж міласэрнасці: Раман: для ст. шк. узросту / В.М. Коўтун. – Мінск: Маст. літ., 1999. – 493 с.
4. Цётка. Выбраныя творы / Цётка; Уклад., прадм. В. Коўтун; камент. С. Александровіча і В. Коўтун. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. – 336 с.
5. Фіцнер, Т. Шлях да асобы / Т. Фіцнер // Польша. – 2001. – № 7. – С. 246–262.

УДК 821.161.3-4

В. Р. Каўшар

МАСТАЦКАЕ ЎВАСАБЛЕННЕ ПОСТАЦЕЙ БЕЛАРУСКІХ ЖЫВАПІСЦАЎ В. КАРАМАЗАВЫМ-ЭСЭІСТАМ

Артыкул прысвечаны спасціжэнню мастацкай значнасці вобразаў жывапісцаў у творах В. Карамазова. Вызначаюцца асаблівасці ўвасаблення пісьменнікам знакавых постацей беларускага жывапісу ў мастацкія вобразы сродкамі эсэістычнага пісьма. Эсэістычная проза В. Карамазова разглядаецца як новы крок у развіцці беларускага мастацка-біяграфічнага эпасу.

Сацыяльна-палітычны кантэкст канца 80 – пачатку 90-х гадоў ХХ стагоддзя стварыў спрыяльныя ўмовы для ажыўлення ў літаратурным працэсе розных жанраў мастацка-біяграфічнай прозы і эсэістыкі. За кошт аслаблення цэнзурнага дыктату адбываецца ўзмацненне тэндэнцый эсэізацыі літаратуры, а разам з тым больш адчувальнай становіцца магчымасць непасрэднага выяўлення аўтарскага «я». Нарэшце стаў бачны чалавек з яго ўласнымі думкамі, перажываннямі і праблемамі. На першы план выходзіць асабовы аўтарскі пачатак. Сярод майстроў слова з'явілася шмат прыхільнікаў эсэістычнай манеры пісьма, што засведчыла ўзнікненне новай тэндэнцыі ў развіцці айчынай літаратуры. Прычым, у першую чаргу, найбольш грунтоўна гэта выявілася ў галіне аўтабіяграфічнай і дакументальна-мастацкай прозы.

Па-сапраўднаму знакавым творам у гісторыі беларускай эсэістыкі стала аповесць-эсэ М. Стральцова «Загадка Багдановіча» (1968), якая ўяўляе сабою цікавы вопыт мастацкага ўзнаўлення не толькі асаблівасцей быцця творчай асобы ў канкрэтным часе і прасторы, але і аналітычна-даследчыцкае прачытанне ідэй, канцэпцый Багдановіча, увасобленых у сістэму паэтычных вобразаў. Услед за М. Стральцовым традыцыю стварэння літаратурных партрэтаў у эсэістычным напрамку працягваў вядомы беларускі паэт, пісьменнік, літаратуразнаўца, доктар філалогіі, прафесар А. Лойка. Шырока вядомы ягоныя дакументальна-мастацкія раманы-эсэ пра народнага паэта Беларусі Янку Купалу «Як агонь,

як вада...» (1984) і «Францыск Скарына, або Сонца Маладзіковае» (1990), прысвечаны іншай сусветна вядомай асобе. Асвоіўшы жанр эсэ, А. Лойка плённа працаваў у гэтым напрамку. Арганічным працягам папярэдніх твораў стала эсэ «Уладзімір Караткевіч, або Паэма Гарсія Лойкі» (2008), у якім аўтар падсумаваў і выявіў уласны погляд на прыгожае пісьменства і на мастацкія набыткі У. Караткевіча, дзе не толькі канцэптуальна, але і лірычна, эмацыянальна, узнёсла ўвасобіў у мастацкі вобраз постаць славутага творцы. Названыя аўтары заклалі падмурак у асваенні новых жанравых формаў беларускай мастацка-біяграфічнай прозы, даўшы ўзорныя прыклады ў стварэнні вобразаў рэальных творчых асоб. Новым этапам у развіцці гэтага напрамку літаратуры сталі набыткі В. Карамазава.

Віктар Карамазаў – тонкі і чуйны літаратар, вобразны свет твораў якога спалучае ў сабе гармонію гукаў, святла і колераў. Ён умела жывапісеуе словам, як здольны мастак фарбамі і іх адценнямі. Талент яго настолькі разнастайны і шматгранны, што дазволіў свайму ўладальніку спасцігнуць як законы літаратурнага пісьма, так і логіку выяўленчага мастацтва. Апошнія два дзесяцігоддзі В. Карамазаў спрабуе выявіць сябе ў сферы жывапісу. І вынікі досыць паспяховыя. Некаторыя яго работы выстаўляліся ў Бялыніцкім мастацкім музеі.

Трэба адзначыць, што такі вопыт толькі ўзбагаціў прозу пісьменніка. Віктар Карамазаў – творца адметны. Ужо даўно арганічнай часткай яго літаратурнай спадчыны сталі эсэ, цікавыя, вострапраблемныя, глыбокія і арыгінальныя па мастацкаму ўвасабленню праўды жыцця. Ягоную эсэістычную спадчыну складаюць падарожныя («Зямля Калева», «Глядзіце ў вочы лемуру»), этнаграфічныя («Святло Лімені», «Векавое»), літаратурна-крытычныя («Проста ўспомніў я цябе...», «Трагедыі лірычныя эпilog», «Гарэла свечачка») і іншыя эсэ. Аднак асобую каштоўнасць на сённяшні дзень уяўляюць створаныя ім белетрызаваныя біяграфіі мастакоў жывапісу.

Зварот В. Карамазава да мастацкага ўвасаблення знакавых постацей беларускага жывапісу сродкамі эсэістычнага пісьма з'яўляецца новым крокам у развіцці беларускага мастацка-біяграфічнага эпасау. Галерэя партрэтаў мастакоў, напісаных сакавітым словам В. Карамазава, даволі багатая. З-пад яго пера ўжо выйшлі аповесць-эсэ «Крыж на зямлі і поўня ў небе» (1991) пра Вітольда Бялыніцкага-Бірулю, аповесць-эсэ ў стылі рэтра «Антон» (2005) пра Антона Бархаткова, аповесць «Брама» (2006) пра мастака Гаўрылу Вашчанку, кніга прозы «Краса і воля» (2008), прысвечаная Станіславу Жукоўскаму і інш. А ў 2011 годзе выйшаў раман «Мастак і парабкі» пра рускага мастака Мікалая Неўрава. Акрамя гэтага, В. Карамазавым створаны партрэты А. Бараноўскага, С. Каўроўскага, М. Савіцкага, Я. Красоўскага, М. Тарасікава, І. Хруцкага і іншых жывапісцаў, якія істотна дапаўняюць эсэістычную галерэю слаvesных партрэтаў вядомых мастакоў, выпісаных таленавітым празаікам.

Асаблівасць абранага В. Карамазавым жанру заключаецца ў аб'яднанні канкрэтных фактаў жыцця знакамітай асобы, мастацтвазнаўчага аналізу і філасофскага роздуму пісьменніка ў межах аднаго твора. Складанасць мастацкага даследавання пісьменнікам новай для творчага ўвасаблення рэальнасці падкрэслівае і аўтарскае вызначэнне жанру твора: «Крыж на зямлі і поўня ў небе» – эскізы, эцюды і споведзь Духу, альбо Аповесць-эсэ жыцця жывапісца і паляўнічага Бялыніцкага-Бірулі. Ён прызнаецца: «...прадчуваючы эмацыянальныя адхіленні свайго героя, які, між іншым, як бы сааўтар нашага апавядання, мы і самі сябе не скавалі рамкамі жанру, запрасіўшы ў свой твор і эскіз, і эцюд, і споведзь. А што такое аповесць-эсэ, як не разбурэнне традыцый жанравых канонаў?» [1, 83–84].

Аповесць-эсэ «Крыж на зямлі і поўня ў небе» пабудавана на дакументальнай аснове, дзённіках, эпісталарыі, уласна літаратурных творах самога В. Бялыніцкага-Бірулі. У пошуках жыццёвага матэрыялу В. Карамазаў быў вымушаны аб'ездзіць усе мясціны, дзе пабываў слынны мастак. Падымаў архівы, наведваў музеі, дзе можна было ўбачыць карціны пейзажыста. Уласны аповед аўтара злучае ў адзінае цэлае розныя па сваёй прыродзе элементы твора. Пры гэтым філасофска-лірычны аповед-роздум падаецца ў адзіным эмацыянальным ключы, у гармоніі з творчай манерай мастака, яго ментальнасцю. Зместам свайго твора В. Карамазаў набліжае чытача да той славутай бялыніцка-бірулевай – жамчужна-срабрыстай – каляровай гамы. На думку аўтара, трэба адчуць свайго героя сэрцам, як живога чалавека, блізкага па духу, каб сэрцам і пісаць. Абодва мастакі – мастак жывапісу і мастак слова – у дастатковай меры падобныя адзін да аднаго. Гэтае падабенства праяўляецца не столькі ў агульных інтарэсах, захапленнях, колькі ў іх светапоглядных і духоўна-маральных арыенцірах. Эсэіст імкнецца высветліць пытанне, што вызначыла жыццёвы шлях В. Бялыніцкага-Бірулі, шлях мастака: «Вось яна – улада колераў і ўлада святла. У колерах і святле – таямніца жыцця, свету? Зразумеўшы іх, ці можна спасцігнуць душу чалавека, яго лёс і драму?» [1, 8]. Пісьменнік спрабуе разгадаць адметнасць мыслення чалавека творчага, які адчувае і бачыць свет па-іншаму. Яго хвалююць вытокі таленту мастака, чалавечыя якасці, стаўленне да родных і блізкіх людзей, што значыць для яго каханне, сяброўства, свет яго цікавасцей і захапленняў, адносіны да мастацтва, уласнай працы. У выніку перад чытачом складваецца вобраз Чалавека, Жывапісца, Паляўнічага і нават Паэта.

Не мог абысці сваёю мастацка-даследчыцкай увагаю В. Карамазаў і геніяльнага палешука Станіслава Жукоўскага, якога тагачасная крытыка абвінавачвала ў тым, што ягоны жывапіс – гэта «парфума на твары вулічнай дзеўкі» [2, 42], быццам «Жукоўскі з усімі сваімі танамі ды колерамі стаіць адной нагою ў труне рэалізму перадзвіжнікаў, другою – у труне Саюза мастакоў» [2, 42]. Аднак, на думку аўтара, мелі рацыю тыя,

хто ўбачыў у Жукоўскім непаўторнага паэта прыроды, чараўніка, хто зразумеў, што ён «валодае таямніцаю, якою валодалі Куінджы і Левітан» [2, 49]. Карамазаў называе яго духоўным братам Бялыніцкага-Бірулі. Падобная духоўная блізкасць адчуваецца таксама паміж самім аўтарам і яго героем.

З вучнем В. Бялыніцкага-Бірулі Антонам Бархатковым В. Карамазаў сябраваў гадоў сорок. Гэтае добрае знаёмства таксама падаравала яму каштоўны вопыт як з боку спасціжэння сутнасці жывапісу, так і асаблівасцей духоўнай арганізацыі ўнутранага свету творчай асобы. Так, напрыклад, аўтар узгадвае, як у складаны момант хістанняў пры выбары натутры для будучага пейзажа Бархаткоў раіў:

«— Ідзі туды, куды вядзе душа» [3, 4].

Па сутнасці, вопытны мастак дапамог не менш вопытнаму пісьменніку і пачынаючаму пейзажысту не забытацца ў сваіх творчых памкненнях і знайсці свой шлях да самавыяўлення. «Жывапіс – не літаратура.<...> Пісьменнік піша галавою, а мастак перш-наперш вокам. Што вока ўбачыць, тое напішаш, а калі яно не бачыць, то не напішаш нічога. Галава піша, што ёй трэба, вока ў пісьменніка бачыць адно, а яна піша другое, як вока нічога не бачыць – яна і тады напіша. Галава і д’ябла можа зрабіць анёлам. А я хіба магу з д’ябла пісаць анёла?» [3, 10]. Нягледзячы на тое, што некаторыя заўвагі Бархаткова нельга назваць бясспрэчнымі, яны прымушалі шукаючага сябе творцу задумвацца над многімі праблемамі і знаходзіць тых тлумачэнні, якія б цалкам адпавядалі яго ўласным схільнасцям і творчым намерам.

Гэтаму выдатнаму мастаку В. Карамазаў прысвяціў кнігу, акрэсліўшы жанр як аповесць-эсэ ў стылі рэтра. Відавочна, такім абазначэннем жанру твора аўтар выказаў вернасць традыцыям, намер весці плынь свайго аповеду сцэжкаю, вызначанай геніяльным жывапісцам. Значная частка аповесці-эсэ змяшчае рэпрадукцыі карцін адметнага светлым талентам пейзажыста, які быў для Карамазава больш чым сябар ці настаўнік: «Мая да яго павага межавала са стрымана-непаказной прыхільнасцю, што бывае ў сына да бацькі, і мне заўсёды рупіла назваць яго то дзядзькам Антонам, то бацькам, як у народзе кажуць блізкаму старэйшаму чалавеку» [4, 6].

Асабістае знаёмства з Гаўрылам Вашчанкам, якога свет ужо ганараваў званнем мастака ХХ стагоддзя, таксама прынесла шмат карысці В. Карамазаву ў пошуку гармоніі паміж творцам і мастацтвам, дало адказ на хвалюючыя пытанні: «Дык што ж гэта, мастацкі талент, як не пячатка Бога? Тым больш мастацкі геній. Ці не апякуе сам Бог кожнага добрага мастака?» [5, 38]. Пісьменнік прыходзіць да высновы, што «мастак без крылаў – Сізіф, які ніколі не ўскоціць на Алімп свой камень» [5, 25–26]. Дарэчы, гэтак жа можна сказаць адносна кожнага творцы, незалежна ад таго, у якой галіне мастацтва ён сябе выяўляе.

Адметна, што ў аповесці «Брама» В. Карамазаў цытуе самога Вашчанку, прыводзіць яго ўласныя развагі і назіранні, якія падтрымліваюць аўтарскія погляды на тую ці іншую праблему: «Лёс мастака і лёс радзімы – адзіны» [5, 13]; «Не магу зразумець разважанні некаторых калег: гэта пішу для душы, а гэта для выстаўкі. На мой погляд, тут духоўная прастытуцыя. Я заўсёды пішу тое, што мне падказвае душа. Калі я пісаў штосьці не тое, не так, як трэба, дык толькі таму, што ў той час яшчэ не ўсё ўмеў рабіць, не ўсё разумеў» [5, 99]; «Тэма для мяне ніколі не вызначала вартасці твора. Іх вызначаюць толькі высокамастацкія пластычныя якасці» [5, 99].

«Брама» – гэта мастацка-філасофскі роздум аб прыродзе творчасці, аб духоўных вытоках і абранасці лёсу мастака. Пісьменнік прасочвае, аналізуе і на ўзроўні інтуіцыі спасцігае гісторыі стварэння карцін Вашчанкі. Карамазаў красамоўна, паэтычна перадае характар, настрой творчасці мастака. Трапіўшы ў чарадзейны палон жывых колераў і фарбаў, водару і гучання твораў Вашчанкі, яго думак і фантазій, аўтар распаўсюджвае іх уладу і на чытача. Сапраўдным творчым адкрыццём эсэіста становіцца разгадка ім таямніцы чырвонай брамы Г. Вашчанкі, якую ён запамніў, юнаком пакідаючы сцены роднай хаты: «Я адчуваў, што тут не проста брама – вір, выток жыцця, можа, з найпершых, і ад яго павінны разыходзіцца кругі настрояў, думак, вобразаў, якія не знікаюць і не канчаюцца на пэўнай лічбе, не маючы канца і межаў, множацца бясконца, ад кожнага круга адскоквае наступны круг, за кругам – круг, як у вандроўках – за даллю даль. Па іх мне б плысці, з круга на круг, калі ёсць човен і я ў чоўне» [5, 16].

Пісьменнік пераконваецца ў думцы, што талент – гэта не толькі Божае дараванне, але і вялікая адказнасць, выпрабаванне, якое не кожны здольны вытрымаць: «...радасць і бяда ў мастацтве калі не раўназначныя, дык раўнапраўныя, і чым большая даецца радасць, тым большая наканавана драма» [5, 36].

У сваіх творах В. Карамазаў даследуе праблему гарманічнага развіцця асобы, якая здольна адчуваць музыку гукаў, фарбаў і слоў і ўвогуле па сваёй духоўнай арганізацыі значна адрозніваецца ад большасці людзей. Творца – гэта і мастак, і мысляр, і асветнік, і вялікі працаўнік. Важнасць яго звароту да ўвасаблення вобразаў мастакоў заключаецца яшчэ і ў тым, што ён пераканаўча адстойвае значнасць беларускага нацыянальнага жывапісу ў маштабе сусветнага выяўленчага мастацтва і пашырае гарызонты сучаснай мастацка-біяграфічнай прозы ў беларускім літаратурным працэсе канца XX – XXI стагоддзяў.

Літаратура

1. Карамазаў, В. Крыж на зямлі і поўня ў небе: эскізы, эцюды і споведзь Духу, альбо Аповесць-эсэ жыцця жывапісца і паляўнічага Бялыніцкага-Бірулі: для ст. шк. узросту / В. Карамазаў. – Мінск: БелЭн імя П. Броўкі, 2010. – 216 с.

2. Карамзаў, В. “Мой брат духоўны...”: Спведзь мастака / В. Карамзаў // Польша. – 2001. – № 11. – С. 3 – 54.
3. Карамзаў, В. Пішу, радуся... і живу: старонкі з ээ пра мастака / В. Карамзаў // Літаратура і мастацтва. – 2000. – 8 верасня. – С. 4, 10–11.
4. Карамзаў, В. Антон: аповесць-ээ ў стылі рэтра / В. Карамзаў. – Мінск: Про Хрысто, 2005. – 68 с.
5. Карамзаў, В. Брама: аповесць / В. Карамзаў. – Мінск: Кнігазбор, 2006. – 128 с.

УДК 821.161.3:94”18

П. Р. Кошман

МАСТАЦКІЯ ПОШУКІ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ГЕРОЯ Ў ЛІТАРАТУРЫ БЕЛАРУСІ ХІХ СТАГОДДЗЯ

Станаўленне ў айчынай літаратурнай традыцыі ўстойлівага вобліку нацыянальнага героя з’явілася адной з першачарговых задач перыяду ХІХ стагоддзя, вырашэнне якой было звязана з пераадоленнем сацыяльных супярэчнасцей унутры беларускага этнасу і пошуку ўзаемапаразумення на аснове традыцыйных маральна-этычных каштоўнасцей.

Станаўленне ў айчынай літаратурнай традыцыі ўстойлівага вобліка нацыянальнага героя з’явілася адной з першачарговых задач перыяду ХІХ стагоддзя, вырашэнне якой было звязана з пераадоленнем сацыяльных супярэчнасцей унутры беларускага этнасу і пошуку ўзаемапаразумення на аснове традыцыйных маральна-этычных каштоўнасцей.

Ужыванне ў літаратуразнаўстве паняцця “нацыянальны герой” мае падвоены сэнс. З аднаго боку, яно ўказвае на персанаж, які ўспрымаецца як увасабленне лепшых уласцівасцей нацыянальнага характару, акрэслівае той дасканалы вобраз, які служыць узорам для ўсёй нацыі. З другога, вызначэнне нацыянальнай сутнасці літаратурнага героя скіравана на рэалістычны змест і прызначана падкрэсліць дакладнасць перадачы ў мастацкім вобразе тых істотных характарыстык, якія ўказваюць на прыналежнасць персанажа да пэўнай нацыянальнай супольнасці. Па сутнасці, перад намі два ідэйна-эстэтычныя падыходы да мадэліравання вобраза літаратурнага героя – ідэалізацыя і тыпізацыя, праз якія, акрамя вырашэння ўласна мастацкіх задач, у нацыянальным статусе персанажа знаходзяць адбітак найважнейшыя кампаненты працэсу самапазнання нацыі, яе імкненне праз літаратуру сцвердзіць свой ідэал і спасцігнуць свой рэальны воблік.

Прызнанне нацыянальнага героя ў мастацкай прасторы літаратуры сведчыць аб поўнай сфарміраванасці ёю ўласных светапоглядных традыцый. Літаратура Беларусі ХІХ ст. не мела таго высокага ўзроўню самастойнасці, які б даў падставы гаварыць аб завершанасці ў ёй

канструкцыі нацыянальнага вобраза свету. Аднак яе творы сведчаць аб паступовым пратэжаванні мясцовымі аўтарамі менавіта свайго бачання свету, таго арыгінальнага погляду на рэчаіснасць, які магчыма было сфакусіраваць на зямным шары толькі з таго месца, дзе знаходзіцца наша краіна. Прыцяжэнне генетычна блізкіх польскай і расійскай традыцый адцягнула беларускасць на другі план толькі да пэўнага часу, і яшчэ ў пазамінулым стагоддзі праблема нацыянальнай сутнасці героя набыла актуальнасць у айчынным мастацтве слова. Яна развівалася разам з паступовым назапашваннем у літаратуры шэрагу пазнавальных характарыстык беларускага народа і канчаткова праявілася ў востра пастаўленым Ф. Багушэвічам пытанні аб нацыянальнай ідэнтычнасці тутэйшага чалавека.

Ад моманту з'яўлення ў літаратуры мастацкая трактоўка вобраза беларуса аказалася цесна звязанай з яго сацыяльным, ці дакладней, сялянскім паходжаннем, паколькі менавіта гэтая сацыяльная група складала аснову беларускага этнасу. У. Гніламёдаў мяркуе: “Вясковае жыццё, па сутнасці, – калыска беларускай літаратуры XIX стагоддзя” [1, 16], таму заканамерна, што вобраз селяніна стаў успрымацца як узорнае ўвасабленне беларуса. Аднак пануючы ў савецкі час прынцып класавасці мастацтва арыентаваў даследчыцкія памкненні на поўнае прыпадабненне гэтых вобразаў і тым самым збядняў нацыянальны змест характару героя. Персанажы беларускай літаратуры XIX ст. разглядаліся найперш у кантэксце класавай барацьбы, а таму пытанне аб прыналежнасці прадстаўнікоў розных сацыяльных слаёў грамадства да адзінай этнічнай супольнасці ігнаравалася. З гэтай нагоды варта заўважыць, што постаць селяніна стала дамінуючай у літаратурнай традыцыі Беларусі толькі на схіле XIX ст., а да гэтай пары побач з ёю беларускасць ці ліцвінкасць прадстаўлялі не менш каларытныя вобразы шляхціцаў. Найперш гэта датычыцца персанажаў накшталт Завальні (“Шляхціц Завальня” Я. Баршчэўскага) ці Лагоды (“Акраец хлеба” У. Сыракомлі), што прадстаўляюць тып героя, вельмі блізкага да сялянскага ўкладу жыцця, але здольнага ўзняцца над прыватнымі штодзённымі патрэбамі і задумацца аб агульнанародных праблемах. У сваю чаргу вобразы такіх высакародных паноў, як Тадэвуш Сапліца ці Караль Лятальскі, таксама дэманструюць важнасць прыналежнасці літаратурнага героя XIX ст. да роднай зямлі, што з'яўляецца своеасаблівым індикатарам узроўню яго духоўнага развіцця.

Многія пісьменнікі XIX ст. бачылі вырашэнне грамадскіх праблем не ў абстраўненні класавай барацьбы, а, надварот, у пошуку ўнутранай згоды. Яны прапаноўвалі праз літаратуру мадэль сацыяльных адносін, у аснове якой знаходзілася не супрацьпастаўленне саслоўных інтарэсаў, а адзінства культурных і гістарычных традыцый таго краю, які быў родным і для сялян, і для шляхты. “Уклаў Бог адны нам пачуцці у грудзі, // Мы ўсе — адной мацеры дзеці” [2, 65], – выражаная ў гэтых словах Я. Чачота думка

аб еднасці “любых сялян” і “вяльможных паноў” стала для тагачаснай літаратуры ідэйным фундаментам канструявання нацыянальнай карціны свету. Так, В. Дунін-Марцінкевіч, узнаўляючы ў паэтычным слове беларускія народныя абрады, лічыў неабходным знайсці месца сярод іх удзельнікаў і прадстаўнікам вышэйшага саслоўя. У апісаннях святкавання дажынак у сяле Шчароўскім ці сватання Гапона цэнтральнымі паўстаюць тыя кранальныя сцэны, дзе пан або пані і прыгонныя сяляне, згодна са спрадвечным звычаем, дэманструюць агульную любоў і павагу. З нарастаннем вызваленчага руху ў сярэдзіне XIX ст. неабходнасць пераадолення саслоўнага антаганізму стала яшчэ больш відавочнай. Паўстанцкая газета “Мужыцкая праўда”, нягледзячы на ўласцівыя ёй радыкальныя погляды, узаемаадносіны шляхты і сялян асвятляла дастаткова паліткарэктна: падкрэслівала іх прыналежнасць да аднаго народа “вольнага і багатага”, які калісьці перад пагрозай суседзяў “немца” і “маскаля” быў вымушаны падзяліцца: “І гэтак было доўга адны баранілі краю, усё хадзілі па войнах, а другія то аралі, то сеялі, то касілі, то жалі” [3, 290].

Агульным у прыведзеных паэтычных прызнаннях Я. Чачота, этнаграфічных замалёўках В. Дуніна-Марцінкевіча, гістарычных экскурсах К. Каліноўскага бачыцца ідылічнасць аўтарскага погляду. Створаныя пісьменнікамі вобразы не адпавядалі рэальнай карціне жыцця, дакладней, не з’яўляліся яе тыповымі адзнакамі. Але, думаецца, беларускія літаратары XIX ст. выдавалі жаданае за сапраўднае не таму, што самі знаходзіліся ў палоне нейкіх ілюзій. Для іх літаратурная творчасць была найперш працягам грамадскай дзейнасці, спосабам выражэння ўласнай неабывакавай пазіцыі. З дапамогай мастацтва слова – самага эфектыўнага ва ўмовах XIX ст. сродку фарміравання грамадскай думкі – яны звярталіся да суайчыннікаў з ідэяй пошуку ўзаемапаразумення, сцвярджэння прыярытэту агульначалавечых і агульнанародных інтарэсаў над саслоўнымі забабонамі.

Тым самым беларуская літаратура рэалізоўвала свой нацыятворчы патэнцыял, фарміравала ў чытацкай аўдыторыі тыя агульныя прадстаўленні, сумесныя перажыванні, з якіх, паводле тэорыі паходжання нацыі Б. Андэрсана, і нараджалася нацыянальная ідэнтычнасць. Роля айчыннай літаратуры ў гэтым працэсе на працягу XIX ст. ускладнялася адсутнасцю масавага адукаванага чытача ў тых творах, што былі напісаны па-беларуску ці выяўлялі беларускую праблематыку. Паказальна прызнанне В. Дуніна-Марцінкевіча, які наракаў на цяжкасці з распаўсюджваннем уласных кніг і папярэдзтваў свайго сябра У. Сыракомлю ў адсутнасці чытацкага інтарэсу да айчыннай літаратуры: “Аднак не вер, што модныя салоны // З ахвотаю твае хапаюць творы, // Для іх мілейшыя чужыя плёны, // Рамансы франкаў – вось чытання ўзоры. // А ліра свойская ўзбуджае смехі – // Яна для чэрні пад гнілыя стрэхі! [4, 95].

Гэтакі месідж аўтараў-пачынальнікаў, акрамя задач уласна гуманістычнага ды сацыяльнага характару, няўхільна скіроўваў погляд грамадства пры ўспрыманні праблемы ўзаемаадносін пана і селяніна ў сферу пытанняў, звязаных з вырашэннем лёсу Айчыны. Ідэалагема трагічнай раздвоенасці беларускага народа адыграла вызначальную ролю ў канструяванні нацыянальнай карціны свету, на працяглы час абумовіла канцэпцыю яе развіцця ў літаратуры. Цяжкая доля селяніна як найбольш тыповая адзнака рэчаіснасці Беларусі XIX ст. стала цэнтральнай тэмай нацыянальнай міфатворчасці, ад якой адштурхоўвалася літаратура, вымяраючы глыбіню мінулага беларускага народа і перспектывы яго будучыні. Прапаноўваючы альтэрнатыву змрочнаму сёння, літаратура звярнулася да ідэалізацыі гісторыі, стварыла вобраз-міф своеасаблівага “залатога веку” беларускага народа, калі ён не ведаў падзелу на еаслоўі і жыў без паншчыны. Цікава, што, калі напярэдадні і падчас паўстання 1863 года палітычныя эмоцыі асабліва захлынулі літаратуру, супрацьлеглыя бакі аднолькава тлумачылі гістарычныя вытокі паншчыны неабходнасцю абараняцца ад знешніх ворагаў.

Відавочна, што для XIX ст. той аўтарскі погляд, які аб’ядноўваў бы інтарэсы ўсяго народа, усіх яго сацыяльных груп, быў даволі рэдкаю з’яваю. Але сітуацыя, калі аўтары звярталіся да асэнсавання тэмы вусна-паэтычнай ці гістарычнай спадчыны і рабілі пры гэтым акцэнт на адзінстве сялянства і шляхты, бачыцца ўжо тыповай для тагачаснай літаратуры. Так, Я. Чачот, падкрэсліваючы ў прадмове да зборніка “Сялянскіх песень з-над Нёмана і Дзвіны” значэнне сабранага ў іх матэрыялу, пісаў: “Паэзія, якую мы называем сёння гміннай, протанароднай, была некалі агульнай для ўсіх нашых продкаў: для паноў, князёў, словам, агульнанароднай; ужо ад аднаго гэтага яна павінна была б карыстацца большай павагай нават у тых, хто нічога добрага не хоча бачыць ва ўсім, што ёсць протанароднае, сялянскае” [2, 215]. Раскрываючы аўтэнтычны змест беларускага фальклору, літаратары адзначалі ролю сялянства ў захаванні спрадвечных традыцый. На гэтыя духоўныя скарбы спадзяваўся Я. Баршчэўскі ў справе вяртання да родных вытокаў тых суайчыннікаў, якія ў пагоні за чужаземным бляскам забыліся пра сваю зямлю. Праз літаратуру ў грамадстве пашыралася думка аб немагчымасці сапраўднага служэння Радзіме, калі заставацца абыякавым да духоўнага і матэрыяльнага ўкладу жыцця вясковага люду. І. Храпавіцкі ў артыкуле “Погляд на паэзію беларускага люду”, закранаючы праблему гаротнага становішча сялянства, звяртаўся да грамадскасці: “Мы дарэмна чакаем, што рэчы стануць іншымі, калі не будзем намагацца лепей пазнаць маральны і фізічны стан нашых сялян, і, пазбавіўшыся такое шкоднае абыякавасці, аказваць на іх уплыў нашае асветы. Нашы пісьменнікі маглі б эфектыўна спрыяць гэтай выратавальнай справе, абуджаючы цікавасць вышэйшага класа да таго народа, які з-за паэтычнага характару, а таксама душэўных вартасцяў і нешчаслівага становішча пэўна заслугоўвае гэтага” [6, 1033].

Беларускае сялянства паступова становілася той грамадскай сілай, з якой неабходна было лічыцца. Значэнне гэтага самага вялікага па колькасці сацыяльнага класа прасочваецца на прыкладзе эвалюцыі ацэнак яго месца ў гісторыі. У літаратуры амаль усёй першай паловы XIX ст. тэма мінулага краіны манапольна належала вышэйшаму саслоўю, што выдатна відаць па гістарычных творах А. Міцкевіча ці “Спевах пра даўніх ліцвінаў” Я. Чачота, прысвечаных асэнсаванню ўчынкаў князёў, магнатаў, шляхціцаў. Першыя даследчыкі беларускага фальклору, справядліва адзначаючы слабасць адлюстравання ў ім гістарычнай тэмы, бачылі прычыну гэтага ў тым, што простаму народу ў мінулым была адведзена роля пасіўнага сузіральніка тых падзей, якія адбываліся на яго зямлі. “Люд у беларускіх правінцыях, – адзначаў І. Храпавіцкі, – з таго часу, як гісторыя наша пачынае высветлівацца, аніякага не браў удзелу ў кіраўніцтве краем, ні ў беспарадках, якія бесперапынна мянялі палітычную арганізацыю. Ён падпадаў пад уплыў Літвы, Польшчы і Расіі, абьякава пазіраючы на войны, якія вялі між сабою гэтыя дзяржавы” [6, 1033].

Прысутнасць селяніна ў гісторыі краю бадай што першым адзначыў У. Сыракомля, паэтычнае служэнне якога сягала далёка за межы аднаго саслоўя і адрознівалася разуменнем важнасці ўсіх сіл народа ў лёсе Айчыны: “То з плугам, то з крыжам, то з мечам, то з чаркай // Тут хвілі літвіна міналіся шпарка” [5, 114]. Помнікі слаўнага мінулага бачыліся патрыятычна настроенаму пісьменніку не толькі ў замкавых мурах і палацах, але і ў звыклых вясковых малюнках роднага краю:

Капец сярод поплаву, крыж падарожны,
Старая карчма, слуп каменны, капліца –
Гісторыі нашай у іх таямніца,
Паданні пра дзеі, пра славу айчыны.
Хіба ж іх забыць мы павінны, літвіны? [5, 114].

Паэтычная прэзентацыя сялянскага мінулага была не толькі своеасаблівым актам вяртання гістарычнай справядлівасці ці спробай эстэтычна разнастаіць вобраз Радзімы. Адаючы належнае ўкладу братоў з вясковых ніў у гісторыю краіны, пісьменнікі звязвалі гэтыя вобразы ў адзінае цэлае, фарміравалі ўяўленне аб іх непадзельнасці. Селяніну, патрыятызм якога ў фальклорнай традыцыі абмяжоўваўся лакальнымі вобразамі накшталт роднай хаты ці роднай вёскі, мастацтва слова прапаноўвала выходзіць на шырокія абсягі нацыянальнага пачуцця, прывівала яму адчуванне прыналежнасці да вялікага краю, у якога ёсць і трагічнае, і слаўнае мінулае. Уздымаючы годнасць мужыка-беларуса, паэтычнае слова адрывала яго самога ад звыклых уяўленняў аб сваёй нікчэмнасці, пасіўнасці, і на схіле XIX ст. вуснамі Мацея Бурачка запрашала адчуць сваё месца ў гісторыі той дзяржавы, якая “пяцьсот дваццаць гадоў таму назад ужо была ад Балтыцкага мора ўздоўжкі аж да Чорнага...” [7, 22] і ў сярэдзіне якой, “як тое зярно ў гарэху, была наша зямліца – Беларусь!” [7, 22].

Адзначым такую дэталю, што літаратурныя пошукі агульнай асновы нацыянальнага свету вяліся пісьменнікамі, якія паходзілі пераважна з дробнай шляхты ці чыноўнікаў, – таго асяроддзя, якое пастаянна судакраналася з жыццём простага люду і мела магчымасці аб'ектыўна ацаніць як вартасці, так і недахопы яго светапогляду. У выніку адбыўся своеасаблівы абмен духоўнымі каштоўнасцямі: пісьменнікі-шляхціцы пераймалі сялянскі фальклор, а ўзамен прапаноўвалі гістарычную спадчыну. На глебе гэтага шляхецка-гістарычнага і сялянска-фальклорнага ўзаемадзеяння ў літаратуры Беларусі на працягу XIX ст. паступова ўкаранялася традыцыя нацыянальнага светапогляду, фарміравалася ўяўленне аб культурнай самабытнасці беларусаў.

Літаратура

1. Гніламёдаў, У. Ад даўніны да сучаснасці: нарыс пра беларускую паэзію / У. Гніламёдаў. – Мінск: Маст. літ., 2001. – 246 с.
2. Чачот, Я. Выбраныя творы / Я. Чачот; уклад., пер. з польскага, прадм. і камент. К. Цвіркі. – Мінск: МФ "Беларускі кнігазбор", 1996. – 374 с.
3. Заняпад і адраджэнне: беларуская літаратура XIX ст. / уклад., прадм. і заўв. У. Казберука. – Мінск: Маст. літ., 2001. – 606 с.
4. Дунін-Марцінкевіч, В. Збор твораў: у 2 т. / В. Дунін-Марцінкевіч; уклад. з тэкст. падрыхт., пер. Я. Янушкевіча. – Мінск: Маст. літ., 2008. – Т. 2. Вершаваныя аповесці і апавяданні, вершы, публіцыстыка, лісты і пасланні. – 598 с.
5. Сыракомля, У. Выбраныя творы / У. Сыракомля; уклад., прадм., камент. К. Цвіркі. – Мінск: Бел. навука, 2011.
6. Храптовіч, І. Погляд на паэзію беларускага люду / І. Храптовіч // Літаратура першай паловы XIX стагоддзя / укладанне і каментарыі М. В. Хаўстовіча; навук. рэд. С. Л. Гаранін. – Мінск: Маст. літ., 2012. – С. 1011–1034.
7. Багушэвіч, Ф. Творы / Ф. Багушэвіч; уклад. і прадм. Я. Янушкевіча; камент. У. Содаля, Я. Янушкевіча. – 2-е выд. – Мінск: Маст. літ., 2001. – 206 с.

УДК 821.161.3

Н. М. Кунгер

МЕДЫТАТЫЎНАСЦЬ ПАЭЗІІ АНАТОЛЯ СЕРБАНТОВІЧА

У артыкуле разглядаецца творчасць Анатоля Сербантовіча, раскрываецца эстэтыка-філасофскі і духоўны змест лірыкі паэта, падкрэслена, што паэзія – актыўны сродак унутранага самавьяўлення і мастацкага светапазнання.

Спадчына Анатоля Сербантовіча застаецца глыбокай крыніцай пазнання чалавека. Мастак слова выразна ўсведамляе цяжкасць жыццёвых сцэжак, лёсу Беларусі і папярэджвае будучыя пакаленні, што можа стацца з тым народам, які адрачэцца ад памяці продкаў.

Амаль кожны верш Анатоля Сербантовіча насычаны медытатыўнасцю, што лучыцца з глыбінным псіхалагізмам: і пейзажныя

замалёўкі, і маналогі-споведзі, і лірыка каханьня маюць абавязковы выхад з лакальнага перажываньня і асабістага пачуцця на ўсеагульны драматызм і ўніверсальную трывогу як своеасаблівыя каталізатары дыялогаваасці, шматгалосся. Дзякуючы падобнаму руху настрою і пафасу кожны твор паэта становіцца своеасаблівай драмай у вершах. Таму часта лірычны герой адчувае ці нават прадчувае сваё “выпадзенне” з часу, рух не ў нагу з ходам гістарычных падзей. У адпаведнасці з гэтым вынікае яшчэ адна сэнсавая дамінанта лірыкі А. Сербантовіча – у ёй пастаянна захоўваецца супрацьпастаўленне Добра і Зла і вобразна-стылявы кантраст як асноўны прынцып пісьма. Жыццё асобы і нацыі падобна на вечны рух кола: Дабро процістаіць Злу, Бяда і Гора – Шчасцю, Галеча, Беднасць – Багаццю, Хвароба – Здароўю, Смерць – Жыццю. А разарваць гэты рух, часам механічны, можа толькі смерць, якая часта – адзіны паратунак, адзінае выйсце з цяжкага становішча.

Паэт выходзіць на прытчападобнасць як паказчык вострага адчування трагізму жыцця, прадчування катастрофы, напружанасці і нетрываласці чалавечага быцця. На раскрыццё гэтай ідэі працуе сімвалічны, а падчас і алегарычны прыём пісьма мастака слова, яго паэзія поўніцца шматлікімі вобразамі-сімваламі, некаторыя з якіх з’яўляюцца скразнымі: крыж – пакуты, сонца – свет, радасць, шчасце, абуджэнне пасля “змрочнага” сну, разбураная хата – цяжкая доля, адрачэнне аб сваіх каранёў, камень – крыўда. Анатоль Сербантовіч ідзе ў літаратуры шляхам канцэнтрацыі думак, пачуццяў, сэнсу ў творах, сінтэзу традыцыйнага і наватарскага, выяўлення на малой плошчы шматзначнага, яскравага, характэрнага. Адсюль і матыў “відушчасці-невідушчасці” ў творчасці А. Сербантовіча. Праблема мае не прыватны, а агульначалавечы, філасофскі характар. Гэта тлумачыцца многімі аб’ектыўнымі і – у большай ступені – суб’ектыўнымі фактарамі, сярод якіх ці не галоўны заключаецца ў паступовым празрэні чалавецтва ў многіх накірунках яго дзейнасці. У сваю чаргу, працэс гэты надзвычай складаны, доўгі, эвалюцыйна-рэвалюцыйны. У ім удзельнічаюць часта неасвечаная маса і прарокі, відушчыя празарліўцы, дзякуючы якім і адбываецца паступовае далучэнне невідушчых да відушчых. У маральна-этычным плане праблема “відушчасць – невідушчасць” – гэта праблема свядомасці і несвядомасці, ведання і няведання, святла і цемры, маральнай адухоўленасці і духоўнага (усвядомленага ці неўсвядомленага) заняпаду. Яе значнасць абумоўлена заўсёдным жаданнем чалавецтва глыбей спазнаць сябе ў атачэнні прыроды як свядомую часцінку Сусвету. Паступова ўзнікаючы ад няведання з’яў да іх адноснага разумення, людзі рухаліся да сучаснай ступені цывілізацыі – навуковай, культурнай, літаратурна-эстэтычнай, разумення велічы сваёй місіі на Зямлі і ў Космасе. Падобны працэс і занатавала літаратура народаў свету і навучыла людзей быць “відушчымі”, успрымаць свой лёс як усвядомленую неабходнасць і, па магчымасці, кіраваць ім.

Адна з першых спроб распрацоўкі закранутай праблемы была зроблена яшчэ ў пачатку нашага часу ў “Новым заавеце”: Хрыстос – сын Бога – усё бачыць і ўсё чуе, а астатнія людзі – сляпыя, “невідушчыя” – не разумеюць сапраўднай сутнасці рэчаў, з’яўляюцца раўнадушнымі (у большасці сваёй) сведкамі ўкрыжавання “ўсебачнага” Прарока на Галгофе. Падобныя матывы можна знайсці не толькі ў хрысціянскім вучэнні, але і ў старадаўніх паганскіх звычаях нашых продкаў: заўсёды, у любы час знаходзіліся прарокі, якія вялі за сабой народ, бачылі свет па-свойму і таму імкнуліся выкарыстаць іншых (“невідушчых”) у сваіх мэтах (іх называлі ўладарамі, вешчунамі, старэйшынамі). У агульным філасофскім плане “відушчасць” – Святло, Бог, Дабро, а “невідушчасць” – Цемра, Д’ябал, Ліха. Гістарычна дадзеная праблема залежыць ад супрацьстаяння Неба, Вышыні і Зямлі, Нізу. А раўнавагу паміж гэтымі супрацьлеглымі полюсамі ўсталяваць вельмі цяжка. Яна, гэтая раўнавага, залежыць ад таго, ці можа кожны чалавек выбіраць свой лёс, свой шлях, які прывядзе туды, куды мараць патрапіць, на першы погляд, і ён сам, і многія іншыя. “Відушчасць”, у агульным плане, – гэта імкненне да добра і святла, да разумення “сапраўднасці” абранага шляху і ў той жа час адказнасць за “невідушчых”, якія могуць пайсці за табой; “невідушчасць” – цемра, цяжкі, пакутны сон, якога павінен пазбавіцца чалавек, каб пачаць жыццё па больш-менш прыстойных і гарманічных правілах.

Анатоль Сербантовіч таксама ўнёс значны ўклад у распрацоўку акрэсленай вышэй праблемы. Чаму адны людзі бачаць (“відушчыя”), а другія не бачаць ці не хочуць зразумець схаваную ад павярхоўнага зроку сутнасць справаў (“невідушчыя”)? Аказваецца, усё даволі проста: мала хто можа адкрыта супрацьстаяць, як, напрыклад, Хрыстос, драматычным падзеям, абставінам, калізіям і парадоксам гісторыі. Так і чалавек у большасці сваёй падобны “пігмеям” з аднайменнага верша.

Пігмеі, як метэарыты,
Ля самых сонечных планет.
І іх пігмейскія арбіты
Праходзяць нават ля мяне.

Яны ўсміхнуцца нам умеюць,
Хоць іх заўсёды мучыць злосць,
Што на зямлі не ўсё пігмеі,
Што на зямлі і людзі ёсць.
Нічога ўгору не паднялі,
Людзям нічога не даюць.
Яны бяздарнасць гучна

хваляць,

А талент ціха аплююць.

Баюся тых, хто спрытна хлусіць,
Баюся я святош малых.
І сёння больш за ўсё баюся
Пігмейскай хітрай пахвалы [1, 46].

Людзі крычаць пустое “ўра”, спяшаюцца ў нейкую светлую будучыню, едуць на машынах у рай. І толькі адзін чалавек пратэстуе, ён, адзіны відушчы, ідзе ў бой.

Пустое “ўра”
нікога не парадзе.
Ідуць гады –
знікае ўяўны дым.
І рады я, што ўжо на праз параднае
Мы на жыццё сучаснае глядзім.

Тых,
хто не бачыць дрэннага праз добрае,
Ў прамовы лье салодкую ваду, –
Лічу як нашых самых злейшых ворагаў
І першы ў бой бязлітасна
іду [1, 32].

Гэты твор працягвае ідэю пошукаў народам сябе, напамінак, што чалавек, нягледзячы на свой востры зрок, падчас не бачыць, куды вядзе яго шлях цывілізацыі, заснаванай на разбурэнні і знішчэнні прыроды і чалавечага ў чалавеку.

Так, Анатоль Сербантовіч заклікаў людзей паверыць у свае магчымасці, ісці да канца ў пошуках высокага сэнсу існавання ў вялікім часе не толькі для сябе, але і для іншых, дзеля дасягнення вечных каштоўнасцей.

Як відаць з гэтых твораў, у паэзіі А. Сербантовіча паяднаны стройнасць вобразнай сістэмы, цэласнасць асноўнай думкі. Душа лірычнага героя востра рэагуе на няўдачы. Вершы, прысвечаныя пераменам, якія адбываюцца ў душы лірычнага героя, напоўненыя значным філасофскім зместам. Прастора і час у медытатыўнай лірыцы паэта часцей за ўсё нестабільныя: першая то звужваецца, то пашыраецца, другі то фіксуецца ў кропку, то выплэскаецца ў Космас, і таму яна нагадвае мастацкую мадэль свету, заснаваную на пастаноўцы складаных і дыялектычных пытанняў пра Дабро і Зло.

Анатоль Сербантовіч – асоба, закранутая вайной. Вершы ваеннай тэматыкі атрымалі ў яго творчасці не толькі выразнае адычнае гучанне, высокую пафаснасць, але і адрозніваюцца трагедыйнасцю, што ўзнікае

праз супастаўленне ваеннага і мірнага жыцця, праз адмаўленне аднаго і ўхваленне другога (“Асколкі”, “Міннае поле”, “Салдат” і інш.). У творах, прысвечаных вайне, аўтар фатаграфуе не толькі пэўныя падзеі, але і глыбока разважае пра лёс асобнага чалавека і грамадства ў цэлым, пра нечалавечую жорсткасць і знішчэнне дабрыні. Гэта часцей за ўсё паэтычныя заклікі да людзей, каб яны памяталі свае першавытокі і захоўвалі чалавечы воблік нават у пагранічных сітуацыях, у якіх апошні радок набывае сэнсавую нагрузку, з’яўляецца дамінантай, якой падначалены ўсе сімвалы і тропы верша.

Помніцца,
як хлапчукамі рана
Ў нейкую далёкую вясну
Пра вайну чыталі мы раманы
І гулялі толькі у вайну.

Вані, Сашы – кожны быў, як сокал,
Сокал той, што у зямлі ў гасцях.
Галаву у “бой” няслі высока,
Так, як на флагштоку сцяг.

Камандзіраў строга выбіралі.
Бралі ў рукі палкі – па каню.
Маці хусткай вочы выціралі,
Гледзячы на гэтую гульню.

Хто з нас ран не патрывожыў змалку,
Ран, што ім пакінула вайна,
Тым, што ў час ён не стрыножыў

палку –

Вернага маленству скакуна?! [1, 286].

Творы і ўспрымаюцца як фрагменты біяграфіі не толькі адной душы – душы паэта – і амаль тоеснай ёй душы лірычнага героя, але і ўсяго беларускага народа, нават шырэй – славянскай душы, якая знаходзіць апору ў адзінстве ўсяго чалавецтва і прыроды, Космаса. Паэтычная творчасць Анатоля Сербантовіча вызначаецца стылявой і жанравай разнастайнасцю, спалучае ў сабе рэалістычны і рамантычны пачаткі.

У наш час склалася такая сітуацыя, што ў творчасці асобных пісьменнікаў, прадстаўнікоў розных стылявых напрамкаў спалучаюцца розныя жанравыя адзнакі, а ў лірыцы часта сціраюцца адрозненні паміж жанрамі. Нават у межах аднаго верша часам выяўляецца рух сучаснай беларускай літаратуры да сінтэзу.

Але на пустым месцы нішто не з’явіцца, таму жанравае развіццё сучаснай літаратуры – сведчанне выкарыстання мастакамі вопыту папярэдняй эпохі, творчых набыткаў многіх майстроў і яго ўдасканалення. Найбольш пашыранымі традыцыйнымі жанрамі і жанравымі формамі ў паэзіі Анатоля Сербантовіча з’яўляюцца балада, элегія, санет.

Таму ўзнікае неабходнасць – прыядчыніць адну з таямніц вобразнага мыслення Анатоля Сербантовіча, паказаць адметнасць яго санетыстыкі. “Санет – від верша, які складаецца з пяці-, радзей чатырох- ці шасцістопнага ямба. Аб’ядноўвае два чатырохрадкоўі і два трохрадкоўі. Дзве рыфмы спалучаюць катрэны (абба абба ці абаб абаб), тры рыфмы тэрцэтаў размяшчаюцца ў залежнасці ад характару папярэдняй рыфмоўкі [ввг дгд ці ввг ддг). Такая будова санета не выпадковая, яна цесна звязана з разгортваннем зместу: у катрэнах змяшчаецца своеасаблівая экспазіцыя і разгортваецца тэма, а ў тэрцэтах падаецца яе кульмінацыя і развязка” [2, 511]. Пашырэнне тэматычнага зместу санетыстыкі патрабавала больш глыбокай распрацоўкі тэм, што немагчыма было здзейсніць з-за рамкавай абмежаванасці санетнай формы, яе невялікага аб’ёму. Менавіта патрабаваннем пашырэння змястоўнасці ў межах традыцыйнай формы была выклікана да жыцця больш складаная кампазіцыйная вершаваная структура – вянок санетаў. Гэта аб’яднанне пятнаццаці санетаў у адно змястоўнае кампазіцыйнае цэлае, з агульнай назвай, метрычнай, рытмічнай, інтанацыйна-сінтаксічнай будовай радка і спецыфічнай санетнай рыфмоўкай. Адмысловасць вянка санетаў заключаецца ў тым, што ў сваім кананічным выглядзе гэта пятнаццаць санетаў, дзе першыя чатырнаццаць звязаны ў своеасаблівае кольца (вянок), таму што апошні радок кожнага санета (санетны замок) паўтараецца ў першым радку наступнага, а апошні радок чатырнаццатага санета паўтарае першы радок першага санета. Пятнаццаты санет называецца магістралам і цалкам складаецца з першых радкоў папярэдніх чатырнаццаці санетаў, што надае цэласнасць і знітаванасць усяму твору.

Значным дасягненнем Анатоля Сербантовіча ў санетатворчасці з’яўляецца яго вянок санетаў “Курганы” – вельмі цяжкая цыклічная форма, якая патрабуе ад паэта велізарнай вынаходлівасці і майстэрства, дасканалы валодання словам, рытмікай, сістэмай рыфмоўкі і законамі вершаскладання.

У сваім вянку санетаў паэт узняў чалавечую памяць на высокі п’едэстал гонару.

Цыкл санетаў “Курганы” ўяўляе сабою не проста падбор санетаў, створаных паэтам і аб’яднаных агульнай тэмай, а адлюстроўвае яго задуму паказаць памяць у руху.

Завяршае свой вянок санетаў Анатоль Сербантовіч магістралам. Пішацца ён раней за іншыя санеты, але паколькі стаіць пасля іх, то ствараецца ўражанне яго раптоўнага і ненаўмыснага самаўзнікнення.

Магістрал вызначае ідэйную задуму ўсяго вянка санетаў, таму павінен быць выразным па выказанай думцы, дасканалым па форме:

У курганоў ёсць нешта ад званоў,
Званоў жалобы і званоў бяды,
Яны гудуць цяжэй, чым правады,
І аб усім напамінаюць зноў.

Наколькі помню – ўсе мае гады –
Тых, хто згубіў унукаў і сыноў,
Прыводзілі да вечных курганоў
Зарой пафарбаваныя сляды [1, 223].

Створаны Анатолям Сербантовічам вянок санетаў “Курганы” з’яўляецца ўдалай спробай паэта адрадзіць, удасканаліць магчымасці паэзіі, якая не абмяжоўваецца нарматыўнымі і фармальнымі законамі, дасягнуць новых вышынь адлюстравання рэчаіснасці ў межах цвёрдых жанравых формаў санетаў.

Санетысты спрадвеку апявалі каханне, апісвалі складаныя духоўныя перажыванні, і толькі некаторыя паэты ў сваёй творчасці змаглі ў складанай форме ўвасобіць філасофска-медытатыўны змест.

Анатоль Сербантовіч пераадолеў даўнія традыцыі, на якія абапіраліся майстры вянкаў санетаў як мастацкай цэласнасці, надаў новае дыханне, здавалася б, непарушнаму на працягу дзесяцігоддзяў жанру. Рамантыкі ад прыроды, беларускія санетысты нібы нязмушана, без намаганняў надаюць вершам эмацыянальнае гучанне, але пры гэтым скіроўваюць кожную строфу санета ў зададзенае жанрам рэчышча глыбокай змястоўнасці, афарыстычнасці і медытатыўнасці.

Маўклівае трывожнае зацішша.
– О першы і апошні мой санет,
Скажы мне, што пра нас напіша
Сапраўдны, не такі, як мы, паэт?

– Пісалі вы пра яблыкі і вішні,
І нават кожны куст лясны апет.
Паэт – яшчэ нікольні не паэт,
Калі, як Данка, да людзей не выйшаў.
Даволі росы ў травы абтрасаць,
Дарогі трэба сэрцам асвятляць.
Нам новыя відны ўжо далячыні.
І калі будзеш ты, паэт, такім,
То лягуць верша шчырыя радкі
Айчыне на чало, нібы маршчыны [1, 333].

У філасофскім падыходзе да жыцця, у медытацыях паэта доля рацыяналістычнага моцна пацясніла эмацыянальны пачатак, аднак у лепшых сваіх творах паэт змог дасягнуць гарманічнай раўнавагі і сінтэзу роздуму і болю перажытага.

Літаратура

1. Сербантовіч, А. Жаваранак у зеніце: вершы / А. Сербантовіч. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 478 с.
2. Рагойша, В. Паэтычны слоўнік / В. Рагойша. – Мінск: Бел. навука, 2004. – 576 с.

УДК 821.162.3

М. Г. Лобан

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ МИЛАНА КУНДЕРЫ В РОМАНЕ «БЕССМЕРТИЕ»

В статье исследуется проблема художественной интерпретации бессмертия на материале одноименного романа Милана Кундеры. С помощью принципа композиционной антинормы рассматриваются образы главных героев. Сопоставляя жизненные коллизии современных героев и их великих предшественников, познавая свое через чужое, писатель выносит на суд читателей Закон Вечности – Закон сложения/вычитания и дает некоторые рецепты к его достижению.

«Эмигрант несется навстречу бессмертию», – так определила современная критика общий подход к идее романа, намекнув на биографию самого автора [1, 1]. И это не случайно. С 1968 года Милан Кундера активно участвует в политической жизни страны (акции протеста против оккупации Чехословакии советскими войсками). За это писатель был лишен преподавательской деятельности, книги его были изъяты из государственных библиотек, а сам автор получил пожизненное вето на издание своих произведений на Родине. В 1975 году Кундере пригласили в Реннский университет (Франция) читать лекции по сравнительному языковедению. В 1979 году за роман «Книга смеха и забвения» Милан Кундера был лишен чехословацкого гражданства. Железный занавес захлопнулся: сам писатель и его произведения на Родине были запрещены. Вернуться к своему читателю романист смог лишь по-французски.

Книга «Бессмертие» (1988 г.) стала первым романом, написанным на французском языке. В нем автор остался верен себе: изучая нравы современного общества, он пришел к серьезным обобщениям и создал несколько художественных моделей иммортализации (преодоления смертности).

Словарь русского языка С. И. Ожегова выделяет следующие основные значения слова «бессмертие»:

1. Посмертная слава (высок.). Стяжать себе бессмертие.

2. В религиозно-мистических представлениях: вечное существование души, загробная жизнь [2, 52].

В обыденной жизни, в религиозных, философских, научных источниках понятие «бессмертие» (преодоление смертности и забвения человека и человеческого рода) употребляется в различных смыслах. «Можно выделить следующие наиболее часто употребляемые смыслы и соответствующие им виды бессмертия, – пишет Е. В. Петушкова:

1. личное бессмертие (действительное душевно-телесное продолжение жизни индивида после смерти);

2. метафизическое бессмертие (существование после смерти некой безличной психической сущности, которая поглощается абсолютной духовной субстанцией, Богом);

3. идеальное бессмертие (достижение на земле или в человеческом разуме некоторого вечного, непреходящего качества жизни);

4. реинкарнация (перевоплощение живущих на этой земле индивидов в будущие человеческие или другие живые формы);

5. биогенетическое бессмертие (продолжение человеческой жизни через потомство);

6. материальное, физико-химическое бессмертие (включение в вечный круговорот природы субстрата человеческой телесности);

7. социокультурное бессмертие (бесконечное воздействие, влияние жизни и творчества когда-то жившего человека на умы, поступки и деятельность последующих поколений);

8. историческое бессмертие (проявление значимости последствий прошлых событий человеческой истории в настоящем и сколь угодно далеком будущем)» [3, 100–101].

Зная, несомненно, обо всех онтологических признаках понятия, Кундера вкладывает в него два смысла: бессмертие бывает великим и смешным: «Бессмертие, о котором говорит Гете, не имеет ничего общего с религиозным представлением о бессмертии души. Речь об ином, совершенно земном бессмертии тех, кто остается в памяти потомков. Любой человек может достичь большего или меньшего, более короткого или долгого бессмертия и уже смолodu лелеет мысль о нем» [4, 58].

По принципу композиционной антиномии переплетаются все сюжетные линии романа. Начиная историю об Аньес и Поле, о Поле и Лоре, о Лоре и Бернаре Бертроне, автор параллельно вводит в повествование рассказ о судьбах Гете и Христианы, Гете и Беттины, Беттины и Арнима. Захваченный житейской интригой, разворачивающейся в наши дни, читатель сопоставляет ее с драматическими коллизиями, происходящими в доме великого немецкого поэта. Образы-символы (черные очки Аньес и Лоры, разбитые очки Беттины) сигнализируют о совпадении конфликтов, порожденных бессмертным любовным треугольником.

Каждый из героев-любовников размышляет о бессмертии и вырабатывает собственные «рецепты» к его достижению. «Перед лицом бессмертия люди, конечно, не равны. Нужно различать так называемое малое бессмертие, память о человеке в мыслях о тех, кто знал его (таково было бессмертие, о котором мечтал староста моравской деревни), и великое бессмертие, означающее память о человеке в мыслях у тех, с кем он лично не был знаком. Есть жизненные пути, которые ставят человека лицом к лицу с таким великим бессмертием, пусть ненадежным, даже неправдоподобным, но тем не менее возможным: это жизненные пути художников и государственных деятелей» [4, 58].

Инстинкт бессмертия заставляет Беттину Brentano исполнять роль «прелестного ребенка», который всячески навязывает себя Гете. Героиня изощренно ищет различные пути для встреч с писателем, просчитывает все ходы для того, чтобы каким-либо образом присоединиться к славе великого поэта. Когда конфликт достиг своего апогея, Христиана разбила очки Беттине и тем самым попыталась отрезать ей пути к Вечности. «Мамзель Беттина» не сдалась: «Чем меньше они виделись, тем больше писали друг другу или, точнее, тем больше она писала ему. Она написала ему пятьдесят два длинных письма, в которых обращалась к нему на «ты» и говорила исключительно о любви. Но, кроме лавины слов, ничего другого, собственно, не было, и, естественно, мы можем задаться вопросом: почему же история их любви стала столь знаменитой?

Ответ таков: она стала знаменитой потому, что с самого начала речь шла не о любви, а кое о чем другом» [4, 70]; «В 1809 году Беттина пишет ему: «У меня твердое желание любить тебя вечность». Прочтите внимательно эту, казалось бы, банальную фразу. Слова «вечность» и «желание» гораздо важнее в ней, чем слово «любить».

Не стану дольше держать вас в напряжении. То, о чем шла между ними речь, была не любовь. То было бессмертие» [4, 72]. Беттина обессмертила свое имя, решив отредактировать «Переписку Гете с ребенком», но обессмертила она и имя Христианы, навечно закрепив за ней определение-ярлык («толстая колбаса взбесилась и искусала ее») [4, 57].

Загадкой для исследователей, по мнению М. Кундеры, остался выбор Гете: он предпочел расстаться с Беттиной и встал на защиту Христианы и интересов семьи.

Гете так объяснил «теорему бессмертия» Хемингуэю: «Бессмертие – это вечный суд» [4, 91]. Великий поэт указал на несочетаемость того, что человек представляет из себя на самом деле, и того, каким он остается в памяти потомков. «Вера людей в бессмертие и стремление к нему играют роль своеобразного психологического и ценностно-мировоззренческого гаранта цельности родового человеческого бытия и существования незыблемых высших ценностей и смыслов. Они обеспечивают психологическую защиту человека от страха смерти и дают ему

возможность жить полноценной жизнью, невзирая на знание неизбежности своей смерти» [3, 101]. Великие герои творят свое великое бессмертие. Гете – гарант высших моральных ценностей, все, к чему он прикасается, становится в глазах общественности бессмертным. Поэтому к нему так тянутся как простые смертные (Беттина), так и знаменитости (Наполеон, герцог Веймарский Карл-Август). Авторский неологизм «имагология» (тонкий государственный механизм, позволяющий увековечить чье-либо имя) возникает именно в эпизодах, раскрывающих тему «искусства и власти» (меценатства и клиентизма, практики признания и практики служения). Эффект скрытой камеры, которая наблюдает за всеми, по мнению автора, изменил отношение современных людей, в том числе и писателей, к бессмертию. Их занимают лишь красивые позы и жесты, с которыми они уйдут в мир иной. Вечный жест Аньес пытается повторить Лора, черные очки, также скопированные у Аньес, героиня даже старается приукрасить, придав им больше шарма и сексуальности. Сканировав позу, жест, вещь, Лора клонирует вначале любовные интриги с многочисленными мужчинами, а потом посягает на счастье собственной сестры. К сожалению, разбитые очки Лоры не заставили Поля пойти по стопам великого Гете.

К бессмертию стремились многие герои романа Милана Кундеры: Гете, Хемингуэй, Бетховен, Сальвадор Дали, Рубенс, Аньес, Лора, Поль, профессор Авенариус. Все они пытались утвердить свою оригинальность, неповторимость и исключительность методом сложения / вычитания: «Аньес вычитает из своего «я» все внешнее, наносное, дабы таким путем дойти до самой сути (не без риска того, что в результате подобного вычитания окажется на полном нуле). Метод Лоры прямо противоположен: чтобы ее «я» стало более зримым, более осязаемым, уловимым, более объемным, она без конца прибавляет к нему все новые и новые атрибуты, стремясь отождествиться с ними (не без риска того, что под грузом прибавляемых атрибутов исчезнет сущность самого «я»)» [4, 110–111].

Всем им пришлось отстаивать свое право на любовь, которая раскрыла в них все самые потаенные стороны души. Любовь для героев стала высшей ценностью (личное бессмертие), руководством к действию на благо ближних (социокультурное бессмертие). Именно любовь вела их к Вечности, помогала понять смысл жизни и нести ответственность перед неизбежностью смерти (идеальное бессмертие). Насколько имагология Милана Кундеры применима в современных условиях? Готовых ответов писатель не дает и как любой классик лишь приглашает читателя к диалогу.

Литература

1. Куталов, К. Книга на вчера / К. Куталов // [Эл.ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/lit/2000-01-27/2_kundera.html. – Дата доступа: 10.02.2014.

2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990. – 917 с.

3. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280с.

4. Кундера, М. Бессмертие: Роман / М. Кундера; пер. с чеш. Н. Шульгиной. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классики», 2008. – 384 с.

УДК 811.161.1'42

Г. А. Милаш

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ТРИАДА И. БРОДСКОГО: ЯЗЫК – ВРЕМЯ – ПРОСТРАНСТВО

В статье предпринята попытка культурологического анализа философско-эстетической триады И. Бродского «язык – время – пространство»

Имя русского поэта, Нобелевского лауреата по литературе (1987) Иосифа Александровича Бродского (1940–1996) стало известным и почитаемым широкой аудиторией постсоветского пространства довольно недавно. Однако с уверенностью можно сказать, что оно заняло достойное место в плеяде русской поэтической классики XX века среди таких имен как М. Цветаева, О. Мандельштам, А. Ахматова и других.

Веру Бродского в поэтическое слово необходимо рассматривать в контексте его взглядов на время и пространство. Время и пространство – центральная дихотомия в философско-эстетической системе И. Бродского. Его всегда интересовало время и тот эффект, который оно оказывает на человека. Сам Бродский говорил: «Все мои стихи более или менее об одной и той же вещи – о Времени, о том, что Время делает с человеком [3, 79]. Время – враг человека и всего, что человеком создано и ему дорого. Оно вплетается в человека, который стареет, умирает и превращается в «пыль» – «плоть времени»».

Разница между временем и пространством выражается у Бродского противопоставлением «идеи» и «вещи»:

Время больше пространства. Пространство – вещь.

Время же, в сущности, мысль о вещи.

Жизнь – форма времени...

(«Колыбельная Трескового мыса»).

Против всепоглощающего Времени, ведущего к исчезновению и мира, и человека, Бродский ставит Слово. Один из сборников И. Бродского носит название «Часть речи». Название глубоко символично: человек, в особенности поэт, является частью языка, который старше его и который продолжает существовать после того, как время справится с его слугой.

Победа поэтического слова над временем и смертью прослеживается во многих стихах:

Мне нечего сказать ни греку, ни варягу.
Зане не знаю я, в какую землю лягу.
Скрипи, скрипи, перо! Переводи бумагу.
(«Пятая годовщина»)

В лекции, прочитанной И.А. Бродским при вручении Нобелевской премии, отмечалось, что искусство, если чему-то и учит, то, в первую очередь, учит частности человеческого существования. Произведение искусства, литература в особенности и стихотворение в частности, обращается к человеку «тет-а-тет». И язык при этом является не только средством, каналом передачи информации, но и самой сущностью, материализацией мира, образа, вещи, идеи, говоря языком И. Бродского, Времени и Пространства.

Язык и литература, по мнению И. Бродского, наиболее древние вещи в сравнении с любыми другими формами общественной жизни. Язык и литература – всегда «сегодня» и даже «завтра», в сравнении с философией, этикой и даже эстетикой государства, которые всегда «вчера». Литература, и поэзия в частности, «помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе... и избежать тавтологии» [2, 47]. Этим искусство и отличается от жизни, что оно всегда избегает повторения. В искусстве повторение невозможно, иначе это называется «клише».

Важное место в философско-эстетической концепции И. Бродского занимает его постулат «эстетика – мать этики». Язык – универсальный, живой феномен. Всякая новая эстетическая реальность, по мнению Бродского, уточняет для человека реальность этическую, ибо эстетика – мать этики. Эстетический выбор всегда индивидуален и эстетическое переживание – всегда переживание частное. Эта частность, с точки зрения Бродского, обретает форму литературного или какого-либо иного вкуса. Человек с эстетическим вкусом, в частности литературным, легче и увереннее ориентируется в социальном, политическом пространстве, менее восприимчив к политическим доктринам и лозунгам, по крайней мере, более автономен в принятии решения: «Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее – хотя, возможно, и не счастливее» [2, 48]. Поэтому, скорее в прикладном, чем в иррациональном смысле Бродский призывает понимать фразу Ф. М. Достоевского, что «красота спасет мир» или высказывание Мэтью Арнолда, что «нас спасет поэзия». И. Бродский менее оптимистичен в данном вопросе: «Мир, вероятно, спасти не удастся, – пишет поэт, – но отдельного человека – всегда можно» [2, 48].

Таким образом, эстетическое чувство, по Бродскому, коренится в человеке на генетическом уровне. Человек изначально воспринимает мир

на эстетическом уровне, инстинктивно знает, что ему нравится, а что не устраивает: «В антропологическом смысле... человек является существом эстетическим прежде, чем этическим» [2, 48]. Данный тезис И. Бродский аргументирует следующим примером: несмышленный младенец, с плачем отвергающий незнакомца или, наоборот, к нему тянувшийся, отвергает его или тянется к нему, инстинктивно совершая выбор эстетический, а не нравственный. Если считать, что речь – то, что отличает человека от животного мира, то литература – и, в частности поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет «видовую цель» человеческого рода.

В Нобелевской лекции Бродский отмечал: «Поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования. Язык же – даже если представить его как некое одушевленное существо (что было бы только справедливым) – к этическому выбору не способен» [2, 53].

По каким бы причинам человек ни брался за сочинение стихотворения, результатом этой деятельности, последствием этого процесса является «ощущение вступления в прямой контакт с языком, точнее – ощущение немедленного впадения в зависимость от оногo...» [2, 53]. Процесс стихосложения, по мнению Бродского, является мощным ускорителем сознания, мышления и мироощущения в целом. Поэт никогда не знает, чем и как может закончиться стихотворение. Иногда получается лучше, чем предполагалось, мысль заходит дальше, чем рассчитывал поэт. Это тот самый момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее. Испытав такое ускорение единожды, человек впадает в зависимость от процесса стихосложения, подобно зависимости от наркотиков или алкоголя. И. Бродский заканчивает свою лекцию фразой, которая, по сути, сегодня приобрела уже значение афоризма: «Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом» [1, 54].

Для Бродского язык дан свыше, спущен сверху, а не взращен снизу. А. Кушнер в интервью В. Полухиной отмечал, что Бродский внес много нового в поэтический язык, придал ему изощренность, экспрессивность, энергию. Сложные синтаксические конструкции поэта он называет «виртуозными» и даже «умопомрачительными».

Близкий друг И. Бродского Владимир Уфлянд подчеркивал абсолютную зависимость поэта от русского языка. Он считал, что его стихи могут быть написаны только по-русски. Кроме того, Бродский дал сильный толчок процессу конвергенции русской и английской поэзии. Это значительный и очевидный его вклад в русскую поэзию. Заслуга Бродского еще и в том, что он внес огромный вклад в дело возрождения русского языка за счет использования самых разных его пластов, вводя в свои стихи архаизмы, вульгаризмы, иностранные слова и т.д. Вершина языка создается крупнейшими писателями и поэтами. И язык Бродского,

как крупнейшего представителя русской поэзии второй половины XX века, является тем самым «великим и могучим» в высшем своем проявлении. В послесловии к книге Ю. Кублановского «С последним солнцем» (Paris Presse Libre, 1983) Бродский пишет: «У поэта есть только один долг перед обществом: писать хорошо. Собственно, это долг не столько перед обществом, сколько по отношению к языку. Поэт, долг этот выполняющий, языком никогда оставлен не будет» [2, 178].

С точки зрения М. Мейлаха, Бродский создал новую форму русского поэтического языка, обострив до невероятности определенные языковые структуры, которые до него существовали в невыраженном виде или вообще не применялись. Он отмечал, что русский язык советского периода невероятно далеко ушел от литературного языка и все еще находится в состоянии все большего размывания. Это ощущается в фонетике, в синтаксисе и т.д. Язык превращается в кашу. Поэтому, структурирование языка – очень насущная задача. И в этом смысле поэзия в целом, и поэзия Бродского в частности, спасает язык.

Отношение Бродского к отечеству выражается прежде всего в его отношении к русскому языку. Он считает, что единственной формой патриотизма для поэта является его степень зависимости от языка, на котором он пишет: «Самое святое, что у нас есть, – это, может быть, не наши иконы и даже не наша история, – это наш язык» [2, 222]. Может быть, это высказывание слишком категорично, но данная категоричность лишь подчеркивает патриотизм И. Бродского к «равнодушной отчизне» и его безмерную любовь к русскому языку.

В эстетической иерархии Бродского поэзия стоит выше прозы. В его триаде «язык – время – пространство», время больше, чем пространство, а язык больше, чем Время. Писать – это, по существу, попытаться настигнуть или удержать «утраченное или текущее Время». Для этого у поэта есть специальные средства, которых у прозаика нет: размер стиха, цезуры, синтаксические паузы, безударные слоги, разные окончания. Рифма также есть способ реорганизовать и удержать время; она отсылает назад, но и создает ожидание, то есть будущее. Когда Бродский подчеркивает значение формы, он это делает, будучи уверенным в ее двойной функции – структурирующего элемента и носителя культуры. Он хотел писать так, чтобы быть понятым своими предшественниками.

Таким образом, утверждение абсолютной ценности формы является не выражением формализма, а фундаментом того, что можно назвать поэтикой Бродского.

Чтобы легче двигаться вместе со временем, стихотворение должно попытаться подражать его монотонности. В пьесе «Мрамор» Туллий словами Бродского говорит, что «все, что тона не повышает... Это и есть искусство... Чем монотонней, тем больше на правду похоже» [3, 92]. К такой просодической монотонности Бродский с годами стал стремиться

все более и более. Он стремился к нейтральности тона, и изменение размера его стихов свидетельствует об этом. Манера чтения стихов у Бродского очень индивидуальна. Свой голос он описывает как глухой, почти неслышимый:

Я говорю с тобой, и не моя вина
если не слышно. Сумма дней, намозолив
человеку глаза, так же влияет на
связки. Мой голос глух, но, думаю, не назойлив.

(«Послесловие»)

Приглушенный голос поэта практически стирает границы между звуком и тишиной. Ближе к ритму Времени трудно подойти. Как и у Туллия, идеал – как можно больше уподобить себя Времени. Поэт может манипулировать Временем с помощью размера и ритма. Интонационной нейтральности, к которой стремился Бродский, лучше всего соответствует акцентный стих, или амфибрахий. Последний привлекает Бродского тем, что в нем присутствует монотонность, сняты акценты и патетика. Это абсолютно нейтральный размер.

Таким образом, поэт может создавать новое время, которое подобно самому Времени. Однако слияние со временем – не только эстетическая цель, не только способ выживания для стиха, оно имеет для Бродского более глубокое экзистенциальное значение. Так как настоящее (жизнь) является коротким отрезком времени между прошлым и будущим, то лучше уже сейчас привыкнуть к тому, что будет. Бродский любил цитировать греческого эпиграмматика Леонида Тарентского: «Пытайся имитировать время, но не горюй, если тебе не удастся, ибо, когда умрешь, будешь им» [3, 94].

В элегии, написанной У. Х. Оденом на смерть Йейтса, Бродский нашел мысль о том, что время «боготворит язык». Это произвело на него неизгладимое впечатление: язык выше не только общества, но и поэта и самого Времени. Взгляд И. Бродского на язык как на некую вневременную, внепространственную, чуть ли не метафизическую, величину вызывал сильные возражения его оппонентов. Однако следует иметь в виду, что Бродский находил подтверждение собственным размышлениям о жизни и поэзии у У. Х. Одена. Утверждение Одена о примате поэзии над временем для человека, осужденного на ссылку за то, что он пишет стихи, стало мощным оружием. А для человека, воспринимающего человеческую драму прежде всего как экзистенциальную, а не социальную, отношение Одена к действительности представлялось единственно правильным. Защищая Одена, Бродский защищал самого себя. Он и был русским Оденом, боготворившим язык.

Літаратура

1. Бродский, И.А. Сочинения Иосифа Бродского. Том VI / И.А. Бродский. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000. – 456 с.
2. Полухина, В. Иосиф Бродский глазами современников. Книга первая (1987–1992). Издание второе / В. Полухина. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2006. – 384 с.
3. Янгфельдт, Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском / Б. Янгфельдт. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 368 с.

УДК 821.161.3.09

В. В. Навіцкая

УЛАДЗІМІР КАРАТКЕВІЧ: НА ХВАЛІ ДАВЕРУ ДА НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ГІСТОРЫІ І ЎЛАСНАГА ТАЛЕНТУ

У артыкуле асэнсавана праблема фарміравання светапоглядных і стылёвых асноў рамантычнага і рэалістычнага пісьма У. Караткевіча на шляху пісьменніка да мастацкага ўвасаблення прысутнасці беларуса ў гістарычным часе і прасторы.

У літаратурным працэсе ХХ–ХХІ стагоддзяў творчасць Уладзіміра Караткевіча займае асобае месца. Гэта абумоўлена і маштабамі здзейсненага, і глыбінёй пранікнення ў нацыянальную гісторыю, і мастацку арыгінальным спалучэннем мінулага з сучаснасцю. Магутны прыродны талент У. Караткевіча, яго творчая апантанасць, грамадзянская непахіснасць у абароне права творцы на вяртанне свайму народу памяці пра велічнае і трагічнае мінулае – усё спрыяла таму, што яго ідэі, канцэпцыі, вобразы былі незвычайна папулярнымі ў чытацкім асяроддзі і прыцягальнымі для наступных пакаленняў беларускіх літаратараў (У. Арлоў, А. Бутэвіч, Л. Дайнека, Г. Далідовіч, В. Іпатава, В. Коўтун, Л. Рублеўская, А. Наварыч, К. Тарасаў, В. Чаропка і інш.). Яны ажыццявілі даўнюю мару пісьменніка пра стварэнне школы беларускага гістарычнага эпасу.

Пра тое, як ішоў працэс далучэння У. Караткевіча да літаратурнай справы, да «прарастаўня» гісторыяй, у якім напрамку вяліся пісьменнікам пошукі адпаведнага матэрыялу – дакументальных звестак, фактаў, жыццёвых сцэн, эпизодаў, падзей, побытавых дэталаў, – як набываліся веды адносна разумення прасторава-часавых рэалій, характэрных для той эпохі, якую абжывалі народжаныя самой рэчаіснасцю яркія тыпы, пераствораныя аўтарскай фантазіяй у новую мастацкую рэальнасць, ёсць нямала цікавых прызнанняў пісьменніка на старонках яго багацейшага эпісталарыя.

Павышаную ўвагу да духоўнай культуры народа, да яго гістарычных помнікаў-курганоў абудзіў найперш дзед Васіль Грынкевіч, таленавіты казачнік, знаўца народных легендаў, паданняў. Пра яго ўнікальныя здольнасці пісаў У. Караткевіч у лісце да Максіма Танка ад 27 мая 1956

года. Прызнаваўся, што «менавіта ад яго я палюбіў прыроду, гісторыю (ён калісь рабіў раскопкі курганоў і шмат чаго цікавага распавядаў), навучыўся лавіць самоў «на квок», палюбіў бадзяцца і іншае» [1, 160]. Факт актыўнай прысутнасці дзедзды Грынкевіча ў жыцці і творчасці брата вольна як засведчыла ў сваіх успамінах і Наталля Сямёнаўна, сястра Уладзіміра Караткевіча: «На маю думку, менавіта дзед Васіль даў Валодзю першы ўрок натуральнай беларускасці, бо маці наша па-беларуску не гаварыла, лічыла, што недастаткова ведае мову. Бацька часцей карыстаўся дыялектам. А сустрэчы з дзедзды адкрывалі Валодзю глыбіню і мудрасць беларускай народнай душы» [2, 32].

З часоў дзяцінства (хваравітасць малага, ранняе знаёмства з кнігай, абмежаванасць актыўных дачыненняў з навакольным светам) закладваліся асновы мастацкіх уяўленняў, фантазій. Так пачыналі абазначацца фарміравацца дзве светапоглядна-стылёвыя дамінанты творчага метаду будучага класіка беларускай літаратуры У. Караткевіча, які арганічна спалучаў у сабе рамантычныя і рэалістычныя прынцыпы адбору, абагульнення і ацэнкі пісьменнікам жыццёвага матэрыялу, цікавасць да пазнання персанажамі саміх сябе, свайго ўнутранага свету і свайго месца ў агульначалавечай прасторы быцця.

Гаворачы аб мастацкім метадзе пісьменніка, большасць даследчыкаў схіляецца да пераважна рамантычнай канцэпцыі светабыцця і эстэтычнага выбару аўтара (У. Калеснік, А. Верабей, Д. Бугаёў, В. Жыдліцкі і інш.). Напрыклад, Д. Бугаёў у артыкуле «Рамантычны рыцар чалавечнасці» сцвярджае, што «арыгінальны мастак Караткевіч і пачынаўся як рамантык і застаўся ім на працягу ўсёй сваёй творчасці, бо рамантычнае светаадчуванне было для яго надзвычай арганічным, вызначала глыбінную сутнасць яго і літаратурных, і жыццёвых пазіцый» [3, 158].

Прафесар Макмілін, прадстаўляючы творчасць У. Караткевіча англійскай інтэлектуальнай аўдыторыі, вызначыў галоўныя стратэгіі караткевічаўскага ўвасаблення далёкай мінуўшчыны ў сістэму вобразаў і сюжэтных рашэнняў наступным чынам: «Займальнасць сюжэтаў і рамантычнае ўяўленне пісьменніка ў значнай ступені кантрастуюць з большасцю твораў беларускай літаратуры паслясталінскага перыяду» [4, 246]. Сам жа пісьменнік, спашлемся на выказванне У. Калесніка, «на спробу падвесці яго пад рамантычны эталон <...> бурна пратэставаў: Не рамантык я! Я – рэаліст. Я так бачу жыццё і пішу толькі праўду» [5, 124].

Той жа Д. Бугаёў зрабіў спробу пратлумачыць катэгарычнае непрыманне У. Караткевічам меркаванняў крытыкаў і калег па мастацкай творчасці, якія адназначна бачылі ў асобе пісьменніка толькі паслядоўнага рамантыка. Уся справа ў тым, лічыць даследчык, што савецкія тэарэтыкі «разглядалі яго як нешта непаўнаважнае, у лепшым выпадку, другарадным у параўнанні з рэлізмам» [3, 156].

У айчынным літаратуразнаўстве назіраецца выразная тэндэнцыя да размежавання рамантычнага, рэалістычнага і мадэрнісцкага або постмадэрнісцкага пачатку ў мастацкіх стратэгіях У. Караткевіча, катэгарычнай немагчымасці іх спалучэння. Між тым, славутага беларускага мастака нельга ўпэўнена аднесці да пісьменнікаў абсалютна рамантычнага складу ці да абавязковых прыхільнікаў традыцый постмадэрнізму.

На пэўным этапе творчай самарэалізацыі ў залежнасці ад стасункаў пісьменніка з часам, грамадствам, жыццёвым і літаратурным вопытам, эстэтычнымі адносінамі да рэальнай канкрэтыкі, эмацыянальна-псіхалагічнай сутнасці аўтарскага «я» ў яго мастацкую свядомасць пэўная эпоха «ўключаецца» ў абсалютна адпаведным ёй канкрэтным, праўдзівым (рэалістычным) узнаўленні побыту, нораваў, звычай і звычайяў, дзякуючы набытым ведам і багатаму ўяўленню. У той жа час персанаж як носбіт высокіх маральных і духоўна-эстэтычных ідэалаў з уласцівым яму актыўным адмаўленнем (змаганнем!) канкрэтных праяў зла ў яго агрэсіўным, вычварным абліччы абумовіць жыццёва і эстэтычна выверанае спалучэнне прынцыпаў рэалістычнага і рамантычнага пісьма. Канцэпцыю мастацкага ўвасаблення гістарычнага мінулага беларусаў, праграму выхавання нацыянальнага героя або выбітнай творчай асобы пісьменнік «выбудоўваў» у сваёй свядомасці цягам доўгіх роздумаў і апрабацыі творчых ідэй у эпістальных дыялогах з тымі, чый мастакоўскі вопыт або эстэтычны густ, думку высока цаніў. Яго дарадцамі і суразмоўцамі былі М. Танк, Я. Брыль, Е. Стулпан, А. Бялевіч, Ю. Гальперын і інш. Такія кантакты на пачатку творчай дарогі (другая палова 50-х гадоў) мелі для Караткевіча першаступеннае значэнне: уплывалі на фарміраванне яго літаратурнай самасці.

У лістах да М. Танка (май, чэрвень 1956 года) ён разважае над тым, што ў нашай літаратуры павінен з'явіцца тып, «які ўсебакова адбіваў бы рысы лепшага нашага чалавека, яго талент, яго барацьбу, які, так бы мовіць, нават часткова адбіваў бы гісторыю народа» [1, 162]. І далей выкладае грунтоўна распрацаваны план мастацкай рэалізацыі гэтай вялікай ідэі, дзе першай умовай для выяўлення беларускага характару з'яўляецца выбар эпохі, якая «павінна быць трагічнай», і героя, роўнага ёй: «Лепей за ўсё было б, каб ён быў чалавекам мастацтва» [1, 163].

Пісьменнік вивучае канкрэтных (архіўных) дакументы, якія дакладна акрэслівалі б эпоху. Караткевіч уражаны багаццем тыпаў. Яны будзяць яго фантазію, «просяца» на старонкі будучых кніг. У лісце ад 22 красавіка 1958 года да Янкі Брыля аршанскі настаўнік У. Караткевіч праінфармуе свайго адрасата наконт таго, якім бяспэчным скарбам для пісьменніка, што наважыў у мастацкім слове ўвасобіць мінулае народа, з'яўляюцца гістарычныя акты і кнігі з гісторыі быцця беларускай шляхты з XIV стагоддзя і па рэвалюцыю: «І матэрыял хутчэй парадку побытавага. Тут

адносіны з сялянамі, эканоміка, норавы, звычаі, надзвычайна цікавыя судовыя працэсы, розныя грывасы жыцця, злачынствы, сялянскі рух і г. д.» [6, 57]. А праз хвіліну ў захапленні выдыхне: «Божа мой, якія там тыпы, хоць ты іх у Плутарха засунь: звяры, распуснікі, вісусы, гулякі. Пакутнікі, святыя, дзівакі! На ўсякі асвечаны густ ёсць» [6, 58].

Усё, што так уразіла, – супярэчнасці той альбо іншай эпохі, незвычайныя лёсы, канфлікты, трагедыі, «грывасы жыцця», – абзавецца ў рэальных тыпах і дакладных малюнках жыцця, пераствораных талентам геніяльнага творцы. Трагічная эпоха паўстання 1863 года, гераічны характар і вобраз сучаснай эпохі ажывуць у рамане У. Караткевіча «Нельга забыць». Пісьменніку ўдалося спалучыць гераічную гісторыю паўстання з лёсам беларускага паэта-сучасніка, нашчадка расстралянага інсургента. Андрэй Грынкевіч мае ўнікальны дар бачыць, чуць далёкую гісторыю зусім выяўна, рэальна. Рамантычны погляд пісьменніка на далёкую гісторыю і мастацкае ўвасабленне побытавых і творчых рэалій з жыцця маскоўскай інтэлектуальнай эліты часоў хрушчоўскай адлігі абумовілі з’яўленне новага мастацкага цэлага, не характэрнага для савецкай літаратуры таго часу.

Якраз далучэнне У. Караткевіча-пісьменніка да нацыянальнага і саюзнага творчага асяроддзя (1958, Масква, Вышэйшыя літаратурныя курсы) спрыяла вывучэнню, адбору тыповых рыс, уласцівых творчай эліце, для дакладных эмацыянальна-пачуцёвых і эстэтычна-значных характарыстык адпаведных мастацкіх тыпаў, што заживуць сваім жыццём не толькі ў рамане «Нельга забыць», але і ў «Чорным замку Альшанскім».

Ёсць, напрыклад, цікавыя характарыстыкі рэальных творчых асоб, якія прыцягнулі да сябе ўвагу пісьменніка, у лістах да паэта А. Бялевіча, што захоўваюцца ў Беларускай дзяржаўнай архіве-музеі літаратуры і мастацтва. Аказваецца, блізкімі тады У. Караткевічу па духу, па творчасці, па жыццёвай і грамадзянскай пазіцыі былі Р. Шырма і П. Панчанка. Паведамляючы Антону Пятровічу пра свае настаўніцкія справы, згадае ў лісце ад 9 мая 1957 года і такое: «Запісаў некалькі старых беларускіх песень за гэты час. Не ведаю, ці вядомыя яны нават Шырме. На жаль, нотнай граматы не ведаю, а матыў вельмі складаны. Песні, відаць, старажытныя.

А ўжо ж бяроза завіваецца.

Кароль на вайну сабіраецца.

А ў каго сыны ёсць, дык высылайце,

А ў каго няма, дык хоць наймайце.

Так, двух чалавек я жадаў бы ведаць блізка, паразмаўляць з імі і можа, нават, пабываць у іх. Гэта Панчанка і Шырма. А з Панчанкам так у нас тады і не атрымалася справа. Нічога, можа яшчэ калі-небудзь так і будзе.

Успамінаю вашы жарты ў гэты мой апошні шчаслівы прыезд. Вы праўдзіва любіце яго. І моладзь яго вельмі любіць» [7, л. 1].

Калі ж стаў слухачом, то ў лісце ад 01.09.1958 напіша падрабязна пра ўмовы жыцця, паведаміць адрас інтэрната, нават намалюе план свайго пакоя і дасць агульную характарыстыку новым сябрам: «Народ усё вясёлы, дружны, вельмі цікавы. Паслязаўтра пачынаюцца заняткі і будзе яшчэ цікавей. Я вельмі шчаслівы і буду многа і добра пісаць» [7, л. 5.].

Ва ўсім угадваецца эпік-рэаліст, для якога вельмі істотным з'яўляецца веданне да драбніц самой рэальнасці, у якой дзейнічаюць яго персанажы. Нагадаем, што працытаваныя радкі старадаўняй народнай песні выкарыстае пісьменнік у рамане «Каласы пад сярпом тваім», праўдзіва, эмацыянальна раскрываючы стан душы беларуса, яго погляд на антыгуманны змест вайны.

Дарэчы, пра А. Бялевіча з вялікай сімпатыяй згадвае У. Караткевіч у пісьмах да Ю. Гальперына. З уласцівым гумарам, выкарыстаўшы прыём мастацкай стылізацыі, у лісце ад 07.10.1955 года выказаў такім чынам сваю рэакцыю на несправядлівае рашэнне парткама ўніверсітэта, які адмовіўся залічыць У. Караткевіча ў аспірантуру: «Сначала штурмовал Киев, а затем Минск. Под стенами первого потерпел страшное поражение, ... и вместе с дружиной, потеряв все осадные укрепления, бежал аки пардус или волк серый в стародавнюю вотчину, Лисовицкую весь, где стол плохой, а челядь голая и небогатая. Я было уже отчаялся, однако увидел, прибежавши, послов, кои мне сказали: «прииди ко мне, княже, в Менеск». <...> Поехал я к Минским мурам, а там меня приняли гостинно и с бережением всяческим» [8, 168]. Паездка стала вызначальнай у біяграфіі У. Караткевіча: прыхільнасць рэдакцыі часопіса «Полымя», перспектыва друкавацца, знаёмства з вядомымі літаратарамі – усё прывяло да канчатковага выбару прафесійнай дзейнасці: толькі творчасць і нічога больш.

Пройдзе ўсяго год і 11 кастрычніка 1956 года Караткевіч напіша свайму сябру пра тое, як у час Дня кнігі ў Оршы ён прымаў у сябе дома беларускіх гасцей, сярод якіх былі Вялюгін і Бялевіч. Гаварылі пра многае. У першую чаргу, вядома, пра айчынную літаратуру, пра яе тагачасны стан, пра некаторых пісьменнікаў. Асабліва цікавым падаўся Бялевіч: «Грубоватый, но очень своеобразный, прямо-таки редкий юмор в сочетании с большим умом» [8, 173]. Вялікі жыццялюб, Караткевіч быў здольны на жарты, розныя прыколы, дасціпны гумар. Цаніў гэтыя якасці ў іншых. 12 мая 1957 года падзеліцца з Гальперыным радаснай для паэта падзеяй: часопіс «Полымя» ў чэрвеньскім нумары збіраўся надрукаваць паэтычную падборку з 6–9 вершаў. Раіць выпісваць гэты часопіс: «... я теперь чаще буду печататься, наверное». І тут жа прыпомніць жарт А. Бялевіча, якога назаве сваім «старшым другом», наконт прызнання сталічнай крытыкай і чытачом паэтычнага таленту Караткевіча: «У Беларусі ёсць чатыры паэты (это в присутствии десятка других): Панчанка, Куляшоў, Бялевіч і Караткевіч». Его спрашываюць: «А Танк?» Он

делае снисхождение: «Ну, ещё и Танк, пожалуй». Человек с очень редкой, добродушной язвительностью» [8, 177]. Такія якасці, безумоўна, імпанавалі Караткевічу, выклікалі прыязнасць і шчырую даверлівасць.

Нарэшце, самую важную інфармацыю, пэўным чынам звязаную з асобай А. Бялевіча, аўтар ліста прыпасе на самы канец размовы: 26 красавіка яго прынялі ў Саюз пісьменнікаў БССР. Аднагалосна: «Подняли руки все, даже Крапива. А рекомендовали Лужанин, Велюгин, Белевич. Шапки ў паветра! Хура!» [8, 177]. Падкрэслім той факт, што прынялі толькі па публікацыях у перыядычным друку; першы зборнік лірыкі У. Караткевіча «Матчына душа» паявіцца ў 1958 годзе. Жарт А. Бялевіча, як бачым, аказаўся прарочым. Творы пісьменніка, напісаныя «на вырост», вытрымалі выпрабаванне часам: яны чытаюцца, даследуюцца, перакладаюцца, а імя іх стваральніка стала найвялікшай нацыянальнай каштоўнасцю.

Літаратура

1. Пачатак: лісты Уладзіміра Караткевіча да Максіма Танка / публікацыя А. Вераб'я // Маладосць. – 1987. – № 1. – С. 154–172.
2. Кучкоўская, Н. Юдоль святла / Н. Кучкоўская, Г. Шаблінская // Уладзімір Караткевіч. Быў. Ёсць. Буду!: успаміны, інтэрв'ю, эсэ / уклад. Г. Шаблінскай. – Мінск: Маст. літ., 2005. – С. 18.
3. Бугаёў, Д. Рамантычны рыцар чалавечнасці / Д. Бугаёў // Полымя. – 2000. – № 11. – С. 155–175.
4. Макмілін, А. Беларуская літаратура ў 50–60-я гады ХХ стагоддзя / А. Макмілін. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. – 332 с.
5. Калеснік, У. Усё чалавечае: літ. партр., арт., нарысы / У. Калеснік. – Мінск: Маст. літ., 1993. – С. 60–132.
6. Уладзімір Караткевіч і Янка Брыль. Перапіска 1958–1983 гг. / публікацыя і каментарыі Л. Мазанік // Шляхам гадоў: гісторыка-літаратурны зборнік / уклад У. Мархель. – Мінск: Маст. літ., 1990. – С. 54–138.
7. БДАМЛМ. – Ф. 330. – В. 1 – Спр. – 105. – Л. 1–7.
8. Письма Владимира Короткевича / публикация и примечания Ю. К. Гальперина // Нёман. – 1991. – № 7. – С. 165–185.

УДК 821.161.3-4

Т. С. Нурэдзіна

«ТОЛЬКИ КУЛЬТУРА ПРАЦУЕ НА ДУХ»: ЭСЭІСТЫЧНЫ ДОСВЕД ЯНКІ СПАКОВА

Артыкул прысвечаны даследаванню асаблівасцей мастацкага ўвасаблення Сіпаковым-эсэістам духоўна-маральнага аблічча пісьменнікаў «філалагічнага» пакалення, эстэтычныя густы і культура творчага мыслення якога фарміравалася пад уздзеяннем літаратурна-мастацкіх набыткаў знакавых у нацыянальнай і сусветнай прасторы постацей.

Актыўнае функцыянаванне ў беларускай літаратурна-творчай прасторы XXI стагоддзя выдатнай эсэістыкі – з’ява не толькі відавочная, але і заканамерная. Сведчанне гэтаму – мастацкі вопыт Янкі Сіпакова на шляху асваення ім прынцыпаў эсэістычнага пісьма. У гутарцы з З. Прыгодзічам пісьменнік прызнаўся, што ў рэчышчы аўтабіяграфічнай прозы пачаў працаваць з 1974 года, апрабоўваючы розныя жанры – запісы, мініяцюры, роздум. Пазней, сабраўшы падобны матэрыял пад адной вокладкай, абазначыць па-свойму, як гэта ўласціва толькі яму, Сіпакову, і жанравую прыроду кнігі: «Гэта своеасаблівы дзённік. Не звычайны нататнік, у які запісваюцца кожны дзень думкі і разважанні, а апасродкаваны водгук на тое, што адбывалася ўчора і тысячы гадоў назад. Гэта дзённік душы. Ці нават – жыцця. Я ж сам яго называю дзённікам настрою» [1, 183].

У дыялогу з Л. Рублеўскай пісьменнік заклапочана гаварыў пра такія глабальна важныя і нязменныя мэты сучаснай і будучай літаратуры свету, як «вывучаць і даследаваць словам, пачуццём чалавека і свет, у якім ён жыве і ў якім мог бы жыць». Акрэсліць пры гэтым і першасную адметнасць («прыватнасць») беларускай літаратуры «як найпаўней выразіць, паказаць сваю зямлю, свой народ, яго душу, бо ніхто ў свеце лепей і дакладней за нас не зробіць. Каб свет, пазнаёміўшыся з нашай літаратурай, мог сказаць: “Дык вось якія яны, беларусы!”» [2, 66–67]. Вось гэтак захоплена марылася ў сярэдзіне 50-х гадоў XX стагоддзя і настаўніку-паэту У. Караткевічу, калі ў лістах да М. Танка дзяліўся сваімі творчымі намерамі адкрыць беларусу яго гістарычнае мінулае, дапамагчы яму спасцігнуць самога сябе і паказаць свету гістарычную самасць беларуса.

У артыкуле «Пра Янку Сіпакова ў самым агульным плане» (1996) паэт, навуковец Н. Гілевіч вызначыў у мастацкім характары пісьменніка наступнае: давер і павага да жыцця, любоў і дабрыня да чалавека, да людзей і нарэшце «давер і павага да самога сябе, да свайго таленту і густу. А гэта само не прыходзіць. Гэта здабыта вялікім жыццёвым і творчым вопытам» [3, 305–306]. Правамерным будзе падобнае меркаванне і ў дачыненні да таго, як, напрыклад, класіфікаваў свае мастацкія набыткі творца, рыхтуючы да выдання кнігу «Пяць струн»: так абазначаны пяць накірункаў рэалізацыі таленту, а яшчэ розныя рэгістры сэрцабіцця і кожны раз іншае пачуццё, новы эмацыянальны настрой.

Літаратурна-творчыя, эстэтычныя канцэпцыі Я. Сіпакоў падае ў інфармацыйных запісах з адпаведнымі каментарыямі, у роздумах, мініяцюрах, дыялогах-спрэчках з самім сабой, сюжэтных апісаннях сцэн, эпизодаў з літаратурнага жыцця. Пры гэтым так яднае свет сваіх думак, эмоцый, навуковых досведаў і каментарыяў у мастацкае цэлае, што ў большасці выпадкаў кнігі эсэістыкі Я. Сіпакова маюць кожны раз дадатковыя жанравыя ўдакладненні – дзённік настрою «Соты», гістарычны партрэт-эсэ «Зялёны лісток на планеце Зямля». Эсэ «Мая бібліятэка» – гэта

кніга пра кнігі, а эсэ ў 2-м томе выбраных твораў аб'яднаны ў раздзел пад назвай «Пра што думалася на адзіноце». Прыгаданы раздзел – гэта калейдаскоп думак пра літаратуру, таямніцы таленту, пра душу творцы, пра штодзённае рашэнне глабальнай задачы «будзіць чалавека ў чалавеку» [4, 343]. А яшчэ пра абавязак кожнага, хто ўсвядоміў сябе пісьменнікам, працаваць са словам так, каб не быць аднастайным, пачуццёва бедным і безаблічным. За ўсім бачыцца імкненне аўтара «пісаць сэрцам», глыбока пранікаючы думкамі ў сутнасць чалавечага і прыроднага свету, ствараючы сваю філасофію быцця ў літаратуры, жыцця літаратурай. Ёсць, напрыклад, у эсэ «Наталенне смагі» абсалютна бясспрэчная думка, надзвычай актуальная для сённяшняй беларускай культурна-адукацыйнай рэальнасці: «Літаратура не стварае звыклых матэрыяльных каштоўнасцей, яна не вырошчвае хлеб, не будзе заводы, не робіць машын. Яна вырошчвае, будзе, робіць, стварае самую высокую і самую галоўную матэрыяльную каштоўнасць на зямлі – Чалавека» [4, 367]. І далей у сваіх прызнаннях аб тым, як адбываецца «наталенне смагі» тварыць, як і што ўплывае на фарміраванне духоўна-інтэлектуальнага аблічча асобы, на шляхі асваення маральна-этычных і эстэтычных вышыняў чалавекам ці пакаленнем, пэўным народам або сусветнай супольнасцю, Я. Сіпакоў якраз і наблізіцца да асновастваральнай ідэі будучага эсэ «Мая бібліятэка». Пакуль гэта ўсяго дакладна сфармуляваны тэзіс: «Кніга – гэта ж заўсёды роздум. Яна абавязкова змушае думаць. І я глыбока перакананы, што паўнацэнную, гарманічную асобу нельга выхаваць без кнігі, без літаратуры...» [4, 375]. У эсэ «Мая бібліятэка» менавіта Кніга стане персанажам, тоесным аўтару-эсэісту, і вызначальным маркерам усяго існага ў вобразным змесце і сюжэтна-кампазіцыйнай структуры твора.

Агульную карціну развіцця духоўна-інтэлектуальнага, эстэтычнага патэнцыялу беларускай творчай інтэлігенцыі канца 50 – пачатку 60-х гадоў мінулага стагоддзя, у жыцці якой галоўнае месца яшчэ з часоў ваеннага ліхалецця ці пасляваеннай разрухі і голаду заняла Кніга, унікальна намаляваў у эсэ «Мая бібліятэка» Я. Сіпакоў. Твор мае характэрны падзагалавак – «Кніга пра кнігі». Гэта сапраўды таленавіта напісаная Кніга пра жыццё кніг у прасторы і часе, у жыцці асобнага чалавека і цэлага пакалення, названага «філалагічным». Гэтаму пакаленню выпаў лёс насуперак жыццёвым нягодам тварыць саміх сябе, спяліць у сваіх душах творчы пачатак, дбаючы не толькі пра асабістыя поспехі, але і пра літаратуру. Цікавыя думкі пра час станаўлення творчага аблічча свайго пакалення пакінуў Янка Сіпакоў, гэты надзвычай таленавіты, далікатна-сціплы прадстаўнік філалагічнага пакалення: «Мы ішлі ў літаратуру не па адным. Мы ўрываўліся ў літаратуру ўсе разам – гуртам, выраем, моцнаю хваляю, усім пакаленнем. Нам так было зручней, цікавей, весялей, радасней. І чым больш было ў нас паплечнікаў, тым упэўненей мы сябе адчувалі: расце наша родная літаратура! Заўсёды думалі мы не толькі пра свае творы, але і пра літаратуру» [5, 77].

І дзённік настрою «Соты», і партрэт Беларусі «Зялёны лісток на планеце Зямля» ў пэўнай ступені падрыхтавалі з'яўленне эсэ «Мая бібліятэка». І ў адным, і ў другім творы пісьменнік часта разважае пра кнігу, яе ролю і месца ў духоўным жыцці нацыі. Праўда, малюючы партрэт Беларусі (эсэ «Зялёны лісток на планеце Зямля»), аўтар стварае агульную мадэль светабыцця нацыі, таму і вылучаны ў якасці ключавога слова займеннік наш: «Нашы лясы», «Нашы песні», «Нашы дарогі», «Нашы замкі», «Нашы кнігі» і г. д. У эсэ «Мая бібліятэка» падкрэслены выразна суб'ектыўны пачатак. У першым выпадку аўтарскае «я» не з'яўляецца суцэльнай тэмай, у той час як эсэ «Мая бібліятэка» характарызуецца такімі адметнымі рысамі эсэістычнага пісьма, як здольнасць апавядальніка мысліць, разважаць, аналізаваць, суадносячы сваё аўтарскае «я» з характэрным для яго пакалення мастацкім бачаннем тагачаснай рэальнасці, таму і становіцца дамінантным у апавядальнай плыні эсэ займеннік мы. Якраз «уласнае мысленне, развага, роздум, аналітыка, здуменне, меркаванне, – на думку В. Акудовіча, – і з'яўляюцца вызначальнымі якасцямі канструктыўных элементаў структуры эсэ як жанру» [6, 6].

Эсэ «Мая бібліятэка» як унікальнае мастацкае палатно заснавана на абсалютна канкрэтнай аснове. Кожная кніжная паліца – цікавая размова аўтара з кнігамі, чытачамі, сябрамі, высокімі душамаі вялікіх творцаў, талент якіх і сёння служыць усяму свету. Пісьменнік, па сутнасці, праводзіць свайго роду экскурсію ў святая святых – бібліятэку творцы, яго рабочы кабінет. Разам з тым – гэта далучэнне нас, сённяшніх, да духоўных скарбаў чалавецтва, да культуры ўспрымання сакрэтаў і таямніц стварэння мастацкай рэальнасці геніяльнымі творцамі. А яшчэ – гэта прачытанне на мяжы асабістай растваранасці, суперажывання трагічнасці жыццёвага лёсу чалавека, пазначанага боскім дарам тварыць.

Пры ўсёй разняволенасці аўтарскага аповеду (законы жанравай прыроды дыктуюць такі спосаб арганізацыі мастацкага цэлага) заўважаецца строгая падпарадкаванасць сюжэта самай значнай ідэі – данесці праўду пра шлях пісьменнікаў «філалагічнага» пакалення ў літаратуру.

Над усім, пра што ідзе размова – спавядальна-шчырая, развітальная, – чуецца душа ўлюбёнага ў Кнігу, у Мастацтва чалавека. Душа майстра, творцы, інтэлектуала. Па-мастацку таленавіта, з невымоўнай цеплынёй расказваецца эсэістам пра ахвярную наканаванасць жыць літаратурай, існаваць на хвалі вострай патрэбы тварыць найперш сябе як асобу, якой так шчодра адмерана выпрабаванняў – і жыццём, і талентам.

Кожны дыялог з кнігай, яе стваральнікам або іншым суразмоўцам выдае клопат пісьменніка найперш пра тое, каб не падацца каму нясціплым, амбіцыйным, недалікатным. Увогуле сціпласць Я. Сіпакова – з'ява феноменальная. Нават перадача пісьменнікам сваёй унікальнай бібліятэкі ў дар роднай Аршаншчыне, здаецца, і па сёння не ацэнена шырокай грамадскасцю як праява вышэйшай духоўнасці стваральніка сагі

пра яго старажытныя Зубрэвічы. Гэтая сціпласць заяўляе пра сябе і ў самой мастацкай структуры Кнігі пра кнігі, у філасофіі мыслення творцы, характары ўвасаблення дум і думак у сістэмнае цэлае. Вось і прарвецца роздум-сумненне, адрасаванае самому сабе: «Стой, стой, стой, хлопча... Ну і разгаварыўся ж ты! Спыніся, дружа, агледзься. А то нанізваеш усё, як на нітачку: гэта кніга, а тады гэта, а потым вунь тая... Няма стройнасці і прадумасці сюжэта» Але праз хвіліну набягае зусім іншая думка, новае адчуванне: «Прабач, а чым гэта дрэнна? Можа, яно якраз і добра, што ўсё чапляецца? Можа, менавіта гэта і ёсць сюжэт? Натуральнасць аповеда. Нязмушаная ручаіна, плынь свядомасці» [7, 88].

Ведучы размову пра час, літаратурнае пакаленне, пра свае дачыненні з мастацкім вопытам геніяльных творчых постацей, пісьменнік трапляе ў залежнасць ад шматлікіх жыццёвых і літаратурных рэалій, што ажываюць у памяці. У эсэ «Мая бібліятэка» на асноўную мастацкую ідэю выдатна працуе з'ява, якую балгарскі вучоны М. Арнаўдаў абазначыў як феномен узаемадачыненняў успамінаў з працэсам творчасці: «Гэтая незвычайная даўгавечнасць уражанняў, атрыманых калісьці, іх асаблівасць з'яўляцца ў залежнасці ад розных прычын у ланцугу перад унутраным зрокам, разам з жывымі ўспамінамі пра перажытае, маюць істотнае значэнне для любога роду творчай дзейнасці» [8, 127]. Сапраўды, тое, што было калісьці асвоена Я. Сіпаковым на ўзроўні яго інтэлектуальна-псіхалагічнай сутнасці, гэтак значна абудзілася ў мастацкай свядомасці творцы ў эсэістычнай «Кнізе пра кнігі», прымусіўшы працаваць памяць, пачуцці, настрой, мысленне, бачанне, фантазію.

Эсэістычны аповед пісьменніка пра ўласную бібліятэку ўражвае асобым талентам гаварыць пра кнігі, лёс творцаў, іх трагічнае быццё і радасць самасцвярджэння з вышыні жыццёвага вопыту, інтэлектуальнай дасведчанасці, творчай сталасці. А яшчэ на мастацкую вартасць пісьменніцкага эсэ пра кнігі моцна паўплывала таленавітае засваенне беларускім майстрам сусветных традыцый мемуарна-эсэістычнага пісьма. Раскрываючы душу, псіхалогію свайго пакалення, на якое так паўплываў іх век, бо «гэта і сапраўды быў век кнігі» [7, 89], аўтар дакладна назаве тыя пласты інтэлектуальна-мастацкай культуры народаў свету, якія дапамагалі маладым беларускім пісьменнікам вырывацца з нарматыўна-ідэалагічных інструкцый, указанняў пра што і як пісаць. Яны, дзеці вайны, уваходзілі ў мірнае жыццё з вялікай прагай вучыцца. І падлетак з аршанскіх Зубрэвіч не быў выключэннем. Яго шлях у краіну ведаў і творчасці якраз і стаў аб'ектыўным увасабленнем той суровай рэальнасці: «Тады была ва ўсім строгасць. І быў вялікі голад. Выключна на ўсё. І на кнігу – таксама» [7, 82]. Тая галодная на сапраўдную літаратуру рэальнасць адбілася ў мемуарна-бібліяграфічнай прозе Н. Гілевіча («Перажыўшы вайну», «Між распаччу і надзеяй»), эпістальярнай спадчыне У. Караткевіча, дзённіках Е. Лось.

Нельга не сказаць і пра тое, што апошнія па часе свайго напісання эсэ Я. Сіпакова – гэта не проста «Кніга пра кнігі», а «жывая бібліятэка». Пісьменнік не толькі называе імёны або знакавыя для сусветнай культуры творы. Тут часта гучаць галасы саміх творцаў. Янка Сіпакоў цытуе з твораў С. Ясеніна або М. Гумілёва, Г. Ахматавай, М. Цвятаевай, Д. Меражкоўскага, А. Белага, У. Маякоўскага, Б. Ахмадулінай, Я. Еўтушэнкі... Гучыць паэзія, проза. Згадваюцца лёсавызначальныя моманты з жыцця геніяльных творцаў – паэтаў, празаікаў, мастакоў, кампазітараў, скульптараў. Арганічна ў гэты хор галасоў, цытат, каментарыяў, ацэнак, характарыстык уключаюцца і меркаванні самога эсэіста. Яны бываюць аб’ёмныя і лаканічныя. Эмацыянальныя. І вельмі істотныя. У агульным гучанні галасоў, рытмаў, мелодый заўсёды дакладна, заўсёды трапляючы ў патрэбную ноту вядзе сваю партыю аўтар эсэ. Вось, напрыклад, падаецца цэлая абойма імёнаў – аж чатыры дзясяткі: ад Камю да Акутагавы. Пры гэтым адразу вызначаны характар дачыненняў з названымі творцамі – іх кнігі былі духоўнай патрэбаю, а не данінай модзе на кніжны бум. Аўтар даводзіць чытачу, што «ўсе яны, творцы і мудрацы розных часоў, эпох і народаў, зрабіліся для нас на той час нашымі сучаснікамі, і мы часам шмат каго з іх уяўлялі сваімі сябрамі. Мы абыходзіліся з імі, як са сваімі равеснікамі» [7, 90].

Кніжныя паліцы хатняй бібліятэкі Я. Сіпакова сабралі не толькі арыгінальныя творы пісьменнікаў розных шырот, розных мастацка-стылёвых школ, розных філасофскіх, светапоглядных сістэм. Знайшлі тут сваё месца і кнігі, якія дапамагалі пакаленню маладых літаратараў 60-х гадоў XX стагоддзя аб’ектыўна ўспрымаць поўныя драматызму жыццёвыя і творчыя шляхі-дарогі тых, хто калісьці зведаў шчаслівы і радасны або горкі, трагічны працэс здзяйснення свайго творчага «я». Гэта кнігі пісьменніцкіх біяграфій, што выдаваліся ў такіх серыях, як «ЖЗЛ», «Жыццё ў мастацтве», літаратурныя партрэты К. Чукоўскага, успаміны пра С. Ясеніна, яго родных і блізкіх, «Раман без хлусні» А. Марыенгофа, успаміны пра М. Цвятаеву яе сястры Анастасіі. Кнігі такога кшталту, як бачна, давалі адказы на многія пытанні, якія ўзнікалі ў беларускага пісьменніка па меры яго ўваходжання ў мастацкі свет таго альбо іншага вялікага творцы.

Трапляе ў поле зроку пісьменніка-кнігалюба і мемуарная трылогія А. Белага «На мяжы двух стагоддзяў», «Пачатак веку» і «Паміж дзвюх рэвалюцый». Спашлеца пры гэтым на думку даследчыкаў: трылогія – «лепшае, што напісана А. Белым пасля «Пецярбурга» [9, 62]. Імпануюць беларускаму эсэісту і тэарэтычныя высновы рускага пісьменніка адносна літаратурнай працы, мастацкай творчасці ўвогуле. Асабліва ўразіла канцэпцыя дачыненняў творцы са сваімі чытачамі, выкладзеная А. Белым у яго праблемных развагах «Як мы пішам» і «Пра сябе як пісьменніка». Ацэньваючы здольнасці чытача ўспрымаць мастацкі твор, мастацкі вобраз,

мастацкую ідэю, А. Белы мысліў глабальна. Яго пазіцыя і сёння ўспрымаецца, – падкрэслівае сучасны эсэіст, – як першаступенная аснова літаратурнай адукацыі ў школе і ВНУ: «Цікавая думка: агульнадаступнасць для ўсіх друкаванага тэксту стварыла ілюзію яго лёгкага разумення. Пісьменны, умееш чытаць – і любая кніга адкрыта перад табою. Белы ж абвяргае гэтую думку, сцвярджаючы, што чытанне – не толькі напружанне зроку, але і намаганне ўнутранага слыху, псіхалагічнага настрою, мабілізацыя сіл і працы» [9, 62].

Эсэ «Мая бібліятэка» дае безліч дзівосна-таленавітых урокаў прачытання мастацкіх твораў. Урокаў разумення таго, як і калі западаюць у душу творцы дэталі, побытавыя рэаліі, жэсты, сітуацыі, якія пазней сталым майстрам аформляюцца ў канкрэтную мастацкую рэальнасць, у якой жыву і тварыў рэальны майстар, абазначаны ў канкрэтным часе, канкрэтнай прасторы. Скажам, раманіста Пятра Бабарыкіна ведалі, бачылі, чулі многія, а вось данесці яго жывое аблічча, стварыць запамінальны славесны партрэт змог А. Белы. Змог так выяўна данесці жывасць прыроды пісьменніка, каб выдатны літаратар XXI стагоддзя, надзелены тонкім мастацкім густам, у захапленні прамовіў: «Які жывапіс! Не, я не чытаў гэта, а бачыў! Я быў там, і на маіх вачах ператваралася ў арыгінальнага чалавека, у жывую субстанцыю гэтае ўцялесненае слова Белага» [9, 64].

Выхаванне культуры спасціжэння мастацкага твора немагчыма – перакананы Я. Сіпакоў – без сур’ёзнага знаёмства з мастацка-біяграфічнай, мемуарна-эсэістычнай літаратурай, з яе багатай факталагічнай асновай, гістарычнай канкрэтыкай, характарыстыкай асяроддзя, побыту, геаграфіі маршрутаў творчай асобы. Словам, гэта тэа веды, што даюць ключ да разумення прыроды таленту творцы, эмацыянальна-псіхалагічнай сутнасці, прыроды пісьменніка, логікі яго мастацкага мыслення.

Багацце імёнаў, сістэмны характар адбору шэдэўраў сусветнай культуры, удумлівае, змястоўнае іх успрыняцце аўтарам эсэ і яго літаратурным акружэннем гаворыць і пра тое, наколькі быў самадастатковым працэс творчага станаўлення беларускай літаратурнай моладзі 60-х гадоў: «Аднак ужо маё пакаленне, – прызнаецца аўтар эсэ, – адкрывала для сябе і вялікую глыбу – цікавую амерыканскую літаратуру, сярод якой вяршыняю ўзвышаўся Эрнест Хэмінгуэй» [9, 49]. Так, дзякуючы творам пісьменнікаў і літаратуры пра іх, скажам, Парыж творчай маладосці Хэмінгуэя стаў Парыжам і беларускай літаратурнай моладзі. А яшчэ быў Парыж Г. Ахматавай, дзе яе юнацтва памятала мастака Мадзільяні. Нельга не сказаць пры гэтым пра інтэлектуальную дасведчанасць Я. Сіпакова – яна не ўкладваецца ў звыклія межы. Пра ўсё з веданнем справы, грунтоўна, доказна. У развагах пра фотагенічнасць Ахматавай заўважыць, што яе любілі маляваць: «І на партрэтах яна атрымлівалася такая ж: элегантная, задумлівая, недасяжная, стройная, велічная, поўная годнасці» [9, 53]. Аднак з асаблівым пачуццём прыгадае

той «светлы, як свята, томік выбранай паэзіі Ганны Андрэеўны», дзе «на ўсю светлую супервокладку – тая імклівая і лятучая лінія. Мадзільяні! Знакаміты партрэт Ганны Ахматавай! Усяго толькі росчырк пярэ...» [9, 53].

Натуральнасць аўтарскага аповеду, нязмушаная плынь свядомасці вяртае чытача ў эпоху знакаміта-трагічнага скрыпача-віртуоза Нікола Паганіні, а яшчэ са старонак кнігі А. Вінаградава «Аповесць пра братоў Тургеневых. Асуджэнне Паганіні» прамаўляе эпоха Пушкіна, эпоха дзекабрыстаў.

Відаць, кніга захапіла эсэіста так моцна, што размова пра гістарычныя падзеі і трагедыянасць быцця вялікіх талентаў ва ўсе часы, эпохі вядзецца на працягу аж двух раздзелаў. Янка Сіпакоў уражаны не толькі выключнай геніяльнасцю Паганіні, Моцарта, Пушкіна, неверагоднай ахвярнасцю жонак дзекабрыстаў. Ён абураны тупой няўдзячнасцю самой эпохі да спраў, да памяці Геніяў. Пры жыцці ім зайздросцяць і ненавідзяць. Пасля смерці – абьякавасць і бяспамяцтва. Толькі праз 56 гадоў Папа Рымскі дасць дазвол сыну аддаць цела майстра роднай зямлі. Не было каму пахаваць і слыннага кампазітара Моцарта. Яго цела магільшчык спіхнуў у агульную яму для беднякоў. Свой боль, пратэст і абурэнне аўтар эсэ выкажа двума кароткімі сказамі. Кожны з іх займае сваю (аўтаномную) прастору:

«Спіхнуў Маэстра!
Генія» [10, 83].

З успамінаў Александра Іванавіча Тургенева пра пахаванне Пушкіна аўтар эсэ цытуе даволі аб'ёмны ўрывак. Асабліва ўражаны наш сучаснік апошнімі словамі Тургенева – «<...> і гадзін у 7 раніцы апусцілі яго ў зямлю»... Абурэнню няма мяжы. Кожнае слова беларускага эсэіста – гэта бязлітасны вырак той гістарычнай несправядлівасці: «І ніхто? І ні слова? Моўчкі?

Божа, няўжо толькі такое пахаванне заслужыў самы найвялікшы паэт Расіі?!» [10, 85].

Спрабуе пісьменнік разабрацца і ў сутнасці таго, што адбылося 14 снежня 1825 года на Сенацкай плошчы. Праўда, тут жа спыніць самога сябе, даючы свайму чытачу чарговы ўрок мудрай павагі і тактоўнага стаўлення да гістарычных удач і памылак, актаў высокай духоўнасці і трагічнай асуджанасці: «Прабачце мне за гэтую эмацыянальную рэфлексію. Вядома ж, лёгка рэфлексаваць праз дзвесце гадоў пра тое, што адбылося ў той, незнаёмы табе час. А жыві ты тады... столькі нечаканасцей з'яўляецца! Як ва ўсім і заўсёды» [10, 85].

Найбольшай нечаканасцю для Сіпакова-пісьменніка быў лёс жанчын-дзекабрыстак. Асабліва ўразіў характар, натура, жыццёвыя прынцыпы Наталлі Дзмітрыеўны Фанвізінай з роду Апухціных. Менавіта яе ўсе лічылі прататыпам Таццяны Ларынай. Не адмаўляла гэтага і сама Фанвізіна. Кожны яе крок – учынак.

Ва ўсіх перыпетых лёсаў дзекабрыстаў Я. Сіпакоў бачыць найперш багацце матэрыялу, якога «хапіла б на другі ў свеце геніяльны шэдэўр рускай літаратуры, які б стаў упоравень з «Вайной і мірам» Л. М. Талстога» [10, 85].

У заключэнне застаецца дадаць, што асэнсаванне Я. Сіпаковым праблемы асваення беларусамі вяршынных набыткаў сусветнай культуры акрэсліла і адваротны бок гэтай праблемы – а які ж унёсак беларусаў ў сусветную культурна-творчую прастору? Каб пераканаць свайго чытача ў значнасці таго, што далі беларусы свету, аўтар прыгадае свае эсэ пра Судзілоўскага, Уласіка, Дамейку, Алфёрава, Пякарскага, заметкі пра мастакоў-жывапісцаў, якія ўвасобілі ў сваіх творах XX стагоддзё, – М. Шагал, М. Савіцкі, М. Селяшчук, Я. Батальёнак, Л. Шчамялёў, Я. Драздовіч, Ф. Рушчыц, В. Бялыніцкі-Біруля, А. Марачкін і іншыя. Як бачым, зусім апраўданым успрымаецца галоўны вывад-абагульненне апавядальніка ў эсэ «Мая бібліятэка»: «Як хораша беларусы дапамагалі свету жыць і радавацца жыццю!» [9, 77].

Эсэ «Мая бібліятэка» – твор маштабны па значнасці думак і ахопу прасторава-часовага быцця «вялікіх кніг», прысутнасці іх аўтараў у духоўнай культуры чалавецтва. Аўтар так падае, «прачытвае» найбагацейшы мастацкі матэрыял праз спасціжэнне асаблівасцей яго функцыянавання, што міжволі ўзнікае адчуванне не толькі значнасці Кнігі ў жыцці людскім, але і пагляднасці ўсяго, што пакідаюць у спадчыну пакаленням беларускія пісьменнікі 60-х гадоў XX стагоддзя.

Літаратура

1. Сіпакоў, Я. «Гэта ж якая радасць – ствараць жыццё!»: гутарку вёў З. Прыгодзіч // *Полымя*. – 2007. – № 2. – С. 176–198.
2. З Янкам Сіпаковым гутарыць Людміла Рублеўская // *Крыніца*. – 1997. – № 5. – С. 66–72.
3. Гілевіч, Н. Збор твораў: у 23 т. / Н. Гілевіч. – Мінск: ТДА «Пантограф», 2010. – Т. 15: Проза. Нататкі розных гадоў. З блізкіх і далёкіх дарог. Забаўныя гісторыі. – 606 с.
4. Сіпакоў, Я. Выбраныя творы: у 2 т. / Я. Сіпакоў. – Мінск: Маст. літ., 1997. – Т. 2: Проза. – С. 340–413.
5. Сіпакоў, Я. Мая бібліятэка: кніга пра кнігі. Паліца другая. Аўтографы / Я. Сіпакоў // *Полымя*. – 2012. – № 2. – С. 66–90.
6. Акудовіч, В. Дыскусія свабоды: эсэ пра эсэ / В. Акудовіч // *Літаратура і мастацтва*. – 1998. – 11 верасня. – С. 6–7.
7. Сіпакоў, Я. Мая бібліятэка: кніга пра кнігі: эсэ / Я. Сіпакоў // *Малодосць*. – 2011. – № 1. – С. 79–92.
8. Арнаудов, М. Психология литературного творчества / М. Арнаудов. – М.: Прогресс, 1970. – 654 с.
9. Сіпакоў, Я. Мая бібліятэка: кніга пра кнігі: эсэ / Я. Сіпакоў // *Малодосць*. – 2011. – № 2. – С. 45–88.
10. Сіпакоў, Я. Мая бібліятэка: кніга пра кнігі: эсэ / Я. Сіпакоў // *Малодосць*. – 2011. – № 3. – С. 77–96.

«ПУСКАЙ ИСТОРИЮ СТРАСТЕЙ И ДЕЛ МОИХ ХРАНЯТ
ДАЛЕКИЕ ПОТОМКИ»: ТВОРЧЕСКИЕ И ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье исследуются художественные функции христианских образов и мотивов в лирике М. Ю. Лермонтова. Разработаны методические рекомендации по изучению творческого наследия поэта в школьном курсе русской литературы.

М. Ю. Лермонтов – непостижимая тайна и загадка всей русской литературы. Психологизм, философичность, лиризм, антонимичность мира и контрастность образов – неотъемлемые черты стиля лермонтовского творчества – и сегодня в центре внимания современной литературоведческой и философской науки. «Непосредственный поэтический отклик на душевные впечатления от жизни – вот нерв его поэзии», – утверждает А. И. Журавлева [1, 304].

Особое место в системе художественного мира поэта занимают христианские мотивы. Как и все русские люди его времени, М. Ю. Лермонтов был воспитан в традициях православия, и ни в мемуарах, ни в творчестве поэта нет никаких свидетельств влияния на него атеистических идей. Бесспорно, что в его поэзии немало «богоборческих» мотивов, основанных на неприятии несовершенства мира, но его лирические переживания, как правило, представляют собой диалог, обращение к Богу, но никак не отрицание его существования («Не обвиняй меня, всеильный...»), «Исповедь», «Благодарность» и др.)

Воображение Лермонтова с юных лет тревожила общехристианская легенда о взбунтовавшемся против Создателя ангеле, который не сумел понять, почему в мире столько зла, и, оставшись бессмертным, был отлучен от божественного миропорядка. Трагедию лермонтовского героя мы и наблюдаем в его поэме «Демон». Но бунт против мироздания – вовсе не идеальное состояние человеческого духа: идеал в понимании поэта – это как раз гармония с миром.

«Светлая, задушевная, теплая вера» поэта художественно выражена в стихотворениях «Ангел», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Ветка Палестины», «Выхожу один я на дорогу», «Родина» и др. Образы райского блаженства, ангела-херувима, «теплой Заступницы», «святых видений», «святого креста», «святой гробницы», «мерцающей лампы» возникают в лирике поэта как символы христианского смирения и покоя среди житейских забот.

Особую роль в поэзии М.Ю. Лермонтова играют исповедальные молитвы («Не обвиняй меня, всесильный...», 1829), «Я, мать божия, ныне с молитвою...», 1837), («В минуту жизни трудную...», 1839). Молитва есть словесное выражение живого богообщения. Она вмещает бесконечно многое: веру в отеческую любовь Всевышнего, убежденность в действенности молитвенного слова, познание себя, стремление к покаянию, очищению, спасению. Для поэта обращение к Богу – это не ритуал, а особое, молитвенное состояние. Потребность «говорить к Богу» открывается ему в той или иной жизненной ситуации. Часто молитва перерастает в глубокое любовно-лирическое признание, но и само любовное чувство вызывает молитвенные настроения в душе поэта, что характерно для стихотворения «Молитва» («Я, мать божия, ныне с молитвою...»), в котором поэт обращается к Божьей матери как к «теплой заступнице мира холодного», прося у нее защиты для «девы невинной».

В зрелой лирике Лермонтова религиозное чувство часто сливается с восторгом, вызванным красотой природы. Ощущением гармонии, покоя, веры в возможность освободиться от трагического одиночества пронизаны строки стихотворения «Выхожу один я на дорогу»: «Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, // И звезда с звездою говорит». В стихотворении «Родина» нет даже упоминания о Боге, но поэт чувствовал соборность жизни России, народное сознание и мироощущение.

Поэт в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» утверждает гармонию и на земле, и на небесах. Лирический герой внутренне спокоен, когда находится на лоне природы и чувствует себя частью Вселенной. Только такая сопричастность с природным миром позволяет «счастье постигнуть на земле» и «в небесах увидеть Бога». Таким образом, в лирике поэта образ Бога выступает как хранитель и творец вселенской гармонии.

Литературное наследие М. Ю. Лермонтова традиционно представлено в школьном курсе литературы (лирика поэта, поэмы «Бородино», «Мцыри», «Демон», «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», роман «Герой нашего времени»). Программа по русской литературе предусматривает изучение творчества поэта в его тематическом и жанрово-родовом аспектах. Духовные искания Лермонтова не являются предметом осмысления учащихся. Эта сторона творческого наследия поэта предлагается нами в качестве объекта изучения на факультативных занятиях в 9 классе, тема которых ««Я не хочу, чтоб свет узнал / Мою таинственную повесть. / Как я любил, за что страдал, / Тому судья лишь Бог да совесть»: христианские мотивы в лирике М. Ю. Лермонтова».

Школьникам для понимания данной темы предлагаются фронтальные, индивидуальные и групповые задания.

Фронтальные задания:

1. Д. С. Мережковский, один из интереснейших представителей русской литературы рубежа XIX–XX вв., очень тонко и глубоко обозначил феномен А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: «Пушкин – дневное, Лермонтов – ночное светило русской поэзии. Вся она между ними колеблется, как между двумя полюсами – созерцанием и действием». Как вы понимаете слова Д. С. Мережковского? В чем заключается главное отличие поэзии А. С. Пушкина от поэзии М. Ю. Лермонтова?

2. В каких стихотворениях поэта звучат христианские мотивы? Какие стихи особенно близки вам? Охарактеризуйте лирического героя М. Ю. Лермонтова в его взаимоотношениях с Богом.

3. Что такое молитва как речевой жанр? Как структурно-смысловые элементы церковных молитв художественно реализуются в стихотворениях «Молитва» (1829), «Молитва» (1837)? Почему лирику М. Ю. Лермонтова можно назвать «стихом-молитвой»?

4. Прочитайте стихотворение «Молитва» (1837) и ответьте на вопросы: когда человек обращается к молитве? Как воспринимается молитва лирическим героем стихотворения? Как происходит очищение?

5. Стихотворение «Молитва» («Я, мать божия, ныне с молитвою...») М. Ю. Лермонтов ввел в текст письма М. А. Лопухиной от 15.02.1838 г. под названием «Молитва странника». Определите наиболее значимые слова, в которых раскрывается духовный смысл стихотворения? Как связано это стихотворение с любовной лирикой поэта? Расскажите историю любви Лермонтова и Варвары Лопухиной.

6. Стихотворение «Ветка Палестины» было написано в 1837 г. по воспоминаниям Э. А. Шан-Гирея, пальмовая ветка была подарена А. Муравьевым Лермонтову и хранилась в «ящике под стеклом» как символ надежды на возможное примирение, согласие поэта с богом и признание его величия. Какие вопросы задает лирический герой пальмовой ветке? Как они проясняют причины тягостного душевного состояния героя? В чем символический смысл образа ветки в стихотворении?

7. Определите эмоциональный тон стихотворения «Молитва» («В минуту жизни трудную...»). Как в стихотворении передано состояние душевной просветленности героя?

8. М. Ю. Лермонтов был не только блестящим поэтом, но и замечательным художником. Составьте цветовую гамму стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива» и подумайте над вопросами: почему в этом стихотворении о гармонии мира природы и человека М. Ю. Лермонтов рисует столь многоцветную картину? Как объяснить своеобразие лермонтовского пейзажа? Какие строчки являются главными

в стихотворении? Как в них подчеркивается особая ценность слияния с природой **и**, вместе с тем, редкость **и** временность этого состояния души?

9. Какие портреты Лермонтова работы разных художников вы знаете? В каком из портретов, на ваш взгляд, запечатлен «истинный» облик Лермонтова?

10. Д. Андреев в историко-литературном трактате «Роза мира» писал: «Миссия Лермонтова – одна из глубочайших загадок нашей культуры... в личности и творчестве Лермонтова различаются без особого усилия две противоположные тенденции. Первая: линия богоборческая, обозначившаяся уже в детских его стихах... И, наряду с этой тенденцией, в глубине его стихов с первых лет до последних тихо струится вторая струя: светлая, задушевная, теплая вера». Согласны ли вы с этим суждением Д. Андреева о М. Ю. Лермонтове? Обоснуйте свое мнение.

Индивидуальные задания:

1. Стилистический эксперимент «Я ныне с молитвою» (объяснить смысл употребления эпитетов в стихотворении «Молитва» 1837 г.).

2. Подготовьте цикл иллюстраций к сборнику М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...».

3. Конкурс чтецов «В минуту жизни трудную...».

Групповые задания:

1. Реферат «Библейские образы и христианские мотивы в лирике М. Ю. Лермонтова».

2. Вечер русского романса «Лермонтов и музыка».

3. Эссе «К портрету М. Ю. Лермонтова».

Это интересно. Интересна судьба стихотворения «Молитва» («В минуту жизни трудную...»). Известно, что между императором Николаем I и его супругой велся спор о литературном значении Лермонтова. Особенно он обострился после выхода романа «Герой нашего времени». Царицу взволновала дуэль Лермонтова с Барантом. Она была на стороне семейства Лермонтовых. В эти дни императрица заносит в свою записную книжку строки из стихотворения «Молитва»:

В минуту жизни трудную
Теснится в сердце грусть.
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть...

Они передают какие-то душевные переживания Александры Федоровны. Религиозная царица видела залог спасения от «сатанических»

искушений автора «Демона» и «Героя нашего времени» в таких произведениях, как «Молитва». Доказательством этого служит выход в свет романа «Молитва» в 1841 г., музыку к стихам написал придворный композитор Ф. Толстой. Этот случай не был единственным. Более 40 композиторов положили эти стихи на музыку (А. С. Даргомыжский, А. Г. Рубинштейн, М. И. Глинка, М. П. Мусоргский и др.).

Таким образом, фронтальные задания позволяют выявить уровень изученного материала. Задания для групповой и индивидуальной работы носят исследовательский и творческий характер. Изучение жизни и творчества М. Ю. Лермонтова в контексте христианской этики способствует формированию духовного мира школьников. Связи художественного мира поэта с Христианством несомненно существуют. Они реализуются через жанр исповедальной молитвы и библейские образы-посредники, что свидетельствует о вере поэта в светлый Высший мир и преодолении трагизма взаимоотношений между личностью и обществом.

Литература

1. Мережковский, Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества: Избранное / Д. С. Мережковский. – Кишинев, 1989. – 312 с.
2. История русской литературы XIX века: учебное пособие для старших классов школ гуманитарного профиля / Под ред. профессора А. И. Журавлевой. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – 688 с.
3. Чернейко, И. Л. Художественный образ в литературе, живописи, музыке : 9-ый кл. : пособие для учащихся общеобразоват. учреждений с белорус. и рус. яз. обучения / М. Г. Лобан, И. Л. Чернейко. – Минск.: Нар.асвета, 2006. – 96 с. – (Русская литература. Факультативные занятия).
4. Лермонтов, М. Ю. Сочинения в двух томах; сост. и ком. И. С. Чистовой. – М.: Правда, 1988. – Т. 1. – 720 с.

СПЕЦЫФІКА ЭСЭІСТЫЧНАЙ РЭКАНСТРУКЦЫІ ВОБРАЗА ПАЭТАЎ
Ў КНІЗЕ В. КУЛЯШОВАЙ “ЛЯСНОМУ РЭХУ ПРАЎДУ РАСКАЖУ...”

Артыкул прысвечаны аналізу спецыфікі мастацкага ўвасаблення і навуковай трактоўкі жыцця і творчасці Аркадзя Куляшова ў літаратуразнаўчым эсэ яго дачкі Валянціны Куляшовай “Лясному рэху праўду раскажу...”.

Аркадзь Куляшоў – адна з самых яркіх, неардынарных асоб у беларускім прыгожым пісьменстве. Адказнае стаўленне да паэтычнай творчасці, выключная патрабавальнасць да сябе як да мастака далі падставу многім яго сучаснікам, калегам па пярэ называць яго “сумленнем беларускай літаратуры”. Думка пра значнасць асобы творцы, маральную і эстэтычную вышыню яго мастацкай спадчыны лейтматывам праходзіць праз эсэ яго дачкі, журналіста, літаратуразнаўцы Валянціны Куляшовай “Лясному рэху праўду раскажу...”. Невыпадкова яна адзначала: “Усведамленне, што жыву побач з вялікім паэтам, было ў мяне заўсёды. Таму я лічыла сваім абавязкам... захаваць яго чалавечы вобраз для патомкаў” [1, 93].

Абраная В. Куляшовай форма літаратуразнаўчага эсэ дазволіла ёй у адвольным, не абмежаваным ніякімі жанравымі рамкамі стылі (на мяжы навуковага даследавання і мастацкага апаведу), раскажаць пра бацьку, а дакладней беларускага паэта Аркадзя Куляшова, паказаць яго як роднага чалавека, грамадзяніна, творцу з вялікай літары. Г. Дубіна мяркуе: “У цэнтры твора – творчая асоба, інтэрпрэтацыя якой не можа быць пададзена адназначна, таму эсэ асабліва прыдатнае для рэалізацыі аўтарскай задумкі” [2].

Сапраўды, асоба і дзейнасць класіка нацыянальнай літаратуры трактуецца В. Куляшовай як у рэчышчы навуковага, прафесійнага даследавання, так і ў адпаведнасці з законамі мастацкай вобразатворчасці. Вобраз Аркадзя Куляшова, нягледзячы на акцэнтацыю ўвагі чытача на індывідуальных, тыпова куляшоўскіх характарыстыках і ўласцівасцях, набывае сілу мастацкага абагульнення, за якім прачытваецца жыццёвы і творчы лёс многіх таленавітых паэтаў – яго сучаснікаў.

Нездарма даследчыца звяртаецца да грунтоўных і значных вывадаў пра лёс майстра ў грамадстве славутага рускага кінарэжысёра Андрэя Таркоўскага, які сцвярджаў наступнае: “Сапраўдны мастак, а больш таго – геній, з’яўляецца нявольнікам свайго даравання. Ён лічыць сябе абавязаным служыць сваім дарам людзям як абранец лёсу, абавязак якога – жыць людзей духоўна” [1, 310]. І ў тым жа раздзеле пад назвай “Планета Куляшова”, што адлюстроўвае маштабнасць і агульначалавечую значнасць

яго творчых набыткаў, аўтар эсэ апелюе да выказвання Рыгора Барадуліна, які падкрэсліў, што ў пісьменніцкіх колах яе бацьку называлі “самаахвярнікам”. Грунтуючыся на высновах знакамітых мастакоў, яна адзначае: “Ён (Аркадзь Куляшоў – А.С.) аднадумца ўсіх вялікі нявольнікаў таленту” [1, 309]. Думка гэтая мае пад сабой трывалую аснову ў выглядзе асабістага вопыту зносін, роднасных узаемадачынненняў з беларускім Паэтам.

Матыў заняволенасці сэрца і душы мастака творчай справай і шчырым усведамленнем значнасці свайго паэтычнага прызначэння стаў скразным і ключавым у літаратуразнаўчым эсэ “Лясному рэху праўду раскажу...”.

Даследчыца ў згаданай кнізе спрабуе абстрагавацца ад кроўных сувязяў, ад зразумелага суб’ектывізму ў стварэнні вобраза Аркадзя Куляшова, усведамляючы яго выключны талент і ступень адказнасці перад нашчадкамі за аб’ектыўную яго эсэістычную рэканструкцыю.

У традыцыйным літаратуразнаўстве і практыцы школьнага выкладання літаратуры складваецца тэндэнцыя да адназначнай трактоўкі асобы беларускага паэта, пазначанай схематызмам і апісальнасцю. Валянціна Куляшова імкнецца пазбегнуць тэндэнцыйнасці ў стварэнні вобраза бацькі, творчы жывое, непаўторнае яго аблічча, з усімі яго чалавечымі недахопамі, незразумелымі для звычайнага чалавека і звыклымі для мастака дзівацтвамі, аб’ектыўна, як вопытны і дасведчаны літаратуразнаўца, прааналізаваць яго паэтычныя набыткі.

Так, Л. Цімошык мяркуе, што кніга В. Куляшовай – гэта “спроба паглядзець на класікаў як на людзей, якія ў свеце стасуюцца з іншымі, кахаюць, сябруюць, перажываюць, дзеляцца з некім пачуццямі, эмоцыямі, часцінкай душы” [3, 3].

Ужо ў першым раздзеле пад арыгінальнай і празмерна побытава-будзённай для літаратуразнаўчага даследавання назвай “Пажар” яна, зыходзячы са свайго багатага вопыту дачкі паэта, блізкага яму чалавека, тлумачыць псіхалагічныя прычыны маўклівасці бацькі, яго нежадання раскрываць свае душэўныя перажыванні перад роднымі, а тым больш чужымі людзьмі. В. Куляшова апавядае: “...Чатырохгадовага Аркадзя і яго сямігадовага сябра пакрыўдзіў сусед-гаспадар, і дзеці вырашылі адпомсціць... Кінулі ў салому запаленую сярнічку. Усчаўся пажар. Дзень быў ветраны, і палова вёскі згарэла. Раз’юшаны натоўп прагнуў пакарання вінаватых, і бацька сямігадовага хлопчыка на вачах усіх так збіў сына, што той праз тры дні памёр. Хацелі пакараць і Аркадзя, але маці не аддала яго на справу...” [1, 5].

Падобная падрабязнасць, псіхалагічная дэталі з далёкага дзяцінства пісьменніка, згаданая ў эсэ, садзейнічае стварэнню вобраза дарослага чалавека з дзіцячай, ранімай душой. Горкі вопыт дзяцінства, адчуванне сваёй віны і разуменне непапраўнасці таго, што здарылася, на ўсё жыццё

пакінулі глыбокі след у душы паэта, кіравалі яго эмацыянальна-пачуццёвай сферай, зрабіўшы асцярожным і далікатным у выяўленні сваіх пачуццяў, клапатлівым і добрамыслівым як у дачыненні да сваіх уласных дзяцей і ўнукаў, так і да ўсяго жывога. Згадаем, што нават гэты аповед родныя Куляшова пачулі тады, калі ён сур'ёзна ўстрывожыўся за ўнучку, якая, схопіўшы запалкі, пабегла з хаты. Такім чынам, праз мастацкае ўзнаўленне дзіцячых успамінаў паэта, праз яркія і страшныя вобразы маленства В. Куляшовай перадаецца складанасць і супярэчліvasць яго душэўнага складу, дзе за знешняй спакойнасцю, стрыманасцю хаваліся сапраўдныя выбуховыя эмацыянальныя буры і катастрофы.

Разуменне каштоўнасці жыцця, дзіцячая непасрэднасць, на думку даследчыцы, кіравалі паэтам і ў адносінах з “братамі нашымі меншымі”. Гарманічнае суіснаванне паэта з прыродай, разуменне яе падкрэслены пры апісанні аўтарам эсэ даверлівых і шчырых узаемадачыненняў Аркадзя Куляшова з хатнімі жывёламі. Згадвае яна і вавёрку, што “кусала ўсіх, хто спрабаваў дакрануцца да яе, прызнала ўрэшце толькі бацьку”, і пеўніка Піфа, які ўзлятаў “на плячо да бацькі і ўладкоўваўся альбо там, альбо на галаве гаспадара”, і кошку Караліну, што, “прыносячы ў дом здабычу, перш чым з’есці яе, лічыла сваім абавязкам пахваліцца ёю бацьку, і таму ён неаднойчы знаходзіў прыдушаных птушак і мышэй у сябе пад ложкам, а аднойчы... мышка ляжала на яго падушцы” [1, 140–142]. Як вядома, свойскія жывёлы давяраюць толькі людзям з чыстай, далікатнай душой; яны тонка адчуваюць біяполе кожнага чалавека. Відавочна, што праз падобныя, амаль казачныя, як з твораў для дзяцей, эпізоды В. Куляшова падкрэслівае добрамысліvasць і душэўную цеплыню бацькі.

Падобныя мастацкія інсталяцыі ў эсэ падпарадкаваны задачы “ажыўлення” постаці творцы, актуалізацыі дзіцячай непасрэднасці, крэатыўных, неабыхавых адносін да жыцця ва ўсіх яго праявах як сутнасных атрыбутаў сапраўднага мастацкага таленту.

Дзіцячая непасрэднасць, адсутнасць страху быць смешным і незразумелым у вачах блізкіх і сяброў, уласцівая дзецям, і сур'ёзнае, адказнае стаўленне да паэтычнай дзейнасці спалучаліся, паводле В. Куляшовай, у асобе паэта. Так, адзін з самых прадуктыўных творчых станаў А. Куляшова на першы погляд выглядае недарэчным: “... Цяпер ён будзе ляжаць на сваёй канапе і гадзіну, і дзве, думаючы пра нешта, і турбаваць яго нельга..” [1, 4]. Гэта быў стан найвышэйшай канцэнтрацыі творчых памкненняў паэта, карпатлівай работы яго сэрца, душы і розуму, вынікам якой сталі высокамастацкія творы з глабальнымі агульначалавечымі высновамі аб сэнсе жыцця, творчасці. Стаўленне Аркадзя Куляшова да паэзіі як да справы жыцця неаднойчы падкрэслена ў эсэ “Лясному рэху праўду раскажу...”.

Сваімі паводзінамі і стылем жыцця пісьменнік аспрэчваў і традыцыйнае ўяўленне аб пісьменніцкай працы, звязанае з пастаянным

карпеннем за рабочым сталом. Для яго паэтычная дзейнасць – плённая работа думкі, уважанай і грунтоўнай. Згадаем амаль анекдатычны выпадак, згаданы В. Куляшовай, аб тым, як пісьменнікам, што адпачывалі ў Доме творчасці “Каралішчавічы”, быў зроблены “сацыяльны заказ”: “Штодня пасля снядання ўсе спраўна займалі месца за пісьмовым сталом і працавалі... Нетыпова паводзіў сябе толькі мой бацька: ён альбо бадзяўся па лесе ў пошуках грыбоў, альбо гуляў у шахматы..., альбо драмаў на канапе... Калі надышоў час справаздачы, высветлілася, што пераможцам стаў Куляшоў, які выканаў заданне за апошнія некалькі дзён тэрміну” [1, 188].

Як бачым, незалежна ад знешняга “гультаявання” думка Паэта працавала пастаянна і няспынна, што падкрэслівае выключнасць яго мастацкага таленту. Такім чынам, В. Куляшова спрабуе паглыбіцца ў творчую лабараторыю пісьменніка, спасцігнуць таямніцы паэтычнай майстэрні Аркадзя Куляшова, адзначыць яго ўнікальны мастацка-эстэтычны вопыт у гісторыі беларускай культуры і літаратуры.

Разам з тым, дачка слыннага творцы адзначае і пэўныя цяжкасці, якія ўзніклі перад ёй як перад даследчыцай, паколькі сам працэс нараджэння мастацкага твора ўяўляўся паэту далікатнай, інтымнай справай, якая не церпіць чужога ўмяшання. Яна адзначае: “Рукапісы бацька звычайна знішчаў... Неаднойчы мы ваявалі з ім з-за гэтага, але бацька быў няўмольны. І чым больш я даводзіла, што рукапіс дае магчымасць зазірнуць у творчую лабараторыю паэта, тым больш упартым ён рабіўся.

– Не хапала толькі, каб потым у іх капаліся розныя там літаратуразнаўцы! – гаварыў ён з абурэннем.

Нарэшце я зразумела, што якраз ад гэтага пранікнення ў святая святых яго душы ён і бараніўся. Ішло гэта, відаць, ад прагі дасканаласці ва ўсім, а тым больш у галоўнай справе жыцця – у паэзіі. Таму тое, што праходзіла этап эксперыменту, пошуку, было для яго тым заповітным кутком, куды ён не хацеў пускаць нікога” [1, 78].

Ужо ў гэтай выснове адчуваецца грунтоўнасць навуковага погляду аўтара эсэ на праблему псіхалогіі мастацкай творчасці, жаданне надаць эсэ як адвольнай форме выкладання жыццёвага матэрыялу эстэтычную і літаратуразнаўчую канцэптўальнасць.

З эсэ “Лясному рэху праўду раскажу” мы даведваемся і аб тым, што паэт імкнуўся стварыць вакол сябе атмасферу, спрыяльную для творчасці. Сябраваў толькі з тымі, да каго меў сардэчную прыхільнасць. Таму кола яго сяброў было даволі вузкім: А. Твардоўскі, К. Куліеў, Д. Кугульцінаў, М. Дудзін, П. Панчанка, А. Малышка і інш. В. Куляшова мяркуе, што “так ствараў ён для сябе эмацыянальна дадатны клімат – неабходную ўмову паспяховай творчасці” [1, 85]. Невыпадкава згадваецца ў кнізе і выпадак, калі ў санаторыі “Нясвіж” узнікла сярод пісьменнікаў размова пра маскоўскія літаратурныя навіны: “Гутарка адхілілася ў бок ад літаратуры.

Пачаліся расказы пра кур'ёзныя выпадкі, што здараліся з кім-небудзь з пісьменнікаў. Мы весела смяліся, пакуль я выпадкова не зірнула на бацьку. Зірнула... і збянтэжылася. Ён сядзеў пахмурны, з выразам пакуты на твары..." [1, 75]. Тут адчуваецца жаданне пісьменніка зберагчы паэтычны талент ад жыццёвага бруду, надаць працэсу творчасці і агульнай літаратурнай атмасферы належную вышыню духу, духоўную сакральнасць.

Ствараючы вобраз майстра, апантанага паэтычнай творчасцю, абвясціўшага сябе яе нявольнікам, В. Куляшова не абыходзіць сваёй увагай і драматычных момантаў у яго лёсе. Так, яна адзначае, што, сватаючыся да будучай жонкі, Аркадзь Куляшоў папярэдзіў яе аб тым, што "ніколі і нішто – ні каханне, ні сям'я, ні дзеці – не будуць для яго больш важным, чым яго праца, і што ні дзеля чаго жыццёвага ён не пойдзе на кампраміс з паэзіяй.." [1, 127]. Акцэнтацыя даследчыцкай увагі на падобным выказванні А. Куляшова аб свядомым ахвяраванні інтымным, асабістым жыццём дзеля мастацкай дзейнасці падкрэслівае яе вызначальную значнасць для сапраўднага творцы і надае вобразу Паэта рамантычна-хрысціянскія сімвалічныя характарыстыкі.

Узнікае думка пра выключную мудрасць і далікатнасць жанчыны, што пагадзілася з улікам пастаўленых перад ёй умоў стаць жонкай Паэта.

Але, нягледзячы на драматызм узаемадачынненняў з жонкай, сям'ёй, як і ў кожнага творцы-самаахвярніка, ёсць у паэтычным свеце А. Куляшова тэма кахання-ідэі, першага кахання. Дзіцячая закаханасць Аркадзя Куляшова ў Алесю Карыткіну была неабходна паэту як своеасаблівая духоўная каштоўнасць, стымул для самаўдасканалення, самаразвіцця. Нездарма, асэнсоўваючы жыццёвы лёс бацькі, даследчыца разважае: "Такая ўжо, пэўна, уласцівасць першага кахання – перараджацца ў ідэю кахання, рабіцца чымсьці накшталт яго эталона, высока дзейснага ў сферы паэзіі, бо менавіта ў гэтым на ўсё жыццё нязменным пачуцці шукае паэт душэўнага апірышча ў цяжкія хвіліны жыцця" [1, 112]; "пачуццё такой сілы тлумачыцца, відаць, здольнасцю... абвострана ўспрымаць прыгожае ў жыцці і мастацтве" [1, 113].

Такім чынам, даследчыца падкрэслівае адну з вызначальных рыс у абліччы сапраўднага паэта – яго вернасць свайму прызначэнню, кахання, сябрам, жыццёвым прынцыпам. Праявай вернасці з'яўляецца і спроба паэта па-філасофску грунтоўна і доказна, у ёмістай мастацкай форме трактаваць жыццёвы і творчы лёс сваіх сяброў: Юлія Таўбіна, Змітрака Астапенкі, Аляксандра Твардоўскага і інш.

В. Куляшова аргументавана тлумачыць прычыны з'яўлення ў творчай спадчыне бацькі матыву пакаяння, жанравых прыкмет рэквіема.

Затоены боль па блізкіх людзях, страчаных у эпоху рэпрэсій і ваеннага ліхалецця, мірнага, але не менш драматычнага, часу, праз пэўны час, пасля глыбокага душэўнага пераасэнсавання і мастацкага

абагульнення, выльецца ў велічныя творы накшталт “Маналога”, “Варшаўскага шляху”, у якіх, нягледзячы на прысвячэнні канкрэтным постацям сусветнай паэзіі, праявіцца глыбокі роздум мастака над лёсам вялікага Паэта ва ўмовах уласнай несвабоды, залежнасці ад паэтычнай творчасці.

Відавочна, уласны мастацкі вопыт, пастаянны роздум пра сэнс і змест мастацкай творчасці, уважлівыя назіранні за лёсам творчых людзей абумовілі грунтоўнасць мастацкіх высноў паэта.

Кніга В. Куляшовай – гэта не толькі мастацкая рэканструкцыя вобраза Паэта, але і навуковае прачытанне яго творчай спадчыны. Прычым, яна спрабуе пайсці сваім, арыгінальным даследчыцкім шляхам, пазбягаючы залежнасці ад літаратуразнаўчых аўтарытэтаў.

Асаблівая ўвага надаецца ў гэтым аналізу паэмы А. Куляшова “Сцяг брыгады”, па сутнасці напісанай сэрцам паэта, яго глыбокім болем за невядомы лёс сям’і і народа ў цэлым. Адчуваецца разуменне, з аднаго боку, даследчыцай, і, з другога – дачкой асабістай прыналежнасці да эмацыянальна-духоўнага і вобразнага рэгістра твора. Усведамленне таго, што перажыванні Аркадзя Куляшова за сям’ю, якую ён згубіў на доўгі час на ваенных дарогах, таксама ўвасобіліся ў мастацкай тканіне паэмы “Сцяг брыгады”, надае яе навуковым высновам пераканальнасць. Разам з тым, адчуваецца прафесійнасць літаратуразнаўчых аргументаў даследчыцы: “... Яна (паэма – А.С.) не толькі ламала традыцыі вершаскладання, якія ўжо ўстаяліся ў беларускай літаратуры, але ўзрывала і каноны пабудовы сюжэта, уводзячы ў паэзію будзённыя дні вайны з іх нетыповымі, неведомымі мірнаму часу трагедыямі...” [1, 27]. Заўважаем, што, у адрозненне ад слынных даследчыкаў творчасці Аркадзя Куляшова Р. Бярозкіна, В. Бечыка і іншых, яна звяртае ўвагу на ўнікальнасць жыццёвага матэрыялу, пакладзенага ў аснову твора, у прыватнасці на трагічнае становішча мірнага насельніцтва на акупіраваных тэрыторыях.

Аб’ектывізацыі навуковага досведу В. Куляшовай садзейнічае таксама дэтэрмінаваныя законам жанру эсэ, але часам і нечаканы пераход ад асабіста-інтымнага наймення “бацька” да адцягнена-абстрактнага “Куляшоў”. Часам падобную метамарфозу ў даследчыцкім стылі дыктуюць маштабнасць і глабальнасць узнятых у творах Куляшова праблем. Падобная сітуацыя назіраецца, калі В. Куляшова трактуе прычыны ўзнікнення касмічнай тэмы ў творчасці бацькі, яе мастацкую эвалюцыю. Так, яна мяркуе: “На новай ступені асэнсавання касмічнай тэмы для Куляшова характэрна абвостранае хваляванне за лёс Зямлі і чалавецтва. ... Яго стылёвая манера вызначаецца глыбокім драматызмам, выключнай цеплынёй і лірычнасцю” [1, 89].

Клопат пра лёс чалавецтва, пра яго духоўны дабрабыт, на думку даследчыцы, кіраваў паэтам і ў сацыяльна-значнай, не звязанай з творчасцю, дзейнасці: “Грамадская кар’ера не патрабавала ад бацькі нічога

такога, што было б недасягальным для яго, але сваім вышэйшым грамадзянскім абавязкам Куляшоў лічыў працу пры пісьмовым стане. Ён, які так рашуча адкідаў усё, што перашкаджала гэтай працы, не адмовіўся толькі ад пасады старшыні Беларускага камітэта абароны міру” [1, 70].

Усведамленне адказнасці за лёс чалавецтва спалучаецца ў паэзіі А. Куляшова з пастаяннай прагай самаўдасканалення, настойлівай працай над эстэтычнай вытанчанасцю і мастацкай змястоўнасцю паэтычнага радка. Так, В. Куляшова, апелюючы да перакладчыка твораў паэта на рускую мову Якава Хелемскага, піша: “Бацька правіў свае вершы ўвесь час, пакуль была хоць якая-небудзь магчымасць уносіць праўкі ў нават ужо набраны друкарняй тэкст...” [1, 179]. Падобную з’яву яна тлумачыць атаясамліваннем паэзіі і жыцця яе бацькам, яго вучобай у геніяльных майстроў слова – Лермантава, Пушкіна, Шаўчэнкі і Купалы, – што, паводле яе разваг, і акрэсліла яго творчы ўзровень.

Лёс паэта ў грамадстве, захопленым матэрыяльнымі праблемамі, драматычны і нагадвае гісторыю жыцця і прыгод “рыцара сумнага вобраза” Дон Кіхота, чые ўчынкі ўяўляюцца несур’ёзнымі, але і прымушаюць задумацца над значнасцю абсалютных каштоўнасцяў, такіх, як свабода, творчасць, каханне, сяброўства і г. д. Відаць, таму В. Куляшова аднаму з раздзелаў свайго літаратуразнаўчага эсэ дала сімвалічную назву – “О, Дон Кіхоты!” Толькі той, хто атрымаў каралеўскую прывілею насіць імя “Дон Кіхота ў лепшым сэнсе гэтага слова” [1, 144], варты, на думку В. Куляшовай, бесмяротнасці.

Напрыканцы літаратуразнаўчае эсэ В. Куляшовай “Лясному рэчу праўду раскажу...” набывае рысы глыбокага філасафізму: “Несмяротнасць – гэта не “бронзы многопудье”, якое адваргаў і мой бацька, а магчымасць удзельнічаць у справах жывых вопытам свайго жыцця, замацаваным у мастацкім слове” [1, 334].

Такім чынам, кніга В. Куляшовай садзейнічае больш глыбокаму разуменню чалавечага, творчага і грамадзянскага аблічча Паэта, імя якога ў будзённым жыцці – Аркадзь Куляшоў.

Літаратура

1. Куляшова, В. Лясному рэчу праўду раскажу...: літаратуразнаўчае эсэ / В. Куляшова. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 335 с.
2. Дубіна, Г. Эсэ як донар жанрава-стылёвых рысаў [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/bitstream>.
3. Цімошык, Л. Ад радаводу да таямніц вершаскладання / Л. Цімошык // Звезда. – 2014. – 1 сакавіка. – С. 3.

ЗІМОВАЯ КАЛЯНДАРНАЯ АБРАДНАСЦЬ БЕЛАРУСАЎ ЯК СРОДАК ПАВЫШЭННЯ МОВАЗНАЎЧАЙ І КУЛЬТУРАЛАГІЧНАЙ КАМПЕТЭНЦЫІ ВУЧНЯЎ 6 КЛАСА

У артыкуле прапанаваны план-канспект інтэграванага ўрока беларускай мовы ў 6 класе сярэдняй школы па вывучэнні парадкавых лічэбнікаў. Дыдактычным матэрыялам і выхаваўчай асновай урока з'яўляюцца масленічныя звычай, абрады і традыцыі.

Адной з найважнейшых задач сучаснай школьнай адукацыі з'яўляецца далучэнне вучняў да скарбаў нацыянальнай культуры, фарміраванне гарманічна развітай асобы з выразна акрэсленай грамадзянскай і патрыятычнай свядомасцю. Вывучэнне на ўроках беларускай мовы і літаратуры традыцый і звычайў беларускага народа, яго каляндарнай і сямейнай абраднасці падпарадкавана мэце сацыялізацыі школьнага навучання, ажыццяўлення яго практыка-арыентаванай скіраванасці. Разам з тым, спасціжэнне вучнямі сярэдняга школьнага звяна сэнсу і эстэтычнага значэння традыцыйных народных свят і абрадаў садзейнічае развіццю ў іх творчага, крэатыўнага пачатку, актывізацыі разумовай дзейнасці і вучэбна-матывацыйнай сферы. Адным з самых цікавых, знакавых зімовых святаў з'яўляецца Масленіца. У. Сысоў адзначае: "... Вяселлем і радасцю вітаў чалавек пачатак года і блізкі прыход вясны. Там, на адкрытай прасторы, дзе, па народных уяўленнях, нябачна прысутнічаюць розныя Духі, у якіх чалавек верыў і якім пакланяўся, ён выказваў сваімі дзеяннямі добрым Духам, якія нібыта неслі яму вясенняе цяпло і жыццё, сваю ўдзячнасць і падтрымку ўсеагульнай радасцю, праз якую адначасова смяяўся і трыумфаваў над Духамі цемры і холаду" [1, 65]. Такім чынам, у сімволіцы свята Масленіцы замацаваны ўяўленні старажытнага чалавека пра дабро і зло. Багаты вобразна-эстэтычны патэнцыял масленічных звычайў і абрадаў можа быць прадметам вывучэння не толькі падчас урокаў беларускай літаратуры, але і мовы. Практычнае ўвасабленне элементаў інтэграцыйнага навучання прадэманстравана намі ў плане-канспекце ўрока беларускай мовы ў 6 класе, тэма якога – "Парадкавыя лічэбнікі, іх скланенне і правапіс".

Тэма: Парадкавыя лічэбнікі, іх скланенне і правапіс.

Мэты:

– садзейнічаць засваенню вучнямі значэння парадкавых лічэбнікаў, іх граматычнай суаднесенасці з адноснымі прыметнікамі і сувязі з колькаснымі лічэбнікамі, сінтаксічнай ролі ў сказе;

– выпрацоўваць уменні выдзяляць словазлучэнні з парадкавымі лічэбнікамі, вызначаць род, лік і склон, сінтаксічную ролю ў сказе;

правільна змяняць разнастайныя групы парадкавых лічэбнікаў; ужываць ва ўласным вусным і пісьмовым маўленні;

– развіваць маўленчую дзейнасць вучняў, іх эстэтычны густ;

– выхоўваць паважлівыя адносіны да культуры свайго народа, далучаць вучняў да непаўторнасці, незвычайнасці, самабытнасці свят беларусаў.

Тып урока: вывучэнне новага матэрыялу.

Тэматычная арганізацыя ўрока: дыдактычны матэрыял на тэму “Беларускія святы. Масленіца”.

Педагагічныя тэхналогіі: дыферэнцыяцыя, праца ў групах, элементы развіцця крытычнага мыслення.

Абсталяванне: Красней, В. П. Беларуская мова: вучэб. дапам. для 6-га кл. агульнаадукацыйных устаноў з беларус. і рус. мовамі навучання / В. П. Красней, Я. М. Лаўрэль, С. Р. Рачэўскі. – Мінск: НІА, 2009; карткі з заданнямі, табліца “Парадкавыя лічэбнікі”, выстава кніг пра Масленіцу, каляровыя лісткі паперы (сонейкі), частаванне (бліны, прысмакі).

Эпіграф

Масленіца-прыгажуня.

30 (*сястра*) ў братоў,

40 (*ўнучка*) ў бабулечак,

3 (*дачка*) ў матулечак.

Кветачка, ягадка, птушачка.

Ход урока

1. Арганізацыйны этап.

1.1. Эмацыянальны настрой.

Настаўнік. Добры дзень, паважаныя вучні! Добры дзень, шаноўныя госці!

І хоць на вуліцы мароз і ўсё бялютка ад снегу, ідзе час, калі трэба спяваць і весяліцца.

Хай толькі добры настрой, сонечная ўсмешка суправаджаюць вас на працягу цікавай работы.

1.2. Інсцэніроўка.

У клас уваходзяць вучні, у руках якіх – выявы сонейка, птушкі.

1 вучань. Добры дзень у хату, весялосці вам і радасці! Так да вас спяшаліся!..

2 вучань. 3 Зімою хочам развітацца, а чакаем Вясну-красну. Паглядзіце на наша сонейка, веснавое яно!

3 вучань. Птушка-птушачка, адчыняй вясну, замыкай зіму!

1 вучань. Дзе ж вясна-красна, вясна-масленіца? Мы вясну чакаем, мы вясну гукаем!

2 вучань. Ой, як смачна пахне блінамі! Колькі ласункаў на сталі!

Усе разам. Прыйдзі, прыйдзі, Вясна, у нас сёння Масленіца!

1.3. Уступнае слова настаўніка.

Прычына ўзнікнення такога свята, як Масленіца, заключалася ў доўгай і суровай зіме, у жаданні перад пачаткам вясны разлічыцца з зімовымі буднямі, падрыхтавацца да пачатку палявых работ, да новага перыяду жыцця. Назва свята звязана з тым, што на апошнім тыдні перад пачаткам Вялікага посту не дазвалялася ўжываць мяса, а толькі масла, рыбу і малочныя прадукты.

Наша Масленіца гадавая.

Яна госцейка дарагая.

2. Інфармацыйны этап.

2.1. Запіс даты ў сшыткі, пропуск аднаго радка для тэмы ўрока.

2.2. Зварот да эпіграфа.

– Прачытайце эпіграф. Паглядзіце, якой прывабнай выглядае Масленіца ў песні.

– Якія мастацкія сродкі дапамагаюць убачыць яе прыгажосць і характэрныя? (параўнанні: прыгажуня, кветка, ягадка, птушачка; словы з памяншальна-ласкавымі суфіксамі).

– Масленіца багатая на родных. Назавіце лічэбнікі, якія дапамагаюць іх падлічыць?

– Запішыце спалучэнне лічэбнікаў з назоўнікамі, лічэбнікі – словамі, вызначце разрад паводле значэння? (Трыццатая, саракавая, трэцяя – парадкавыя).

– Зыходзячы з гэтага задання, паспрабуйце вызначыць тэму ўрока.

– Якія мэты мы павінны дасягнуць на ўроку? На слайдзе запісаны апорныя словы, якія дапамогуць іх сфармуляваць:

1) вучыцца...; 2) развіваць...; 3) выходзіць...

Настаўнік. Сёння на ўроку мы павінны засвоіць значэнне парадкавых лічэбнікаў, выпрацаваць уменні выдзяляць словазлучэнні з парадкавымі лічэбнікамі, вызначаць род, лік, склон, сінтаксічную ролю ў сказе; правільна змяняць парадкавыя лічэбнікі; ужываць ва ўласным маўленні, а таксама пазнаёміцца з зімовым святам – Масленіцай.

Выхаваўчую мэту мы вызначым у канцы ўрока.

3. Асэнсаванне зместу вывучанага матэрыялу, праверка дамашняга задання.

Настаўнік. Перш чым пазнаёміцца са святам, давайце ўзнавім у памяці пройдзены матэрыял і праверым дамашняе заданне.

3.1. Размінка “Лічбавы дыктант”.

Настаўнік. Дзеці, ад вас патрабуецца правільна адрэагаваць на сцвярджэнні настаўніка. Калі вы лічыце сцвярджэнне правільным, то стаўце “1”, калі не – “0” (1 вучань каля дошкі, 1 вучань правярае).

1. Лічэбнік – часціна мовы, якая абазначае лік, колькасць прадметаў, пародак прадметаў пры лічэнні (1).

2. Па складзе лічэбнікі падзяляюцца на простыя і састаўныя (0).

3. Колькасныя лічэбнікі падзяляюцца на дробавыя і зборныя (0).

4. Колькасныя лічэбнікі змяняюцца толькі па склонах, акрамя слоў адзін, два (1).

5. Колькасныя лічэбнікі ў сказе звычайна бываюць азначэннем (0).

Адказ: 10010.

Настаўнік. Мы з вамі паўтарылі тэарэтычныя пытанні па лічэбніку, вы добра справіліся.

3.2. “Падумай і запішы правільна”.

На дошцы запісаны лічэбнікі, запішыце, устаўце прапушчаныя літары (1 вучань каля дошкі, усе разам правяраюць)

Пяц..дз..сят, сем..дз..сят, дзевяц..сот, восем..дз..сят, шэсц..дз..сят, сем.., два..цаць, пяц..сот, восем..

Настаўнік. Вы справіліся з заданнем, правапіс складаных лічэбнікаў заўсёды выклікае цяжкасці.

3.3. Праца вучняў з дамашнім заданнем.

2 вучні – скланенне састаўных лічэбнікаў, 3 вучні – праца з карткамі.

Н. Восемсот пяцьдзясят метраў

Трыста семдзясят рублёў

Р. Васьмісот пяцідзясяці метраў

трохсот сямідзясяці рублёў

Д. Васьмістам пяцідзясяці метраў

трімстам сямідзясяці рублям

В. Восемсот пяцьдзясят метраў

трыста семдзясят рублёў

Т. Васьмістамі пяцідзясяці метрамі трымастамі сямідзясяці рублямі

М. (Аб) васьмістах пяцідзясяці метраў трохстах сямідзясяці рублях

Настаўнік. Пры скланенні састаўных колькасных лічэбнікаў змяняецца кожнае слова.

4. Знаёмства з новым матэрыялам.

Настаўнік. А зараз будзем знаёміцца з новым матэрыялам.

Настаўнік. Папрацуйце з матэрыялам падручніка, параграф 48, старонка 170–171.

4.2. Запаўненне кластара (праца па групах).

Настаўнік. Першая група запаўняе першы слупок табліцы, другая група – другі, трэцяя – трэці.

1 група – парадак пры лічэнні, ад колькасных, утвараюцца ад колькасных з дапамогай суфіксаў -н-, -ав-, бяссуфіксным спосабам.

2 група – род, лік, склон, як прыметнікі.

3 група – простыя, складаныя – як прыметнікі, састаўныя – апошнія слова;

– тысячны, -мільённы, -мільярдны – у адно слова.

Настаўнік. Вы стаміліся? Давайце адпачнем.

5. Псіхалагічны эцюд “Снегапад”.

Устаньце, калі ласка. Заплюшчыце вочы і ўявіце снегапад. Сняжынкі падаюць зверху, падстаўце ім свае далоні. Снег гусцее, гусцее. Падзьміце на сняжынку, пагрэйце шчокі, апусціце рукі. Вось і сонейка выглянула. Хутка прыйдзе вясна. Ад гэтага вам прыемна, хораша...

6. Замацаванне новага матэрыялу.

Настаўнік. Зачакалася, Масленіца, нас? Давайце пазнаёмімся з тэкстам.

6.1. Праца з тэкстам.

Масленіца

Масленіца – адзінае язычніцкае свята, прызнанае праваслаўнай царквой.

Яно не мае ў календары канкрэтнай даты, а пачынаецца за 8 тыдняў да Вялікадня (у прамежку ад 7 лютага да 14 сакавіка) або за 7 дзён да перадвелікоднага сямітыднёвага посту. Працягваецца Масленіца роўна тыдзень, які так і называецца – масленічны або сырны.

У 2014 годзе Масленіца святкуецца з 24 лютага па 2 сакавіка.

– Вызначце стыль і тып тэксту.

– Назавіце спалучэнні колькасных лічэбнікаў з назоўнікамі.

– Якую стылёвую рысу тэксту “падкрэсліваюць” лічэбнікі? (дакладнасць).

– Выпішыце словазлучэнні з парадкавымі лічэбнікамі словамі, вызначце род, лік, склон. Назавіце іх сінтаксічную ролю ў сказе.

(Ад сёмага лютага, да чатырнацатага сакавіка, з дваццаць чацвёртага лютага, па другога сакавіка – м. р., адз. л, Р. скл, азначэнне; У дзве тысячы чатырнацатым годзе – м. р., адз. л., М. скл, азначэнне).

Настаўнік. Парадкавыя лічэбнікі змяняюцца па родах, ліках, склонах, у сказе з’яўляюцца азначэннем.

6.2. Паведамленне вучня-гісторыка.

Настаўнік. А зараз старонка “Цікава ведаць”. У ролі гісторыка выступіла вучаніца.

Паслухайце, як святкавалася Масленіца кожны дзень.

Вучань. Кожны дзень Масленічнага тыдня меў сваю назву і сімвалічнае напаўненне:

Панядзелак – сустрэча.

Трэба было змайстраваць з саломы ляльку-масленіцу, задобрыць яе салодкім.

Аўторак-зайгрышы.

Моладзь з раніцы ладзіла катанне з ледзяных і снежных горак, дзяўчаты выглядалі сабе суджаных.

Серада-лакамка.

Цешчы (маці жонкі) запрашалі зяцёў на бліны.

Чацвер – шчыры чацвяртак.

Гулялі на “ўсю катушку”.

Пятніца – цешчыны вячоркі.

Зяць карміў любімую цешчу блінамі.

Субота – залоўчына гасцяванне.

Маладая нявестка запрашала сваіх бацькоў у дом мужа на бліны.

Нядзеля – провады Масленкі, або Даравальная нядзеля.

Прасілі прабачэння ва ўсіх, спальвалі саломеннае пудзіла, а попел развейвалі па полі – на добры ўраджай.

Настаўнік. Звярніце ўвагу на кніжную выставу. Хочаце больш даведацца пра свята? Хочаце ведаць, як святкуюць яго ў розных краінах і на нашай Гомельшчыне, абавязкова пазнаёмцеся з кнігамі. Чытайце, станавіцеся бліжэй да традыцый народа.

6.3. Творчая лабараторыя “Масленічныя бліны”.

Настаўнік. Неабходна было скласці рэцэпт бліноў, выкарыстаўшы лічэбнікі.

Адзін вучань каля дошкі, праца ў парах: праслухайце, колькасныя лічэбнікі замяніце на парадкавыя, адзін парадкавы лічэбнік праскланяйце вусна.

Бліны на дражджах

Адзін кілаграм пшанічнай мукі.

Тры яйкі.

Адзін літр малака.

Сто грамаў масла ці маргарыну.

Пяцьдзясят грамаў цукру.

Дзесяць грамаў солі.

Трыццаць грамаў дражджэй.

(Адказы: першы, трэці, соты, пяцідзясяты, дзясяты, трыццаты).

Настаўнік. Вы навучыліся ўтвараць парадкавыя лічэбнікі, скланяць іх.

6.4. Правапіс парадкавых лічэбнікаў.

1 вучань працуе самастойна каля дошкі

Ш..сцідз..сяты, вас..місоты, 5-тысячны, 6-мільённы, 37-мільённы.

Настаўнік. Будзьце ўважлівымі, правапіс гэтых слоў неабходна запомніць.

7. Кантроль ведаў і ўменняў па тэме ўрока.

Настаўнік. Для замацавання ведаў выканайце тэст.

7.1. Выкананне тэставага задання.

(1 вучань каля дошкі, вучні самастойна, затым – узаемаправерка)

Тэст

1. Адзначце парадкавыя лічэбнікі:

а) адзін;

б) сто;

в) трэці;

г) пяцітысячны.

2. Адзначце правільную форму спалучэння парадкавага лічэбніка з назоўнікам – шостага лютага:

а) м. р., адз. л., Н. скл.;

б) н. р., адз. л., Р. скл.;

в) м. р., адз. л., Р. скл.

3. Як трэба пісаць словы (сямі)тысячны, (дваццаці)(сямі)мільённы:

а) абодва словы трэба пісаць разам;

- б) абодва словы трэба пісаць асобна;
в) першае слова – разам, другое слова – асобна.
Адказы: 1 в, г; 2 в; 3 а.

8. Падагульненне.

Настаўнік. Для падагульнення ваших ведаў выкарыстаем сінквейн да слова нашай тэмы – парадкавы (вусна).

8.1. Запаўненне сінквейна.

Парадкавы
Просты складаны састаўны
Лічыць удакладняе змяняе
Парадак прадмета пры лічэнні
Лічэбнік

Настаўнік. Дзеці, давайце вызначым тую выхаваўчую мэту, пра якую мы пачалі гаварыць на пачатку ўрока (вучні разважаюць).

Мы павінны выхоўваць паважлівыя адносіны да культуры, мовы, звычайў свайго народа.

Настаўнік. Французскі пісьменнік Антуан дэ Сент-Экзюперы ў сваім творы “Маленькі прынец” сказаў:

– Трэба прытрымлівацца абрадаў, – папрасіў Ліс.

– А што такое абрады? – спытаў Маленькі прынец.

– Гэта нешта даўно забытае, нешта такое, ад чаго адзін які-небудзь дзень становіцца непадобным на ўсе астатнія дні, адзін час – на ўсе іншыя часы.

Хочацца, каб гэты дзень і час пакінуў у вашых сэрцах цеплыню і пяшчоту, радасць і ўсмешкі.

9. Дамашняе заданне (на выбар).

1) Параграф 48, практ. 330.

2) Складзі выказванне “Масленіца. Якая яна ў маім уяўленні?”.

10. Выстаўленне і каменціраванне адзнак.

11. Рэфлексія.

Вучні падыходзяць да дошкі, на ёй прымацаваны дзве птушкі.

Сонейка жоўтае – актыўна працаваў на ўроку, усё зразумеў.

Сонейка чырвоная – не ўсё зразумеў на ўроку, неабходна папрацаваць яшчэ дома.

Такім чынам, выкарыстанне ў паэтыцы масленічных песень, прыказак і прымавак, парадкавых лічэбнікаў і мовазнаўчая праца вучняў 6 класа з імі як з дыдактычным матэрыялам садзейнічаюць актуалізацыі патрыятычнага выхавання школьнікаў, развіццю іх крэатыўных здольнасцей і ўдасканаленню іх беларускамоўнай кампетэнцыі.

Літаратура

1. Сысоў, У. М. З крыніц спрадвечных / У.М. Сысоў. – Мінск: Вышэйшая школа, 1997. – 415 с.

2. Красней, В. П. Беларуская мова: вучэб. дапам. для 6-га кл. агульнаадукацыйных устаноў з беларус. і рус. мовамі навучання / В. П. Красней, Я. М. Лаўрэль, С. Р. Рачэўскі. – Мінск: НІА, 2009

ПОСТАЦІ БЕЛАРУСКАЙ ГІСТОРЫІ Ў ТВОРАХ Л. ДАЙНЕКІ

У артыкуле паказана адметнасць мастацкай інтэрпрэтацыі асоб беларускай гісторыі ў прозе Л. Дайнекі. Вызначана роля гістарычнай прозы аўтара для фарміравання грамадзянскай і патрыятычнай свядомасці грамадства.

Напрыканцы ХХ – пачатку ХХІ стагоддзя ў беларускай літаратуры заканамерна ўзрасла цікавасць да айчыннай гісторыі. Постаці беларускай мінуўшчыны, яе поўныя драматызму і велічнасці моманты пачалі хваляваць не толькі спецыялістаў, але і шырокае кола грамадскасці. І на гэта ёсць прычыны. На крутых паваротах гісторыі людзі заўсёды звяртаюцца да дзён мінулых, каб больш дакладна і глыбока ўсвядоміць дзень сённяшні, каб зразумець свае вытокі, карані. Забыццё і пагарджэнне ўрокамі гісторыі спараджае непрадказальныя і недаравальныя памылкі і расчараванні. Гісторыя ўмее жорстка помсціць, але ж і ўмее вучыць тых, хто прагне гэтай навукі. “У падзеях мінулага, – сцвярджаў Караткевіч, – нашы карані. А дрэва без караня не можа існаваць, ні тым больш прыносіць плады”.

Аднойчы надыходзіць перыяд жыццёвай сталасці і мудрасці, калі чалавек пачынае ўсведамляць важнасць свайго прыходу ў жыццё, задае пытанне сабе і іншым: хто мы і куды ідзём? Ён разумее, што, з аднаго боку, спалучаны са сваімі продкамі, а з другога – з нашчадкамі. Сапраўды, чалавек падобны да птушкі, якая лунае ў сучасным на двух крылах – будучыні і мінулага. І гэты жыццёвы палёт падараваны кожнаму дзеля памяці продкаў і будучыні нашчадкаў.

Веданне гістарычнага мінулага неабходна чалавеку дзеля ўсведамлення самога сябе, сваіх вытокаў і каранёў. Духоўным грунтам для грамадства з’яўляецца гісторыя Радзімы.

Многія айчынныя аўтары звярталіся да тэмы гістарычнага мінулага. У цэнтры іх твораў – як канкрэтна-гістарычныя асобы, так і выдуманая.

Значнае месца сярод празаікаў, якія адлюстроўваюць у сваіх творах беларускую гісторыю, займае Леанід Дайнека. Як пісьменнік Л. Дайнека пачынаўся з лірыкі, хоць сярод ранніх публікацый у армейскай газеце “Красный боец” побач з вершамі былі таксама апавяданні і нарысы. Першымі яго кнігамі сталі паэтычныя зборнікі “Галасы” (1969), “Бераг чакання” (1972), “Начныя тэлеграмы” (1974). Сказанае ў іх маладым аўтарам выглядала больш важкім і цікавым, чым апублікаванае ў першым зборніку апавяданняў “Бацькава крыніца” (1976). Захапленне лірыкай не прайшло з гадамі маладосці: і ў сталага творцы, аўтара кніг прозы, жыве патрэбнасць у паэтычным слове. У 1980–1990-я гады выйшлі зборнікі

вершаў і паэм (“Вечнае імгненне”, “Сняжынкi над агнём”), з’яўляліся падборкі ў перыядычным друку [1, 24].

Тэматычны абсяг лірыкі Л. Дайнекі дастаткова шырокі: вёска, горад, сучаснасць, мінулая вайна, біаграфія, далёкая гісторыя. Варта адзначыць, што ў Л. Дайнекі захапленне перамогамі і дасягненнямі “сям’і народаў”, неабсяжнай, “ад Брэста да Курылаў”, Радзімы было непадробным і шчырым.

Варта мець на ўвазе і тое, што сярод бязмежных прастораў вялікай радзімы, з якімі малады чалавек знаёміўся непасрэдна, не згубіліся Беларусь і радзінная вёсачка Змітраўка.

Думка пра свой народ, яго гістарычны лёс, сучаснае становішча выразна прачытваецца ў прозе Л. Дайнекі. Таіса Грамадчанка адзначае: “Раманная форма, да якой хутка звярнуўся пісьменнік, выводзіла на мастацкае асэнсаванне праблем гістарычнай памяці беларусаў” [1, 24].

Леанід Дайнека – адзін з тых пісьменнікаў, для каго беларуская гісторыя не прыгожыя і каларытныя малюнкi, а ключ да разумення жыцця сучаснай Беларусі. Яго раманы “След ваўкалака”, “Меч князя Вячкі”, “Жалезныя жалуды” адлюстроўваюць знакавыя, пераломныя моманты беларускай гісторыі.

Даследчыца В. Шынкарэнка слухна прапануе “з імем Л. Дайнекі... звязваць з’яўленне ў айчынным літаратуры гістарычнага раманнага цыкла” [2, 479], хоць сам аўтар не рабіў спроб аб’яднаць у трылогію “Меч князя Вячкі”, “След ваўкалака” і “Жалезныя жалуды”.

Леанід Дайнека асвятляе ў гістарычных творах падзеі, якія маюць вялікае значэнне для нас, сучаснікаў. На прыкладзе вопыту мінулых пакаленняў ён даводзіць, што нельга вытрымаць цяжкія выпрабаванні і агульную небяспеку ў адзіночку. Пісьменнік напісаў свае раманы для таго, каб гісторыя паўстала ў нашых вачах не толькі ў выглядзе разбураных замкаў і старых камяніц, а ўяўлялася жывой, роднай, блізкай.

Гістарычная праблематыка сталася сэнсава значнай і магістральнай на празаічнай ніве Л. Дайнекі.

Раманы “След ваўкалака”, “Меч князя Вячкі” і “Жалезныя жалуды” складаюць гістарычную трылогію, у якой намаляваны асобы і падзеі нашага старажытнага мінулага. У цэнтры іх – вядомыя гістарычныя асобы Вячаслаў Барысавіч, Усяслаў Чарадзей, Рагнеда, Міндоўг і інш. Філасофскае асэнсаванне мінулага з пазіцыяй сучаснасці – адметнасць гістарычных твораў Л. Дайнекі.

Кампазіцыя рамана “Меч князя Вячкі” спрыяе выяўленню аўтарскай думкі, што лёс кіраўніка дзяржавы і лёс народа – адзін лёс. Першыя раздзелы рамана прысвячаюцца то паралельнаму паказу дзяцінства і

юнацтва будучага князя паўночнага фарпоста Полацкага княства Кукейнаса – Вячкі, то апісанню трагічнага лёсу Мірошкі ці шляху да волі Якава Палачаніна. Лёсы іх, як і ўмовы жыцця, зусім розныя, але потым жыццёвыя шляхі іх сходзяцца, і далей князь і воін не разлучаюцца да самай смерці. Письменнік паказвае князя Вячку як патрыёта роднай зямлі, багатую і свабодалюбівую натуру.

У цэнтры рамана “След ваўкалака” – вобраз славутага Усяслава Чарадзея, які, згодна з легендарнымі звесткамі, валодаў незвычайнымі здольнасцямі – разумеў галасы ўсяго жывога, мог перакінуцца ў ваўкалака. У рамане яскрава паказаны тагачасныя рэлігійныя супярэчнасці, якія вялі да процістаяння, непрымірымасці, гвалту. І гэтага не прымае князь Усяслаў, бо і “дзеці Перуна” і хрысціяне – людзі адной зямлі. У рамане Л. Дайнека ў асноўным засяроджваецца на незафіксаваных пісьмовымі крыніцамі падзеях жыцця князя ў зняволенні, шукаючы для ўвасаблення народжанай творчай фантазіяй задумы адпаведныя сродкі мастацкай паэтыкі.

Раман “Жалезныя жалуды” вяртае нас у часы зараджэння беларуска-літоўскай дзяржавы і таксама ўваскрашае героіка-трагедычныя старонкі змагання нашых продкаў з іншаземнымі захопнікамі.

Л. Дайнека стварыў свае гістарычныя раманы з думкай пра адраджэнне ў нашай душы і свядомасці гістарычнай памяці. Ён пайшоў шляхам вывучэння і мастацкага асэнсавання мінулага, каб паказаць нам, сваім сучаснікам, што мы з’яўляемся тым народам, які мае цікавае і самабытнае мінулае [3, 100].

Творы Л. Дайнекі дапамагаюць запоўніць прабелы ў нашых ведах пра беларускую гісторыю, асэнсаваць вопыт продкаў і ўгледзецца ў новае тысячагоддзе, адчуць гонар за мінулае, зведаць добрае, светлае пачуццё.

Заслуга Л. Дайнекі не толькі ў тым, што ён змог узнавіць духоўную атмасферу таго часу, стварыць уражлівыя, незвычайныя па сваёй эстэтычнай сіле вобразы старажытных беларусаў-ліцвінаў, але і напоўніў творы сучасным гучаннем, прымусіў нас задумацца над вечнымі каштоўнасцямі.

Літаратура

1. Грамадчанка, Т. “Хачу быць жытнім зернем я...”: да 70-годдзя Леаніда Дайнекі / Т. Грамадчанка // Роднае слова. – 2010. – № 1. – С. 24–27.
2. Шынкарэнка, В. К. Леанід Дайнека / В. К. Шынкарэнка // Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя: у 4 т. – Мінск, 2003. – Т. 4. Кн. 2. – С. 466–494.
3. Бельскі, А. І. Вандроўка па рацэ гісторыі / А. Т. Бельскі // Краса і смутак: літаратурна-крытычныя артыкулы. – Мінск, 2000. – С. 96–100.

ФАРМИРАВАННЕ ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМЯЦІ ВУЧНЯЎ
НА ЎРОКАХ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ І ЛІТАРАТУРЫ
Ў СЯРЭДНЯЙ ШКОЛЕ

У артыкуле адлюстраваны прыёмы працы настаўніка на ўроках беларускай мовы і літаратуры на фарміраванні гістарычнай памяці вучняў як духоўнай патрэбы і асновы пераемнасці пакаленняў.

Адчуць сувязь часоў, пазнаць і акрэсліць гістарычную радаслоўную свайго народа – гэта духоўная патрэба сучасніка, нашчадка ўсяго таго, што стваралі і за што змагаліся яго папярэднікі. Чалавек, як і народ у цэлым, да таго часу, пакуль не адкажа на пытанні, адкуль ён і хто ён, што ў яго за плячыма, не можа па-сапраўднаму здзейсніцца, адкрыць самога сябе, разумна распарадзіцца сваім будучым. Без гістарычнай памяці няма сапраўдных ведаў, такіх ведаў, якія б першапачаткова былі накіраваны на тое, каб зразумець рэальнае становішча спраў і змяніць іх. Рэальная сапраўднасць без гістарычнай памяці аказваецца схаванай ад чалавека шчыльнай заслонай, вытканай з чужых слоў і ўяўленняў. Пераважная большасць усяго таго, што ён прымае за ісціну або лічыць самавідавочным, – усяго толькі ілюзія, якая нараджаецца сугестыўным уздзеяннем сацыяльнага асяроддзя, у якім ён жыве.

Без маральнай аўтаноміі асобы, без яе суб'ектыўнасці, бясконцага мноства яе перажыванняў, настрояў, эмоцый, фантазій, праяўленняў волі творчасць немагчыма. У супрацьлегласць рацыянальнасці, якая трымаецца на вялікай колькасці правіл, нормаў, стандартаў і эталонаў, творчасць у аснове сваёй – з'ява ірацыянальная, непарыўна звязаная з эмацыянальна-вобразнай памяццю. “Успамін па прынцыпе быцця, – лічыць Э. Фром, – уяўляе сабой актыўнае ўздзеянне слоў, думак, зрокавых вобразаў, карцін, музыкі, гэта значыць, канкрэтны факт, які патрэбна ўспомніць, злучыць з мноствам іншых, звязаных з ім, фактаў. У гэтым выпадку ўстанаўліваюцца не механічныя або чыста лагічныя, а жывыя сувязі. Адно паняцце звязваецца з другім у выніку прадуктыўнага акта мыслення або адчування. Успамін тут мае на ўвазе ажыўленне ў памяці таго, што чалавек бачыў або чуў раней” [1, 38].

Без гістарычнай памяці няма духоўнасці і няма маральнасці, паколькі маральная норма – гэта тое, што перажыта і выпакутавана народам, што замацавана ў яго менталітэце і перадаецца ад старэйшых да малодшых у выглядзе традыцый, маральнага імператыву ці нейкага безумоўнага ірацыянальнага патрабавання. Гэта, нарэшце, галоўная састаўная частка народнага быцця, духоўная аснова пераемнасці пакаленняў, аснова

самадзейнасці насельніцтва краіны. Паколькі чалавек – істота сацыяльна-культурная, а культура з'яўляецца ў лепшым выпадку набыткам народа або асобнай нацыі, то для забеспячэння творчай актыўнасці асобы неабходна ажыўленне ў народнай памяці гістарычных з'яў і падзей. Дэманстрацыйнай гэтага тэзіса можа быць фарміраванне гістарычнай памяці школьнікаў на ўроках беларускай мовы і літаратуры. Зыходзячы з важнасці і складанасці адэкватнага ўспрыняцця гістарычнага матэрыялу, абагульняльны ўрок па беларускай мове па тэме “Складаны сказ” можна правесці ў форме завочнай экскурсіі “Дарагія мясціны роднага краю”(X клас).

На арганізацыйна-матывацыйным этапе настаўнік можа пачаць урок з уступнага слова: Бацькаўшчына. Радзіма. Родны край... Такімі шчырымі, лагоднымі словамі называем мы родную зямлю, дзе нарадзіліся, выраслі, грамадзянамі якой сталі. І ўсім нам хочацца ведаць гісторыю сваёй краіны, арыентавацца ў стагоддзях, шанавачь імёны і подзвігі продкаў. На ўроку мы ў думках пабываем у славурых мясцінах Беларусі, паспрабуем перанесціся ў мінулае і ўбачыць нашу краіну вачыма чалавека папярэдніх стагоддзяў, каб яшчэ раз адчуць сапраўдны гонар за тое, што мы – беларусы.

На гэтым этапе ўрока вучні могуць працаваць з карткамі, якія ўключаюць заданні: 1. Перакласці тэкст з рускай мовы на беларускую, даць яму назву, выразна прачытаць тэкст перад вучнямі класа, расказаць аб сваіх пачуццях, зрабіць сінтаксічны разбор двух сказаў. 2. Напісаць невялікі тэкст пра любую гістарычную мясціну нашага краю. У тэксце вызначыць складаны сказ, зрабіць сінтаксічны разбор іх, пабудаваць схемы гэтых сказаў. 3. Некалькі вучняў могуць працаваць каля дошкі з дэфармаванымі сказамі і інш.

Пазнавальны этап урока можна пачаць з вуснага паведамлення вучня “Гістарычныя мясціны горада Мазыра”. Яно можа быць наступным: гістарычным цэнтрам старажытнага Мазыра з'яўляецца Замкавая гара, дзе ў XI–XII стагоддзях размяшчаўся дзядзінец, найбольш старажытная ўмацаваная частка горада. У больш позні час тут быў узведзены драўляна-каменны замак, які існаваў у XIV–XVII стагоддзях, а ў XVIII стагоддзі быў перабудаваны ў дварцова-замкавы комплекс – рэзідэнцыю Мазырскага староасты.

Мазырскі замак не раз быў сведкам і ўдзельнікам гістарычных падзей. Як сведчаць гісторыкі, у розныя часы Мазыр належаў і кіеўскім, і чарнігаўскім, і турава-пінскім князям. У XIII–XVI стагоддзях горад неаднаразова падвяргаўся набегам татар. У 1240 годзе татары прарваліся на Беларусь, але літоўска-беларускія дружыны разбілі іх недалёка ад Мазыра, каля Скрыгалава. Аднак у наступным годзе татары прыйшлі большым войскам і разбілі беларуска-літоўскую дружыну. Мазыр зноў быў разрабаваны і спалены. Да сярэдзіны XVI стагоддзя Мазырскі замак не

адзін раз бачыў каля сваіх сцен ворагаў, у тым ліку і крымскіх татар, і магутныя войскі маскоўскіх вялікіх князёў.

У XVI–XVIII стагоддзях Мазыр з’яўляўся цэнтрам стараства і адначасова павета. У розныя часы на пасадзе Мазырскага старасты былі прадстаўнікі самых магутных магнацкіх прозвішчаў Беларусі: Гаштольды, Нарбуты, Радзівілы, Тышкевічы, Хадкевічы і інш.

У 1655 годзе горад быў захоплены рускімі войскамі, якія зноў поўнасьцю разбурылі яго, а насельніцтва знішчылі, амаль што ўсё. Нягледзячы на ўсе трагедыі, мазыране кожны раз адбудоўвалі разбураны і спалены горад, аднаўлялі, а іншы раз будавалі нанова.

Пасля паведамлення вучня можна правесці гутарку па наступных пытаннях:

- Ці былі вы на адноўленай у 2005 годзе Замкавай гары?
- Чым захапілі вас архітэктурныя пабудовы?
- Якія пачуцці вы адчулі, калі знаходзіліся на тэрыторыі Замкавай гары?
- Як вы лічыце, для чаго чалавеку патрэбна ведаць гісторыю мясцін, дзе ён нарадзіўся і жыве?

На карэкцыйным этапе ўрока вучням можна прапанаваць выканаць розныя практычныя заданні. Напрыклад: Спішыце тэкст, раскрыйце дужкі і расстаўце прапушчаныя знакі прыпынку. Зрабіце лінейныя схемы складаных сказаў.

Наваградск. Менавіта так прычым з націскам на другім складзе называюць свой гора(т, д) яго жыхары. Можна і сапраўды маюць рацыю.

Так сталася што пачуў я аб Наваградк(у, е) ў часы далёкага дзяцінства. Суседка бабуля Шура якая ведала проц(?)му старадаўніх пада(н, нн)яў казак жахлівых гісторый аднойчы распавяла аб тым як даўным(даўно) ворагі (не)маглі ўзяць магутны (н, Н)авагра(дск, цк)і замак што стаяў на высокім узгорку. І (не)захапілі б яго каб не выпадак. Ваявода які кіраваў абаронай быў даўно закаханы ў іншаземную каралеўну і (не)аднойчы сватаўся да яе але прыгажуня кожны раз адмаўляла. І раптам яму перадалі ліст у якім каралеўна казалі што згодна выйсці за яго замуж калі ён здасць замак. І аслеплены сваім пачуццём, ваявода ра(с, сс)чыніў перад ворагамі браму [2, 8–9].

Цікавай на гэтым этапе будзе арганізацыя работы вучняў у групах. Клас дзеліцца на тры групы, якія “падарожнічаюць” па знакамітых мясцінах Беларусі. 1-я група наведае маленькія і ўтульныя Пружаны, дзе ад часоў княжання Сапегаў стаіць велічны, хоць і разбураны, палацавы комплекс. 2-я група наведае Мірскі замак, а 3-я група пазнаёміцца з Радзівілаўскім паркам у Нясвіжы, пра які Уладзіслаў Сыракомля ў вершы “Альба” пісаў так:

Як тут цудоўна і цяніста і зелена,
Зайдзі ў алею ліп і ў беразняк бялёсы,

Прадзедзаўскаю мысляй падбадзёрвай лона
І ў час даўнейшы памяццю сваёй заносся [3, 9].

Заданні групам могуць быць наступнымі:

I група. Прачытайце тэкст і дайце яму загаловак. Выпішыце ўсе складаныя сказы, расстаўце ў іх знакі прыпынку. Зрабіце сінтаксічны разбор выдзеленага сказа. Падкрэсліце дзвюма рыскамі літары, якія абазначаюць 2 гукі.

Рэчка Ружанка тонкі блакітны паясок. Таму лічаць некаторыя і навакольцы пачалі называць свае селішча Ружанай, Ружаначкай, а цяпер Ружанамі.

Упершыню Ружаны ўзгадваюцца летапісцамі ў 1552 годзе. Калі ж мястэчка займела права на ўласны герб, дык жыхары выбралі за свой знак чырвоныя ружы на срэбраным полі а ў цэнтры шчыта яны змясцілі мужчынскую постаць з крыжам і лілеяй у руках. Адбылося гэта ў далёкім ужо 1637 годзе. Напрыканцы XVI стагоддзя Пружаны прылічыліся да шматлікіх “Сапежанскіх земляў”. Тады з’явіўся двухпавярховы крыжападобны мураваны палац з трыма вежамі. З птушынага палёту гэтыя пабудовы нагадвалі вялікую каменную ружу.

Але падчас “дзікіх паляванняў” за ўладай і Паўночнай вайны Ружаны былі амаль цалкам знішчаны. І вось у канцы XVIII стагоддзя знайшоўся архітэктар, які падараваў Ружанам казачнае адраджэнне. Гэта быў Ян Бекер. За няпоўныя два дзесяцігоддзі (1779–1792) дойлідамі былі пабудаваны Петрапаўлаўская царква ды кляштар уніяцкага ордэна базыльянаў а затым і каталіцкі касцёл у імя святога Казіміра [4, 20–21].

II група. Перакладзіце тэкст на беларускую мову, дайце яму назву. Зрабіце сінтаксічны разбор выдзеленага сказа і схемы ўсіх складаных сказаў.

Замок в местечке Мир Гродненской области был возведен на правом берегу речушки Мирянки. На каждом углу, выступая за периметр стен, возвышается мощная башня, а в глубине двора стоит трехэтажный дворец, пристроенный к северной и восточной стенам замка.

Башни возведены с таким расчетом, чтобы удобно было вести фланговый огонь, а большинство бойниц предназначалось для стрельбы из пушек. Все башни спланированы как самостоятельные углы обороны: если бы противник прорвался внутрь двора или пошел на штурм, из них можно было вести круговой обстрел. Каждая башня имела по пять ярусов боя с большим количеством бойниц и сложную систему внутренних переходов. Завершались башни бойницами, которые позволяли защищать подступы к стенам и через которые можно было сбрасывать на врага камни, гранаты, лить кипяток и смолу. Внутри башня разделена на пять ярусов [5, 135].

III група. Спішыце, раскрыйце дужкі, пастаўце знакі прыпынку. Дайце назву тэксту. Зрабіце схему першых трох складаных сказаў і сінтаксічны разбор падкрэсленага сказа.

У прыгарадзе Нясвіжа (а, А)льбе ёсць закінуты і з(?)дзічэлы стары парк. Паркам цяпер назваць яго цяжка бо гэта хучэй лясны ма(с, сс)іў (не)утульны і змрочны але разгарнуўшы кнігі ды пажоўкляя ад часу рукапісы можна ўявіць што адбывалася ў (а, А)льбе ў даўнейшыя часы ...

Самая першая з(?)вестка пра (а, А)льбу гэта план палаца збудаванага ў 1604 годзе князем Мікалаем Крыштофам Радзівілам Сіроткай. Палац быў вельмі сціплы, драўляны, (два)павярховы але (не)далёка ад яго Сіротка зрабіў звярынец для якога спецыяльна прыве(з, с) э(к, г)затычных жывел з Афрыкі, Італіі, Палесціны. Да пачатку XVIII стаго(дз, ддз)я звестак пра (а, А)льбу на жаль (не) захавалася але можна сцвяр(дж, ж)аць што да гэтага часу усе (с, С)іроткавы пабудовы добра ўтрымліваліся і пашыраліся наступнымі нясвіжскімі князямі бо згадкі пра тыя (ж) палац і звярынец сустракаюцца і ў канцы XVIII стаго(дз, ддз)я якое стала для (а, А)льбы сапраўднай залатой парой.

Але ў 1790 годзе пасля смерці бяздзетнага Пана Каханка вялізнае (н, Н)ясвіжскае княства засталася яго (пяць)гадоваму пляменніку Дамініку Гераніму Радзівілу апекунам якога было не да (а, А)льбы бо яны больш клапаціліся аб асабістым узбагачэнні. Таму маленькі (В, в)ерсаль паступова занепадае: (не)дагледжаныя палацы пачынаюць разбурацца шляхтай ды сялянамі [6, 20].

Кантрольна-рэфлексійны этап урока настаўнік завершыць словамі: Вось і закончылася наша завочная экскурсія па славурых мясцінах Беларусі. Мы пазнаёміліся з гісторыяй Мазыра, Наваградка і Ружанаў, падзівіліся архітэктурай Мірскага замка, судакрануліся з таямнічай прыгажосцю радзівілаўскага Нясвіжа. Напэўна, вы адчулі, што кожная гісторыка-архітэктурная пабудова пэўнага беларускага паселішча мае свой лёс, сваю гісторыю. Усе яны – нашы святыні, “золата” чалавечых рук, цеплыня людскіх сэрцаў і душ.

Мы працавалі з публіцыстычнымі тэкстамі і вучыліся знаходзіць у іх складаныя сказы, расстаўлялі знакі прыпынку, тлумачылі іх пастаноўку, рабілі сінтаксічны разбор сказаў і будавалі іх схемы.

Паглыбляць веды вучняў аб культуры, традыцыях, абрадах, песнях беларускага народа, удасканавальваць уменне чытаць і пераказваць тэксты навукова-публіцыстычнага характару, уяўляць побыт вясковых людзей, іх звычэй, традыцыі, развіваць музычны і мастацкі густы, выходзіць нацыянальную самасвядомасць вучняў, пачуццё годнасці і гонару за сваіх продкаў і сучаснікаў можна на ўроку беларускай літаратуры па вывучэнні нарыса У. Караткевіча “Зямля пад белымі крыламі” (7 клас).

Сам урок павінен стаць лагічным завяршэннем той разумова-духоўнай працы, якую правядуць вучні ў працэсе папярэдняга прачытання нарыса. І каб вынік гэтай працы быў плённым, настаўнік павінен прапанаваць вучням блок найбольш канцэптальных, праблемных пытанняў і заданняў. Падрыхтоўка адказаў на гэтыя пытанні абавязкова запатрабуе ад іх, акрамя

ведання зместу, яшчэ і самастойнага роздуму над такімі адвечнымі катэгорыямі, як чалавечая і гістарычная памяць, радзіма, народ, мова, матэрыяльная і духоўная культура і інш. Галоўная задача – фарміраваць маральную культуру асобы, перабудаваць маральныя арыенціры школьнікаў, падтрымліваць у іх адпаведную накіраванасць пачуццяў, думак, учынкаў, натхніць на здзяйсненне канкрэтных маральных дзеянняў. Зрабіць гэта можна пры ўмове, калі кожны вучань, які прымае ўдзел у абмеркаванні, пачне дакладна разумець, чаго ён хоча, што ён можа і што ён павінен? Гэта значыць, што ад стыхійнага спосабу жыцця, дзякуючы ўрокам літаратуры, ён можа пераходзіць да такога, які вызначае сам. І сутнасць гэтага вызначэння ў выбары ўмоў, жыццёвай накіраванасці, у выбары той адукацыі, той прафесіі, якія максімальна адпавядалі б асаблівасцям яго асобы, яго жаданням, яго здольнасцям у пабудове адпаведнай жыццёвай стратэгіі.

Карысным у гэтым плане будзе інтэграваны ўрок “Зямля з блакітнымі вачыма” па нарысе У. Караткевіча “Зямля пад белымі крыламі”.

Важным звязном на пазнавальным этапе ўрока будзе праца над зместам твора. Прапануем яго фрагмент.

Н: Паглядзіце, які цудоўны куфар стаіць у класе. Менавіта пра яго расказвае ў адным са сваіх раздзелаў У. Караткевіч.

Успомніце, пра якія рэчы расказваў пісьменнік, і знайдзіце, якіх не хапае ў куфры. (Два вучні перабіраюць рэчы ў куфры)

Пакуль вашы сябры працуюць, мы будзем паглыбляцца ў цудоўную і незвычайную краіну легенды. Уважліва паслухайце.

Жыў на свеце прыгожы і вясёлы хлопец Васіль. Любіў ён блакітнае неба і ласкавае сонца, кахаў дзяўчыну Васіліну. Вось ішоў ён аднойчы надвечоркам дамоў. А ноч была ясная, месячная. Ubачыў Васіль, як пасярод ільнянога поля водзяць русалкі карагод (Дзяўчаты выконваюць карагод).

Цікава стала яму, паколькі чуў ён яшчэ і пра гульню русалак. Схаваўся і стаў чакаць.

А русалкі ўсё бліжэй і бліжэй, адна за другую прыгажэйшыя. Захацеў і Васіль з русалачкамі ў карагодзе пакружыцца. Устаў ён на ўвесь рост. Русалкі перапалохаліся. Разгневалася старэйшая з іх ды кажа:

– Што, Васіль, доўга ты праседзеў у ільне, на нас гледзячы, вось і заставайся там назаўсёды.

З той пары ніхто Васіля ў вёсцы не бачыў, а па ільняным полі ўсюды васількі. А калі мы бачым гэтую кветку – кветку Васіля, яна натхняе нас на высокія пачуцці.

Пакуль мы слухалі легенду, вадзілі карагод, вашыя сябры разгледзелі рэчы з куфра і ўспомнілі, чаго там не хапае.

В: (Адказы вучняў)

Н: Успомніце, якімі рысамі надзяліў У. Караткевіч у сваім нарысе беларускі народ?

В: (Сціпласць, дабрыня, гасціннасць, кемлівасць і іншыя).

Н: А жылі людзі раней у асноўным у вёсках. Менавіта туды мы і здзейснім падарожжа.

Раскажыце, як раней выглядала беларуская вёска?

В: (Вучні перадаюць змест раздзела “Вёска, о родная вёска мая!”).

Н: Раней у вёсцы налічвалася каля 1500 двароў. Цяпер 20–30 двароў – гэта ўжо вёска. Амаль у кожнай вёсцы ёсць што паглядзець. Уявіце сабе, што мы зайшлі ў адну з вясковых хат.

Што вы можаце пра яе расказаць?

В: (Адказы вучняў).

Н: Звярніце ўвагу на словы, напісаныя на куфры: “Праз куфар відаць жыццё чалавечае.”

Як вы разумееце гэтыя словы?

В: (Рэчы, якія захоўваліся ў куфры, сведчылі аб тым, як жылі беларусы: якое адзенне насілі, якія гульні, танцы любілі. Якіх абрадаў прытрымліваліся)

Н: Скажыце, з чаго раней рабілі вопратку?

(Адказы вучняў)

Урадзіўся ён высокі,

Шаўкавісты, сінявокі,

Апранае нас здавён...

Здагадайцеся, хто ён? (Лён)

Так, сапраўды, гэта – лён. І колькі працы трэба было прыкласці для таго, каб з гэтых кволых раслінак атрымалася палатно.

Якія песні пра лён вы ведаеце?

Давайце разам праспяваем вядомую ўсім песню “Ох, і сеяла Ульяніца лянок”.

Н: Паглядзіце, якімі прыгожымі ручнікамі ўпрыгожаны наш клас.

Хто ведае, аб якіх момантах жыцця беларусаў гавораць ручнікі?

В: (Нараджэнне дзіцяці, праводзіны ў армію, заручыны, вяселле).

Н: Некаторыя з названых абрадаў захаваліся і сёння, можа трохі ў іншым выглядзе.

Такім чынам, на ўроках беларускай мовы і літаратуры павінна трывала фарміравацца гістарычная памяць школьнікаў. Кожны вучань абавязаны ведаць гісторыю, звычаі і абрады свайго народа, шанаваць і любіць сваю Радзіму, слаўныя яе мясціны.

Літаратура

1. Фром, Э Иметь или быть / Э. Фром. – 2-ое доп. изд. – М.: 1990. – 330 с.

2. Багадзяж, М. Былая сталіца дзяржавы / М. Багадзяж // Бярозка. – 1998. – № 12.

3. Сыракомля, У. Вершы / У. Сыракомля // Роднае слова. – 2003. – № 6.
4. Бензярук, А. Пра мястэчка-ружу / А. Бензярук // Бярозка. – 2000. – № 4.
5. Ткачев, М. А. Замкі Беларусі / М. А. Ткачев. – Мінск, 2002.
6. Куваеў, А. Маленькі Версаль пад Нясвіжам / А. Куваеў // Бярозка. – 2000. – № 2.

УДК 821.161.3-4

В. К. Шынкарэнка

**“СВЯТЛОМ РАДЗІМЫ Й СЛОВА РАТАВАЦЦА...”: АДМЕТНАСЦЬ
ТВОРЧАЙ ІНДЫВІДУАЛЬНАСЦІ В. ЯРЦА**

У артыкуле разглядаецца спецыфіка мастацкага светабачання і мыслення Віктара Яраца. Падкрэсліваецца моцны рэгіянальны пачатак яго паэзіі, выяўляецца яе філасофская глыбіня і пранікнёны лірызм.

Да асэнсавання ўсяго агульназначнага і нават касмічнага, да спасціжэння філасофіі быцця кожны чалавек, а тым больш творца, прыходзіць праз еднасць са сваімі каранямі, роднай зямлёй, любоў да бацькаўшчыны, нацыянальную гістарычную памяць. Гэта значыць, праз сваё і сябе. У слухнасці гэтага сцвярджэння асабліва пераконвае знаёмства з літаратурна-мастацкай спадчынай і сённяшнімі здабыткамі прадстаўнікоў асобных рэгіёнаў нашага краю. Пры ўсёй “беларускасці” кожны куток Айчыны па-свойму адметны і багаты талентамі. Да прыкладу, калі ўзяць толькі другую палову ХХ стагоддзя, то, заведама абмежаваўшыся пералікам асобных прозвішчаў шырока вядомых мастакоў слова, можна ўгадаць, што найбольш ярка тую ж Гомельшчыну прадстаўляюць Іван Мележ і Іван Шамякін, Барыс Сачанка, Анатоль Сыс; Магілёўшчыну – Аркадзь Куляшоў, Аляксей Пысін, Міхась Стральцоў, Іван Чыгрынаў; Міншчыну – Сяргей Дзяргай, Васіль Вітка, Максім Танк; Гродзеншчыну – Ларыса Геніюш, Янка Брыль, Вячаслаў Адамчык; Брэстчыну – Мікола Рудкоўскі, Яўгенія Янішчыц, Ніна Мацяш; Віцебшчыну – Васіль Быкаў, Уладзімір Караткевіч, Янка Сіпакоў. У сваю чаргу, у кожным раёне з пералічаных абласцей без цяжкасцей можна адшукаць яшчэ шмат іншых прозвішчаў таленавітых людзей, якія шчыра шануюцца землякамі і з’яўляюцца гонарам свайго краю.

Сярод прыгожых і шмат у чым адметных мясцін Гомельшчыны асабліва вылучаецца адна з мясцін Рэчыцкага рэгіёну ў басейне Дняпра. Менавіта тут прыйшлі ў свет, каб увекавечыць родны кут і ўсю Айчыну Віктары Ярац і Стрыжак, Анатоль і Сяргей Сысы. Спынімся больш уважліва на жыццёпісе і творчасці першага з названых аўтараў.

Беларускі паэт і літаратуразнавец, публіцыст і перакладчык, кандыдат філалагічных навук, член Саюза беларускіх пісьменнікаў Віктар Уладзіміравіч Ярац нарадзіўся ў сям’і Любові Трафімаўны Шалейкі

і Уладзіміра Пятровіча Яраца “...ў ранишнім пасёлку // кастрычніцкай парой...”. Пазней пра сваё нараджэнне (больш дакладна: 23.10.1948; пасёлак Красны Мост Рэчыцкага раёна), заўсёдную прысутнасць у жыцці залатога лісця, крамяна-агнявых рабіны і каліны, “старых бяроз і клёнаў”, сівых нябёсаў, мудрых Добрыцы і Дняпра, вобразаў бацькоў, землякоў, “стамлёных продкаў” паэт напіша:

*Гудзеў гудок. І адгукаўся гучна
над стольлю ў хаце голас хлапчука.
І вечнасьці глыбокая рака
каменьчыкі агучвала над кручай [1, 108].*

У той час афіцэр Уладзімір Пятровіч Ярац служыў у арміі, і сям’і даводзілася ўслед за ім часта пераязджаць з месца на месца па тэрыторыі былога Савецкага Саюза. Але такая цяжкая для дарослых бытавая неўладкаванасць ніколі не перашкаджала дапытлівай дзіцячай душы адкрываць неабсяжнасць і няпростасць свету, узбагачацца новымі ведамі і ўражаннімі. Пазней яны ажывуць у многіх творах паэта, стануць асновай вершаў “Трыпціх трывожнай цішыні”, “Роднасць” і інш. Пасля дэмабілізацыі бацькі сям’я вяртаецца на радзіму (1955). Любоў Трафімаўна і Уладзімір Пятровіч пачнуць працаваць у калгасе “Савецкая Беларусь”, а Віктар пойдзе ў першы клас Заспенскай сярэдняй школы, якую паспяхова закончыць у 1966 г.

Свой першы верш “Мой край” пяцікласнік В. Ярац апублікаваў у газеце “Піянер Беларусі”. Па выніках літаратурнага конкурсу твор быў прызнаны адным з лепшых, і юнага аўтара ўзнагародзілі дыпламам і кніжнай бібліятэчкай. На яго захапленне філалогіяй у значнай ступені паўплывалі настаўніцы беларускай і рускай мовы і літаратуры Ганна Ігнатаўна Цітавец і Людміла Афанасьеўна Ішчанка. Яшчэ вучнем В. Ярац актыўна дасылае матэрыялы ў раённы “Дняпровец”. Невыпадкова адразу пасля школы яго запрашаюць на працу ў рэдакцыю газеты. Малады карэспандэнт шмат ездзіць у камандзіроўкі, выступае ў друку з рознымі па тэматыцы публікацыямі і адначасова рыхтуецца да паступлення ў ВНУ.

У гэтым жа 1966 г. перад В. Ярацам адкрыліся дзверы філалагічнага факультэта БДУ імя У. І. Леніна, дзе першакурсніка, акрамя непасрэдных вучэбных абавязкаў, чакаў актыўны ўдзел у рабоце літаратурнага аб’яднання “Узлёт”, шырока вядомага ў рэспубліцы багаццем выпеставаных маладых талентаў. Кіраўніком і творчым натхняльнікам узлётаўцаў тады і яшчэ шмат гадоў пасля быў вядомы літаратуразнавец і паэт А. А. Лойка. Сярод тагачасных членаў аб’яднання асаблівай адоранасцю вылучаліся А. Бутэвіч, Ю. Голуб, Г. Далідовіч, А. Жук, С. Законнікаў, К. Камейша, В. Коўтун, А. Разанаў, Я. Хвалей, Я. Янішчыц і інш. Сяброўства з імі В. Ярац захавае на ўсё жыццё. У 1969 г. ён перавяждзецца на філалагічны факультэт Гомельскага педінстытута імя В. Чкалава, што хутка атрымае ранг універсітэта, і закончыць яго ў 1970 г.

Некалькі месяцаў В. Ярац загадвае сельгасаддзелам рагачоўскай раённай газеты “Камунар”. Затым служыць у арміі на тэрыторыі Грузіі і Азербайджана (1970–1971). Пасля дэмабілізацыі пэўны час працуе карэспандэнтам на Гомельскай студыі тэлебачання, а потым паступае ў аспірантуру ГДУ (1972–1975). Пад кіраўніцтвам вядомага літаратуразнаўца прафесара М. М. Грынчыка малады навуковец напіша і паспяхова абароніць у 1976 г. дысэртацыю па тэме “Рытмічны лад сучаснай беларускай лірыкі”, атрымае ступень кандыдата філалагічных навук, праз некаторы час – навуковае званне дацэнта (1978). З 1975 г. і да нядаўняга часу В. Ярац нязменна працаваў на кафедры беларускай літаратуры ГДУ імя Ф. Скарыны. Шмат гадоў узначальваў літаб’яднанне “Крыніца”, пасяджэнні якога ў розныя гады наведвалі А. Зэкаў, А. Сыс, А. Бяляцкі, Э. Акулін, А. Казлоў, В. Куртаніч, Л. Раманавя і многія іншыя, сёння шырока вядомыя, аўтары.

Творы паэта публікаваліся ў калектыўных зборніках “Натхненне”, “Універсітэт літаратурны”, “Узоры дружбы”, альманаху “Дзень паэзіі”. І сёння яго эцюды, вершы, балады, паэмы рэгулярна друкуюцца ў шматлікіх перыядычных выданнях. В. Ярац з’яўляецца аўтарам кніг лірыкі “Уваходзіны” (1976), “Добрыца” (1989), “Дняпроўскі бакен” (1992). Шмат гадоў безвынікова чакалі выхаду ў свет яго “Беражанкі”, падрыхтаваныя да друку яшчэ ў 1998 г. Творы паэта гучаць на многіх славянскіх мовах. Сам ён перакладае з украінскай, рускай, літоўскай і балгарскай моў. Акрамя таго, В. Ярац плённа сцвярджае сябе як літаратуразнавец, з’яўляецца аўтарам больш за 130 артыкулаў, рэцэнзій, матэрыялаў, тэзісаў, анкет, змешчаных на старонках навуковых, даведачных і перыядычных выданняў, заўсёды чуйна рэагуе і ўдзельнічае ў абмеркаванні па-сапраўднаму таленавітых кніг, асобных публікацый.

Прастора, што нарадзіла паэта В. Яраца, месціцца між берагамі Дняпра. І хоць яны розняцца (“*Правы бераг – круты, у садах, // левы бераг – пакаты, у соснах*” [2, 118]), а вада ў рацэ з гадамі стала больш мутная, сівая, і нават у аблокаў хада пацішэла, паэт увесь час услухоўваецца, баіцца згубіць мелодыю святой вады, музыку сваіх берагоў, скаргі і спевы замёрзлага ці абуджанага крыгаломам старога Дняпра з яго “*неразгаданай тайнай*”. Іншы раз паэтычная думка В. Яраца яднаецца з гэтай загадкавай таямніцай. І тады сплываюць з душы і гарката, і сумненні, і сум. Магутная старажытная рака, аднолькава як і рачулка Добрыца, успрымаюцца аўтарам споведдзю святла, дарункам надзеі, сховамі перажытага продкамі і асабістай памяці лірычнага суб’екта, які з дзяцінства і “*з сівізной на скронях*” прагна і з заўсёдным здзіўленнем спрабуе зразумець мову акаляючага свету, няспыннага руху вады. Варта адзначыць, што міжбераговыя абсягі для творцы ніколькі не вузкія, бо высяцца да самага неба. Якраз туды з гадамі ўсё часцей і часцей узіраецца паэт, імкнучыся знайсці разгадку быцця ці задумваючыся над адвечнымі яго пытаннямі,

выбіраючы сваім сувязным жаўранкавую песню, якая нібы застывае ў блакіце аблокаў, “між зямлёй, дзе ёсць гняздзечка ў жыцце, // і між небам, што ў гняздо глядзіць” [3, 5].

Матыў духоўнай повязі з дзядамі і прадзедамі, незабыўнай памяці бацькі, брата, іншых дарагіх людзей, далёкімі продкамі, чые галасы “плывуць у свет з туманнай кручы” [2, 11], асабліва адчувальны ў вершах В. Ярца. У некаторых выпадках аўтарскае ўспрыняцце вады як пачатку ўсяго існага, як увасаблення самога жыцця набывае гранічна акрэсленае вызначэнне: “Рака – як выклік слову «смерць»” [4, 91]. Зразумела, што чалавек не можа нічога зрабіць з тым, што з гадамі час толькі дадае выпрабаванняў, больш забірае. Але ж пры гэтым ён кожнага з нас многаму вучыць, адкрывае сэрца для спагады, болю за іншага. Менавіта таму для лірычнага героя В. Ярца могількі – “святыя пантэоны”, што праз горыч пакут за перанесеныя страты і светлую памяць пра навекі страчаных родных і знаёмых ачышчаюць душы жывых. Як і ўвогуле для беларусаў, для паэта могількі, Радаўніца не толькі месца і час для даніны павагі памерлым, выпакутаваная недатыкальная прастора агульнай згоды і даравання, але і вельмі важкая магчымасць усур’ез асэнсаваць перажытае, зрабіць пэўныя жыццёвыя высновы, падбіць самыя істотныя рахункі.

Адыход чалавека, яго смерць усведамляюцца паэтам толькі як завяршэнне пэўнага зямнога кола жыцця, што мае далейшы працяг. Напамінамі пра яго – вочы і словы продкаў, што “свецяць расой з травы самацветамі” [2, 22]. Іх уздыхі, якія чутны на могільках, гэтым журботным астраўку маўчання, – аб пакінутых родных людзях, аб недаробленых зямных справах. І ўсё ж непазбежнасць смерці, яе непасрэдная прысутнасць асабліва адчуваюцца тут. Сузіранне запушчаных старых вясковых могількаў “з плотам паваленым”, збуцвелымі крыжамі не можа не раніць сэрца, не поўніць яго трывожнымі, змрочнымі роздумамі не толькі пра свой адыход, але і цалкам дапушчальную верагоднасць назаўсёды згубіцца і застацца невядомым, нечым нязначным, безыменным для наступнікаў. Подых непазбежнасці і адвечнай зменлівасці, што дарэшты пранізвае чалавечую душу на кладах, надае светабачанню героя паэта асаблівую відушчасць, дазваляе вызваліцца ад дробязей і непатрэбнага другу, спрыяе зрухам да лепшага. Бо далучэнне да некага, няхай і праз памяць, праз радасць і дакор “нямых магіл”, “непачутай крыўды чалавека” [2, 120], у нечым заўсёды – нараджэнне, прычашчэнне.

Вядома, што кожны мастак аднолькава балюча перажывае трагедыі і хваробы свайго краю, з адказнасцю ўсведамляючы невымернасць выпрабаванняў, якія выпалі на яго долю. Бяздоннай трагедыяй за маленькую і вялікую радзіму прасякнуты вершы В. Ярца “Меліярацыя”, “Мой хворы край”, “Перасохлі маленства крыніцы”, “Балада Палесся”, “Пад ружаю вятроў”, “Чарнобыльская восень” і інш. Бясконцы одум і клопат пра Беларусь вызначаюць балявы парог многіх твораў паэта. Часта

па сваёй публіцыстычнай завостранасці, непрыхаваным абурэнні, напоўненасці сапраўдным болем і клопатам за радзіму, яе атручаныя зямлю, ваду, нябёсы яны набліжаюцца да вершаў П. Панчанкі і Н. Гілевіча. Пры ўсёй неабьякавасці да роднага краю, чуйных адносінах да бацькоўскага гнязда ў пераважнай колькасці выпадкаў у паэзіі аўтара рэдка сустракаюцца гучныя словы, патэтычна-пафасныя прызнанні ў любові да бацькоўскай зямлі ці падкрэсленае ўсведамленне ўласнай звышвыключнасці.

Для В. Ярца, стрыманага ў пачуццях лірыка, надзвычай важна падкрэсліць, што шлях да Айчыны пачынаецца ад роднай мовы, словы якой *“пахнуць горыччу і радасцю...”*. Аднолькава тонка ўдаецца аўтару перадаць самае патаемнае ў адносінах жанчыны і мужчыны, занатаваць нараджэнне сапраўдных пачуццяў паміж Ёй, *“связной Сонца”*, чыё імя хочацца паўтараць бясконца, і мужным і стрыманым Ім. У творах паэта апошняга часу глыбіня кахання прадстае незалежнай ад людскіх перасудаў, колькасці гадоў, пражытых разам, ад надвор’я і канкрэтных сітуацый (*“Твой позірк”*, *“Сняжынка на вуснах асмяглых растане...”*, *“Да раніцы высокія гірлянды...”* і інш.). Як і ў грамадзянскай паэзіі, у інтымнай лірыцы В. Ярца акрэсленага перыяду заўважна ўзмоцніўся драматычны пачатак, абвострана выяўляе сябе разуменне хуткаечнасці і трагічнасці жыцця. Ці не таму для героя яго верша *“На дваіх”* дастаткова:

*слухаць пульс тваіх пальцаў у пальцах сваіх
і ў пялёсткавым маі і ў студзені снежным,
дзе імгненне і вечнасць –
на дваіх, на дваіх [5, 120].*

Ці не таму ў адным з *“Зямных эцюдаў”* лірычны суб’ект паэта больш за ўсё жадае адшукаць той *“выратавальны, бальзамны, жыватворны...гук”*, які змог бы прынесці паратунак каханай. Дзеля яе, паранейшаму не забудзьна вясновай, (каб толькі тое было магчыма!) ён гатовы хоць як-небудзь ды затрымаць няспынны кругабег часу:

*Пакуль жыццё вісіць яшчэ на валаску,
малітвай ловіць кожны міг дыханне,
як затрымаць няўмольны бег секунд
да фінішнай мяжы –
нямой, растайнай? [6, 93].*

Трэба адзначыць і тое, што нечаканы энергетычны згустак у вершаваным радку В. Ярца часта ўтвараюць сутыкненні вобразаў падкрэслена праязных і прыўзнята паэтычных. Так, у вершы *“Садзім бульбу”* традыцыйны для беларускага жыццёвага распарадку канкрэтна-зямны вобраз бульбы перадаецца паэтам праз прызму высокай метафарычнасці і адначасовую гістарычную напоўненасць. Для аўтара гэта – *“жмені памяці, сонцам сагрэтай, // жмені веры ў бясконцасць сваю”* [2, 81]. У эцюдзе *“Крамяныя, трывушчыя тут яблыкі былі...”* настрой “Я” –

героя паэта зусім іншы; ён поўны горычы ад усведамлення незваротнай апуштошанасці акаляючага свету і яго глыбінных нетраў, бездапаможнага сузірання невылечна хворых зямлі і садоў на сваёй радзіме. І ціхае, паўторанае ў кожнай з дзвюх строф верша, мацярынскае тлумачэнне вострай экалагічнай сітуацыі і самога вобраза нафты як крыві зямлі толькі падкрэслівае невымернасць болю за ўвесь родны край і яе самой, і сына:

*У якія далечы сышлі
сілы глыбіні – вякоў багацце?
– Высмакталі нафту – кроў зямлі, –
і зямля хварэе, –
кажа маці [6, 94].*

У некаторых іншых творах В. Ярца таксама можна заўважыць, як зварот да шэрагу ці асобных канкрэтных вобразаў, прадметаў і з’яў з будзённага жыцця дапамагае аўтару ва ўзнаўленні шырокіх карцін быцця і гісторыі Айчыны, становіцца першаштуршком для глыбокіх роздумаў над эпохай, яе здабыткамі і стратамі. Так, у паэме “Мама і вянкi цыбулі” паэту ўдаецца дасягнуць гэтага праз апісанне і развагі пра самую звычайную ў вясковым светапарадку, сонцам налітую і матулінымі клапатліва-шурпатымі рукамі старанна дагледжаную, старажытную гароднінную культуру, якая ў пераломныя ці галодныя гады ратавала не толькі ад хвароб, але і безграшоўя, з’яўлялася ўвасабленнем спагады як для самой гаспадыні, так і цэлага веку. І нават шнуры для звязвання цыбулі ў вянкi (спачатку шурпата-ільняны, затым сінтэтычны) сведчаць пра незваротныя змены, што адбыліся ў народным жыцці з часоў даўніны. У выніку іх:

*Сталі рэхам і Купальля песьні,
і жніва, і казачных Каляд.
За якія горы іх панеслі
буравей?
Ці пабіў іх град? [7, 91].*

Агучаныя мастацкія знаходкі яшчэ раз пераконваюць, што сапраўдныя словы, выразы і вобразы – жывыя, яны валодаюць вялікай гаючай сілай і творчай энергіяй, падкрэсліваюць і ўтрымліваюць у сабе выключную назіральнасць і мудрасць народа. Зварот жа да іх аўтара дазваляе гаварыць пра яго як прыхільніка пераважна “лірыка-апавядальнай плыні” ў паэзіі, якая, па перакананні У. Гніламёдава, звязана “вытокамі сваімі... з коласаўска-багдановічаўскім пачаткам” [8, 124]. Пры гэтым герой пісьменніка не толькі наратар ці сузіральнік, публіцыст або філосаф, які ў шуме вады і лісця ўгадвае бяссмерце. Ён яднае ў сабе ўсе вымярэнні, угадвае ў адзінкавым агульнае, мірыць нябеснае і зямное, нітуе пачатак і канец, як пра тое заўжды марылі М. Стральцоў і Я. Сіпакоў:

*Быў сам у адначасье – і лісток,
і карань, што вясною гольле будзіць;
глядзеў у неба (там раней жыў Бог)
і слухаў дол (там казкі сьпяць, як людзі) [1, 110].*

Часта ствараецца ўражанне, што першая рыфма, непаўторнасць перажытага звязаны ў В. Ярца ці то з усплёскам рачных хваляў, музыкай учарашніх берагоў, маўчаннем векавечных кручаў, песняй дняпроўскай кнігаўкі, гнёздамі беражанак, ці той жа вадой святой – вадой крынічнай. Адсюль заўсёды дакор сабе: “...што я зрабіў, каб ты цякла, // каб ты жыла, вада святая?” [9, 18]. Ужо з “Уваходзінаў” кідаецца ў вочы схільнасць творцы да асэнсавання паняццяў рухомасці, зменлівасці, няспыннасці, бясконцасці пераўтварэнняў. Перадачы іх у мастацкім тэксце найбольш адпавядаюць словы-вобразы: *рушанне, узварушанасць, узрушанасць, кружлянне*. Яны дакладна перадаюць няспыннасць жыцця, прадвызначанасць шляху зямлі ў Сусвеце і вакол сваёй восі: “*А шар зямны ўсё кружыцца і кружыцца...*” [9, 5]. Паэт спявае “Оду калодзежнай вадзе”, шкадуе, што больш ужо ніколі не паўторыцца перажыты дзень. Праз рухомасць вады ён асабліва востра адчувае, як хутка і незваротна праходзіць час, кранаючы “*адкрыццём неадкрытае красы...*” [9, 30]. І праз гады, “*параднёны з вандроўніцкім лёсам*”, “Я”-герой вяртаецца на радзіму, да сябе, каб “*пакору і тлум змыць вадю вякоў*” [1, 112].

Увогуле, гэты градацыйна аформлены вобраз (кропля, дождж, ручай, крыніца, рэчка, рака, возера, мора, акіян, хвалі, што хваляць адна адну, вада вякоў, “*як летанісы, воды...*” [6, 93] і ўсё, што звязана з імі) у творчасці В. Ярца прадстае ў мностве варыяцый, ёмістых па сэнсе і сімвалічна замацаваных, традыцыйна ўстойлівых. Якраз ён і з’яўляецца асноўным у паэтычнай сістэме аўтара, праступаючы не толькі ў назвах яго зборнікаў, але і пранізваючы змест асобных твораў. Плыткасць часу перадаецца паэтам і праз зменлівасць малюнкаў акаляючага свету, у цэласнай карціне якой праплываюць, змяняючыся і ўзаемадапаўняючы, навяяныя вобразам каханай закалыханая ў сне ноч, пялёсткі кветак, яблыкі ў садах, дакоры дрэў. Кожная з гэтых з’яў не толькі сузіраецца лірычным героем у пэўнае імгненне, але і спасцігаецца сэнсава, нараджаючы пры гэтым новыя асацыяцыі ці загадкі: “*...і адкрываў мне тайны кожны міг, // і кожны міг мне задаваў пытанні...*” [9, 21].

Мабыць, ёсць свая логіка ў тым, што з гадамі мы ўсё часцей скіроўваем свае позіркы ўвысь. Асабліва калі даводзіцца шмат страчваць, развітвацца навечна з многімі дарагімі людзьмі. Калі тое, што з намі было, можна параўнаць з рухам вады, з тым, што “*сплыло, адгуло, адцвіло*” [2, 28], то тое, што застаецца, захоўваецца ў памяці і душах, сваім прасцягам мае горныя высі, адпаведнае зорнае выражэнне і азначае бязмежнасць надземнай вечнасці. Жадаючы пачуць гаворку між бясконцым небам і роднаю зямлёй, снуючы на душэўным пароме між берагамі знаёмай з дзяцінства ракі, лірычны герой паэта адпраўляецца ў не менш цікавае падарожжа. Яго напружаная думка асвойвае прастору новага “між”, б’ючыся між палюсоў спатканняў і развітанняў, нараджэнняў і адыходаў, захапленняў і расчараванняў, між зведаным і невядомым, пройдзенымі шляхамі і “*непяройдзенымі брадамі*”.

Пры гэтым чуйная душа лірычнага героя паэта з'яўляецца добраахвотным сувязным між нябачным болем неба і зямной журбай (“Тут словам не выказаць болю...”). У сваю чаргу, “калі занядушыцца-занядобрыцца”, героя ратуюць тыя ж неба і зямля, родныя сосны, Добрыца, Днепр (“Насечкі на соснах, як шрамы...”, “Добрыца”, “Цеплаход адыходзіць ад прыстані” і інш.). Народжаны жыць, спасцігаючы таямніцы свету, чалавек у В. Ярца адкрыты для ўспрымання яго кожнай праявы, падзіцячы даверлівы. Так “у разорах зярняты чакаюць свой міг абуджэння” [2, 28]. Праз гэтую адкрытасць, душэўную шчырасць асобе творцы многае даецца. Яна шмат і тонка адчувае. Але нельга сказаць, што такая, да самых вытокаў, усёпранікнёнасць з'яўляецца палёгкай для яе. Глыбінёй света-і чалавекаспасціжэння вылучаюцца лірычныя цыклы В. Ярца “Трыяды тваёй таямніцы” і “Эскізы дзён”. У іх паэт здолеў праз адну фразу (“У інеі – бераг і скроні” [2, 35]) перадаць не толькі хуткаплыннасць і незваротнасць уласнага лёсу, але і нагул трагічную непаўторнасць гісторыі свайго краю, што б'ецца астылым і горкім попелам стагоддзяў у скроні зямлі.

Заўсёдны выратавальны круг для В. Ярца – “домік пад клямамі”, што дае магчымасць у любую непагадзь адагрэцца, перажыць складанае. Паэт імкнецца захаваць сувязь з бацькоўскай хатай, а праз яе – з усім краем, дзе нават дрэвы размаўляюць “на мове сонца, ліўняў і вятроў” [9, 25]. Разам з тым, ён выразна разумее канчатковасць абрання свайго шляху, абумоўленую лёсам адарванасць ад родных вытокаў, што раз'ядноўвае яго сэрца з вёскай. Магчыма, таму сум па дзедавай лодцы і баклазе, захапленне бабулінай мудрасцю, нястомнасцю мацярынскага чакання, жаль ад непазбежных ростаняў пры ўсёй стрыманасці творцы прарываюцца праз пранізлівыя паэтычныя інтанацыі і бясконца дарагія сэрцу вобразы.

Уменне слухаць, заўважаць, суперажываць – несумненная адзнака мудрасці. Па словах М. Пруста, “мудрасць нельга атрымаць у гатовым выглядзе, яе адкрываеш сам, прайшоўшы такі шлях, які ніхто не можа прайсці за цябе, ад якога ніхто не можа цябе пазбавіць, бо мудрасць – гэта свой погляд на рэчы” [10, 449]. У В. Ярца, скажам з упэўненасцю, ён ёсць. У апошнія гады ў гэтым пераконвае заўважная філасофская паглыбленасць вершаў і ліра-эпічных твораў аўтара (сюжэтныя замалёўкі, баллады, паэмы, кароткі вершаваны раманы).

У разбітых анжамбеманам на паўрадкоўі двухстрофных катрэнах “Палескага рамана” В. Ярца пра ранейшыя чыстыя і незабруджаныя радзьяцый рэкі Сож і Дняпро, Прыпяць і Друць і такі ж светлы і дарагі палескі край жывым з сумам апавядаюць самі “сузор'і над шляхам” [7, 94]. Але трагізм твора асабліва ўзмацняе структурна выдзеленыя заключныя дзвяты радок, што, як і папярэднія, таксама разбіты на два паўрадкоўі. І прамаўляюць іх ужо не недасяжныя і нязгасныя жыхары неба, а сам

лірычны суб'ект, які нечакана выяўляе сваю прысутнасць у часапрасторы тэксту, бо не можа стрымаць і вытрымаць высокую канцэнтрацыю ўласнага болю з-за таго, што ўжо адбылося і адбываецца з яго пракаветным краем. Стылістычна нейтральнае афармленне гэтай фінальнай фразы і далейшае ўмаўчанне яшчэ больш падкрэсліваюць катастрофічныя памеры бяды, у якой апынулася Палессе, узмацняюць прысутнасць паступовага, але немінучага ўсюдыснага памірання:

На радзіме маёй патухаюць

агеньчыкі ў вокнах... [7, 94].

Паэт па-ранейшаму годна ідзе па адведзеным яму шляху са шматлікімі “між”, не стамляючыся пераадольваць жыццёвыя перашкоды, творчыя сумненні і заўсёдна адкрываючы “*вечны дух – у палёце без плоці*” [3, 22]. Адначасова ён чуйна ўслухоўваецца ў прамоўленае іншымі пісьменнікамі, жадаючы ў сціслай паэтычнай форме перадаць найбольш адметнае ў іх манеры пісьма, тэматыцы, вобразнай сістэме твораў (“Гэты міг: Матэю Шопкіну і Хрысту Ганаву”, “Блізкая далеч! Леаніду Дайнеку”, “Чуйная плынь: Віктару Казько”, “Спазьненне: Уладзіміру Някляеву”, “Грузім дошкі: Алесю Разанаву” і інш.). Прысвячае В. Ярац свае вершы і Я. Сіпакову, Р. Барадуліну, Н. Гілевічу, А. Вярцінскаму, Г. Бураўкіну, многім іншым аўтарам. Няхай жа і далей ліецца-гучыць мелодыя яго вершаванага радка, што мацуецца святой вадой пачыну, жыццядайнасцю хвалюючага слова, шчырай малітвай “*за ўсіх, за ўсіх, каго люблю і помню...*” [6, 92].

Літаратура

1. Ярац, В. Там, дзе сівізна нябёс... Паэма-маналог / В. Ярац // Дзеяслоў. – 2006. – № 1 (№ 20). – С. 105–112.
2. Ярац, В. Дняпроўскі бакен / В. Ярац. – Мінск: Маст. літ., 1992. – 127 с.
3. Ярац, В. Добрыца. Вершы / В. Ярац. – Мінск: Выд-ва ЦК КП Беларусі, 1989. – 48 с.
4. Ярац, В. Сасна на рачной строме / В. Ярац // Маладосць. – 1997. – № 5. – С. 91.
5. Ярац, В. На дваіх / Сняжынка на вуснах / В. Ярац // Дзеяслоў. – 2010. – № 1(№ 44). – С. 117–122.
6. Ярац, В. ***Пакуль жыццё вісіць яшчэ на валаску / Зямныя эцюды / В. Ярац // Дзеяслоў. – 2011. – № 1 (№ 50). – С. 91–96.
7. Ярац, В. Мама і вянкi цыбулі: паэма / Зямля і неба / В. Ярац // Дзеяслоў. – 2008. – №5 (№36). – С. 90–96.
8. Гніламёдаў, У. “Шчыруе над светам душа, як пчала...” (нататкі пра сучасную паэзію) / У. Гніламёдаў // Польшча. – 2014. – №1. – С. 124–136.
9. Ярац, В. Уваходзіны: лірыка / В. Ярац. – Мінск: Маст.літ., 1976. – 46 с.
10. Пруст, Марсель. Под сенью девушек в цвету / пер. с фр. А. Федорова / М. Пруст. – Л.: Худож. лит., 1935. – 559 с.

ИСТОРИЯ. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 94(476):282

А. Я. Барсук

ДА ГІСТОРЫІ МАЗЫРСКАЙ РЫМСКА-КАТАЛІЦКАЙ ПАРАФІІ Ў КАНЦЫ ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ СТСТ.

Уводзіцца ў навуковы зварот інвентарнае апісанне мазырскай рымска-каталіцкай парафіі ў пачатку ХХ ст., у тым ліку касцёла Ушэсця Маці Божай у Мазыры і Барбароўскай замкавай капліцы, вызначаецца колькасць парафіян і акрэсліваюцца асноўныя накірункі канфесійнай палітыкі дзяржавы.

Гісторыя Мазырскай парафіі пачынаецца са з’яўлення ў горадзе касцёла Ушэсця Маці Божай, які стаў Фарным. Ён быў заснаваны па прывілеі караля Рэчы Паспалітай і вялікага князя Літоўскага Жыгімонта III Вазы ў 1616 г. мазырскім старостай Балтазарам Стравінскім. У 1723–1773 гг. пры касцёле дзейнічала езуіцкая місія і працавала школа, заснаваная юравіцкімі езуітамі, дзе існаваў калегіум. Пасля пажару касцёл быў адбудаваны ў 1757 г. за кошт парафіян “из сосновых брусьев на каменном фундаменте в виде креста с куполом”. Будынак у даўжыню і шырыню меў па 26 ¼ аршын, прыблізна = 18,6 м. (1 аршын = 0,711 м.) [1, арк. 2].

У Нацыянальным гістарычным архіве ў г. Мінску захаваліся дакументы па гісторыі каталіцтва на Мазыршчыне. Гэта, у першую чаргу, візіты і інвентары касцёлаў Мазырскага павета Мінскай губерні ХІХ–пачатку ХХ стст., якія больш-менш дакладна вызначаюць знешні выгляд, гаспадарчы стан і тэрытарыяльныя межы і колькасць вернікаў парафій.

Агульны візітацыйны вопіс касцёла за верасень 1867 г. вызначае выгляд будынкаў комплексу парафіяльнага касцёла ў Мазыры. Драўляны касцёл Ушэсця Маці Божай крыжова-цэнтрыйны ў плане завяршаўся магутным васьмігранным светлавым барабанам, накрытым сферычным купалам. Званіца таксама была перакрыта купалам, падобным да касцёльнага. Плябанія, флігель і іншыя гаспадарчыя пабудовы адзначаліся як старыя і патрабавалі рамонту [1, арк. 7–7 адв.].

Інвентарнае апісанне ад 28 ліпеня 1907 г. вызначае некаторыя змены.

Так, дакумент апісвае інтэр’ер Фарнага касцёла ў Мазыры: “Главный алтарь имеет две иконы Божей Матери Ченстоховской и Беспорочного Зачатия, в случае надобности переменяются, по бокам алтаря четыре статуи святых в рост человека перенесены из бывшего Кимборовского костела. Второй алтарь – по правую руку от входа – с чудотворной иконой Спасителя Иисуса Христа, несущего крест. Третий – по левую руку с двумя иконами – Божей Матери Скорбящей и святого Антония, в случае надобности эти иконы также передвигаются. Все эти иконы в металлических посеребренных рамах (облачениях). На хорах – орган. При

входе – камень для святой воды, при камне этом деревянная фигура Спасителя в рост человека в терновом венце... Окошек в костеле – 22, внизу – белые, вверху – из разноцветного стекла” [2, арк. 73].

Дзве сакрысціі, у адной – “большой комод и наверху его малые шкафчики” для захавання касцельнай маёмасці, у другой размешчана бібліятэка і захоўваюцца “старыя рызы” [2, арк. 73 адв.].

Архіўны дакумент утрымлівае таксама даволі падрабязнае гаспадарчае апісанне: пабудоў, маёмасці і нават вызначае парадак набажэнстваў у храме: “13 ч. воскресные и праздничные дни поются часы Пресвятой Богородицы. Литургия начинается в 11 часов. После литургии молебен за Государя Императора и весь царствующий дом, потом вечерня в 5 часов пополудни” [2, арк. 78].

Двухпавярховая званіца ў шырыню і даўжыню па 2 сажні пабудавана з сасновых брусоў на мураваным фундаменце.

Згодна з інвентаром 1907 г. на плябаным двары размяшчаліся жылы дом для настояцеля касцёла, флігель – па правую руку пры выхадзе з дома, стайня – па левую руку, “амбар маленький на ссыпку хлеба деревянный, совершенно старый”, склеп “на склад и хранение варивных продуктов, построен в 1907 г. из нового дубового дерева” [2, арк. 76 адв.].

Дом настояцеля касцёла ўяўляў сабой цікавую пабудову: “под горою фронтом к улице” у даўжыню 22 аршыны (прыблізна = 15,6 м.), шырыню 14 ½ аршин (прыблізна = 10,3 м.), агульная плошча 160,7 кв.м. “В нем – жилых комнат 6 с теплою переднею и двумя боковыми сенями, при входе крыльцо, до половины обшито шалювками с полом и потолком дощатыми, от половины и до потолка закрыто стелянными рамами с трех сторон, в которых всего 72 стекла малого размера, каждое длиной и шириной в 6 вершков (прыблізна = 26,6 см.)...дверей двустворчатых 9 с внутренними замками. Окошек двустворчатых 11 к каждому двойная рама на зиму”. Дом ацяпляўся 4 печамі і быў капітальна адрамантаваны ў 1906 г. [2, арк. 76 адв.].

Драўляны флігель даўжынёй 16 (прыблізна = 11,4 м.) і шырынёй 9 аршин (прыблізна = 6,4 м.) быў пабудаваны ў 1872 г. з 4 пакоямі, кухняй, сенцамі і кладоўкай, які ацяплялі 2 галандскія печы, меліся 6 дзвярэй і лесвіца на гарышча, 8 вакон. У 1906 г. таксама быў зроблены рамонт, заменены падлога і дах. Пад адным дахам разам са стайняй размяшчаўся хлеў. Памеры будынка былі даволі значныя – 24 аршыны ў даўжыню (прыблізна = 17 м.) і 9 (прыблізна = 6,4 м.) – у шырыню і параўнальныя з памерамі дома. Аднак рамонт не рабіўся, магчыма, ў сувязі з тым, што апошнім часам скаціны было няшмат – 2 каровы коштам 18 руб, 2 кабанчыкі коштам 7 руб. і маленькая свінка коштам 1 рубель [2, арк. 77,78].

Згодна з інвентаромуражвае колькасць садовых дрэў у садзе пры плябаніі, пасаджаных ксяндзом Ісаевічам ў 1884 г. (яблыні, грушы, слівы “венгеркі”). “В этом саду четыре дерева волооких орехов, деревьев штук

130 и небольшой варивный огород”. У 1885 г. паміж касцёлам і плябаннімі “холодными строениями” таксама быў пасаджаны сад ксяндзом Ісаевічам з 10 дрэў і разбіты “варивный огород” [2, арк. 77].

Зямлі ворыўнай мазырскаму парафіяльнаму касцёлу належала на гары Ксяндзоўка 16 дзесяцін, сенакосу за ракой Прыпяць ва ўрочышчы Старуха (паводле дакумента 1660 г. гэтак месца называлася Протавы) – 11 дзесяцін і “под лозой и водой неудобного сенакоса” 9 дзесяцін 2043 сажні [2, арк. 77 адв.].

Пры касцёле дзейнічала багадзельня, што знаходзілася праз вуліцу, на Замкавай або Спаскай гары, насупраць плябаніі і сада. Будынак меў 2 ганкі, цагляныя печы – 2 англійскія і 2 – кухонныя. Пасля пажару была адбудавана ў 1905 г. “в таком же самом виде из новых кругляков соснового дерева, толщина брусьев четыре с половиной вершка... фундамент на дубовых штандарах, высота потолков 4 ½ аршина (прыблізна = 3,2 м.)... длина богодельни 15 (прыблізна = 10,7 м.), ширина 12 аршин (прыблізна = 8,5 м.)... крыша железная” [2, арк. 77 адв.].

Да сённяшняга дня комплекс парафіяльнага касцёла не захаваўся. У 1934 г. архітэктурны помнік быў знішчаны маланкай.

У гэтай жа архіўнай справе захавалася “Инвентарное описание Барбаровской римско-католической Замковой и Гробовой каплицы, находящейся при замке Барбаровском во владении дворянина коллежского ассесора Александра Александровича Горватта, Минской губернии, Речицкого уезда, с находящимся при оной имуществом, составленное 18 июня 1904 г.” [2, арк. 2].

Паводле апісання, фундатарам капліцы Узвіжання святога Крыжа ў Барбарове быў Рэчыцкі харужы Аляксандр Ігнатавіч Горват у 1818 г. Аднак дазвол Міністра ўнутраных спраў на будаўніцтва капліцы быў атрыманы толькі ў 1850 г. і зацверджаны ўказам рымска-каталіцкай калегіі 20 кастрычніка 1850 г. за № 3588. За невялікі тэрмін будаўніцтва храма было завершана і акт асвячэння з дазволу наміната біскупа Мінскага Паўла Рава за № 303 быў падпісаны дэканам, ксяндзом Бенедыктам Хараманскім 5 кастрычніка 1852 г. за № 112. У 1898 г. капліца пацярпела ад пажару, таму з дазволу ўладаў у 1900 г. браты Горваты – Аляксандр Аляксандравіч, калезскі асэсар і Станіслаў Аляксандравіч, тытулярны саветнік, пачалі перабудову фамільнай капліцы. 14 верасня 1902 г. са згоды Магілёўскага архіепіскапа Баляслава Клапатоўскага храм быў асвечаны складальнікам інвентарнага апісання, Мазырскім дэканам, ксяндзом Уладзіславам Ісаевічам [2, арк. 2].

Капліца Узвіжання святога Крыжа ўяўляла сабой вельмі цікавы цагляны, прамавугольны ў плане будынак: “английская готика с маленькими 7 башенками (в одной из них находится сигнатурка) с 10 железными крестами”. Фасад упрыгожвалі дзве статуі, размешчаныя ў нішах па баках ад увахода, – “дар г. Ядвиги Эдуардовны Горватт,

урожденной графини Красицкой”, – злева святы Іосіф з дзіцяткам Езусам, справа – святы Фларыян. На франтоне размешчаны надпіс “Рок 1850”. Будынак меў 2 ганкі; з фасаду –высокі уваход у капліцу з выявамі гербаў Горватаў і Красіцкіх, апсіды – уваход у фамільную крыпту, упрыгожаны “изящной лепной алебастровой работы” вобразам Вострабрамскай Маці Божай. У крыпце знаходзілася 6 мармуровых надмагільных пліт.

Памеры капліцы: даўжыня – “13 аршин 2 вершка” (прыблізна = 9,3 м.), шырыня – “8 аршин 12 вершков” (прыблізна = 6,2 м.), вышыня – “11 ½ аршин” (прыблізна = 8,2 м.). Капліца мела дзве бакавыя паўкруглыя сакрысціі з 3 малымі вежкамі і 3 жалезнымі крыжамі на кожнай [2, арк. 2].

Інтэр’ер храма ўпрыгожаны “маленькими готическими вверху украшениями” сцен і 5 вітражамі: святога Аляксандра з родавым гербам Горватаў, Узвіжэння святога Крыжа, святой Клацільды (дар спадарыні Ядзвігі Кеневіч), Маці Божай Анельскай, святой Ядзвігі з фамільным гербам графаў Красіцкіх, паркетнай падлогай і столлю “лепной изящной работы, готического стиля с розетою, касетонами и бордюром”. У алтарнай частцы размешчаны сярэбранае з пазалотай Распяцце і дзве скульптуры: Анёла і святой Маргарыты. На алтары знаходзіцца цягляны слуп, на якім “возложен камень со Святыми мощами” [2, арк. 3].

Прэсбітэрыі (алтарная частка) адзелены ад астатняй прасторы дубовай, лакаванай, разной балюстрадай. На сценах над лавай размешчаны мармуровыя пліты, справа – у гонар фундатора капліцы рэчыцкага харужага Аляксандра Ігнатавіча Горвата, злева – Кіеўскага губернскага прадвядзіцеля дваранства Аляксандра Аляксандравіча Горвата. Капліца знаходзілася на замкавых могілках, што былі агароджаны цаглянай атынкаванай сцяной. На іх пахаваны ксёндз былога кляштара цыстэрцыянцаў у Кімбараўцы, пасля яго закрыцця Мазырскі вікарыі і Барбароўскі капелан Фадзей Баркоўскіі служачыя Горватаў [2, арк. 3 адв.].

Сярод пералічанай касцельнай маёмасці ёсць “Служэбник” з благаслаўненнем сям’і Горватаў рымскім папай Піем IX. Зазначана таксама цікавая акалічнасць інвентарнага апісання: “капличное имущество Барбаровской каплицы передал Мозырско-Речицкому декану ксендзу В. Иссаевичу дворянин Коллежский ассесор Александр Александрович Горватт”, дэкан прыняў і перадаў маёмасць капелану Барбароўскай капліцы, ксяндзу Аброцкаму.

На жаль, капліца не захалася, як і сам Барбароўскі замак. Аб былой велічы Горватаў сведчаць рэшткі ўязной брамы, мосцік і флігель.

Інвентар вызначае межы Мазырскай рымска-каталіцкай парафіі і пералічвае населеныя пункты: “двор Прудок, в. Прудок, д. Мирабеля, двор Загорин, в. Загорин, двор Хомички, в. Хомички, Моисеевка, д. Буда Ленкевичская, двор Костюковичи, д. Костюковичи, местечко Скрыгалов, двор Слобода, д. Слобода, д. Зимовище, околица Лудзин, околица Нестеровка, Кизляковка, Ясная гора, Шарковщина, околица Тваричевка, д. Пеньки, д. Наравщица, Боков Великий, Боков Малый, д. Антоновка,

д. Ремезы, местечко Мелешковичи, околица Дрозды, д. Кимборовка, д. Новики, д. Бибики, д. Гурины, фольварк Тросцяница, двор Седельники, д. Мицьки, д. Ясенщица, двор Михалки, д. Акунинка, д. Стрельск, двор Барбаров, д. Барбаров, д. Млынок, околица Кустовница, д. Новая Рудня, двор Кузмичи, местечко Скородно, Валовская Рудня, д. Копанка, д. Зеленый двор, хутор Круглое, двор Санюки, д. Санюки, д. Березовка, д. Полавки, д. Лиховня, двор Недзведно, двор Корма, двор Волавск, местечко Ельск, двор Каролин, местечко Калинковичи, д. Вита, фольварки Литвиновичи, Озаричи, Сергеевка, Евтушкевичи, Коржень, Оттолин, дворы Домановичи, Липов, Замостье, Есипова Рудня, фольварк Бельковщица, местечко Юревичи, двор Градо, селение Шерейки, д. Луцюкевичи, двор Кожушки, д. Прудок, Крышицы Малыя, Крышицы, Крышицы большыя, фольварк Романовка, двор Наровля, д. Ничипоровка, Лубня, Мальцовка, Грушевка, Смолевичи, Антоново, Демидово, Смолярня демидовская, двор Головчицы, фольварк Липово, д. Маринки, двор Добрынь, Остров Свеча, хуторы Зацше, Ничипоровка, Гавриловка, д. Новая Рудня или Каролинская, д. Александровка, Головчицкие будки” [2, арк. 80–80 адв.].

Такім чынам, Мазырская рымска-каталіцкая парафія ў пачатку ХХ ст. ахоплівала амаль усю тэрыторыю павета, на якой, акрамя касцёла Ушэсца Маці Божай, дзейнічала толькі чатыры капліцы: Барбароўская, Нараўлянская, Галоўчыцкая, Ліпаўская. Мазырская парафія межавала з Петрыкаўскай, Капаткевіцкай, Бабруйскай і Оўручскай парафіямі. Па сведчанні Мазырска-Рэчыцкага дэкана парафіяну 1907 г. налічвалася “тысяч сем” [2, арк 77 адв.]. Мазырскі спраўнік у рапарце Мінскаму грамадзянскаму губернатару паведамляў, што па стану на май 1912 г. колькасць вернікаў рымска-каталіцкага веравызнання ў Мазырскім павеце складала 14893, з іх у Давыд-Гарадоцкай парафіі – 3000, Лельчыцкай – 1842, Капаткевіцкай – 1512, Петрыкаўскай – 3560, Мазырскай – 5000 [3, арк. 326]. Розніца ў лічбах, прыведзеных святаром і спраўнікам, можа быць растлумачана тым, што ў склад Мазырскай парафіі ўваходзілі землі не толькі Мазырскага павета, але і частка Рэчыцкага.

Значныя памеры парафіі пры невялікай колькасці храмаў былі абумоўлены канфесійнай палітыкай дзяржавы, галоўнай мэтай якой было забяспячэнне колькаснага росту вернікаў-праваслаўных і замацаванне праваслаўя ў якасці пануючай канфесіі. Калі ў пачатку ХІХ ст. толькі ў Мазыры існавала 5 касцёлаў, у сярэдзіне 60-х гг. ХІХ ст. засталася 2, а ў пачатку ХХ ст. дзейнічаў 1 – касцёл Ушэсца Божай Маці.

Літаратура

1. Агульны візітацыйны вопіс за 1867 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 1781. – Воп. 27. – Справа 370.
2. Инвентари костелов Минского, Мозырского уездов Минской губернии за 1907–1914 гг. // НГАБ. – Ф. 1781. – Оп. 26. – Д. 1498.
3. Распределение прихожан римско-католических приходов Мозырского уезда // НГАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 8060.

ВЛАДИСЛАВ ГОМУЛКА: ОТ РАБОЧЕГО-САМОУЧКИ ДО ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ПОРП

В статье рассматривается политическая деятельность видного польского партийного и государственного деятеля Владислава Гомулки, который на протяжении 14 лет определял внешнюю и внутреннюю политику ПНР. Его главный внешнеполитический успех – подписание в декабре 1970 г. договора с ФРГ о нормализации польско-германских отношений и признании польской западной границы.

Владислав Гомулка (1905–1982 гг.) – один из крупнейших партийных и государственных руководителей Польши на важных этапах ее развития в XX в. Рабочий-самоучка, ставший профсоюзным лидером после обретения Польшей независимости в 1918 г., он активно участвовал в послевоенном восстановлении страны и вырос до Генерального секретаря ЦК Польской рабочей партии (ППР), первого вице-преьера и министра возвращенных земель (1943–1949 гг.), первого секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Не принимая жесткого сталинского курса, он был в 1948–1949 гг. обвинен в «правонационалистическом уклоне» и в ожидании суда провел более трех лет в тюрьме (1951–1954 гг.). Его карьера в политике отражает сложные отношения между национализмом и международным коммунизмом в Восточной Европе после 1945 г.

В. Гомулке удалось соединить верность союзу с СССР с правом на проведение самостоятельной внутренней политики, которая была направлена на модернизацию экономики, сохранение частного сектора в сельском хозяйстве, нормализацию отношений с католической церковью, предоставление большей свободы деятельности в науке и культуре. Благодаря его усилиям в декабре 1970 г. произошло подписание договора между ФРГ и Польшей об основах нормализации их двусторонних взаимоотношений. Он по праву считается одним из авторитетных деятелей международного коммунистического и рабочего движения.

Родился Владислав Гомулка 6 февраля 1905 г. в Галиции, в Кросно, на юге Польши (в австрийской части Польши) в семье рабочих. Отец работал в нефтяной промышленности, а до того несколько лет находился на заработках в США (работал в угольной промышленности), являлся членом социалистической партии. Мать занималась воспитанием трех детей. В Кросно Владислав окончил четырехлетнюю народную школу (во время каникул зарабатывал тем, что пас коров у соседей). В возрасте четырнадцати лет он был вынужден оставить школу и начать работать, однако продолжал свою учебу в двухлетней вечерней рабочей школе.

Работал Гомулка механиком, водопроводчиком, был организатором коммунистических рабочих групп, позже стал профессиональным «активистом» компартии и агитатором. Именно в этот период своей жизни он начинает интересоваться политикой: участвует в социалистических митингах, читает соответствующую литературу. В своих воспоминаниях Владислав Гомулка писал, что в 1920 г. он хотел вступить в ряды польской армии, которая защищала страну от вторжения советских войск [1, 5].

С 1919 г. работал машинистом в нефтяной промышленности, а в период с 1922 по 1925 гг. в молодежной группе ППС (Польская социалистическая партия). Он был секретарем районного объединения ППС в Дрогобыче. В 1925–1926 гг. входил в состав Независимой крестьянской партии. В 1926 г. вступил в Коммунистическую партию Польши (КПП) и стал активным организатором забастовок. В этом же году он организовал забастовку на нефтяной шахте в Дрогобыче, был арестован. Затем продолжил свою профессиональную деятельность в Союзе химиков в Верхней Силезии. Как он позже писал, – его «вера в партию и в социалистическую идею была наиболее близка к римско-католической вере в Бога и Святую Церковь» [2, s. 189].

В 1927 г. Владислав перебрался в Варшаву и со свойственным ему чувством ответственности включился в подготовку и подписание коллективных договоров на предприятиях, преодолевая разброс интересов множества профсоюзных и партийных организаций. Хотя профсоюзная деятельность формально считалась легальной и существовало право на забастовки, Гомулка был арестован за попытку организовать выступление рабочих Варшавы. В это время на фабрике «Пломык» была арестована и делегатка от рабочих С. Шюкен. Защитить ее от увольнения не удалось. Эти события положили начало их общему жизненному пути, воспитанию сына – Ричарда Стшелецкого, который выбрал тот же путь революционной деятельности, что и родители.

В 1930 г. В. Гомулка принимает участие в выборах в Сейм в качестве депутата от ППС, но неудачно. Находясь под наблюдением полиции с 1927 г., он несколько раз подвергался арестам, но наказание отбывал условно. В 1932 г. за участие в подпольной организации коммунистов (принимал участие в подготовке забастовки текстильщиков в Лодзи) был, в конце концов, арестован и приговорен к четырем годам тюремного заключения. Во время проведения забастовки в Лодзи получил тяжелое огнестрельное ранение, затем парез (частичный паралич) левой ноги. Отсидел половину срока и был освобожден по болезни в 1934 г.

После освобождения из тюрьмы ему пришлось выехать в СССР, где он был направлен в Международную ленинскую школу, в которой готовились руководители из рабочего актива. Несколько месяцев пребывания Гомулки в СССР избавили, как он пишет в своих воспоминаниях, его от идеалистических иллюзий советской

действительности. Однако не ослабили его коммунистические убеждения [2, 205]. Несмотря на то, что в 1934–1935 гг. Гомулка учился в Ленинской школе в Москве, он, однако сумел избежать сталинских репрессий, когда партийная элита польской компартии была обвинена в троцкизме.

В ноябре 1935 г. после окончания курсов Гомулка возвращается в Польшу, через т.н. «зеленую границу» и сразу же приступает к своей политической деятельности. По возвращению в Польшу он был назначен секретарем одного из верхнесилезских округов КПП (всего их было 39) и проживал в Свентохловице, готовя всеобщую стачку горняков против увольнений и использования вахтенного метода – ограниченной занятости рабочих. Ему удалось объединить усилия коммунистов и социалистов в правлении центрального профсоюза горняков и в ноябре обеспечить успешный исход борьбы.

25 апреля 1936 г. он, как деятель нелегальной КПП, был арестован и осужден на семь лет тюрьмы. Сидел он в трех тюрьмах: в Катовице, Равичах и дольше всего в Серадзе. Коммунисты создавали в тюрьмах коммуны, где занимались самообразованием, вели политические дискуссии, старались поддерживать контакты с товарищами на свободе. Гомулка в серадзской тюрьме входил в состав правления коммуны, а в августе 1939 г. был избран ее старостой. Заключение, вероятно, спасло ему жизнь, а начавшаяся в сентябре 1939 г. война привела к его освобождению из тюрьмы.

В. Гомулка бежал из тюрьмы в Серадзе в ночь с 3 на 4 августа 1939 г. Вначале шел вместе со 100-тысячным отрядом сбежавших узников, потом сам добрался до Лодзи, а 7 сентября 1939 г. был уже в Варшаве. Затем после недолгого пребывания в столице бежал в Белосток, где исполнял функции руководителя дома для бывших политзаключенных, а потом переехал во Львов. Перебравшись во Львов, где утвердилась советская власть, он получил назначение на пост директора небольшой фабрики, а после нападения нацистской Германии на СССР вернулся в Польшу и стал активным участником подпольной борьбы.

В 1942 г. Владислав был вызван в Варшаву, чтобы укрепить лидерство новой Польской рабочей партии (ППР). Вначале исполнял функции секретаря Варшавского комитета ППР, а затем после таинственного убийства двух лидеров партии (Марсели Новотко, Болеслава Молойца) в 1943 г. он стал генеральным секретарем ППР. Как товарищ «Веслав» (его псевдоним) он доказал свое мастерство как лидер и как заговорщик [1, 10–11].

В 1944 г. после создания советским правительством Комитета национального освобождения Польши Гомулка вошел в его состав. Начиная с конца 1944 г. он совмещает руководство партией в качестве генерального секретаря с деятельностью первого вице-премьера и министра нового советского правительства, пользующегося поддержкой Москвы. Владислава Гомулку называли «маленьким Сталиным» за его рвение в насаждении советских порядков.

В 1945 г. на февральском пленуме ЦК ППР он ориентировал партию на установление послевоенного порядка в стране на основе продолжения курса на формирование национального фронта как политической основы новой власти – на добровольное соглашение и здоровый компромисс четырех партий (с социалистами, Стронництвом Людовым и Демократической партией), опирающихся на собственные программы. Однако в ППР уже набирала силу другая тенденция – стремление опираться на власть партийного аппарата и административные методы управления.

Отношения между Гомулкой и Сталиным складывались сложно. Сталин не упускал случая и за глаза покритиковать его, а то и оказать прямое давление. Гомулка должен был, практически ежемесячно, приезжать в Москву для урегулирования множества вопросов – репараций, пребывания советских войск на польской территории, вывоза сырья, демонтажа предприятий на западных землях и другие. Полностью лояльный, но не рабской покорностью в отношении Москвы, Гомулка пытался сдерживать советские перегибы в Польше и даже осмелился критиковать Сталина за его политику в Югославии в 1947 г. Его падение на следующий год как раз совпало с шумной кампанией против тех, кто обвинялся в «правонационалистическом уклоне». Он уже больше не входил в состав Политбюро, постепенно был отстранен от занимаемой должности.

С началом «холодной войны» и после конфликта с Броз Тито в 1948 г. Гомулка, отстаивавший идею «польского пути к социализму», оказался в сложном положении. В 1948 г. он признал свои ошибки, но пал жертвой очередной «ротации кадров», которая последовала после изменения партийного курса. На посту Генерального секретаря его сменил Болеслав Берут, а впоследствии В. Гомулка был исключен из рядов партии, потому что являлся националистом, который отказался принять без вопросов политику диктовавшуюся Москвой [2, 192].

Второе восхождение Гомулки к власти началось через три года после смерти И. Сталина. В марте–апреле 1956 г. по всей Польше на партийных собраниях, собраниях творческой интеллигенции и трудовых коллективов, в СМИ развернулись дискуссии, сопровождавшиеся очищающей критикой. Руководство партии раскололось на две части – сторонников сохранения административно-командных методов управления и борцов за умеренную демократизацию партии и общества. В центре общественной дискуссии оказалась и возможность возвращения к власти опального, но все еще весьма популярного В. Гомулки. 19 октября были восстановлены его позиции в ЦК партии. 21 октября 1956 г. на VIII Пленуме ЦК ПОРП он был назначен Первым секретарем Польской объединенной рабочей партии. Гомулка стал идеологом «польского пути к социализму», предусматривавшего пересмотр аграрной политики, нормализацию

отношений с католической церковью, развитие рабочего самоуправления, который был взят партией на вооружение и реализовывался в ПНР до 1980-х гг.

Октябрь 1956 г. в Польше вошел в историю как период оттепели. В это время произошли важные изменения: снижена цензура, освобождены многие политические заключенные. Одной из основных проблем, которые встали перед Гомулкой после октября 1956 г., была нормализация польско-советских отношений. Во время визита в Москву в ноябре 1956 г. ему удалось заморозить польский долг СССР, взять новые кредиты у Советского Союза, а также добиться изменения статуса советских войск, размещенных на территории Польши.

Во время переговоров партийно-правительственных делегаций СССР и ПНР в Москве также была принята Совместная декларация по вопросу советско-польских отношений. В ней говорилось, что межгосударственные отношения СССР и ПНР будут строиться на принципах полного равноправия, незыблемости территориальных границ, независимости и суверенности субъектов договора, невмешательства в дела друг друга. Польский лидер назвал Декларацию «выражением коренного перелома в практике отношений между Польшей и Советским Союзом», а также между ПОРП и КПСС[3, 158].

Гомулка ликвидировал большую часть коллективных хозяйств на селе, достиг компромисса с Римско-католической церковью, смягчил цензуру. Он освободил кардинала Вышинского и многочисленных епископов и священников из-под стражи, в свою очередь, церковь призвала всех католиков принять участие в январе 1957 г. в парламентских выборах, в результате чего Гомулка победил с абсолютным большинством голосов.

Как бы ни оценивать политическую деятельность В. Гомулки, в конце 1950-х–начале 1960-х гг. он много сделал для быстрого восстановления разрушенной войной экономики, развития ее традиционных отраслей. Об этом свидетельствуют такие его мероприятия, как модернизация промышленности, производство электроэнергии на основе разработки бурого угля и внедрения мощных турбин, организация добычи медной руды, создание фабрик азотных удобрений и сельскохозяйственных машин и многое другое.

Вскоре четко обнаружился отход от линии октября 1956 г. ПОРП превращалась в массовую партию, но отсутствие демократических механизмов выборов и контроля за руководящими органами партии вело к концентрации власти в узких, иерархических структурах аппарата, наверху которых находилась небольшая руководящая группа. Это отчетливо проявилось в новом внутривластном курсе Гомулки. Он ужесточил контроль над средствами массовой информации, вернулся к старому пути в экономической политике (за исключением сельского хозяйства), и возобновлению нападениям на церковь.

Гомулка обратился к укреплению дисциплины в партии, во-первых, нападая на тех, кто выступал против его конкретных политических мер, начав с изменений в составе редакций всех партийных изданий, с введения цензуры, а также создания постоянной комиссии по контролю за наукой, культурой и образованием в аппарате Центрального Комитета партии. Затем начались внутривнутрипартийные чистки, когда из рядов партии были исключены 261 тыс. членов (около 20% от общего числа) [2, 50–52]. В тоже время необходимо отметить, что Владислав Гомулка прекратил период жесткой советизации в Польше, но сделал все, чтобы сохранить однопартийную систему в стране, а также командную экономику.

Начиная с середины 1960-х гг., когда стабильность превращается в застой, и поднялась волна народного недовольства, авторитет его был подорван. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. Гомулка был организатором антисемитской кампании в Польше, связанной с польским политическим кризисом 1968 г. Антисемитская кампания в Лодзи началась с выступления Гомулки 19 июня 1967 г., где он заявил, что в Польше существует империалистическо-сионистская V Колонна. Антисемитские выступления польских деятелей коммунистической партии привели к тому, что были уволены и вынуждены эмигрировать почти 20 тысяч граждан еврейского происхождения.

С конца 1968 г. внимание партии было обращено на пересмотр экономической политики, рассматривались предложения по реформированию системы оплаты труда в промышленности, вопросы, связанные с увеличением эффективности и производительности на предприятиях, ликвидация угрозы роста безработицы и экономических лишений. Пытаясь решить экономические проблемы страны, правительство объявило о значительном повышении цен на продовольственные товары и энергоресурсы накануне Рождества 1970 г. Цены на продукты питания и промышленные товары возросли на 10–38%.

Такой рост цен в течение курортного сезона вызвал дальнейшую волну протестов. Общественное недовольство росло с каждым днем, население страдало от нехватки товаров первой необходимости, рост индивидуальных хозяйств сократился, прекращено строительство жилья. Через неделю начались рабочие волнения. Гомулка послал войска, чтобы подавить волну протеста рабочих в Гданьске и Щецине, решение, которое привело к тому, что более чем сорок человек погибли и одна тысяча получили ранения. Спустя два месяца рост цен на продовольствие был отменен, но было уже слишком поздно. Политический кризис в Польше вызывает серьезную озабоченность в Москве, и в результате Гомулка был вынужден уйти в отставку.

Кроме того, для Л. Брежнева Гомулка был руководителем, который все чаще становился «камнем преткновения» в двусторонних отношениях, поэтому на его место необходимо было поставить человека более

послушного. Ряд польских деятелей подтверждали этот тезис, отмечая, что «большинство действий и порывов Гомулки можно оценить как защиту интересов польского народа» [4, 361]. Сам Гомулка, характеризуя события 1970 г., утверждал, что «если в страну войдут советские войска, то мы не будем ничего стоить. Тогда ни партия, ни правительство не будут пользоваться авторитетом. Наша ситуация будет еще хуже, чем в Чехословакии» [5, 234].

Деятельность В. Гомулки в историографии пытаются иногда оценить, исходя не из перспектив 1956 г., а только относительно 1970 года.

Его критикуют за то, что он растратил доверие, оказанное ему польским обществом в 1956 г., не провел структурных реформ в экономике, терпел антисемитизм М. Мочара и так называемых «партизан», тормозил экономическое развитие Польши. В среде польских оппозиционеров правительство Гомулки и Циранкевича даже называли «диктатурой безвестных» [6, 270]. Этот эпитет был принят в некоторых политических кругах, и его охотно повторяли.

На самом же деле Гомулка ясно ощущал необходимость социально-экономических перемен, но ему трудно было совладать с кризисными ситуациями, стать во главе новых тенденций и обеспечить удовлетворение социальных потребностей населения. Его верным, перспективным наметкам назревавших системных преобразований суждено было начать осуществляться лишь в конце следующего десятилетия. Несомненно, Владислав Гомулка был бесспорным и эффективным руководителем страны на протяжении 14 лет, лучше многих чувствовавший как нужды своего народа, так и государственные интересы и изгибы внешней политики.

Литература

1. Machcewicz, P. Władysław Gomułka / P. Machcewicz. – Warszawa: WsiP, 1995. – 84 s.
2. Werblana, A. Władysław Gomułka Sekretarz generalny PPR / A. Werblana. – Warszawa: KiW, 1988. – 289 s.
3. Бухарин, Н.И. Владислав Гомулка: на поворотах истории // Новая и новейшая история / Н.И. Бухарин, И.С. Яжборовская. – 2011. – № 4. – С. 146–168.
4. Działalność W. Gomułki. Fakty, wspomnienia, opinie / wybór i opracowanie W. Namotkiewicz. – Warszawa: KiW, 1985. – 426 s.
5. Ożóg, M.E. Władysław Gomułka. Biografia polityczna / M.E. Ożóg. – Warszawa: WU, 1989. – 256 s.
6. Zaborny, P. Władysław Gomułka / P. Zaborny. – Skierniewice: Sigma, 2006. – 383 s.

ПАДЗЕІ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ НА МАЗЫРШЧЫНЕ ПА СТАРОНКАХ ВАЕННАГА ДРУКУ

У артыкуле дадзена характарыстыка матэрыялаў ваеннага перыядычнага друку “Большэвік Палесся” і “За Радзіму”. Прыведены ўспаміны сведкаў падзей перыяду акупацыі (1943-1944гг.) на Мазырышчыне. Успаміны друкуюцца ў аўтарскай рэдакцыі.

У час Вялікай Айчыннай вайны на Мазырышчыне выдавалася некалькі газет. З 14 лютага 1943 года па 5 студзеня 1944 года выходзіла газета «Большэвік Палесся» – орган Палескага абкама і Мазырскага ГК КП(б)Б, выданне Палескага абкама КП(б)Б. Пад час акупацыі выйшла 80 нумароў агульным тыражом 80 тысяч экзэмпляраў. Вялікую арганізацыйную і творчую ролю ў выпуску газеты адыграў яе рэдактар Каплан Гірш Лейбавіч.

Газета выдавалася пад лозунгам “Смерць нямецкім акупантам”. У перадавых артыкулах газеты таго часу друкавалі загады Вярхоўнага Галоўнакамандуючага і Указы Прэзідыума Вярхоўнага Савета ССР аб перамогах над ворагам, сведчанні аб ўзнагародах герояў Айчыннай вайны. Навіны з перадавой змяшчаліся ў рубрыках “Прачытай і перадай другому,” “На франтах Айчыннай вайны” і інш. Другая старонка газеты паведамляла аб барацьбе партызан і падпольшчыкаў, карэспандэнты – жывыя сведкі - паведамлялі аб зверствах фашыстаў, друкавалі артыкулы аб перамогах савецкіх войск на франтах.

Так, напрыклад, апісаў крываваю трагедыю Лельчыцкага раёна партызан Уладзімір Б.: “У страшную пустыню ператварылі немцы Лельчыцкі раён. Усюды, дзе ступіла нага гітлераўскага бандыта, засталіся адны папялішчы і груды чалавечых касцей, сведкі крывавай трагедыі. Немцы спалілі ўвесь раён не пакінуўшы ніводнага жывога месца. Насельніцтва раёна альбо знішчана, альбо пагнана на катаргу ў Германію. Тыя, якім удалося уцячы ад фашыстаў, засталіся без прытулку, без усякіх сродкаў да існавання. У вёсцы Глушкавічы бандыты сякерамі і нажамі забілі больш 400 грамадзян. Селяніну Васілю Бурому фашысты спачатку адрэзалі вушы, потым нос, язык, рукі, абпалілі бараду і беспрытомнага павесілі. Такому ж катаванню падвергся Швед Рыгор. Яму адрэзалі вушы, выламалі пальцы, а потым спалілі на агні. Асабліва па-зверску аднесліся фашысты да старых і дзяцей. Працоўныя Лельчыцкага раёна ніколі не забудуць гэтай крывавай трагедыі” [1, 238].

“У сваім садызме немцы дайшлі да таго, што пачалі забіраць кроў у нашых жанчын і дзяцей для сваіх салдат і афіцэраў. У Калінкавічах яны аб’явілі, што будуць аказваць медыцынскую дапамогу насельніцтву. Калі грамадзянка М. звярнулася за такой дапамогай, нямецкі ўрач даў ёй

сонных парашкоў, а потым у соннай адняў многа крыві. У Мазыры фашысты скарысталі для гэтага некалькі сот дзяцей, бацькі якіх загнаны на нямецкую катаргу. У гэтых дзяцей па некалькі разоў бралі кроў. Абяссілеўшых немцы расстрэльвалі. Многія дзеці самі памерлі ад фашысцкіх аперацый”, – пісаў П. Міхась [1, 238].

Пра злачынствы немцаў у Ельскім раёне паведамляў Лук’ян П.: “У вёску Жукі Качышчанскага сельсавета немцы загналі да 2000 жанчын, старыкоў і дзяцей з навакольных весак, а там усіх пастралілі. Трупы закатаваных былі кінуты ў сіласныя ямы і студні. Такі ж лёс напаткаў сялян вёсак Заводны Остраў і Забалацце Махнаўскага сельсавета. Быццам для вывазу ў Германію, сотні мірных жыхароў былі загнаны ў вялікія лясныя масівы і там расстраляны” [1, 238].

Алесь З. у артыкуле “Трагедыя аднаго дня “успамінаў: ”Ніколі не забудзецца дзень 22 лютага 1943 года. У люты мароз загналі бандыты 57 сем’яў у халодны хлеб. Раздзетыя нагала людзі мерзлі і чакалі сваёй смерці. 19 грудных дзяцей памерлі на руках у сваіх матак. 87 чалавек падвергліся дзікім катаванням у будынку дзіцячага сада. Назаўтра раніцай іх усіх расстралялі. Месцам расстрэла была фізкультурная пляцоўка Азарыцкай сярэдняй школы “[1, 230].

Асаблівая ўвага на старонках газет надавалася матэрыялам аб дзейнасці народных мсціўцаў – помсца партызанамі гітлераўскім катам-людяедам у розных кутках Мазыршчыны. У кожным нумары газеты друкаваліся звесткі аб дзейнасці партызан. “Група партызан з атрада таварыша Б. зрабіла дыверсію на чыгунцы. Узарвала палатно працягласцю 1,65 кіламетра. Рух паяздоў на гэтым участку быў спынены на 6 гадзін. За час сваёй дзейнасці падрыўная група партызанскага атрада таварыша А. пусціла пад адкос 7 эшалонаў з жывой сілай і тэхнікай ворага. Акрамя гэтага, падрыўнікі ўзарвалі адну вадакачку і тры чыгуначныя масты”. “Бронебойчыкі Н-скага партызанскага атрада абстралялі нямецкі эшалон. Паравоз выведзены са строю. Знішчана многа гітлераўцаў” [1, 226].

Бадай у кожным нумары газета змяшчала звесткі пра дапамогу мясцовых жыхароў партызанам.

“Натхнёныя перамогамі Чырвонай Арміі сяляне вёскі П. перадалі партызанам 15 тон хлеба”, “За адзін дзень сяляне вескі Л. прывезлі ў партызанскі атрад Івана Нікалаевіча 3,5 тоны зерня. Адзін з ініцыятараў дапамогі партызанам Яўмен К. прывёз 15 пудоў хлеба, сялянка Вера Б. – 10 пудоў” – пісаў партызан К. Якаў [1, 236].

На старонках газеты рэгулярна друкаваліся звесткі пра ўзнагароджанні ордэнамі партызан Беларускай ССР і членаў арганізацыі “Маладая гвардыя”, пра натхнёныя перамогі Чырвонай Арміі на ўсіх франтах вайны. Шмат пісалася пра веру, высокі духоўны агонь сэрцаў

змагароў за волю свайго роднага краю, нязломны гарт душы мужных патрыётаў, якія не сталі перад ворагам на калені, а, ахвяруючы сабой, уратавалі Радзіму ад рабства. Пра гэта пісалі ў сваіх вершах народныя паэты Беларусі Янка Купала і Якуб Колас, радкі з якіх таксама друкаваліся на старонках “Большэвіка Палесся”.

У верасні 1943 года выйшаў першы нумар газеты “За Радзіму” – орган Мазырскага РК КП(б)Б, выданне Мазырскага РК КП(б)Б. Рэдактарам яе быў Басак Уладзімір Яфімавіч. Ужо ў першым нумары на першай старонцы газеты змяшчаліся звесткі аб жудаснай карціне злачынстваў у Мазыры: “Прышоў немец. Усё разрушыў. Больш 900 чалавек замучылі гестапаўцы. Няма таго дня, каб у Мазыры не расстралялі 20–30 чалавек. Расстрэльваюць за ўсё: за нявыхад на работу, за нявыплату кватэрнай платы, за адказ ехаць у Германію, за распаўсюджванне чутак аб набліжэнні Чырвонай Арміі і г. д. Жудасныя дні перажывае Мазыр” [1, 313].

Побач з апісаннямі злачынстваў аўтары ўсялялі надзею на хуткае вызваленне: “Воіны доблеснай Чырвонай Арміі ідуць да нас, і над родным Мазыром запалымнее Чырвоны сцяг – сцяг жыцця, шчасця, радасці і свабоды. Працоўныя мазыране! Адпомсцім гітлераўцам за акрываўлены Мазыр! Біце фашысцкую погань і ўдзень і ноччу! Не выпусцім жывым ні аднаго гітлераўца з Мазыра! Мазыр быў і будзе савецкім! Смерць нямецкім акупантам!” [1, 313].

Цяжка жылося працоўным Мазыра падчас акупацыі. Сведкі паведамлялі пра тое, што размяшчаючыся ў горадзе, немцы высялялі жыхароў з дому за 2–3 гадзіны. Браць што-небудзь з абсталявання жыхарам забаранялі, і людзі пакідалі ў сваіх кватэрах мэблю, бялізну, пасуду і іншыя рэчы. Усё гэта потым падбіралі гітлераўцы. Хлеба выдавалі на працаздольнага чалавека па 200 грамаў, і гэта быў у большасці сурагатны і амаль непрыгодны да ўжывання прадукт. Фашысты хапалі безабаронных людзей на вуліцах і ў дамах. Больш за тысячу працаздольных мазыран было вывезена на катаргу ў Германію. Аўтар артыкула “Пры новым парадку” В. Майскі называе прозвішчы здраднікаў – Дубаўца, Клокава, Такарскага, Халоднага, якія паслалі на смерць не аднаго савецкага чалавека.

Газета паведамляла аб тым, што цэлыя кварталы горада былі аплецены калючым дротам, і немцы ператварылі Мазыр у канцэнтрацыйны лагер. На плошчы Леніна была ўстаноўлена шыбеніца. На ўсё жыццё засталася ў памяці В. Майскага 20-га верасня 1942 года. Ён пісаў: “Раніцай у нядзелю немцы аб’явілі, што ў 2 гадзіны дня ўсе жыхары Мазыра павінны сабрацца на гарадскую плошчу па важным пытанні. За няяўку віноўныя будуць карацца па законах ваеннага часу. Бледныя, схудалыя цягнуліся да плошчы гараджане. Але які жудасны малюнак яны ўбачылі!

Сярод плошчы стаяла шыбеніца, і на ей гойдаліся землякі. Горад злавеснаа замер. Толькі жандары, пастукваючы каванымі ботамі, расхаджвалі па хутка апусцелых вуліцах і любаваліся сваёй ахвярай” [1, 314].

“Прышлі немцы, і горад замер. З першага дня яны знішчалі помнікі культуры. Разрабавалі багацейшыя кабінеты педвучылішча. Апустошылі гарадскую бібліятэку. Высеклі парк. Не пашкадавалі і стагодніх дрэў на брацкіх магілках. Ад такіх вуліц, як Пушкінская, Саэта, Рамашоў Роў і інш., засталіся толькі назвы. Лепшыя памяшканні горада гестапаўцы ператварылі ў турэмныя засценкі. Жудасную карціну апісала, вырваўшыся з фашысцкай турмы, Таня К. “Кроў стыне ў жылах ад жудасных здекаў з савецкіх людзей. Пры “СД” ёсць спецыяльна абсталяваны пакой з падвяснымі рамянямі для вырывання рук і ног у жывога чалавека. Дошка, якую накладваюць на грудзі і б’юць двухпудовай гірай, крукі для выломвання рэбраў і іншыя сярэдневяковыя інструменты для катаванняў. Днём і ноччу даносяцца нечалавечыя крыкі з пакоя – душагубкі. Днямі групу “палітычна ненадзейных” эсэсаўцы прымусілі выкапаць сабе магілу, а потым жывымі засыпалі зямлёю”. Аблавы на базарах і вуліцах сталі звычайнай з’явай для мазыран. Жыхары горада баяліся паказацца на вуліцу каб не быць схопленымі і гвалтоўна адпраўленымі ў Германію. Не ведаў наш старажытны Мазыр за час свайго існавання такіх цёмных і жудасных дней, якія перажывае Мазыр зараз”, – пісаў у сваім артыкуле А. Васільеў [1, 314].

Прыведеныя факты даюць магчымасць уявіць “жудасную праўду вайны”. Відавочна, як самая вострая і моцная ідэалагічная зброя, падпольны і партызанскі друк на Мазыршчыне здзейсніў сваю станоўчую гістарычную ролю арганізатара і трыбуна патрыятычнай прапаганды ва ўсенароднай барацьбе супраць ворагаў.

Газеты “Большэвік Палесся”, і “За Радзіму”, якія друкаваліся і выходзілі ў найцяжэйшых умовах вайны, каб несці баявы запал у масы, інфармаваць нескаронае насельніцтва аб падзеях вайны, унеслі свой вялікі ўклад у перамогу над ворагам.

Выкарыстанне матэрыялаў ваеннага перыядычнага друку пры выкладанні гісторыі ў школе можа стаць надзейным сродкам патрыятычнага і грамадзянскага выхавання сучаснай моладзі.

Літаратура

1. Стэфановіч, А.В. І паўстаў народ.../ А.В. Стэфановіч, В.А. Рабкоў. – Мінск: БелЭН, 2005. – 640 с.
2. Каплан, Г.Л. Выпрабаванне мужнасцю / Г.Л. Каплан // Літ. і мастацтва. – 1975. – 10 студз. – С.13.

ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЕ ОСВОЕНИЕ МИРА И ЕГО РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы духовного развития современного общества. Определяются основные парадигмы и стратегии общественного развития как социально-культурного процесса. Показана конструктивная роль духовно-культурной модели образования.

Проблема духовного развития относится к числу так называемых «вечных проблем», встающих перед каждым новым поколением людей. Однако в каждое историческое время она обретает свои особые грани и имеет свои сложности, характерные лишь для данной эпохи, страны, нации. Современному человеку, живущему в условиях бурного научно-технического прогресса и рассматривающего его как поступательное развитие от аграрного к индустриальному и от него к информационному обществу, очень сложно понять не только особенности переживаний, смыслы и ценности жизни своих предшественников, их менталитет, но и саму суть духовности как социально-культурного явления. По своей сути духовное развитие – это, прежде всего, развитие человека как субъекта соответствующей культуры, его творческих, адаптационных, познавательных, интегративных, идентификационных и других индивидуальных и общественных способностей; развитие, которое неразрывно связано не только с научным, но и философским, обыденным, мифологическим и религиозным, национальным сознанием и самосознанием, проявляемым в искусстве, образе жизни, менталитете и мировоззрении народа, его обычаях и традициях, характере исторически сложившихся общественных связей, государственной политике и идеологии. Степень этого развития проявляется в активности и пассивности личной и коллективной деятельности, нравственном и безнравственном ее содержании, самодеятельности и конформизме, вере и безверии в те или иные ценности, надеждах и чаяниях отдельных людей и целых народов, той нравственно-психологической атмосфере, в которой протекает их повседневная жизнь. Содержание духовности определяет нашу общественную сущность, то, что мы собой представляем как личность, народ, нация, страна.

С другой стороны, духовность как форма выражения культуры всегда противостоит ее материально-вещественным формам, прагматизму и утилитаризму жизни, ее естеству, постигаемым с помощью научных методов. Проблема духовного развития чаще всего предстает как проблема идеализации, проявляемая в виде противоречия между реальным и виртуальным его содержанием, между теоретическим, абстрактно-логическим и конкретно-эмпирическим; рациональным и эмоционально-

чувственным, явным и неявным, интуитивным знанием. Ее разрешение не сводится лишь к диалектике теоретического и конкретно-эмпирического, методам дедукции и индукции, анализу отдельных фактов и научным обобщениям, и даже научной интуиции. При этом оно никогда не сводится к чисто количественному или информационному своему выражению. Любая информация, выраженная в битах, баллах или других количественных измерителях становится для нас знанием, лишь обретая определенный смысл, доступный пониманию людей соответствующей культуры. Поэтому наскальные рисунки древних людей или орнаменты на гробницах египетских фараонов, расшифровать значение которых мы не в состоянии, обогащают информацию о мире, но не наши знания о нем.

Долгое время проблема духовного развития неразрывно связывалась с проблемой развития религиозного сознания. Приобщение к Богу выступало основным способом приобщения к духовной культуре. Образование и воспитание как способ овладения духовной культурой первоначально рассматривались как формирование человека по образу и подобию Божию. Лишь в Новое время религия как способ духовно-культурного освоения мира уступила место науке. Эта смена приоритетов в духовном развитии по существу явилась и первым кризисом духовного развития, совпадающим с кризисом мировых религий. Духовность начала представляться как результат душевной деятельности, изучаемой наукой о душе или психологией, объясняющей способность к умственной активности, ощущению, восприятию, воображению, памяти т.д. благодаря функции человеческого мозга, материальной, нервно-энергетической его деятельности. Познание с этого времени начало представляться как простое отражение действительности с помощью органов чувств, вытесняя веру в культурные ценности и смыслы, имеющие доопытное, трансцендентальное происхождение. В результате внутренний духовный мир человека как основа познания им внешнего мира потерял свою актуальность, человек превратился в одномерного человека, прагматически ориентированного лишь на свою адаптацию или приспособление к внешней среде, на соображения выгоды, пользы, экономии, связанных с процессом удовлетворения своих естественных (витальных) потребностей. Основным же способом достижения данной цели выступило рациональное познание: рационализм, прагматизм и утилитаризм.

Однако, как считают современные исследователи, «дух не существует на уровне категорий, и поэтому наука не имеет дела с духовностью, а с позитивным знанием, получаемым аналитическим путем, и поэтому оно существует как формальное, абстрактное познание. Построенная на научном фундаменте цивилизация изначально бездуховна, ибо она ориентирована на логическо-понятийное познание материи, природы, техники, описании ее качеств» [1, 7].

Новый этап духовного кризиса неразрывно связан с кризисом национальной культуры, которая пришла на смену общечеловеческой христианской и иным культурам, развиваемых на фундаменте мировых религий. Если ранее «сущностной характеристикой духовной культуры – европейской, с христианскими корнями – являлся рационализм и аналитизм, активность познающего субъекта, определенный тип понимания и мышления, нашедший свое выражение в многообразии духовных форм, в том числе и своеобразном стиле философствования, а также в потенциях реального социально-жизненного влияния этих форм, возможностях их включенности в процесс культурно-цивилизационной практики» [2, 26]. Национальные образы мира стали определяющими в его познании и преобразовании. Общечеловеческой же цивилизации, как утверждал в свое время Н. Я. Данилевский, не существует. Существуют лишь определенные культурно-исторические типы, различаемые между собой по типу духовности и особенностям духовного развития нации. Культурно-исторический тип, по его мнению, отражает, законы родоплеменного развития. Прежде всего, это закон общности языка или группы языков, близких между собой, составляющих самобытный культурно-исторический тип, характеризующийся соответствующими духовными задатками и способностями к историческому развитию. В результате духовное развитие общества по своей целостности и единому источнику напоминает собой развитие биологического организма. Именно духовное развитие этого организма как целого является важнейшей предпосылкой развития отдельно взятой личности. Люди, считал С. Л. Франк, объединены внутренней силой соборности. Благодаря ей возникает понимание между людьми, усмотрение в другом человеке себе подобного.носителем традиции, начала устойчивости и непрерывности общественного бытия, является общественное единство, общество как целое. Основной составляющей этого духовного единства выступает менталитет нации, народа, страны, отдельных ее территорий и поселений.

Менталитет же в большей мере проявляется на уровне бессознательного в виде тех или иных архетипов культуры, чем на уровне сознания. Они определяют ментальность людей, или их социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. Они и превращают общество в своеобразный социально-культурный организм. Индивид становится личностью, лишь становясь частью социального целого не только на уровне функционально-ролевого взаимодействия с другими членами общества, но и на уровне духовного взаимодействия, усваивая духовное наследие данного общества и творчески перерабатывая и преобразуя его он *идентифицирует* себя с социальным целым, эмоционально, подсознательно отождествляя себя с другими, ощущает и воспринимает мир, переживает политические и другие события как представитель соответствующего народа и нации, гражданин своего государства.

Такова суть так называемой *интуитивистской парадигмы духовной культуры*, согласно которой духовная культура не имеет единого источника в разуме или других феноменах сознания. Источником ее развития выступают различные идеализации: мифологические, религиозные, философские представления, магия, искусство и т. д., которые не являются едиными для всех народов, стран и цивилизаций, а имеют характер отдельно взятого культурного цикла, различаемого в зависимости от территории, времени, социального пространства, языка, духовных ценностей, менталитета народа и нации. Направление общественного развития определяется здесь в основном выбором различных культурных ценностей и символических форм их выражения, а также характером социально-культурного взаимодействия социальных групп (общностей) и их субкультур. Отсюда и название парадигмы общественного развития – социокультурная. Данная парадигма представлена самыми различными философскими системами и теориями: теорией культурных циклов, органицизмом, феноменологией, герменевтикой, философией жизни, экзистенциализмом и т. д. Особенно отчетливо она проявилась в русской религиозной философии Н. А. Бердяева, Н. Я. Данилевского, И. Ильина, А. Луначарского, В. С. Соловьева, М. Федорова, С. Л. Франка, П. П. Флоренского и многих других мыслителей. Всех их объединяет глубокая убежденность в том, что основа общественного прогресса заключается в области духовного развития. «Человек есть личность не по природе, а по духу» [3, 12]. «Духовность – это способность переводить универсум внешнего бытия во внутреннюю вселенную личности на этической основе, способность создавать тот внутренний мир, благодаря которому реализуется собственная тождественность человека, его свободы от жесткой зависимости перед постоянно меняющимися ситуациями» [4, 231].

Поэтому не случайно понятие культуры в работах русских мыслителей оказывается тождественным с понятиями «духовная культура» и «духовность». Кризис духовности неизбежно оборачивается кризисом общественным и деградацией личности. Ибо «проблема природы и смысла общественной жизни есть... часть проблемы человеческого самосознания. Она связана с вопросом, что такое есть человек, и каково его истинное назначение» [5, 15].

Понятие культуры раскрывает сущность человеческого бытия как реализации творчества и свободы. Воспитание и образование человека не обходится без соответствующих педагогических идеалов, а политика государства – без идеологии, или политических идеалов в виде соответствующих образцов, на которые необходимо ориентироваться и к осуществлению которых следует стремиться. Культ знаний, добра, красоты и любви, справедливости, гуманизма, равенства и т. д. в данном случае предстает как основной критерий и особенность социального прогресса.

Любая идеализация как основание духовной культуры имеет внешний (объективный) и внутренний (субъективный) план. Внешний план предстает в виде тех или иных рациональных представлений о реальности; внутренний – в виде эмоциональных, ценностно-нормативных, смысловых отношений. Эти две неразрывно связанные друг с другом стороны идеализации и составляют основу духовно-культурного освоения мира, а их разрыв и противопоставление выражает основную проблему данного процесса, выражаемую в кризисе духовности.

В философии Просвещения разум предстал как сущностная характеристика человека и всей духовной культуры, в отрыве ее от веры. Разум, материализуемый в научно-техническом прогрессе, был объявлен основным источником цивилизационного развития. *Интеллектуальная парадигма развития духовной культуры* основной источник ее возникновения и развития видит в разуме человека. Возвышение человека над своей собственной природой с помощью разума одновременно является и основой парадигмы цивилизационного развития общества. Практическая реализация данной парадигмы духовного развития особенно отчетливо проявляется в панамериканизме и глобализме. Прагматизм, утилитаризм и рационализм проявляются здесь как различные стороны интеллектуальной, преимущественно теоретической и опытно-экспериментальной деятельности. Проблема человека и его духовного развития отодвигаются как бы на задний план, уступая место массовой культуре, в развитии которой определяющая роль принадлежит уже не интеллекту и нравственным качествам человека, а энергетическим носителям, информации, технике, потреблению материальной культуры.

«Определяющим вектором современного глобализационного развития общества выбрана унификация социокультурных процессов, осуществляемая на основе *вестернизации* образа жизни» [6, 15]. Формируется новый информационный порядок «на основе преобразования знаний в информационные ресурсы, которые превращаются в продукты и услуги, вызывающие разнообразные трансформации всех сфер человеческой жизнедеятельности» [7, 47].

Таковы *две парадигмы духовной культуры и две стратегии* и принципы общественного развития. Эти стратегии охватывают не только общество в целом, но и отдельные его социальные институты: образование, науку, культуру, экономику, политику, право, искусство и т.д. Например, одна из первых концепций демократического образования на основе институциональной модели была разработана Дж. Дьюи. Он выделил такую функцию школы, как развитие общества «посредством формируемых ею интеллектуальных и эмоциональных установок» [8, 131].

Концепция образования как средства развития самобытной культуры народа была предложена бывшим министром образования Испании и секретарем ЮНЕСКО Ф. М. Сарагоса в его работе: «Завтра всегда поздно».

От того, какую из этих стратегий избирает то или иное государственное образование, во многом и зависит направление развития его национальной науки, образования, искусства, всей духовной культуры, всей инновационной деятельности в стране.

Основная сложность выбора страной стратегии своего общественного развития состоит в том, что она одновременно включена в общецивилизационный процесс, руководствуясь конъюнктурой мирового рынка, международным правом, образовательными стандартами, достижениями мировой науки и т. д., являясь при этом европейским государством, имеющим свою национальную самобытную духовную культуру и государственную идеологию. Поэтому определить основные приоритеты в области развития науки, образования, искусства чрезвычайно сложно. Всем известно, например, что наука имеет интернациональный характер. Именно, исходя из этого, и строится институциональная модель общественного развития, согласно которой общество и его социальные институты в своем развитии проходят архаичный, античный, средневековый, ренессансный, просветительский, буржуазно-демократический и современный этапы, каждому из которых соответствует своя модель гражданского воспитания, свой уровень экономического развития, своя система образования. Однако интернациональность развития характерно лишь для естествознания, да и то с определенными оговорками. «Различие в методах исследования не есть случайность, а находит себе самом удовлетворение, явное изъяснение в психических особенностях народов элинского и германо-романского культурного типов» [9, 137]. По мнению Н. Я. Данилевского, можно представить целый ряд теорий, которые все носят несомненный признак отличительного характера той национальности, которая их произвела.

Н. Я. Данилевский один из первых показал, что рационализм, умственное или абстрактно-логическое познание, на котором основываются концепции глобализма, постиндустриального, информационного и т. д. общества, не является исторически неизменным, некой универсальной формой, одинаковой для всех времен и народов. Христианский рационализм и современный сциентизм, рационализм древних греков и рационализм западно-европейского просвещения различаются между собой, прежде всего той духовной основой, системой духовных ценностей, лежащих в основе мышления.

Цивилизацией Н. Я. Данилевский считал не что иное, как раскрытие начал, лежащих в особенностях духовной природы народов, составляющих культурно-исторический тип, под влиянием своеобразных внешних условий, которым они подвергаются в течение своей жизни. Она тем разнообразнее и богаче, чем разнообразнее, независимы составные элементы, т. е. народности, входящие в образование типа. Поэтому общечеловеческой цивилизации, за которую ратует концепция глобализма, по мнению Н. Я. Данилевского, не существует.

Процессу нарастания в современном цивилизационном обществе бездуховности могли бы противостоять гуманитарные науки как науки о человеке, его культуре и истории развития, образование, воспитание, искусство и идеология. Однако это, к сожалению, не происходит по той простой причине, что гуманитарная наука сегодня развивается в соответствии с теми же критериями и стандартами, что и естественная. Образование по-прежнему ориентировано здесь на основы наук, воспитание – на управленческую деятельность, целенаправленное воздействие на человека извне, а не как муки духовного самосовершенствования. Текст, как считал М.М. Бахтин – первоначальная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины. «Исходя из текста, (филология, лингвистика, литературоведение и т. д.) бредут по разным направлениям, выхватывают разнородные куски природы, общественной жизни, психики, истории, объединяя их то каузальными, то смысловыми связями, перемешивают констатации с оценками. Изучая человека, мы повсюду ищем знаки и пытаемся понять их значение. Вне диалога, сопоставления различных духовных позиций, вне проникновения во внутренний духовный мир человека немислимы не только педагогическое творчество, но и педагогическая деятельность как таковая. При этом *диалогические отношения* носят специфический характер. Они не могут быть сведены ни к чисто логическому, ни к чисто лингвистическому. В ходе коммуникативного взаимодействия возникает особая рациональность и особая истина, выраженная уже не на объективном, а на субъективном уровне. Как считает, например, известный американский психолог и психиатр Эрих Берн, «человек действует и чувствует не в соответствии с тем, каково реальное положение вещей, а с тем, каким образом он эти вещи представляет. У каждого в мозгу, считает он, есть психический образ самого себя, всего мира и окружающих людей, и человек ведет себя так, словно именно эти образы и являются реальностью» [10, 27]. Проблема духовности как основы субъективности, самодеятельности и творческой активности личности в современной педагогической практике является прямым следствием естественнонаучного подхода к образованию. Реальное бытие жизнедеятельности личности, основанное на знаковых символических системах: культуре, искусстве моделирования и проектирования новой действительности с помощью соответствующих вербальных форм и смыслов литературных, компьютерных и других текстов, иных знаковых систем заменяется здесь проверенной экспериментально теоретической моделью.

В силу этого современная национальная педагогическая наука оказалась в весьма сложном положении. В нынешний переходный период развития нашего общества сложилась социально-культурная ситуация, во многом напоминающая ситуацию первых лет становления советской власти и формирования советской образовательной системы.

К началу XX столетия исторический спор между «славянофилами» и «западниками» казался окончательно и бесповоротно разрешенным в пользу «западников». Западная Европа и США вырвались вперед в области научно-технического прогресса, значительно повысив качество жизни населения своих стран и обогнав в этом отношении все остальные страны.

В данный период, начиная с 1900 г. и приблизительно до 30-х годов, в теории социальных организаций и управления господствовало представление, которое вошло в историю как эра «замкнутой системы и рационального индивида». Двумя главными представителями теоретической позиции этой эры были М. Вебер и Ф. Тейлор. Вебер выдвинул положение, согласно которому бюрократия – порядок, устанавливаемый правилами, является самой эффективной формой человеческой организации. Американец Тейлор испытал теорию Вебера с помощью хронометража движений рабочего. Школа Вебера-Тейлора стремилась доказать, что если можно изучить и овладеть конечным сводом правил и приемов – правил, относящихся к расчленению работы и определению максимальной степени контроля, к сочетанию власти и ответственности, то важнейшие проблемы управления большими группами людей будут в большей мере решены.

Новая школа, пришедшая на смену земской школе, представлялась как массовая и централизованная школа трудовой политехнической подготовки к выполнению основных функций в системе производства и управления. Проблема творчества, развития духовности и самоуправленческих начал, которую стремилась решать до этого старая земская школа, казалась не самой главной. Предупреждение Н. А. Бердяева и других русских философов о том, что «если идти от человека вовне, то никогда нельзя дойти до смысла вещей, ибо разгадка смысла скрыта в самом человеке», казалось выражением крайнего субъективизма и религиозного догматизма [11, 293].

Образцом подлинной образованности и профессионализма все больше становилось овладение опытно-экспериментальными знаниями. Выбор был сделан в пользу рационализма Запада и отрицания духовности Востока, вопреки своей социально-культурной традиции, менталитету и географическому положению. И с этого времени под флагом научно-технического прогресса начинается постепенная духовно-нравственная деградация личности и общества, сужение и усыхание начал «внутреннего человека». «Позитивизм – как отмечал Н.А. Бердяев, – был крайним выражением стремления не только постигнуть мир внешним путем, уходящим как можно дальше от внутреннего человека, но и самого человека поставив в ряд внешних вещей мира. Но поистине, философия, которая силится отрицать исключительное значение человека в мире и отвергнуть человека как исключительный источник тайны и смысла мира, страдает внутренним противоречием и неистребляемым ее пороком»

[11, 293]. Эти же убеждения разделял и тогдашний нарком образования А. Луначарский. В ориентации лишь на технику и технологии он, как и Н. А. Бердяев, усматривал обоготворение машины и какой-то отход от художественной интуиции к инженерным приемам творчества вообще, какой-то смутной мысли и необходимости в высшей степени рациональной и интеллектуализированной канонизации всякого произведения искусства.

Можно предвидеть возражения отдельных сторонников деидеологизации, приверженцев концепции глобализма и сциентизма. Опять мол, возврат к славянофильству, локальным культурам и замкнутому социально-культурному пространству, ведущим, в конечном счете, к «железному занавесу». Все это мы уже пережили. Упреждая такую реакцию, замечу, что и сами славянофилы были далеки от идеи национальной замкнутости, которую им нередко приписывают. Сам культурно-исторический тип есть понятие, подчиненное в отношении к человечеству, и, следовательно, должен подчинять свои интересы и стремления общим интересам человечества. Связь между народами нового мира так тесна, что невозможно отделить историю одного народа от истории другого. Да и развитие науки и образования, вопреки распространенному мнению, вполне совместимо с духовным развитием человека. Общецивилизационное и локально-культурное развитие – две стороны единого процесса. Интеграция не означает социально-культурную унификацию, а формирование общеевропейского экономического и культурного пространства – исчезновение самостоятельности образующих его стран и государств и проявление специфики их духовной культуры. Как отмечал в свое время генеральный секретарь ЮНЕСКО Фридерико Майор Сарагоса, «свобода соразмерна культуре, личному суверенитету каждого. Личность сама по себе обладает безусловной ценностью, но ее конечное выражение материализуется лишь в бесконечных рамках сообщества, народа. Избежать массовой обезличенности, способствовать многообразию, выявлению индивидуальности каждого человека – только так на заре нового тысячелетия можно, в конечном счете, спастись от всех угроз, связанных с закабалением любой формой власти» [12, 12].

Пожалуй, самое ужасное, что происходит сегодня в культуре, – это механизация человека, превращение его в винтик огромного социального механизма. И это превращение не было бы возможным в отрыве от существующей системы образования. Техническое образование еще и сегодня нередко рассматривается как антипод общего образования, «...что сопровождалось растущей тенденцией противопоставлять жизнь ученика подобно противопоставлению конкретной реальности абстракции, на которую порой смотрели как на убогую форму реальности», забывая о том, что « в настоящее время общество не может быть определено как сумма результатов, обусловленных состоянием технического развития. Напротив,

теперь мы знаем, что общества выбирают различные технические и научные варианты развития в соответствии с представлениями о ценностях в соответствии с формами их социальной организации и политических систем» [13, 12].

В отличие от науки образование должно идти не по пути дифференциации, а по пути интеграции и восстановления духовной целостности человека и его духовной культуры. Прежде всего, предстоит устранить разрыв между объективной и субъективной сторонами познания, внешним (абстрактно-теоретическим) и внутренним (ценностно-нормативным) его аспектами, между функциональной и личностной подготовкой, между идеальными (концептуальными) и реальными (социально-культурными) условиями воспитания и обучения. Определенной интеграции должно подвергнуться и само предметное содержание образования. Бесконечно вводить все новые и новые дисциплины невозможно, да и не нужно. Главным результатом познания всегда является выработка метода познания и навыка его практического применения.

Возрождение социально-культурной природы образования и всей общественной жизни и требует введение в стране государственной идеологии. Именно идеология, политический и педагогический идеал желаемого будущего, та модель общества, которое мы стремимся создать, должна определять весь учебно-воспитательный процесс, начиная с детского сада. Иное дело, что выбор этой идеологии отнюдь не произволен, а неразрывно связан с идеей нации, идеей общеевропейской цивилизации и национальной самобытности страны.

• Литература

1. Печенко, М.Ф. Духовная сущность философии / М.Ф. Печенко // Духовная культура и современное общество: тезисы научной конференции. – Минск, 22–23 апреля 2003 г., Минск. – С. 7.
2. Майхрович, А.С. О субъекте духовной культуры / А.С. Майхрович // Духовная культура и современное общество. Тезисы научной конференции. – Минск, 22–23 апреля 2003 г., Минск. – С. 26.
3. Бердяев, Н.А. Царство духа и царство кесаря / Н.А. Бердяев. – М., 1995. – С. 12.
4. Крымский, С.В. Контуры духовности, новые аспекты идентификации / С.В. Крымский // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 231.
5. Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М.: Из-во «Республика», 1992. – С. 15.
6. Новиков, В.Т. Глобализация общества и кросскультурные коммуникации / В.Т. Новиков, А.А. Легчилин // Духовная культура и современное общество. Тезисы научной конференции. – Минск, 22–23 апреля 2003. – Минск. – С. 15.
7. Буслова, М.К. Стратегия и тактика перехода к новому социальному порядку / М.К. Буслова // Духовная культура и современное общество. Тезисы научной конференции. – Минск, 22–23 апреля 2003. – Минск. – С. 47.
8. Дьюи, Дж. Демократия и образование / Дж. Дьюи. – М.: Педагогика-Пресс, 2000. – С. 131.

9. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский.– М.: Книга, 1991. – С.137–138.

10. Берн, Э. Познай себя. О психиатрии и психоанализе – для всех, кто интересуется / Э. Берн; пер. с англ., – Екатеринбург: Изд-во «Литур», 2001. – С. 27.

11. Бердяев, Н.А. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – С. 293.

12. Сарагоса, Ф.М. Завтра всегда поздно / Ф.М. Сарагоса; перевод с испанского. – М.: Прогресс, 1989. – С. 12.

13. Турен, А. Упадок или трансформация университетского образования? / А. Турен // Перспективы. Вопросы образования. ЮНЕСКО, 1982. – № 1–2. – С. 43, 47.

УДК 94 (44) 1815

М. Н. Музыкаленко

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ ЛЮДОВИКА XI И ЛИГИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ФИЛИППА ДЕ КОММИНА)

В статье дана краткая характеристика «Мемуаров» Филиппа де Коммина, очевидца и участника событий. На их основе проанализирована политическая обстановка накануне войны Людовика XI и Лиги общественного блага.

Коммин начал работу над «Мемуарами» в 1489 г. по просьбе архиепископа Вьеннского Анджело Като, который намеревался составить историю царствования Людовика XI на латинском языке и обратился к Коммину, чтобы тот поделился с ним своими воспоминаниями. Сначала Коммин рассматривал свой труд именно как вспомогательный материал для заказчика. После смерти Анджело Като в 1496 г. Коммин продолжает работу над «Мемуарами» и постепенно его труд приобретает очертания «Мемуаров». Труд Коммина интересен также тем, что сам автор первоначально поддерживал Лигу общественного блага, а затем, когда ему стали понятны истинные цели Лиги, перешел на службу к королю Людовику XI и впоследствии оправдывал политику короля, прежде всего условиями, в которых рос и жил король

Обстановка, в которой воспитывался Людовик XI, оказала влияние на формирование его личностных качеств. Родился и воспитывался он в Буржском королевстве, которое в тот период считалось отсталым. Людовик с юных лет знал, как не надежна опора на феодальную знать. Он понял, что его окружают люди, для которых личные цели часто выше государственного благополучия. ЭтиМ выводам Людовик следовал всю жизнь.

После смерти отца, едва став королем и приступив к первым реформам, Людовик столкнулся с таким сопротивлением со стороны феодальной Лиги общественного блага, что едва не лишился короны и жизни. Юный король научился добиваться своей цели, лавируя и избегая

прямых столкновений. Почти не предпринимая военных действий, напротив, ведя с врагами переговоры, он разъединял их и избавлялся от них поодиночке, как правило, чужими руками. Противостояние с Лигой общественного блага позволило приобрести ценный опыт борьбы с политическими противниками.

Основной силой Лиги общественного блага был Бургундский дом, который считался одним из наиболее богатых и могущественных в Европе, а его владения охватывали, помимо герцогства Бургундского, большую часть земель, составлявших тогдашние Нидерланды, Франш-Конте и другие более мелкие сеньории.

Начало бургундскому государству было положено герцогом Филиппом Храбрым (1364–1404), братом короля Карла V. Опираясь на родство с французским королевским домом и проводя искусную матримониальную политику, он сумел присоединить к своему первоначальному владению, герцогству Бургундскому, немало других владений, и, прежде всего, богатую Фландрию. А его преемники, Жан Бесстрашный (1404–1419) и Филипп Добрый (1419–1467) с той же целью воспользовались феодальной усобицей во Франции в начале XV в. и борьбой Франции и Англии на последнем этапе Столетней войны. Бургундское государство отличалось крайней социально-экономической, политической и культурной неоднородностью. Каждая из входивших в него земель сохраняла свои старые вольности, привилегии и административное устройство, подпав под контроль лишь герцогских советников. Но герцоги, вдохновляясь примером французской монархии, постепенно насаждали в отдельных землях новые административные институты, находившиеся под их прямым руководством. Наиболее решительно политику централизации государственной власти проводил Карл Смелый (1467–1477). При нем были созданы правительственные учреждения, функции которых распространялись на отдельные комплексы владений (парламент и счетная палата в Мехелене для Нидерландов) или сразу на все владения (Большой совет и Генеральные штаты). Он ввел также фактически постоянные налоги и создал регулярную наемную армию [1, с. 3]. При его предшественниках герцогский бюджет составлялся преимущественно за счет доходов с домена, т. е. с герцогского имущества, в виде феодальной ренты в разных формах, и поступлений от осуществления публичных прав герцога как государя. Налоги с согласия сословного представительства отдельных земель вводились лишь в чрезвычайных случаях. Карл за десять лет правления выжал из подданных в виде налогов столько же денег, сколько его отец, Филипп Добрый, за сорок пять.

Главной заботой герцогов было то обстоятельство, что они не были суверенными государями и оставались вассалами французского короля в одних владениях и германского императора – в других. Переговоры Филиппа Доброго с императором Фридрихом III о возведении его

в королевское достоинство завершились безрезультатно. Не более удачными для Карла Смелого оказались и требования французского короля. Он добился от Фридриха III согласия на коронацию в Трире (1473 г.), но император накануне церемонии покинул город, оставив герцога без короны [2, с.305]. Однако Карл Смелый до конца жизни не оставлял надежды стать королем, в мечтах расширяя свое королевство до размеров королевства Лотаря, внука Карла Великого и основателя древней Лотарингии. Ради этого он предпринял завоевание герцогств Лотарингии и Бара, которые врезались в его владения и разделяли их на две части. Но, столкнувшись здесь с сопротивлением имперских городов, немецких князей и швейцарцев, коалицию которых всеми силами поддерживал французский король Людовик XI, он потерпел в 1477 г. полное поражение и погиб, а Бургундское государство распалось.

В период описываемых в «Мемуарах» Коммина событий великие герцоги Запада, как величали бургундских герцогов, пребывали в зените славы. Их двор был одним из самых блестящих и расточительных в Европе: ослепительные по красоте и изобретательности оформления придворные празднества и турниры, в подготовке которых участвовали лучшие нидерландские художники того времени, театрално-пышные приемы посольств. Коммин был поражен красотой и богатствами двора: «В это время подданные Бургундского дома были очень богаты, благодаря длительному миру и доброте своего государя, мало облагавшего их тальей, и мне кажется, что тогда их земли имели больше права называться землей обетованной, чем любые другие в мире. И мужчины и женщины тратили значительные суммы на одежду и предметы роскоши; обеды и пиры задавались самые большие и расточительные, какие я только видел.....» [1, 11]. В случае военных действий – сборы больших армий и устройство лагерей, напоминавших города и игравших яркими красками шатров и палаток, – все это создавало герцогам тот ореол величия, о воздействии которого говорит Коммин: «Я лишь поражался, что кто-то осмеливается сражаться с моим господином, поскольку считал его величайшим из всех» [1, с. 15].

Лига общественного блага была создана французской феодальной знатью во главе с герцогами Бретонским и Карлом Бургундским (наместником отца Филиппа Доброго) и выступила против централизаторской политики Людовика XI под лозунгом борьбы за общественное благо французского королевства, намереваясь ослабить власть короля или даже сместить его с престола, передав власть его младшему брату, Карлу Французскому. Душой Лиги был герцог Бургундский Карл Смелый, который использовал недовольство крупных феодальных владетелей Франции абсолютистскими тенденциями Людовика. «Я так люблю Францию, – заявлял Карл Смелый, – что предпочел бы иметь в ней шесть государей вместо одного».

Лозунги Лиги находили поддержку среди населения, поскольку политика короля вызывала определенное недовольство, добывавшего главное оружие в политической игре – деньги, повысив налоги и приказав всем церквям, церковным старостам и фабричным казначеям, капелланам больниц и лепрозориев представить под страхом конфискации точный перечень их владений: описание земель, происхождение права собственности, характер доходов. Не дожидаясь результатов переписи, ставивших церковное имущество под угрозу обложения налогом, он лишил привилегий университет, нескольких королевских чиновников, парижских арбалетчиков и лучников, отменил Прагматическую санкцию, введенную его отцом, что вызвало гнев французского духовенства. Кроме того, Людовик XI настроил против себя не только своих вассалов, желавших независимо управлять своими территориями, но и бывших чиновников своего отца. Оде д'Айди, чиновник Карла VII, лишившийся должности в 1461 г. и нашедший убежище в Бретани, вывез туда Карла Французского. Это бегство сильно напоминало измену. Людовик XI обвинил Дюнуа в пособничестве, конфисковал его поместье Божанси, однако поручил ему новую миссию в Бретани..., откуда тот так и не вернулся. Бургундия и Бретань переманили к себе и других крупных вассалов, в том числе герцога Бурбонского и графа д'Арманьяка [3, 65].

Распространилось общественное мнение, что Лига может «образумить» короля и он станет заботиться о народе. Коммин подтверждает подобное отношение к противостоянию между королем и Лигой: «Истинной причиной приезда герцога Бурбонского было стремление убедить и склонить герцога Бургундского к тому, чтобы он собрал армию. То же самое должны были сделать и другие сеньоры Франции, дабы выразить королю протест против дурного порядка и отсутствия справедливости при его правлении, и если он не пожелает исправить положения, то принудить его к этому силой. Так началась война, впоследствии названная войной за общественное благо, ибо на словах она велась во имя общественного блага королевства» [1, с. 9].

Фронде сопутствовал успех; ее армии заняли обширные территории в самом сердце королевства, не встретив сильного сопротивления. Убедившись, что ему еще не справиться с единой Фрондой, хитрый и последовательный Людовик XI прибегнул к тонкой политике. Он уступил Геную Франческо Сфорца и приобрел тем самым хитрого и ценного союзника, который и дал Людовику ценный совет: «Разделите своих врагов временно удовлетворите требования каждого из них, а затем разбейте их поодиночке, не давая им возможности объединиться» [2, 307].

В октябре 1465 г. Людовик заключил мир в Конфлане с герцогом Бургундским и особый договор с остальными союзниками в Сен-Море, которые раскрыли подлинные цели Лиги общественного блага. Во время

мирных переговоров каждый из восставших вассалов, забыв об общественном благе, хлопотал лишь о том, чтобы захватить себе большую часть добычи. «Общественное благо, как замечает Коммин, превратилось в частное благо» [1, 37]. Благодаря дальновидной политике и дипломатии короля Людовика XI было установлено политическое равновесие в Европе. Все соседи Франции – Кастилия, Арагон, Милан, Флоренция, Генуя, Савойя, Швейцария, Англия и даже далекие Венгрия и Чехия – искали союза с Людовиком.

Таким образом, «Мемуары» Филиппа де Коммина являются ценным историческим свидетельством политической борьбы французского короля Людовика XI с Лигой общественного блага.

Литература

1. Коммин, де Ф. Мемуары / Ф. де Коммин. – М.: Наука, 1986. – 496 с.
2. Остапенко, П.В. История тайной войны в Средние века. Византия и Западная Европа / П.В. Остапенко. – М.: АСТ, 2008. – 384 с.
3. Эрс, Ж. Людовик XI: Ремесло короля / Ж. Эрс. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 376 с.

УДК 101.1:316

Л. А. Парфёнова

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX В.

В статье выявляется малоизученная проблема государственного регулирования сущности процесса воспитания в европейской постпросветительской философии. Значимость государственного влияния зависит от понимания сущности личности и социальной детерминации ее деятельности. Предпринята попытка эксплицировать данную проблему на основе работ Ф. Ницше.

Степень государственного регулирования воспитательного процесса и свободы воспитания, начиная с XVIII столетия, является центральной проблемой философии образования. Должен ли быть воспитательный процесс стандартизированным и идеологически направленным или же в качестве общественного идеала предпочтительной является свобода воспитания? Должна ли система воспитания ориентироваться исключительно на государственный интерес или с необходимостью вынуждена выражать интересы всего гражданского общества? Эти вопросы были в центре внимания как английского сенсуализма, так и французского Просвещения; классической немецкой философии и русской религиозной и светской философии. Например, для Дж. Локка в качестве идеала общественного воспитания выступал образ самостоятельного господина-джентельмена. Для одного из идеологов французского

Просвещения Ж. Ж. Руссо свобода воспитания является выражением самой природы человека, игнорирование которой в виде административного и иного вмешательства оборачивается многочисленными бедствиями. Для основоположника классической немецкой философии И. Канта целью воспитания является выработка у каждого гражданина внутреннего нравственного закона, обеспечивающего его самостоятельность. Категория долга, согласно ему, относится к одним из важнейших этических составляющих моральной и духовной жизни человека. Возникновение и развитие данной категории связано, прежде всего, именно с тем, что человек не существует сам по себе, а в процессе своей жизнедеятельности подчиняется ряду правил и требований по отношению к другим людям (как к конкретно окружающим в повседневной жизни, так и к обществу в целом) и к самому себе. Поведение людей зависит от культуры и состояния среды, в которой они живут, при этом оно сопровождается рядом обязательств по отношению к окружающим.

Самостоятельность, основывающаяся на удовлетворении человеком своих естественных и социальных потребностей, явилась своеобразным философским кредо для М. Бакунина, М. Кропоткина и других русских философов-анархистов. При этом ими отрицается не только правомерность любого государственного регулирования воспитательного процесса, но и необходимость государства в целом. Будучи современником К. Маркса, М. Бакунин горячо отстаивает не только свободу воспитания, которую он выводит из общинных принципов организации общества, но и свободу жизнедеятельности в целом.

Совершенно противоположной точки зрения относительно данной проблемы придерживались К. Маркс и Ф. Ницше, для которых государственная организация – неперемное условие общественного воспитания и организации общественной жизни в целом. Оба философа отрицают свободу воли личности, но отрицают ее с позиции различных философских представлений о социальной детерминации. Они оба исходят из идеи исторической обусловленности общественного воспитания и его государственного регулирования, но понимают эту историческую обусловленность по-разному. Для К. Маркса основой этой детерминации является общественная форма удовлетворения человеком своих материальных и духовных потребностей, которая с неизбежностью предполагает исторически обусловленные формы государственного регулирования. Для Ф. Ницше необходимость государственного регулирования воспитательного процесса диктуется самим ходом развития культуры общества, выражением его основополагающих ценностей. Желание «свободы воли», желание самому нести всю без изъятия ответственность за свои поступки, сняв ее с Бога, с мира, с предков, со случая, с общества, согласно Ф. Ницше, – есть нечто иное, как желание быть той самой *causae* и с более чем мюнхаузенской смелостью

вытащить самого себя за волосы в бытие из болота. «Каждое время, – утверждал он, – имеет свой собственный божественный род наивности, измышление которой может возбудить зависть других веков...». [1, 286].

Ницше ратует за сильную государственную власть и государственное регулирование не только воспитания, но и всей общественной жизни в целом. В то же время он не сбрасывает со счетов и регулятивную функцию общины. «Что такое, в конце концов, общность? – заявляет он. – Слова суть звуковые знаки для понятий; понятия – это более или менее определенные образные знаки для часто повторяющихся и одновременно проявляющихся ощущений, целых групп ощущений. Чтобы понимать друг друга, недостаточно еще употреблять одинаковые слова, – нужно также употреблять одинаковые слова для однородных внутренних переживаний; нужно, в конце концов, иметь общий опыт общения с другими людьми. Оттого то, люди, принадлежащие к одному народу, понимают друг друга лучше, чем представители разных народов, даже когда они говорят на одном языке; или наоборот, если люди долго жили вместе при сходных условиях (климата, почвы, опасности, потребностей, работы), то из этого возникает нечто «понимающее самого себя» – народ. Во всех душах одинаковое число часто повторяющихся переживаний получает перевес над более редкими: в этой сфере люди начинают понимать друг друга все быстрее и быстрее – история языка есть история процесса сокращения – а это быстрое понимание порождает все более и более тесную взаимную связь» [1, 390–391].

Томные грезы о договорной теории происхождения государства, по мнению Ницше, отжили уже свой век. «Кто может повелевать, кто по природе является «господином», кто предстает насильником в поступках и жестах – какое ему дело до договоров! Такие существа не подотчетны, они появляются, как судьба, беспричинно, безрассудно, бесцеремонно, безоговорочно... Их дело – инстинктивное созидание форм, штамповка форм; они суть самые подневольные, самые непредумышленные художники из когда-либо существовавших – там, где они появляются, возникает в скором времени нечто новое, творение власти...» [1, 463].

Инстинкт свободы или воля к власти – вот что, по Ф. Ницше, лежит в основе государственности. Иное дело, что эта воля в различное время проявляется в различной организационной форме. Государство всегда носит исторический характер, что далеко не всегда и не всеми учитывается. Все философы, по его мнению, обладают тем общим недостатком, что они исходят из современного человека и мнят прийти к цели через анализ последнего. Непроизвольно им преподносится «человек» вообще, как некая *aeterna veritas*, как неизменное во всеобщем потоке, как надежное мерило вещей. Однако все, что философ высказывает о человеке, есть, в сущности, не что иное, как свидетельство о человеке весьма ограниченного промежутка времени. Отсутствие исторического

чувства есть наследственный недостаток всех философов; многие из них принимают даже самоновейшую форму человека, возникшую под влиянием определенных религий, иногда просто под влиянием определенных политических событий, за прочную форму, из которой следует исходить. Они не хотят усвоить того, что человек есть продукт развития, что и его познавательная способность есть продукт развития, тогда как некоторые из них хотят даже вывести весь мир из этой познавательной способности. Именно рационализм, по мнению Ф. Ницше, является основным источником заблуждений относительно проектирования воспитательных систем и регулятивной функции государства в целом. Цели государственного регулирования, согласно Ф. Ницше, следует выводить не из абстрактной теории, а из ценностей народа, как основы его самосознания.

Самосознание же немислимо вне ценностно-смыслового отношения к миру, вне осознания себя как части социально-культурного бытия, вне духовно-практического освоения мира и свободы самореализации. Оно, прежде всего, социально-культурный феномен, имеющий ценностно-нормативную, а не логико-рациональную основу, а потому трансформируется по мере трансформации самой культуры, ее смыслов и значений, а не вслед за изменением социальной структуры общества, его социальных институтов. Субъект-объектные отношения, на которых основана познавательная деятельность, не есть нечто само собой разумеющееся. Чтобы выделить себя из мира, прежде всего надо идентифицировать себя с ним, определить свое место и роль в его развитии, сделав соответствующий духовно-нравственный выбор. Чаще всего это не только не происходит вслед за изменением объективных условий, но и значительно затруднено в связи с изменением ценностных критериев. Стремление же господствовать над этими условиями за счет сознательного использования закономерностей природы в собственных прагматических целях обычно оборачивается потерей субъективности личности, превращением ее в элемент социальной системы и потерей ее самосознания. Деперсонализация человека происходит вместе с прогрессом рационалистического мышления, осознания силы власти и денег и потерей чувства внутреннего достоинства. Она во многом закрепляется существующей системой образования, ориентируемой на основы наук, исходя из представления о человеке как существе разумном уже по своей природе или как образе и подобия Бога. Однако самосознание человека как образ и подобие Бога разительно отличается от самосознания человека, определяемого его общественной значимостью и реальными социальными ролями или естественными потребностями и способностями. Оно неразрывно связано с его волей и творческими способностями, с внешним и внутренним принуждением и законодательством.

По существу Ф. Ницше в неявной форме ставит вопрос о регулятивной функции культуры. «Культура – такое отношение человека к природе, человека к самому себе, которое характеризует способ самореализации и самоопределения общественных форм деятельности как объективного процесса. Только уловив это обстоятельство, можно раскрыть технологическую функцию культуры» [2, 92].

Таким образом, именно в философии Ф. Ницше воспитательный процесс интерпретируется как целенаправленная политика государства, строящаяся на ценностях национальной культуры, а не на умозрительных моделях-идеалах, созданных философами.

Литература

1. Ницше, Ф. Сочинения в двух томах / Ф. Ницше. – Т. 2. /пер. с нем.; сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьян. – М.: Мысль, 1990. – 829 с.
2. Диалектика деятельности и культуры / отв. ред В.Г. Табачковский, А.И. Яценко. – Киев: Наукова думка, 1983. – 295 с.

УДК 32.001

В. А. Трезуб

СИСТЕМНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

После распада СССР в Беларуси и России произошла радикальная трансформация политических систем общества, проявляющаяся в смене элит, в усложнении процессов взаимодействия институтов власти и гражданского общества. Это повлекло за собой научный интерес к проблеме формирования и функционирования политических ценностей в условиях демократического транзита.

Политические и социокультурные изменения в политических системах государств постсоветского пространства требуют многостороннего аналитического исследования, построенного на научно-методологическом фундаменте.

В современной политологии общий анализ мировых процессов в целом и политической сферы жизни общества проводится в рамках системной методологии (системного подхода), которая является ведущим научным направлением.

Системная методология в исследовании задает общее видение мира в целом и мира политики в частности. Теоретические положения системной методологии, сформировавшиеся в естественных науках, закладывают основы аналитической концепции политической системы современных Беларуси и России. К тому же большинство общетеоретических (т.е. универсальных) положений системного подхода удачно коррелирует с историческими и социологическими теориями.

Фундаментом современной системной теории в первой половине XX века стали работы в области биологии Л. фон Берталанфи, социологии Т. Парсонса, управления (кибернетики) Н. Винера. В это время системный подход оформляется как междисциплинарная теория анализа объектов самой разной природы. На основе идей этих ученых строится вся «классическая» (статичная) теория систем: объектом исследования становятся не изменяющиеся (на период исследования), а стабильно функционирующие системы.

Большую работу по изучению «классического» системного подхода провели советские ученые И. Блауберг, В. Садовский, Э. Юдин.

Проанализировав множество теоретических работ по системному анализу, И. Блауберг и Э. Юдин пришли к выводу о том, что системный подход – это методология изучения системного объекта, который обладает целым рядом особенностей. Эти особенности во многом и определяют принципы системного подхода:

1. Целостность изучаемого объекта, который погружен в определенную окружающую среду и выделяется из неё. Принцип целостности предписывает на каждом этапе исследования стремиться к максимально полному охвату объекта изучения [1, 128]. Целостное восприятие объекта является фундаментом системного анализа [2, 30].

2. Наличие элементов и определенных связей между ними, которые образуют целостность и придают системе новые интегративные качества.

3. Упорядоченность элементов системы в структуре.

4. Структура представляет собой определенную иерархию уровней элементов системы.

5. Основным типом связи между структурами и уровнями являются связи управления.

6. Поведение системы характеризуется целесообразностью, поэтому одним из её свойств является самоорганизация [3, 62].

7. Снижению влияния негативных факторов из внешней среды способствует установление обратной связи между окружающей средой и системой [4, 31].

В рамках «классического» системного подхода были сформулированы понятия и категории, позволившие наглядно представить структуру изучаемого объекта, связи между его элементами. Выработанный системный язык дает возможность описать функционирование практически любого объекта, но он не объясняет причины и ход изменений в системе.

Со второй половины 1970-х наряду со статическим анализом систем предметом исследования стала и их «динамика», что выразилось в разработке методологии и методов исследования не просто сложных систем, а сложных динамических и развивающихся систем. Концептуально теоретическим источником, питающим эту тенденцию, послужили, прежде всего, идеи и методы синергетики.

По замыслу своего создателя физика и математика Г. Хакена, синергетика должна исследовать явления самоорганизации элементов в системах различной природы, так как «самые разнообразные явления самоорганизации подчиняются одним и тем же принципам» [5, 31].

В системной методологии существует два основных подхода к объяснению понятия «система», названные В. Карташевым «онтологический» и «гносеологический». Онтологическое понимание системы хронологически господствовало в науке в 1930–1970-х годах. С 1970-х годов популярным становится гносеологическое понимание системы.

Представители онтологической группы выделяют в реально существующем объекте признаки, благодаря которым этот объект можно назвать системой. Основатель общей теории систем Л. фон Берталанфи был убежден, что все наблюдаемые объекты (в том числе социальные явления) являются сложными «целостностями» – т.е. системами. [6, 32–33]

Слабостью «классического» системного подхода является стремление его сторонников наблюдать систему в «статичном» состоянии, без учета инкрементного изменения системы, отказ от принципа историзма.

Представители гносеологической группы определений (А. Уемов, В. Карташев) считают систему субъективной категорией, отражением в сознании исследователя материальных объектов. Наблюдатель формирует систему из тех объектов, которые существенно влияют на изучаемое им явление. Объекты и их отношения объективны, но выделяемая для анализа область (система) субъективна. Другими словами система – это концептуальная модель, несколько упрощенно рассматривающая объект под определенным углом зрения. Главным критерием системы здесь является не взаимосвязанность элементов, а производство «системного продукта» (у В. Карташева – «глобального эффекта»). Хотя целостность при таком понимании системы не исключается: все объекты, вовлеченные по наблюдению исследователя в производство «глобального эффекта», взаимосвязаны.

Одной из наиболее оригинальных гносеологических трактовок понятия «система» является трактовка известного немецкого социолога Н. Лумана: «система» характеризуется им «не как определенные сорта объектов, а определенное различие, а именно: различие системы и окружающей среды» [7, 29]. Основным признаком, позволяющим включать объекты в систему общества, является вовлеченность их в процесс коммуникации (передачи, обмена информации). В основу системы общества Н. Луман кладет понятие коммуникации [7, 31]. Исследователь (или любой индивид), наблюдающий общество, сам в данный момент в систему общества не входит – он наблюдатель. Наблюдатель – это уже окружающая среда системы. Индивид остается в окружающей среде (за пределами общества) до тех пор, пока не вступит в акт коммуникации.

Уязвимым местом гносеологической группы ученых является определенный субъективизм, представляющийся ее критикам чрезмерным. Следуя логике «гносеологов», государственная система, партийная система, система права «возникают» и существуют лишь в сознании наблюдателя. Вместе с тем гносеологический подход в известном смысле дисциплинирует исследователя, поскольку требует от него четких и достаточных оснований для оценки тех или иных объектов как системных. Одним из первых системный подход к исследованию общества применил Т. Парсонс. Своей главной задачей Т. Парсонс видел анализ общества как системы функционально взаимосвязанных переменных. На практике это означает, что анализ любого социального процесса производится как часть исследования некоторой системы с «сохраняющимися границами» [8, 364]. С точки зрения теории действия система есть любой устойчивый комплекс повторяющихся и взаимосвязанных социальных действий. Т. Парсонс стремился разработать правила для функционального анализа любой социальной системы, что стало причиной его «невнимания» к крупным историческим преобразованиям общества.

Развивая идеи Т. Парсонса, Д. Истон и Г. Алмонд применили системную и структурно-функциональную методологию к анализу политической сферы.

Работы этих американских обществоведов заложили основу целостного восприятия политической системы, условий её стабильности и воспроизводства. Однако указанные ученые не ставили своей целью теоретическое описание и объяснение изменяющейся общественной системы.

В концепции Д. Истона отсутствует анализ отдельных субъектов и субпроцессов в политической системе. Обосновывая необходимость внедрения системного подхода в политическую науку, Д. Истон писал: «В самое последнее время понятие системы стало привлекать особое внимание, став основанием для определенной точки зрения на вещи: от рассмотрения мельчайшей клетки человеческого тела как системы до все более крупных и емких систем – самого человеческого существа как организма, человеческой личности, малых групп и крупных учреждений, обществ и совокупности обществ, таких, как международная система» [9, 121].

Одной из причин, благоприятствовавших внедрению системного подхода, стал своеобразный «теоретический голод», ощущавшийся многими представителями политической науки. Он и послужил толчком к разработке общей теории политики. Но все же приверженцы этого подхода видели свою задачу в построении так называемых теорий «среднего уровня» или «сравнительной политической теории», призванных обеспечить переход от эмпирических данных к теоретическим обобщениям.

Симптоматично, что само понятие «политическая система» стало возможным с введением в политическую науку системного подхода. Необходимость его использования в политической науке определяется, прежде всего, многообразием и многосложностью самого мира политического. Это обуславливает то, что политология по самой своей природе – междисциплинарная наука. Она стоит как бы в точке пересечения многих социальных и гуманитарных наук.

Наиболее выпукло и обозначим междисциплинарный характер политологических исследований проявляется при системном анализе, предполагающем всестороннее изучение политических феноменов, используя методы, инструменты, системы аргументаций и т.д. других социальных, гуманитарных и отчасти естественных наук. Системный подход предполагает стандартизацию и унификацию научных понятий, систематизацию и упорядочение знаний о политических феноменах и реальностях. Поэтому германский исследователь В. Рерих справедливо связывал появление «системно-теоретических моделей» в политологии со «сциентистскими интеллектуальными импульсами». Важно отметить и то, что приверженцы системного подхода могут избрать углы зрения и, соответственно, будут отличаться и результаты их изысканий.

Так, если один из основоположников структурно-функционального подхода Т. Парсонс концентрировал внимание на взаимосвязи между структурой и функциями составных элементов социальных систем, то Д. Истон поставил своей целью анализ механизмов обратной связи между результатами политики, поддержкой большинством населения политической системы и требованиями к ней.

В системном анализе, как его понимал Г. Алмонд, выделяются понятия «вход» и «выход». На «входе» политической системы решающее значение имеют такие компоненты, как политическая социализация, вычленение и формулирование интересов, их представительство в политике, политическая коммуникация. На «выходе» мы имеем определение правил или законов, программ, политических курсов, их применение и контроль за их соблюдением. Очевидно, что системный подход позволяет анализировать политические феномены во всей их сложности и взаимопереплетенности, учитывая как социальные основания политики, так и обратное влияние последней на социальные реальности. Здесь речь идет о системном анализе, системном подходе к отношениям и взаимодействиям, о комплексе взаимодействий ролей в мире политического. Это следует особо отметить в силу того, что нередко и у нас и на Западе имеет место фактическое отождествление понятий «политическая система» и «системный подход» в политике.

Такое смещение не чуждо таким известным политологам Запада, как Д. Истон, К. Дойч, М. Дюверже и др. Однако не составляет труда доказать, что системный подход является одним из методологических направлений в

политологических исследованиях, и его никак нельзя путать с политической системой, представляющей собой реальное институциональное образование. Это разноплановые вещи, которые нельзя смешивать без существенных издержек с точки зрения качества и достоверности результатов исследования.

Большинство западных политологов подразумевают под политической системой совокупность политических взаимосвязей и отношений, существующих в каждом политическом сообществе. Чтобы не быть голословным, приведем два наиболее типичных определения. Одно из них принадлежит Д. Истону, по мнению которого «можно идентифицировать политические взаимодействия (интеракции) в обществе как его политическую систему, нежели как правительство, государство, власть или комплекс процессов принятия решений». Как считает Д. Истон, «мы можем охарактеризовать политическую систему как поведение или комплекс взаимодействий, с помощью которых достигается и осуществляется для общества властное размещение ресурсов».

По мнению же Г. Алмонда, «политическая система – это система действия». Поэтому здесь исследователь интересуется, прежде всего, эмпирически обозримыми проявлениями поведения, а также нормами или институтами в той мере, в какой они имеют касательство к этому поведению. Понятие «система» покрывает все действия, связанные с принятием политических решений. В общем, говорит Г. Алмонд, для обозначения этих действий используется понятие «политический процесс». Но в отличие от термина «процесс», который означает любое действие во времени, концепция системы подразумевает «тотальность взаимосвязанных единиц действия, взаимозависимость между ними и определенную стабильность в отношениях между ними».

Очевидно, что в обоих случаях речь идет, прежде всего, о системе отношений и взаимодействий. В центре их внимания – поведенческие стереотипы и функции.

Классики теории систем анализировали стабильно функционирующую, формально демократическую политическую систему без учета её инкрементного изменения.

Центральными понятиями в системной методологии и, соответственно, в настоящем исследовании являются понятия «стабильность» и «устойчивость».

Большинство исследователей социальных систем, включая Т. Парсонса и Д. Истона, ставили своей задачей изучение механизмов поддержания стабильности, поэтому анализировали институционально стабильные, демократические политические системы. Трансформирующаяся политическая система делает необходимым анализ и формулирование собственного понимания критериев стабильности и механизмов её формирования.

Таким образом, возникнув в естественных науках, системный подход преобразовался в междисциплинарную методологию анализа различных объектов. В развитии системных исследований можно выделить два периода: 1) доминирование проблемы равновесия, устойчивости, структуры (1940–1970-е гг.); 2) изучение проблем развития и изменения систем (с 1970–1990-е гг.).

В первый период были установлены основные характеристики системного объекта, которые дают возможность исследователю описать структуру объекта, связи между элементами и окружающей средой. Во второй период предпринимается попытка установить причины и ход процесса изменения в системе, условия её стабилизации.

Литература

1. Юдин, Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки / Э. Г. Юдин. 1978, М.: Наука. – С. 25–30.
2. Афанасьев, В.Г. Моделирование как метод исследования социальных систем / В.Г. Афанасьев // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1982, М.: Наука. – 402 с.
3. Блауберг, И.В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. 1973, М.: Наука. – 270 с.
4. Винер, Н. Кибернетика и общество / Н. Винер // пер. с англ. Е. Г. Панфилова; Общ.ред. и предисловие Э. Я. Кольмана. 1958, М.: Издательство иностранной литературы. – 199 с.
5. Хакен, Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен. 1985, М.: Мир. – 424 с.
6. Бергаланфи, Л. Общая теория систем – обзор проблем и результатов / Л. Бергаланфи // Системные исследования. Ежегодник, 1969. М.: Наука, – С. 30-54.
7. Луман, Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / под. ред. А. О. Бороноева. 1994, СПб.: Петрополис. – С. 25–42.
8. Парсонс, Т. Общий обзор / Т. Парсонс // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. 1972, М.: Прогресс.– С. 360–372.
9. Истон, Д. Новая революция в политической науке / Д. Истон // Социально-политический журнал. – 1993. – № 8. – С.115–128.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

<i>Болбас В. С.</i> Развіццё ідэй мэтавызначэння ў этыка-педагагічнай думцы Беларусі Х–ХІІІ стст.	4
<i>Болбас Г. В.</i> Тенденции и особенности развития принципа природосообразности воспитания в образовании и педагогической мысли Беларуси (XVI–XVII вв.)	9
<i>Емельянова М. В., Исмаилова Л. В.</i> Дифференцированный подход к профессиональной подготовке будущего педагога.....	14
<i>Кит Г. Г.</i> Потенциал исследовательской технологии в обучении младших школьников	20
<i>Кунгер С. В.</i> Принципы этнокультурного подхода к образованию	27
<i>Мастич Т. В.</i> Самопознание как философская проблема	31
<i>Присяжнюк Л. А.</i> Подготовка будущих воспитателей дошкольных учреждений к формированию у детей астрономических представлений.....	37
<i>Тарасенко Г. С.</i> Экологизация восприятия природы будущими учителями в контексте идей гештальтпсихологии	44
<i>Трегуб Н. В.</i> Ценностно-нормативный аспект проблемы взаимодействия педагога и родителя.....	50
<i>Чечко Т. Н.</i> К проблеме формирования ключевых академических компетенций будущих учителей-филологов.....	55
<i>Щербин М. М.</i> Актуализация этнокультурных особенностей белорусов в системе современного патриотического воспитания.....	60

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ахраменко П. Е.</i> Функционирование глагольных безличных предложений в составе разных типов бессоюзных построений	66
<i>Барысенка Н. А.</i> Назвы прадстаўнікоў расійскай арміі ХVІІ–ХІХ стст. у сучаснай беларускай гістарычнай прозе.....	71
<i>Боженко Л. Н., Горбачук В. И.</i> Особенности представления героического в повести Н.В. Гоголя «Вий»	75
<i>Гриб Ж. В., Дуброва А. В.</i> Особенности немецкой и английской научно-технической терминологии.....	82
<i>Жураўлёва С. І.</i> Парцэляваныя канструкцыі ў мове твораў І. Навуменкі.....	89

<i>Жураўская Л. В., Вяргун А.В.</i> Структурна-семантычныя асаблівасці айконімаў і мікратапонімаў вёскі Хатынічы Ганцавіцкага раёна Брэсцкай вобласці	96
<i>Канцавая М. У.</i> Айконімы ў “Палескай хроніцы” Івана Мележа.....	101
<i>Кузьмич В. В.</i> Развитие семантики прилагательных в русском языке XVIII века.....	105
<i>Кураш С. Б.</i> От «текста лингвистического» к «тексту глобальному» (по материалам международных научных конференций по проблемам текста, проведённых кафедрой русского языка с 2001 по 2013 гг.)	110
<i>Мазуркевіч Л. М.</i> Структурна-семантычныя тыпы звароткаў і спосабы іх выражэння ў мове паэтычных твораў Н. Гілевіча.....	114
<i>Макарэвіч М. М.</i> Назвы рыб у лексіцы народных гаворак	119
<i>Прахарэнка Л. В.</i> Варыянты перакладу вобразна-метафарычных сродкаў А. Пушкіна на беларускую мову.....	123
<i>Сергушкова О. В.</i> Роль сегментированных конструкций в актуальном членении.....	130
<i>Сидорец В. С.</i> К проблеме реализации вербоидами аспектуально-акционсартной и залоговой семантики в художественном тексте	136
<i>Татарінова Т. И., Панкратова М. Н.</i> Индивидуально-авторское осмысление концепта «любовь» в лирике М. Цветаевой	143
<i>Трубкіна Т. В.</i> Семантыка-культуралагічны кампанент фразеалагізмаў з колеранайманнем белы ў народна-дыялектнай мове	148
<i>Шур В.В., Скрабейка Н. І.</i> Спосабы ўвядзення анамастычных адзінак у мастацкі тэкст (на матэрыяле нарыса Уладзіміра Караткевіча “Замля пад белымі крыламі”)	151

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Вераксич И. Ю.</i> Романтический герой Ф.С. Фицджеральда.....	156
<i>Дашкевіч Г. М.</i> Мастацкія пошукі і адкрыцці ў паэзіі Алеся Разанава 70-х гадоў	160
<i>Друк Г. М.</i> Спецыфіка выяўлення вобраза творцы ў рамане “Крыж міласэрнасці” В. Коўтун	169
<i>Каўшар В. Р.</i> Мастацкае ўвасабленне постацей беларускіх жывапісцаў В. Карамазавым-эсэістам.....	175
<i>Кошман П. Р.</i> Мастацкія пошукі нацыянальнага героя ў літаратуры Беларусі XIX стагоддзя.....	180
<i>Кунгер Н. М.</i> Медытатыўнасць паэзіі Анатоля Сербантовіча	185
<i>Лобан М. Г.</i> Литературоведческая имагология Милана Кундеры в романе «Бессмертие»	192
<i>Милаш Г. А.</i> Философско-эстетическая триада И. Бродского: язык – время – пространство	196

<i>Навіцкая В. В.</i> Уладзімір Караткевіч: на хвалі даверу да нацыянальнай гісторыі і ўласнага таленту	201
<i>Нуждзіна Т. С.</i> “Толькі культура працуе на дух”: эсэістычны досвед Янкі Сіпакова.....	206
<i>Судибор И. Л.</i> «Пускай историю страстей и дел моих хранят далёкие потомки»: Творческие и духовные искания М.Ю. Лермонтова	215
<i>Сузько А. У.</i> Спецыфіка эсэістычнай рэканструкцыі вобраза паэта ў кнізе В. Куляшовай “Лясному рэху праўду раскажу.....	220
<i>Сузько А. У., Яраш Т. Л.</i> Зімовая каляндарная абраднасць беларусаў як сродак павышэння мовазнаўчай і культуралагічнай кампетэнцыі вучняў 6 класа.....	227
<i>Хаменка Н. В.</i> Постаці беларускай гісторыі ў творах Л. Дайнекі.....	234
<i>Шаўчэнка В. П.; Шаўчэнка М. М.</i> Фарміраванне гістарычнай памяці на ўроках беларускай мовы і літаратуры ў сярэдняй агульнаадукацыйнай школе	237
<i>Шынкарэнка В. К.</i> “Святлом радзімы й слова ратавацца...”: адметнасць творчай індывідуальнасці В. Ярца.....	244

ИСТОРИЯ. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

<i>Барсук А. Я.</i> Да гісторыі Мазырскай рымска-каталіцкай парафіі ў канцы XIX – пачатку XX стст.	253
<i>Гавриловец Л. В.</i> Владислав Гомулка: от рабочего-самоучки до Первого секретаря ПОРП	258
<i>Кур’ян З. С.</i> Падзеі Вялікай Айчыннай вайны на Мазыршчыне па старонках ваеннага друку.....	265
<i>Левко А. И.</i> Духовно-культурное освоение мира и его роль в общественном развитии.....	269
<i>Музыченко М. Н.</i> Политическая ситуация во Франции накануне войны Людовика XI и Лиги Общественного Блага (по воспоминаниям Филиппа Де Коммина)	279
<i>Парфёнова Л. А.</i> Историко-философский анализ проблемы государственного регулирования воспитательного процесса в европейской философии XIX века	283
<i>Трегуб В. А.</i> Системный метод исследования политической системы общества.....	287